Посвящается
грядущему 1100-летнему юбилею
Аланской Церкви
(914–2014)

Д.В. Белецкий, А.Ю. Виноградов

Нижний Архыз и Сенты – древнейшие храмы России.

Проблемы христианского искусства Алании и Кавказа

МОСКВА «ИНДРИК» 2011

УДК 72/76
ББК 85.1

В 49

Издание подготовлено и осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 10-04-16172д)

Виноградов А.Ю., Белецкий Д.В.

Нижний Архыз и Сенты: древнейшие храмы России. Проблемы христианского искусства Алании и Северо-западного Кавказа. — М.: «Индрик», 2011. — 392 с., илл

ISBN 978-5-91674-127-8

Книга посвящена самым древним сохранившимся храмам на территории России.

Фотографии без указания авторов или места архивного хранения выполнены Р.В. Новиковым в 2008 г.

© Виноградов А.Ю., Белецкий Д.В., Текст, 2011
© Издательство «Индрик», оформление, 2011

Оглавление

Предисловие 9

I. История христианской Алании 15

I.1. Христианство у алан до X века 15
I.2. Крещение алан в начале X века 19
I.3. Международная политика христианской Алании до середины X века 32
I.4. История аланского христианства во 2-й половине X века 38
I.5. Алания в XI веке 48
I.6. Алания в XII веке 58

II. Средний Зеленчукский храм 67

II.1. Строительная история 67
II.1.A. План и конструкция 70
II.1.B. Отдельные архитектурные формы 74
II.1.C. Строительная техника 99
II.1.D. Строительная керамика 101
II.1.E. Строительные швы 104
II.1.F. Этапы строительства 116
II.1.G. Объемно-пространственная композиция 119
II.2 Генезис форм 124
II.2.A. План 124
II.2.A.a. Первый этап 125
II.2.A.b. Второй этап 126
II.2.B. Конструктивные приемы и пространственные решения 132
II.2.B.a. Входы и арки на стенах 132
II.2.B.b. Ступенчатые подпружные арки 135
II.2.B.c Ступенчатый цоколь и притворы 140
II.2.B.d. Форма опор и упрощение плана 142
II.2.C. Происхождение мастеров 145
II.3 Декорация 151
II.3.A. Сохранность 151
II.3.B. Техника 156
II.3.C. Система росписи 157
II.3.C.a Центральная апсида 157
II.3.C.b Подпружные арки 159
II.3.C.c. Протесис 159
II.3.C.d. Юго-восточный придел 160
II.3.C.e. Северная стена 161
II.3.C.f. Южная стена 162

II.3.C.g Западные стены боковых ветвей креста, предалтарные столбы 164
II.3.C.h Западный рукав 165
II.3.C.h.i Св. всадники 165
II.3.C.h.ii. Святые 167
II.3.C.i Орнаменты 168
II.3.C.j. Сцены 168
II.3.D Программа росписи 169
II.3.E. Стиль и датировка 172
II.4. Функция 173

III. Сентинский храм 179

III.1. Архитектура 179
III.1.A План и конструкция 189
III.1.B. Проемы и притворы 200
III.1.C. Декорация и литургические устройства 203
III.1.D. Объемно-пространственная композиция 208
III.1.E. Генезис форм 210
III.2. Фрески 211
III.2.A Первый этап 212
III.2.B. Второй этап 214
III.2.C. Третий этап 215
III.2.D. Четвертый этап 217
III.2.D.a. Барабан 217
III.2.D.b. Апсида 218
III.2.D.c. Верхний регистр наоса 224
III.2.D.d. Нижний регистр наоса 228
III.2.D.e. Орнаменты 231
III.2.D.f. Фасадная роспись 232
III.2.D.g. Стиль и иконография 233
III.2.E. Датировка 237
III.3. Надписи 240
III.3.A. Строительная надпись 965 года 241
III.3.B. Надписи охрой 245
III.3.B.a. Перечень имен 245
III.3.B.b. Прошение Герасима, Евдокии и Марии 246
III.3.B.c. Прошение неизвестных 246
III.3.B.d. Перечень имен 246
III.3.C. Граффити 246
III.3.C.a. Прошения неизвестных 246
III.3.C.b. Прошение Николая и Михаила 246
III.3.C.c. Подпись к изображению 247
III.3.C.d. Прошение анонима 247
III.3.C.e. Прошение Марка (?) и Феодора 247
III.3.C.f. Прошение Марии и Елизаветы 247
III.3.C.g. Прошения Марии, Леонтия и других 247

III.3.C.h. Прошение анонима ... 248
III.3.C.i. Памятная надпись пресвитеров Андрея и Иакова ... 248
III.3.C.j. Перечень имен ... 248
III.3.C.k. Прошение неизвестного клирика ... 248
III.3.C.l. Incertum ... 249
III.3.C.m. Перечень имен ... 249
III.3.C.n. Прошение анонима ... 249
III.3.C.o Перечень имен ... 249
III.3.C.p Подпись к изображению ... 249
III.3.D. Другие надписи ... 254

IV. Искусство христианской Алании ... 255

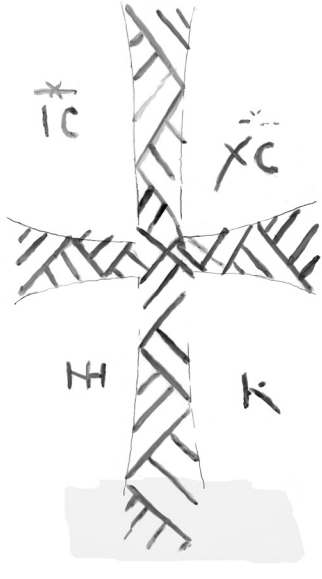
IV.1. Зальные (однонефные) храмы ... 258
IV.1.A. Зальные храмы с полукруглой апсидой, выраженной снаружи ... 258
IV.1.A.a. Дзивгис ... 260
IV.1.A.б. Верхний Джулат ... 263
IV.1.B. Зальные храмы с полукруглой апсидой, не выраженной снаружи ... 268
IV.1.C. Зальные храмы с прямоугольной внутри и снаружи алтарной частью ... 272
IV.2. Базилики ... 283
IV.3. Крестообразные храмы ... 286
IV.4. Храмы типа компактно вписанного креста ... 287
IV.4.A. Северный Зеленчукский храм ... 288
IV.4.B. Шоанинский храм ... 294
IV.4.C. Южный храм ... 300
IV.5. Изобразительное искусство ... 307

Вместо заключения ... 327

Приложение ... 329

1. Отчет П. Струкова о поездке в Крым и Северный Кавказ ... 329
2. Древне-христианские храмы и св. Александро-Афонский Зеленчукский монастырь в Зеленчукском ущелье Кавказского хребта Кубанской области Баталпашинского уезда ... 331

Список использованных архивных материалов ... 333
Библиография ... 335
Список сокращений ... 347
Сведения об авторах ... 348
Summary ... 349



[*Шоанинский храм. Крест на южной стене северной апсиды. Калька Д. В. Белецкого и И. Г. Волконской. 2010 г.*]

Предисловие

Какой храм самый древний в России? На этот вопрос нелегко ответить даже специалисту. Если говорить о собственно русских храмах, то древнейший из них на территории России — Новгородская Св. София (сер. XI в.). Вообще же христианство в пределах современной Российской Федерации появляется впервые в Северо-Восточном Причерноморье, где две епископии: Фанагорийская и Зихийская, известны с VI в., а также у кавказских албанцев на территории современного Дагестана, однако все храмы в этих областях находятся в археологическом состоянии, иначе говоря — в развалинах[1]. Высказывалось предположение, что албанскими храмами VI века могли быть нынешняя Большая мечеть Дербента в Дагестане и «крестообразное центральнокупольное сооружение» на цитадели того же города[2], но это не более чем догадка. Есть версия, что к довольно раннему периоду (VIII–X вв.?) относится и храм Тхаба-Ерды в Ингушетии, но он неоднократно перестраивался и в современном виде вряд ли старше XV века[3].

Поэтому, на наш взгляд, как о древнейших в России следует говорить о храмах Алании, в изначальной церковной принадлежности которых (в отличие от той же дербентской мечети) сомнений нет. Пять из них сохранились целиком; кроме того, одна из этих построек имеет точную дату освящения — 965 год, а другие были сооружены в пределах X–XI веков. О двух из этих храмов и пойдет речь в нашей книге: Среднем Зеленчукском в Нижнем Архызе, на наш взгляд, самом раннем и важном в Алании, и Сентинском, том самом единственном датированном, который сохранил четыре (!) слоя уникальных фресок, также самых древних в России. Рассказ о них предваряет историческое введение, где рассматриваются судьбы аланского христианства в период его расцвета в X-XII веках. В заключение же речь пойдет и о других аланских (и, отчасти шире, северокавказских) храмах, как крестовокупольных (Северном и Южном Зеленчукских и Шоанинском), так и базиликальных, зальных и прочих.

[1 Например, на Верхнечирюртовском городище в Дагестане исследованы остатки четырех храмов, относящихся к VI–VII вв. (см.: *Магомедов М.Г.* Раннесредневековые церкви Верхнего Чирюрта // СА, 1979. № 3; Он же. Образование Хазарского каганата. М. 1983. С. 155 и далее; Он же. Новые раннесредневековые памятники в приморском Дагестане // Обряды и культы древнего и средневекового населения Дагестана. Сборник статей. Махачкала, 1986).

2 *Кудрявцев А.А.* Дербент как раннехристианский центр Кавказа // XXIII (XXIV) Крупновские чтения. Тезисы докладов. М., 2004. С. 108–111.

3 *Белецкий Д.В., Казарян А.Ю.* Тхаба-Ерды. Предварительные результаты нового исследования храма в Ингушетии // АН. М., 2008. Вып. 50.]

Задача настоящей книги — познакомить отечественного читателя с малоизвестными шедеврами аланской архитектуры и живописи. Но одновременно это и призыв о помощи! Состояние аланских памятников вызывало тревогу уже у самых первых их исследователей. Еще в конце XIX в. художник И.А. Владимиров, описывая остатки замечательных росписей Сентинского храма, отмечал, что «туземцы окончательно погубили эти некогда прекрасные образцы византийской церковной живописи»[4]. О том, что укрепление живописи в этом памятнике «необходимо производить не мешкая, летом *текущего* года», указывалось почти столетие спустя, в 1976 году, причем писавшие об этом реставраторы с тревогой отмечали, что «если не принять срочных мер по охране, то храм будет непоправимо изгажен в течение одного туристического сезона»[5].

Однако и сейчас уникальный Сентинский храм стоит без окон и дверей, открытый всем ветрам и вандалам. Порой находишь там кучи навоза, оставленные пасущимися коровами; пол храма разбит искателями мнимых сокровищ; на стенах множество надписей, которые местные жители оставляют, например, уходя в армию. Один из них сам рассказывал нам, как в школьные годы решил «подновить» угасшие фрески: взял краску и нарисовал святому глаза, нос, рот и нимб, а затем, убедившись в своей неудаче, приписал: «Не могу. Сайды». Надпись эта видна и по сей день, а вот лик святого — нет. Большая часть фресок храма безнадежно утрачена, в т.ч. и многие из тех, которые были видны еще в конце XIX века: так погибла верхняя половина древнейшего в мире фрескового образа Богоматери Знамение (кон. X — 1-я пол. XI в.). Уникальные росписи конца XI столетия были написаны в свое время по старой штукатурке «сухим» способом и теперь просто облетают со стен. Сравнивая нынешнее состояние интерьера Сентинского храма с фотографиями 1980-х годов, приходится с грустью констатировать утрату большей части живописи на его стенах. При этом нет гарантии, что в скором времени не погибнет и оставшаяся. Памятник требует срочных консервационных работ, если только мы не хотим окончательно потерять древнейшую датированную церковь и древнейшие фрески России.

В Шоанинском храме в 2007 и 2008 годах силами местных жителей был проведен ремонт (с благородной, в общем-то, целью спасти храм), однако без всякого участия профессиональных реставраторов. Во время этих работ была сбита поздняя штукатурка, и из-под нее открылись остатки древней обмазки со следами орнаментальных росписей и многочисленными граффити, но сколько их при этом погибло, никто не знает.

Храмы Нижнего Архыза отреставрированы и находятся вроде бы в более благополучном состоянии, но отмеченные реставраторами в 1985 году остатки

[4 *Владимиров И.А.* Древний христианский храм близ аула Сенты в Кубанской области // ИАК. Вып. 4. СПб., 1904. С. 12.

5 Институт «Спецпроектреставрация». Ф. 41. Д. 180. Л. 19, 26 (мы пользовались экземплярами материалов обследований и проектов архитектурной реставрации храмов Алании, хранящимися в Карачаево-Черкесском историко-культурном и природном музее-заповеднике и любезно предоставленными нам У.Ю. Элькановым)]

фресок в западной ветви Среднего храма (там, где должны были находиться фигуры святых всадников) уже не существуют — вероятно, они были просто сбиты при недавнем приведении памятника в «благопристойный» вид. Два уцелевших в этом храме фрагмента росписи, в т.ч. уникальное, четырехметровой высоты изображение свв. Константина и Елены с крестом, нуждаются в срочном укреплении.

Три десятилетия назад В.А. Кузнецов отметил «парадоксальный факт», что фрески церкви в селении Нузал в Северной Осетии (т.н. Нузальской часовни), «не подвергались изучению и публикации[6]». Эта роспись является выдающимся, но, в общем-то, не уникальным произведением XIV века. Поэтому полное безразличие к живописи Архыза, Сентов и Шоаны, которая почти на полтысячелетия древнее нузальской и превосходит ее по значимости, является гораздо более парадоксальным фактом[7].

Музейные сотрудники в меру своих сил охраняют эти сокровища, однако финансовые возможности музея, увы, скудны. Но, в первую очередь, мы хотели бы поблагодарить именно работников Карачаево-Черкесского историко-культурного и природного музея-заповедника и лично его директора У.Ю. Эльканова. Огромная признательность директору РГУ «Наследие Алании» Л.Р. Габоевой и сотрудникам возглавляемой ей организации, на протяжении долгого времени оказывающим нам всестороннюю помощь в исследовании памятников Центрального Кавказа. Большое спасибо сотрудникам Рукописного и Фотографического архивов Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург) и специально — их руководительнице Г.В. Длужневской, а также директору Межобластного научно-реставрационного художественного управления при министерстве культуры Российской федерации С.В. Филатову. Мы благодарим также И.А. Аржанцеву, В.И. Белецкого, Т.А. Виноградову, Е.Р. Габоеву, А.Ю. Казаряна, А.А. Карпухина, Д. С. Коробова, Л.Д. Мазур, Л.А. Перфильеву, О.С. Попову, А.С. Преображенского, В.Д. Сарабьянова, И.Л. Чумака, Х.У. Эльканова, безвременно ушедшего от нас А.И. Комеча и всех наших коллег, которые помогали нам советами и материалами.

Но прежде чем начать наше повествование, следует сделать три оговорки. Во-первых, каждый, кто сталкивался с кавказской проблематикой, хорошо знает, как тесно и опасно здесь переплетаются национальные, географические

[6 *Кузнецов В.А.* Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977. С. 134, 147.

7 Особый и очень болезненный вопрос для Северного Кавказа — это повальное ограбление древних могильников. За насколько лет нашего знакомства с Сентинским храмом он дважды полностью перекапывался изнутри (хотя уже был тщательно обследован археологами). Каждый год вокруг храма мы отмечаем новые грабительские ямы. Проблема «черной археологии» стояла уже в XIX веке, и она инициировала, кстати, раскопки на нескольких объектах, давших классические для кавказской археологии предметы (Белоречье, Махческ и др.). В настоящее время ограбление древних захоронений проводится на более высоком уровне, и этот вопрос периодически поднимается на научных конференциях и в печати. Однако «воз и ныне там»...]

и современные политические обозначения. Так, например, в книги об архитектуре Армении включаются иногда только памятники на территории современной Республики Армения. В других случаях, наоборот, все памятники на территории той или иной области объявляются принадлежащими к национальной архитектурной школе, как, в частности, на Северном Кавказе (и не только на Северном) типично грузинские храмы часто называются аланскими или византийскими. К тому же многие термины способны легко ввести в заблуждение: одно дело, когда речь идет, например, о грузинском зодчестве XI-XIV веков, и совсем другое — VIII-X столетий, когда единой Грузии как таковой не было, а существовали отдельные царства и княжества: Картли, Абхазия, Тао, со своими локальными строительными школами. Однако и полностью отказаться от таких национальных обозначений невозможно, ибо государства средневекового Каказа в большинстве своем были национальными. Поэтому мы в своей книге постараемся очень осторожно обращаться с данной терминологией: под кавказской архитектурой мы понимаем совокупность архитектурных школ Северного Кавказа и Закавказья, под грузинской — архитектуру единой Грузии (после 1000 года) или общие явления в ее регионах эпохи раздробленности, под восточногрузинской — архитектуру Картли и Кахетии (исключая расположенные на территории последней албанские памятники), под абхазской — архитектуру северной части Абхазского царства (к северу от Мокви) в отличие от южной его части, где расцветала не похожая на абхазскую архитектура, которую вернее называть западногрузинской. Кроме того, осознавая сходство в архитектуре Тао (Тайка) и Кларджетии, мы избегаем распространенного термина Тао-Кларджетия, потому что такого политического объединения никогда не существовало, а многие т.н. тао-кларджетские памятники вообще находятся на территории сопредельных областей (например, Шавшети). В вопросе о национальной принадлежности такого рода регионов мы предпочитаем пользоваться наиболее корректным термином «контактная зона» (в данном случае — грузино-армянская). Государственные границы прошлого не всегда совпадают с нынешними, и потому непозволительно использовать искусство Кавказа как аргумент в политических баталиях.

Во-вторых, наши выводы не претендуют на то, чтобы быть окончательными: слишком многое еще не найдено, не раскопано, не отреставрировано. К тому же, чем дальше мы уходим от самих памятников в глубины истории восточнохристианской архитектуры, тем зыбче наши предположения. Однако такой анализ — другая и не менее важная задача нашей книги. Мы попытаемся показать, какое место аланское церковное зодчество занимает в общей картине восточнохристианской архитектуры на рубеже тысячелетий. Дело в том, что храмовое строительство Алании развивалось в уникальных условиях. С одной стороны, после т.н. переходного периода VII-IX веков, через который прошла византийская и кавказская архитектура, наступает период расцвета новых форм: средневизантийского крестовокупольного храма, зодчества Анийского царства, Тао и Кларджетии, средневековой абхазской архитектуры, чуть позже — больших соборов объединенной Грузии. С другой стороны, несмотря на свое географическое положение на самой периферии восточнохристианского мира, Алания не оказалась отрезанной от «ойкумены», в т.ч. и в архитектурном

аспекте: в момент становления аланского храмоздания ее южные и западные соседи не представляли собой ни политического, ни архитектурного единства. Таким образом, Алания взаимодействовала с несколькими локальными архитектурными школами: западно- и восточногрузинской, «тао-кларджетской» и абхазской, причем последней, как пуповиной, она была связана и с Византией. Как пройти по этому узкому пути, от плода восточнохристианской архитектуры на аланской почве до его истоков, — этому и посвящена наша книга.

Наконец, еще одно предостережение. Составляя настоящую книгу, мы сознательно старались удержаться в рамках того научного направления, которое — иногда несколько пренебрежительно[8] — называют архитектурно-археологическим. Мы отлично осознаем, что исследование архитектуры памятника не сводится к одному лишь описанию его материальной составляющей (см. II.1.G), однако попытка вычитать из нее то, с какими эстетическими критериями подходили к храму аланские строители, выглядела бы совершенно безосновательной, прежде всего в силу отсутствия каких бы то ни было свидетельств[9]. То же самое относится и к попыткам истолковать церковную архитектуру как носительницу «сакрального модуля»[10], тем более что на аланской (и вообще северокавказской) почве последний не имеет никаких докумен-

[8 *Седов В.В.* Килисе Джами: столичная архитектура Византии. М., 2008. С. 8.

9 Весьма наивными выглядят такие попытки зачастую даже в отношении византийской архитектуры, особенно у тех исследователей, которые не владеют языком первоисточника. Так, ставшие уже чуть ли не хрестоматийными рассуждения про визуальное «вращение» округлых объемов в византийском храме (см., например: *Седов В.В.* Указ. соч. С. 73-94) абсолютно не учитывают продолжительную историю греческих терминов κύκλος и κυλίνδω (LSJ, s.v.), связанных с окружностью, которые к византийскому времени утратили уже свое этимологическое значение и приобрели характер технических терминов для обозначения различного рода окружностей — даже если речь в источниках и идет про «вращение», то следует вначале разобраться, о каком процессе здесь может идти речь (например, о движении солнечных лучей по барабану купола), прежде чем приписывать византийским авторам свои эстетические оценки. Кроме того, изучение описаний архитектурных памятников в византийской литературе не сводится лишь к сопоставлению текста с реальной постройкой, но предполагает и учет контекста описания: так определение величины и масштаба здания у Михаила Пселла тесно связано с оценкой его заказчика — поэтому грандиозность размеров храма Св. Георгия в Манганах у византийского историка следует объяснять не его неумением сопоставить его масштаб со Св. Софией Константинопольской (*Комеч А.И.* Архитектура конца X — начала XI века // История русского искусства. М., 2008. Т. 1. С. 122. Прим. 64), но с желанием сильнее подчеркнуть негативный характер расходов на строительство, а точнее — на двукратную перестройку большой церкви. Равным образом недопустима замена реального архитектурного анализа памятника на безответственное цитирование древних авторов (см., например: *Хрушкова Л.Г.* Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья. М., 2002. С. 110).

10 См., например: *Пищулина В.В.* Христианское храмовое зодчество Северного Кавказа периода средневековья. Ростов-на-Дону, 2006.]

тальных подтверждений. Может быть, без эстетических восторгов и глубокомысленных модуляров книга об аланской архитектуре кому-то и покажется скучной, однако наша цель — дать читателю объективный научный материал и, тем самым, основу для дальнейших исследований[11].

[11 Отдельно следует оговорить систему перекрестных ссылок в книге; все ссылки на ее подразделы даются по их номерам; ссылка на более крупный раздел отсылает к его вводному тексту (т.е. ссылка «см. **II.2.A» отсылает к двум вводным параграфам, а не к под**разделам II.2.A.a и II.2.A.b), а в случае его отсутствия — ко всему разделу; ссылки «см. выше» и «см. ниже» отсылают к тексту того же подраздела; ссылки на полях — к цветным таблицам в конце книги. Схема расположения памятников Северного Кавказа размещена на форзаце]

I История христианской Алании[1]

I.1. Христианство у алан до X века

Легендарное свидетельство о первой встрече Алании с христианством — о посещении этой страны св. Андреем Первозванным, восходит к житию апостола, составленному Епифанием Монахом вскоре после 815 года[2]. Через Аланию апостол проходит во время своего третьего миссионерского путешествия, охватившего весь Западный Кавказ: «Спустились в Иверию и к Фасису, а через несколько дней — в Сусанию [т.е. Сванию]. Мужчины у этого народа управлялись тогда женщинами, а поскольку женскую природу легко убедить, то они быстро послушались. Затем пришли в крепость Химар, где сегодня место упокоения многострадального Максима. В этих странах остался Матфий с учениками, творя множество чудес. А Симон и Андрей отправились в Аланию и в город Фусту. И сотворив множество чудес и многих наставив, отправились в Авасгию. Придя в Севастополь Великий, они учили слову Божьему, и многие приняли его. А Андрей, оставив там Симона с учениками, сам поднялся в Зихию. Жестоки эти люди, варвары и поныне наполовину неверующие: они даже хотели убить Андрея [и убили бы], если бы не увидели его нестяжание, кротость и подвижничество. Наконец, оставив их, он отправился к верхним сугдаям. Эти люди, послушные и кроткие, с радостью приняли слово»[3].

Как мы видим, Алания и Фуста стоят на пути апостола из Сванетии и Химара в Авасгию-Абхазию. Епифаний Монах, собиравший сведения об Андрее Первозванном по берегам Черного моря, зачастую выстраивал маршрут апостола по образцу своего собственного путешествия[4]. Из трех

[1 Настоящая глава представляет собой дополненный и переработанный вариант статьи: *Виноградов А.Ю.* Очерк истории аланского христианства в X-XII вв. // KANIΣKION. Юбилейный сборник в честь 60-летия профессора Игоря Сергеевича Чичурова. М., 2006. С. 102–155. В предлагаемой книге мы обходим стороной вопрос этнической принадлежности алан. Об этой проблеме см.: *Шнирельман В.А.* Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М., 2007 (там же и обширная литература).

2 Греческие предания о св. ап. Андрее. Т. 1. Жития / Изд. А. Виноградов. СПб., 2005. С. 40–41 [Библиотека «Христианского Востока», 3].

3 Там же. С. 313.

4 Там же. С. 39.]

предложенных в науке локализаций Химара[5]: Хумаринское городище в долине Кубани (совр. Карачаево-Черкесия), крепость Таквери в среднем течении Риони и Цхенис-Цкали (Западная Грузия) и крепость Сгимар в долине Сакена (Южная Абхазия), свидетельство Епифания Монаха говорит в пользу скорее именно последней. В самом же Химаре Епифаний, большой почитатель различных святынь, был лично, что подтверждают слова «крепость Химар, где *сегодня* место упокоения многострадального Максима»: вряд ли мы имеем здесь дело с заимствованием, ибо никаких других свидетельств о местонахождении мощей прп. Максима Исповедника от VIII-IX веков не сохранилось. Следовательно, Епифаний не просто представлял себе таким путь из Химара в Авасгию, а, скорее всего, сам прошел им через Аланию и Фусту. Интересно, что позднее в Алании существовал культ апостола, сложившийся, видимо, под воздействием этого предания: В. Зайбт[6] опубликовал печать Росмика, известного аланского эксусиократора конца XII века, с изображением Андрея Первозванного на аверсе, который был, по мнению С.Н. Малахова[7], небесным покровителем правителя. Такое включение Алании в маршрут Первозванного апостола может быть неслучайным и свидетельствовать о каких-то следах христианства здесь в 815–820 годах, когда Епифаний путешествовал по Кавказу.

Возможно, это были следы прежних соприкосновений алан с теми или иными христианскими культурами. Одно из свидетельств о них, очевидно, такое же легендарное — сообщение арабской версии армянского историка Агафангела (V в.) о крещении свт. Григорием Просветителем аланского князя[8]. Более правдоподобным выглядит рассказ о мученической смерти крещеных алан от руки их соотечественников из «Мученичества Воскеянов» и «Мученичества Сукиасянов» (V в.)[9]. Действительно, некоторые аланы, покинув

[5 См.: *Кузнецов В.А.* Христианство на Северном Кавказе до XV в. Владикавказ, 2002. С. 31 (переработанное переиздание: Пятигорск, 2007).

6 *Seibt W.* Die byzantinische Bleisiegel in Österreich. 1. Teil. Kaiserhof. Wien, 1978. Bd. II, 1. S. 311–312. № 170; *Idem.* Metropoliten und Herrscher der Alanen auf byzantinischen Siegeln des 10.–12. Jahrhunderts // Сфрагистика и история культуры. СПб., 2004. С. 50–59.

7 *Малахов С.Н.* Алано-византийские заметки (часть I) // Аланы: история и культура, 3. Владикавказ, 1995. С. 378.

8 *Габриэлян Р.А.* Армяно-аланские отношения (I-X вв.). Ереван, 1989. С. 50-54. Мы не комментируем здесь противоречащую, на наш взгляд, реалиям гипотезу Ю.С. Гаглойти, который предлагает видеть в албанцах-агванах и мазкутах алан и, соответственно, относить к ним проповедь Григория, внука свт. Григория Просветителя (*Гаглойти Ю.С.* Алано-Георгика. Владикавказ, 2007. С. 171-183. Прим. 75).

9 *Абуладзе И.* Грузино-армянские литературные связи в IX-X вв. Исследование и тексты. Тбилиси, 1944. С. 12-13, 16-17.]

родину, принимали крещение (как, например, три раба в Багдаде середины IX века из «Жития Феодора Эдесского»[10]), но это мало влияло на приверженность Алании своей традиционной религии.

Так же не содержит информации о христианизации Алании и агиографическое досье прп. Максима Исповедника[11]: такого рода гипотезы исследователей[12] зиждутся на латинском переводе «Commemoratio» Феодора Спудея, где аланы стоят вместо лазов греческого оригинала[13]. В пользу греческой версии говорит и то, что резиденция Григория, правителя лазов (в латинском переводе — алан) находится именно в Лазике, и то, что он носит византийский титул патрикия и никоим образом не ведет себя как варвар.

Фикцией является и упоминание в «Жизнеописании Вахтанга Горгасала» Осетии как одной из земель в юрисдикции Мцхетского католикоса на VI Вселенском соборе в 680 году[14].

Кроме того, существует ряд археологических находок объектов VII–IX веков, так или иначе связанных с христианством[15]. Очевидно, что все эти ранние свидетельства должны стать темой отдельного исследования[16].

Однако прежде чем перейти собственно к христианизации алан в начале X века, следует определить, что мы понимаем под термином *Алания*. При неоспоримом факте существования такого государства («царство алан» у арабских географов) границы его точно не устанавливаются. Более того, неизвестно даже, было ли оно однородно по своему национальному составу: особую сложность вызывает здесь соотношение этнонимов *аланы* и *асы*. Предмет многолетней дискуссии, этот вопрос в последнее время был всесторонне ис-

[10 *Малахов С.Н.* Малоизвестное свидетельство об аланах в Житии Феодора Эдесского // Аланы: Западная Европа и Византия / Отв. ред. В.Х. Тменов. Владикавказ, 1992. С. 135–148.

11 Scripta saeculi VII, vitam Maximi Confessoris illustrantia, una cum latina interpretatione Anastasii Bibliothecarii iuxta posita / Ed. P. Allen et B. Neil // Corpus christianorum. Series graeca, 39. Turnhout-Leuven, 1999; Maximus the Confessor and his Companions / Ed. and transl. by P. Allen et B. Neil. Oxford, 2002.

12 См.: *Кузнецов В.А.* Указ. соч. С. 29–32.

13 *Maximus…* P. 154; ср.: PG 90, 195.

14 *Алеманъ А.* Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003. С. 415.

15 *Кузнецов В.А.* Указ. соч. С. 32–39.

16 Исследование Кузнецова (*Кузнецов В.А.* Указ. соч.), при всем богатстве собранного в нем материала, отличается высокой степенью несамостоятельности в работе с письменными источниками.]

следован К. Цукерманом[17], который, в противовес другим исследователям, приходившим к выводу о тождественности данных этнонимов, утверждает существование двух родственных этнических групп: алан на западе и асов на востоке. Основным источником такой гипотезы послужила интерпретация одного пассажа в трактате «О церемониях византийского двора» Константина VII Багрянородного, написанном между 945 и 959 годами: «Архонтам Азии, где находятся Каспийские ворота»[18]. Цукерман присоединяется к основанному лишь на созвучии предположению В. Минорского[19], согласно которому Азия — это страна асов, а Каспийские ворота, соответственно, не Дербент, как обычно, а Дарьял. Однако к такой интерпретации следует отнестись сдержанно по следующим причинам. Во-первых, термин Ἀζία — гапакс и потому не оправдывает изменения общепринятого толкования топонима «Каспийские ворота» как Дербентского прохода, а традиционное его понимание заставляет видеть здесь какую-то область в Южном Дагестане или Северном Азербайджане. Во-вторых, два из трех географических объяснений Константина во фрагменте о кавказских правителях полностью ошибочны[20], а потому нет оснований полностью доверять и третьему[21]. В-третьих, судя по четко отождествляемым топонимам (неясными остаются Кревата, Кидония, Хриса и Вреза), император в своем описании движется с северо-запада на

[17 *Zuckerman C.* À propos du livre des cérémonies, II, 48. II. Le problème d'Azia/Asia, le pays des Ases // Travaux et mémoires, 13, 2000. P. 539–562 (рус. вариант: *Цукерман К.* Аланы и асы в раннем средневековье // КСИА. Вып. 218. М., 2005. С. 65-84); там же см. и status questionis. К выводам французского исследователя некритически присоединились и многие отечественные ученые, которые стали искать их подтверждение в археологии: *Албегова З.Х.* Еще раз к вопросу о локализации Асии «Кембриджского документа» // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Владикавказ, 2008. С. 3–5; *Раев Б.А.* Были ли аланы кочевниками? // Там же. С. 302-306. В этом видится определенное преклонение перед шармом зарубежной науки: на самом деле, основные положения статьи Цукермана были высказаны Кузнецовым еще в 1988 году (*Кузнецов В.А.* Дургулель Великий и Нижний Архыз // Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988. С. 74–91), однако без такого отклика.

18 εἰς τοὺς ἄρχοντας Ἀζίας, ἐν ᾧ εἰσιν αἱ Κασπεῖαι πύλαι (*Constantinus Porphyrogenitus*. De cerimoniis aulae Byzantinae libri duo. Vol. 1 / Ed. J.J. Reiske // Corpus scriptorum historiae Byzantinae, 10. Bonn, 1829. P. 688).

19 *Minorsky V.* Hudud al-Alam (The regions of the world), a Persian geography. Oxford, 1937. P. 445. N. 1.

20 Относительно Сарвана-Ширвана и Мокана, как убедительно показывает А. Алемань (Указ. соч. С. 244-245).

21 Попутно отметим и грамматическую несогласованность Ἀζίας, ἐν ᾧ — возможно, следствие ошибки при заимствовании.]

юго-восток, а оттуда на север: Алания — Абхазия — Албания — Цанария — Ширван — Азия — Мокан, что так же помещает Азию где-то на территории Азербайджана. Наконец, такое толкование Азии как отдельного государства в районе Дарьяла, полностью противоречит достоверной информации Аль-Масуди (ум. в 956 г.), который практически в те же годы, что и Константин, пишет о Дарьяле как границе Алании: «Между *царством алан* и Кавказом есть так называемый замок Аланских ворот [т.е. Дарьяльская крепость]»[22].

Таким образом, под Аланией мы в дальнейшем будем понимать область распространения аланской культуры (прежде всего, археологической) на территории *современных* Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Ингушетии и Ставропольского края[23], памятуя о том, что основные памятники раннего аланского христианства, равно как и духовный и политический центр этой державы находились на западе этого региона, в верховьях Кубани и ее притоков.

I.2. Крещение алан в начале X века

Итак, настоящее распространение христианства в Алании началось только с X века[24], и почти все фактические сведения о нем содержатся в письмах константинопольского патриарха Николая I Мистика (901–907, 912–925)[25]. Хронология этого пронизанного внутренними связями эпистолярного корпуса тщательно разработана его издателями Р. Дженкинсом и Л. Вестеринком[26] (см. табл. 1). Именно здесь содержится самое раннее датированное упоми-

[22 Цит. (с небольшими изменениями) по: *Алемань А.* Указ. соч. С. 347. Здесь и далее мы цитируем многие источники об аланах по русской версии книги Алеманя с небольшими изменениями, касающимися более адекватной передачи оригинала и русского языка. В позднем Средневековье, вплоть до Вахушти Багратиони (*Вахушти, царевич.* География Грузии. Введение, перевод и примечания М.Г. Джанашвили // Записки Кавказского отдела ИРГО. Кн. XXIV, вып. 5. Тифлис, 1904. С. 237), встречается географическое различение между Аланией на западе и асами-овсами на востоке, однако интерполировать его в X век источники нам не позволяют.

23 См.: Исторический атлас Осетии / Отв. ред. Р.С. Бзаров. Владикавказ, 2002. С. 20–21.

24 Предположение А.П. Новосельцева о ранней христианизации алан и крещении их правителя во 2-й половине VIII — IX веке (*Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 106) основано лишь на датировке Аль-Масуди «при Абассидах» и не находит никаких других подтверждений.

25 Аль-Масуди просто относит христианизацию Алании ко времени до 932 г. (*Алемань А.* Указ. соч. С. 347). Относительно Ибн Русте см. ниже.

26 *Nicolaus Mysticus.* Epistulae / Ed. R.J.H. Jenkins and L.G. Westerink // Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Vol. 6. Washington (D.C.), 1973.]

нание о массовой христианизации алан, относящееся к 912 году. Этим годом надежно датирует указание на недавнее возвращение Николая на патриарший престол письмо 79, которое адресовано не названным по имени монахам-миссионерам в какой-то отдаленной стране: «Вы же, возлюбленные и сообщники трудам божественных апостолов, а благодаря этому — и их награде, прошедшие блаженный путь, чьи ноги прекрасны, как у благовествующих мир, еще прилежней исполняйте свой труд, отгоняя мрак нечестия от охваченных им душ и зажигая для них свет спасения, чтобы, когда благодаря вам вера там укрепится, прославился в них Бог, прославлены же были и вы в настоящем веке и в будущем божественной и бесконечной славой. Я знаю, что многое гнетет вас и что стеснена ваша священная жизнь, и сам, как подобает, представляя себе по аналогии пустынность места, нрав людей, среди которых вы находитесь, и чуждые обычаи, и узнав об этом самом от вашего посланца. Однако не нужно сейчас описывать вам будущую славу. Взирая на нее и ставя на второе место тягостный труд и стеснение, завершите свое блаженное дело и изо всех сил укрепите новообращенных. И оставив им тех, кто вместо вас будет своим учением вести их по правильному пути и заниматься их спасением, так как зовет время, с вышнего соизволения вернитесь к нашей мерности, и собственными рассказами увеличив нашу радость, которую мы обрели относительно приведенных ко Христу, Богу нашему, через крещение, и соучаствуя в радости Церкви, которую по своему изволению наш Спаситель и Бог дал надеющимся на Него»[27].

Два обстоятельства позволяют связать эту миссию с Аланией[28]. Во-первых, к ней вполне подходит описание суровых условий местности и

[27 ὑμεῖς δέ, ἀγαπητοὶ καὶ τῶν θείων ἀποστόλων συγκοινωνοὶ τῶν καμάτων καὶ διὰ τοῦτο καὶ ἀνέσεως, οἱ δραμόντες τὸν μακάριον δρόμον, ὧν οἱ πόδες ὡραῖοι ὡς εὐαγγελιζομένων εἰρήνην, τὸ οἰκεῖον ἔργον ἔτι σπουδαιότερον διανύσατε, ἐλαύνοντες τὸ σκότος τῆς δυσσεβείας ἐκ τῶν ὑπ᾽ ἐκείνου κατεχομένων ψυχῶν καὶ ἀνατέλλοντες αὐτοῖς τῆς σωτηρίας τὸ φέγγος, ἵνα δι᾽ ὑμῶν τῆς πίστεως αὐτόθι κρατυνθείσης, δοξάζηται μὲν ὁ θεὸς ἐν αὐτοῖς, δοξασθείητε δὲ καὶ ὑμεῖς ἐν τῷ παρόντι αἰῶνι καὶ ἐν τῷ μέλλοντι τῇ θείᾳ καὶ ἀλύτῳ δόξῃ. Οἶδα μὲν ὅτι πολλὰ τὰ συνέχοντα ὑμᾶς καὶ τὴν ἱερὰν ὑμῶν στενοχωροῦντα ζωήν, αὐτός τε ὡς εἰκὸς ἀναλογιζόμενος τοῦ τόπου τὴν ἐρημίαν καὶ τῶν ἀνδρῶν οἷς συνδιάγετε τὸν τρόπον καὶ τοῦ ἤθους τὸ ἀλλότριον, καὶ παρὰ τοῦ ὑμῶν ἀποκρισιαρίου τοῦτο αὐτὸ διδαχθείς. Ὅμως οὐκ ἄξια τὰ παρὰ τοῦ νῦν καιροῦ πρὸς τὴν μέλλουσαν δόξαν ἀποκαλυφθῆναι ὑμῖν. Πρὸς ἣν ἀφορῶντες καὶ τὸν πόνον καὶ τὴν στενοχωρίαν ἐν δευτέρῳ τιθέμενοι τὸ μακάριον ἔργον ὑμῶν τελειώσατε, καὶ πάσῃ δυνάμει τὸν στηριγμὸν τοῖς νεοπαγέσι περιποιήσασθε· καὶ καταλιμπάνοντες αὐτοῖς τοὺς ἀνθ᾽ ὑμῶν μέλλοντας τῇ διδασκαλίᾳ πρὸς τὴν ἀπλανῆ ὁδὸν τούτους καθοδηγεῖν καὶ τῆς σωτηρίας αὐτῶν ἀντιλαμβάνεσθαι, καιροῦ καλοῦντος μετὰ τῆς ἄνωθεν συνεπινεύσεως πρὸς τὴν ἡμῶν ἀναδράμετε μετριότητα, οἰκείοις τε λόγοις αὔξοντες ἡμῶν τὴν χάριν ἣν ἐπὶ τοῖς προσαγομένοις Χριστῷ τῷ θεῷ ἡμῶν κεκτήμεθα διὰ τοῦ βαπτίσματος, καὶ συνησθησόμενοι ἐπὶ τῇ εὐφροσύνῃ τῆς ἐκκλησίας, ἣν παρακληθεὶς ὑφ᾽ ἑαυτοῦ ὁ σωτὴρ ἡμῶν καὶ θεὸς τοῖς ἐπ᾽ αὐτῷ παρέσχεν ἐλπίζουσιν (Ibid. P. 334).

28 Ibid. P. 559.]

населения, а другие точно локализуемые византийские миссии в начале X века нам неизвестны[29]. Во-вторых, обещанная в письме смена миссионеров действительно имела место в Алании, о чем упоминается в письме 135 (см. ниже). О монахе Евфимии, который был послан в помощь аланскому архиепископу Петру (см. ниже), там сказано, что он «прежде стал проповедником благочестия народу и сам посеял семя учения». Такими же словами характеризует его Николай Мистик и в письме к болгарскому царю Симеону: «А податель письма пусть сподобится твоей милости — это ради присущих ему добродетелей: ведь этот человек игумен отшельников на Олимпе; и не только это, но и среди алан он силой Всесвятого Духа посеял слово веры и был призван Богом к служению наравне с божественными апостолами»[30]. Мы узнаем много нового о Евфимии: он не простой монах, а настоятель одного из монастырей на Олимпе Вифинском (он стал им, вероятно, после аланской миссии и, может быть, даже в награду за нее[31]); ему поручается не только просветительская миссия в Алании, но и дипломатическая в Болгарии, нанесшей Византии поражение при Ахелое 20 августа 917 года. Кроме того, Евфимий является, с большой вероятностью, даже адресатом одного из посланий патриарха (письмо 148[32]) — он, совершенно очевидно, был доверенным лицом Николая и поэтому послан им в Аланию. Следует отметить, что аланская миссия имела и политический характер: ее целью было теснее привязать стратегически важную Аланию к Византии.

Такому значительному деятелю и было суждено стать просветителем Алании: судя по тому, что в двух разных письмах дважды повторены слова «посеял семя учения/веры», Евфимий был самым первым крестителем алан. Из письма 79 явствует, что к 912 году миссия уже работала какое-то время, успев крестить некоторое число новообращенных. Не исключено, что Евфимий, доверенное лицо Николая Мистика, был послан им в Аланию еще в первое свое патриаршество (901–907), однако оснований утверждать это, подобно В.А. Кузнецову[33],

[29 *Иванов С.А.* Византийское миссионерство. М., 2003. С. 178–223; см. также ниже.

30 Ὁ δὲ τοῦ γράμματος ἀποκομιστὴς ἀπολαυσάτω τῆς σῆς ἐπιεικείας, τοῦτο μὲν διὰ τὴν προσοῦσαν αὐτῷ ἀρετήν· καὶ γὰρ ὁ ἄνθρωπος ἔστι μὲν τῶν ἐν Ὀλύμπῳ ἀσκητῶν καθηγούμενος, οὐ μὴν ἀλλὰ καὶ τὸν λόγον τῆς πίστεως ἐν Ἀλανοῖς οὗτος ἐν τῇ δυνάμει τοῦ παναγίου ἔσπειρε πνεύματος, καὶ ἴσα τοῖς θείοις ἀποστόλοις λειτουργῆσαι παρὰ θεοῦ ἀποκεκλήρωται (*Nicolaus Mysticus.* Op. **cit. P. 269). Впрочем, следует отметить, что дан**ный персонаж не назван в письме по имени и отождествлен Дженкинсом и Вестеринком (Ibid. P. XXI) именно на основании его участия в аланской миссии.

31 *Ficker G.* Das Epiphanios-Kloster in Kerasus und der Mitropolit Alaniens // Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher, 3, 1922. S. 100.

32 Более того, как полагают издатели (*Nicolaus Mysticus.* Op. cit. P. 582), ввиду схожести с № 134 (см. ниже), это письмо вполне могло быть послано в Аланию.

33 *Кузнецов В.А.* Указ. соч. С. 40–41.]

нет. Малахов[34] в качестве контраргумента приводит отсутствие в письме 79 (912 г.) извинений за пятилетнее молчание (которые, в общем-то, характерны для Николая Мистика; см. ниже) — впрочем, этот довод строится только на том, что до нас дошли все письма патриарха аланским миссионерам (см. ниже). Неясно и то, почему, как считает Малахов[35], «участники переписки явно расстались недавно».

Гипотеза Ю.А. Кулаковского[36] о том, что письмо 106 Николая Мистика епископу Херсона относительно подготовки епископа для «народа, обманутого и чуть не похищенного из недр благочестия лукавым бесом» говорит об Алании, бездоказательна (то же самое относится и к письму 68[37]). Более того, никаких сведений о попытках отказа алан от христианства в патриаршество Николая Мистика у нас нет (см. ниже). Можно было бы остроумно предположить, что архиепископ Херсона, как старший иерарх Зихии, мог рукоположить епископа для Алании, которая могла войти в ту же, некогда, по-видимому, миссионерскую епархию — однако уже в Notitia episcopatuum 7 и тем более 8 (901–912 гг.) единой Зихийской епархии больше не существует[38]. Не более убедительной выглядит и ссылка на крымских алан: во-первых, вряд ли стоит столь уверенно, как С.А. Иванов[39], приравнивать Южный Крым к Хазарии, и во-вторых, совсем уж некорректно утверждать, что «в деятельности по обращению алан участвовала Херсонская митрополия и помогал абхазский царь[40]», так как речь идет явно о разных аланах, кавказских и крымских. Единственный известный нам помощник Византии в христианизации Алании — это Абхазия, а сам архиепископ Петр отправился в свою епархию из Константинополя (см. ниже). А вот характеристика народа из письма 106 больше всего напоминает описание самих херсонян у Епифания Монаха (815–843): «Нестойкий народ херсаки вплоть до сего дня и не тверды в вере, лжецы, носимые всяким ветром ересей»[41].

[34 *Малахов С.Н.* Христианизация Алании в 912–925 гг. (по письмам Николая Мистика) // Мир православия, 3. Волгоград, 2000. С. 30.

35 Там же. С. 30–31.

36 *Кулаковский Ю.А.* Избранные труды по истории аланов и Сарматии. СПб., 2000. С. 173–174; см.: также *Иванов С.А.* Указ. соч. С. 182–183.

37 См.: *Иванов С.А.* Указ. соч. С. 183.

38 Notitiae episcopatuum Ecclesiae Constantinopolitanae / Ed. par J. Darrouzès. Paris, 1981. P. 78, 87, 273–274, 293–294. В Notitiae 1-5 все три кафедры Зихии шли друг за другом, в 6-й они разобщены, а в 7-й Зихийская епархия уже не упоминается.

39 *Иванов С.А.* Указ. соч. С. 183.

40 Там же. С. 184.

41 Греческие… С. 313–314.]

На первый взгляд, письмо 79 оставляет двойственное впечатление: с одной стороны, патриарх призывает миссионеров «еще прилежней исполнять свой труд», а с другой, велит им: «оставив…, вернитесь». Что же могут делать, да, к тому же, еще прилежней монахи, которых в повелительном наклонении отзывают домой? Ключевым моментом здесь, по-видимому, является упоминание грядущего прибытия смены («тех, кто вместо вас будет своим учением вести их по правильному пути и заниматься их спасением») — до того момента миссионерам следует продолжать свое важное дело и лишь потом возвратиться в Константинополь с отчетом о миссии. Возможно, что вернувшемуся на престол Николаю Мистику потребовался именно Евфимий с его дипломатическими талантами, но не исключена и другая причина этой смены, о которой мы скажем ниже.

Вполне разумно предположение издателей корпуса[42] о том, что на смену Евфимию прибыл непосредственно архиепископ Петр: письмо 133, адресованное самому Петру, говорит, что архиепископ отбыл из Константинополя, отставив патриарха «в аду»[43]. Эту беду, постигшую Николая, логичнее всего связывать с его 22-дневным бегством в Св. Софию в феврале 914 года[44]. Таким образом, Петр отбыл из Константинополя в начале 914 года — из этого никак не следует, что он был поставлен архиепископом именно весной этого года, как считает Малахов[45]: тогда он уехал из столицы, а епископом мог быть поставлен и раньше. Небольшой временной промежуток между письмом 79 (912 г.) и отъездом архиепископа из столицы в начале 914 года указывает на непосредственную замену монахов-миссионеров на архиепископа. И хотя она осуществилась в 914 году, создание Аланской архиепископии было задумано, вероятно, уже в 912-м: вернувшись на патриарший престол, Николай Мистик (возможно, и прежде связанный с миссией в Алании) повысил статус молодой Аланской Церкви. Упомянутый небольшой хронологический разрыв доказывает, что этим первым архиепископом Алании был именно Петр.

Неясно, на каком основании Малахов полагает, что была «образована титулярная архиепископия, подчиненная напрямую патриарху, но еще не занесенная в нотиции»[46], — это было бы странным исключением из правил византийской бюрократии. Относительно времени появления Алании в нотициях мы еще скажем ниже (см. **I.4), но, с другой стороны, Аланской архиепископии** точно еще не было, по крайней мере, в первое патриаршество

[42 *Nicolaus Mysticus.* Op. cit. P. 559.

43 Ibid. P. 432.

44 Ibid. P. XXII, XXIX.

45 *Малахов С.Н.* Указ. соч. С. 31.

46 Там же. С. 30.]

Николая Мистика (901–907), когда была составлена Notitia episcopatuum 8, в которой эта кафедра не упоминается[47].

Кроме патриарха и архиепископа в крещении алан участвовала еще одна сила. В письме 51 Николай Мистик «в первый раз» обращается к «преславному эксусиасту Авазгии». Исходя из того, что абхазскому царю Георгию II (915/6 или 922/3–957 или 959/60) адресованы два других послания (46 и 162), причем письмо 46 написано сразу после восшествия Георгия на престол, С. Туманов[48] определил адресата письма 51 как его отца — Константина I (иначе III) (892/3 или 899–915/6 или 922/3)[49].

Традиционно восхвалив абхазского царя за боголюбие, патриарх сразу же переходит к сути дела — благодарности за помощь Аланскому архиепископу, за проявление «гостеприимства, заботы, другого обо всем попечения, какое только можно предоставить и которое ты выказал боголюбивейшему архиепископу, нашему чаду, со всей охотой и от всей души»[50]. Иванов[51] полагает, что даже сама инициатива крещения алан принадлежит абхазскому царю, однако против этого говорит следующее обстоятельство: аланская миссия Евфимия датируется 912 годом, в то время как письмо Константину III отправлено двумя годами позже, уже при архиепископе

[47 Notitiae… P. 87. Note 1. Отсутствие Алании в этой нотиции противоречит ее предатировке К. Цукерманном временем после 920 г. (*Zuckerman C.* Byzantiums Pontic policy in the Notitiae episcopatuum (La Crimée entre Byzance et le Khaganat kazar / Éd. par C. Zuckerman). Paris, 2006. P. 228). Поэтому он предлагает видеть здесь Аланию за Севастопольской кафедрой, которая, по его мнению, в X в. не могла подчиняться Константинополю, т.к. находилась на территории Абхазского царства, имевшего свою иерархию. При этом совершенно игнорируется сосуществование Аланской и Севастопольской кафедр в Notitiae 11 и 12, что исключает такую идентификацию: можно, конечно, предположить, что составители этих нотиций просто пополнили старый список епархий новой Аланской кафедрой, однако сохранение в них уже более чем два века не существовавшей Севастопольской епископии представляется весьма сомнительным — кроме того, существуют основания полагать, что последняя в X веке в Абхазии сохранялась (см. II.2.C).

48 *Toumanoff C.* Chronology of the kings of Abasgia and other problems // Le Muséon, 69, 1956. P. 80–81.

49 Историю передатировки хронологии абхазских царей и, соответственно, времени христианизации Алании см.: в *Малахов С.Н.* Указ. соч. С. 30. М. Лордкипанидзе предложил другие даты правления Константина I — 893–929, однако Б. Мартен-Изар указала на их невозможность в силу наличия переписки с его наследником Николая Мистика, умершего в 925 году, и, в свою очередь, поддержала другие даты — ок. 892/3 — ок. 922/3 (*Martin-Hisard B.* Constantinople et les archontes du monde caucasien dans le Livre des cérémonies, II, 48 // Travaux et memoires, 13, 2000. P. 460). Следует, однако, отметить, что все предложенные даты не соответствуют числу лет правления Константина, указанному в «Диване абхазских царей», — 39.

50 τῆς ξενοδοχίας, τῆς θεραπείας, τῆς ἄλλης ἐν πᾶσι παραμυθίας ὅση δυνατὴ χορηγεῖσθαι, ἣν εἰς τὸν θεοφιλέστατον ἀρχιεπίσκοπον, τὸ τέκνον ἡμῶν, ὅλῃ προαιρέσει καὶ ὅλῃ ψυχῇ ὤφθης ἐπιδειξμενος (*Nicolaus Mysticus.* Op. cit. P. 278).

51 *Иванов С.А.* Указ. соч. С. 180–181.]

Петре[52]. Константину пришлось решать проблемы Аланского иерарха и предоставлять ему то, что невозможно было найти в дикой Алании. Патриарх просит эксусиаста помогать Аланскому иерарху и в будущем, чтобы «получить многократное воздаяние от щедрого Бога нашего», обещая ему ту же награду, что и миссионерам. Абхазский царь оказывается не просто случайным помощником архиепископа на его пути из Константинополя в Аланию, но как бы и его патроном. Скорее всего, на позицию царя повлияло не только давление Константинополя, но и старые дружеские связи Абхазии с Аланией: картлийский царь Адарнасе IV (888–923) разбил около 888 года союзное войско Насры, шурина абхазского царя Баграта I (ок. 887 — 892/3 или 899), и аланского правителя (мтавара) Бакатара, который погиб в этой битве[53] (впрочем, Ибн Русте[54] (ок. 903 — 913 гг.) говорит, что *B.gay.r*, т.е. Бакатар — имя всех аланских правителей, и, хотя Зеленчукская надпись показывает, что у алан это было личное имя[55], не исключено, что первоначально это действительно был титул).

[52 Между тем, страницей ниже Иванов (*Иванов С.А.* Указ. соч. С. 182) уже утверждает, что «абхазы лишь помогали грекам».

53 *Алемань А.* Указ. соч. С. 416. Ю.С. Гаглойти относит следующие за упоминанием «Бакатара, мтавара овсов» слова «и эристава абхазов» к Бакатару (*Гаглойти Ю.С.* Указ. соч. С. 159–160. Прим. 53), последний термин вообще весьма странен, так как эриставы Абхазии исчезают в конце VIII века, превращаясь в царей, — поэтому применение его, тем более к алану, достаточно маловероятно. События 888 года можно считать причиной появления в погребении из Северного Зеленчукского храма перстня с именем армянского царя Ашота I (886–891; *Гутнов Ф.Х.* Аристократия алан. Владикавказ, 1995. С. 77-78), который переходил, видимо, из поколения в поколение, пока не оказался в данном погребении. Он мог быть как военной добычей алано-абхазского войска, воевавшего с армянами, так и примирительным даром армянского царя аланам после смерти Бакатара в 888 году. Менее вероятно предположение (*Гутнов Ф.Х.* Горский феодализм. Ч. I. Владикавказ, 2007. С. 262), что это следствие армяно-абхазского примирения, так как оно было заключено не в 890 году, а при Смбате I и Константине I, т.е. после 892/3 года.

54 *Алемань А.* Указ. соч. С. 343.

55 «…Сын Бакатар, Бакатара сын Анбалан» (*Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949. Т. I. С. 265; *Zgusta L.* Old ossetic inscription from the river Zelenčuk. Wien, 1987); см. также ряд других источников (*Белецкий Д.В.* Заметки о нузальской церкви // Историко-филологический архив, 2. Владикавказ, 2004. С. 33. Прим. 52). Самый древний носитель имени Бакатар — овсисполин V века из грузинской «Истории Вахтанга Горгасала» (*Алемань А.* Указ. соч. С. 414) — однако такое имя легендарного персонажа вряд ли появилось раньше VIII (?) века (кстати, в возможное время заключения алано-хазарского союза, см. выше), когда написана данная хроника, переработанная, к тому же, в XI веке. Поэтому первым историческим Бакатаром следует считать вышеупомянутого аланского мтавара конца IX века. À propos отметим, что Зеленчукская надпись может быть не единственным памятником алановязычной эпиграфики: на каменной стеле с изображением креста из этого же района (Сборник греческих и латинских надписей Кавказа / Сост. И. Помяловский. СПб., 1881. С. 8. №. 12. Табл. 3) четко читается слово ΔΖΟΥΒΑΡ «крест», имеющееся также в аланских глоссах паремиология БАН Q 12 (*л.* 109 об.) (об этой рукописи см. напр: *Камболов Т.Т.* Очерки истории осетинского языка. Владикавказ, 2006. С. 202–207).]

По-видимому, крещение самого правителя алан произошло именно в правление Константина III (т.е. между 912 и 915 гг.[56]). Если в письме 79 от 912 года Николай Мистик говорит просто о «новообращенных», как о заслуге миссионеров, то уже в письме 51 (914–915 гг.) патриарх благодарит Константина за крещение архонта Алании: «Ведь мы узнали от разных людей, знающих твои подвиги, что ты, [вторым] после Бога, проявил большое попечение о просвещении архонта Алании и о тех, кто вместе с ним удостоились святого крещения»[57]. Можно легко представить, как Константин посредством писем или при личной встрече убедил (может, и при помощи неких политических аргументов) своего аланского соседа в преимуществах вхождения в христианскую ойкумену. Этим правителем был, по всей видимости, какой-то непосредственный наследник вышеупомянутого Бакатара (ум. в 888 г.).

В письме 51 заслуга крещения аланского правителя относится только к абхазскому царю. Также и в письмах к Петру патриарх нигде не приписывает заслугу обращения князя самому архиепископу — впрочем, как и Евфимию, хотя повод к этому Николаю представлялся, как минимум, три раза (в письмах 79, 135 и 9). Таким образом, единственный, кого патриарх упоминает в связи с крещением аланского правителя, — это абхазский царь Константин III. Следует ли из этого, что аланский правитель был крещен лишь по инициативе абхазского царя и, возможно, рукой абхазского клирика[58]? Такое предположение строится лишь на последовательном упоминании о крещении князя и помощи архиепископу в письме 51 — однако такой порядок связан, скорее, с эпистолярным (и отчасти дипломатическим) этикетом: от благодарности за оказанную поддержку патриарху легче перейти к просьбе о будущей, а ведь именно просьбами заканчиваются большинство писем Николая Мистика. Кроме того, если аланский князь был крещен не греком, значит, Евфимий не выполнил инструкций патриарха ждать приезда смены. Ничего не говорят об «абхазском крещении» и арабские авторы — напротив, для них инициатором христианизации является византийский император (см. I.3). Поэтому от такой гипотезы приходится все же отказаться.

Напротив, упоминание о крещении князя в одном ряду с деятельностью архиепископа Петра в Алании наталкивает на мысль о том, что это таинство было совершено рукой иерарха (оговоримся, что данное предположение — также не более чем гипотеза). Дело здесь, на наш взгляд, в статусе самого акта крещения князя. Для его исполнения требовался соответствующий аланскому правителю по рангу византийский церковный чин — иерарх[59]. Причем это

[56 Непонятно, почему Кузнецов (*Кузнецов В.А.* Указ. соч. С. 42) выбирает в качестве даты крещения 916 год, когда Константин, возможно, уже умер.

57 ἀνεμάθομεν γὰρ ἐκ διαφόρων τῶν ἐπισταμένων τὰ σὰ κατορθώματα ὡς μετά γε θεὸν πολλὴν τὴν πρόνοιαν κατεβάλου εἴς τε τὸν φωτισμὸν τοῦ τῆς Ἀλανίας ἄρχοντος καὶ εἰς τοὺς ὅσοι σὺν αὐτῷ κατηξιώθησαν τοῦ ἁγίου βαπτίσματος (*Nicolaus Mysticus.* Op. cit. P. 278).

58 *Догузов К.Г.* Византийско-аланские отношения. Дисс. Тбилиси, 1987. С. 113–116.

59 Кузнецов, напротив, почему-то считает, что крещение правителя было не исполненной целью первой миссии (*Кузнецов В.А.* Указ. соч. С. 45).]

оказался не просто епископ, а архиепископ, что ставило Аланскую Церковь в византийской иерархии на одну ступень с Абхазской. Именно эта необходимость, вероятно, и спровоцировала замену удачливых (и, возможно, ни на кого не опиравшихся) монахов-миссионеров на иерарха с его клиром, вынужденного искать помощи у соседнего царя-христианина.

Но как такая гипотеза согласуется со свидетельством Ибн Русте, который писал свой труд именно в 903–913 годах, т.е. тогда, когда архиепископа в Алании еще не было: «Царь алан — христианин в душе, но все люди, населяющие его царство, — язычники, поклоняющиеся идолам»[60]? Посмотрим, как можно интерпретировать это важное свидетельство[61]. Невозможно понимать выражение «христианин в душе» как «тайный христианин» — иначе получится, что арабский писатель информирован об аланском правителе лучше самих алан. Более правдоподобным выглядело бы предположение, что аланский правитель принял православие как «частное лицо», не позиционируя себя как христианин в качестве главы государства (иначе будут непонятны слова «христианин в душе»), — однако вряд ли такая сложная дифференциация была свойственна и арабам, и тем паче аланам. Поэтому остается думать, что аланский правитель был склонен к христианству и привечал у себя миссионеров, но крещения еще не принял (отсюда такое его обозначение, как «христианин в душе») и не принуждал к нему своих подданных. В любом случае, добавление слов «в душе» вряд ли позволяет говорить о крещении аланского правителя в 903–913 годах, как предположил В. Грюмель[62].

Вернемся к традиции абхазского патроната. Она (определенная, возможно, императорским письмом из Константинополя) нашла свое продолжение и в царствование сына Константина III — Георгия II (915/6 или 922/3–957 или 959/60). В письме 46 Николай Мистик выражает свои соболезнования в связи со смертью его отца и поздравляет Георгия со вступлением на престол. Но это послание продиктовано не только официальным этикетом (оно сопро-

[60 Цит. (с небольшими изменениями) по: *Алемань А.* Указ. соч. С. 342–343; если принять дату Цукермана (*Цукерман К.* Про дату навернення хозар до іудаїзму й хронологію князювання Олега та Игоря // Ruthenica, 2, 2003. С. 68–69. Прим. 56), то такая проблема вообще не возникает, однако его передатировка зиждется лишь на косвенных свидетельствах: времени исламизации волжских булгар, а также «крещении» аланского правителя — о неоднозначности такого толкования см. ниже. Неясно, являются ли слова «Аланский царь — христианин; все жители его царства — кафиры и идолопоклонники» у Гардизи (1050–1053) цитатой из Ибн Русте или описанием реалий середины XI столетия (*Бартольд В. В.* Сочинения. Т. IV. М., 1966. С. 61).

61 Алемань считает загадочные слова «христианин в душе» просто указанием на крещение правителя алан, не пытаясь осмыслить эту весьма значимую оговорку (*Алемань А.* Указ. соч. С. 257), а Иванов их вообще опускает (*Иванов С.А.* Указ. соч. С. 190).

62 См.: *Martin-Hisard B.* Op. cit. P. 472. Ее аргумент относительно создания для крещения алан в 901–907 годах Сотириупольской кафедры неосновательен, так как известно, что с Аланской она была соединена только через два столетия.]

вождается подарком — гиматием) — в нем содержится и конкретная просьба. И касается она опять же Аланского архиепископа: «И если он среди этого народа и в чужой земле нуждается в чем-то необходимом и приносящем облегчение жизни, ты охотно предоставишь ему это, ибо Бог дал тебе такую возможность»[63]. Интересно, что патриарх даже не апеллирует к подобным же действиям отца Георгия — помощь Аланскому архиепископу оказывается как бы долгом абхазского царя. Но если при Константине III сложности главы Аланской Церкви могли быть связаны с новизной всего мероприятия, то продолжающиеся при Георгии II затруднения архиепископа не свидетельствуют ли о непростом положении, в котором находилось христианство в еще по сути языческой Алании (вспомним Ибн Русте) и об отношении к главе Церкви со стороны аланских правителей?

Причина просьб патриарха к абхазским царям — по-видимому, письма самого архиепископа Петра, которые были, судя по всему, переполнены жалобами на трудности миссии в Алании (не исключено, что она была для Петра ссылкой[64]). Сами эти послания не сохранились, но до нас дошли 5 ответных писем Николая Мистика (52, 118, 133–135).

С письмом 51, адресованным абхазскому царю Константину I, соседствует письмо 52, которое было направлено самому Петру. Это соседство заставляет предположить, что оно было отправлено с одним гонцом и принадлежит, соответственно, тому же времени (914-916 гг.)[65]. Патриарх получил письмо архиепископа, описывавшее, вероятно, помощь эксусиаста Авасгии (с которым Петр, по всей вероятности, встречался на пути в Аланию) и трудности, с которыми архиепископу пришлось столкнуться на новом месте. Как следствие, Николай пишет два письма: Константину, с благодарностью за помощь, и Петру, с утешением и ответом на его упреки и вопросы.

Большая часть письма состоит из риторических увещаний патриарха — немногие фактические данные содержатся в конце письма. Из слов архиепископа следует, что, во-первых, у алан было социальное расслоение, и, во-вторых, они были многоженцами — факты, хорошо известные этнографам[66]. Последнюю проблему Николай Мистик решает следующим образом: «Хорошо знает твой разум, что такой внезапный отход от языческой жизни нелегко принимает строгость Евангелия. Поэтому надо непрестанно по-отечески и с кротостью приводить поучение и ведущее к добру увещевание и за тех, кто послушался тебя, благодарить Давшего благодать твоему поучению, а к тем, кого видишь недовольными, относиться терпеливо, и особенно к непослушным из высшего сословия

[63 καὶ εἴ τινος ἐν ἔθνει τοιούτῳ καὶ γῇ ξένῃ τῶν ἀναγκαίων καὶ ἄνεσιν τῇ ζωῇ φερόντων ἐνδεής ἐστιν, προθύμως ἐπιχορηγήσεις τοῦ θεοῦ σοι δύναμιν παρασχόντος (*Nicolaus Mysticus.* Op. cit. P. 266).

64 *Иванов С.А.* Указ. соч. С. 184.

65 *Nicolaus Mysticus.* Op. cit. P. XXIX.

66 См.: *Алемань А.* Указ. соч. С. 258.]

народа — не тем, кем правят, но тем, кому суждено править. Ведь к подвластным ты можешь относиться обыкновенно суровее и властнее и никоим образом не допускать неуместного, а в отношении тех, кто весьма способен противиться спасению всего народа, необходимо рассуждение, как бы, будучи расположены к ним суровее, мы не забыли о них, до крайности их раздражив и перевернув все с ног на голову»[67]. Итак, тактика патриарха — кротость к новообращенным и, особенно, к власть предержащим, от которых и зависит успех миссии.

Однако другой интересный факт содержится и в начале послания: Петр обвиняет патриарха в том, что тот забыл его в глуши, — Николай уверяет, что писал ему, как минимум, трижды: может, письма, как обычно, не дошли до Алании. Это извинение похоже на правду: одним из недошедших было письмо 133, где содержится первоначальный вариант патриаршего ответа по поводу брака: «А относительно незаконного брака, то если как бы увещанием и поучением расторгнешь брак, всякая Богу радость. Если же противостанет этому делу сила, то пусть хотя бы не развивается зло и не позволяет развращать такими браками их род. Делай это, как обычно, предлагая это и правителю народа, и мужу, которому дозволяется сожительствовать в уже заключенном союзе»[68]. Поскольку же письмо 133 — явно первое послание Николая архиепископу после отъезда Петра из столицы, то получается, что письмо 52 — это резюме не дошедшего до адресата номера 133. Соседство письма 52 с посланием 51 (914-916 гг.; см. выше) заставляет отнести его к тому же периоду — вполне логично, что патриарх повторил свой ответ Петру вскоре после пропажи первого письма, отправленного в 914 году, однако с некоторыми изменениями. Из сравнения писем 133 и 52 хорошо видно, что в основе тактики патриарха лежит желание найти оптимальный выход из затруднительной ситуации: вначале (письмо 133) он предлагает ограничить многоженство уже заключенными до крещения браками, надеясь, что со временем они сами собой исчезнут, а затем (письмо 52) смягчает свою позицию в отношении знати. Изменение позиции патриар-

[67 οὐκ ἀγνοεῖ σου ἡ σύνεσις ὅτι οὕτως ἀθρόον ἡ μετάστασις τῆς ἐθνικῆς ζωῆς πρὸς τὴν ἀκρίβειαν τοῦ εὐαγγελίου τὸ ῥᾴδιον οὐ καταδέχεται. Διὰ τοῦτο χρὴ τὴν μὲν διδασκαλίαν καὶ τὴν πρὸς τὰ καλὰ ὁδηγοῦσαν παραίνεσιν ἀδιαλείπτως πατρικῶς καὶ μετ᾽ ἐπιεικείας προσάγειν· καὶ οἷς μὲν πειθομένους ἔχεις, εὐχαριστεῖν τῷ διδόντι χάριν τῇ σῇ διδασκαλίᾳ, οἷς δὲ δυσχεραίνοντας ὁρᾷς, ἀνέχεσθαι μακροθύμως, καὶ μάλιστα τῶν ἀπειθούντων τῆς ὑψηλοτέρας τάξεως τοῦ ἔθνους ὑπαρχόντων καὶ οὐ τῶν ἀρχομένων ἀλλὰ τῶν ἄρχειν λαχόντων. Πρὸς μὲν γὰρ τοὺς ὑποχειρίους τυχὸν καὶ αὐστηρότερον καὶ ἐξουσιαστκώτερον δυνατόν σοι προσενεχθῆναι καὶ τὸ ἀτόπημα μηδαμῶς καταδέξασθαι· πρὸς δὲ τοὺς μέγα δυναμένους εἰς ἐναντίωσιν τῆς τοῦ παντὸς ἔθνους σωτηρίας ἀνάγκη λογίζεσθαι μή πως τραχύτερον ἡμῶν πρὸς αὐτοὺς διατιθεμένων λήσωμεν αὐτοὺς τέλεον ἐξαγριώσαντες καὶ ἄνω καὶ κάτω τὸ πᾶν καταστήσαντες (*Nicolaus Mysticus.* Op. cit. P. 284–286).

68 Περὶ δὲ τοῦ ἀθέσμου γάμου, εἰ μὲν οἷόν τε παραινέσει καὶ διδασκαλίᾳ λῦσαι τὴν συζυγίαν, πᾶσα θεῷ χάρις. Εἰ δ᾽ ἀντιβαίνοι τοῦ πράγματος ἡ δύναμις, τέως μηκέτι προκόπτειν τὸ κακὸν μηδ᾽ ἀπὸ τοῦ νῦν ἐπιτρέψειν τοιούτοις γάμοις καταμολύνεσθαι τὸ γένος. Τοῦτο δὲ πράξεις συνήθως τῷ τε ἡγεμόνι τοῦ ἔθνους ὑποτιθέμενος καὶ τῷ ἀνδρὶ ᾧ συγχωρεῖται τὸ συνοικεῖν διὰ τὴν ἥδη φθάσασαν σύναψιν (Ibid. P. 284–286).]

ха надо рассматривать как уступку традиционным обычаям варваров, так как ригоризм[69] в этом вопросе, как верно замечает Иванов[70], повредил уже прежде миссии Кирилла и Мефодия.

Письма 118 и 134 представляют собой просто краткие увещевания Петру не отчаиваться. К сожалению, точная датировка здесь затруднена, однако следует согласиться с их издателями[71], что они посланы после письма 133, но также в 914–916 годах. Действительно, в таком случае оказывается, что Николай Мистик до письма 52, действительно, «писал… трижды» Петру (письма 133, 134 и 118).

Последнее послание 135, кроме обычных ободрений вечно пребывающего в унынии Петра посредством примеров из священной истории, добавляет и еще один весьма интересный штрих к картине христианизации Алании. Патриарх отправил на помощь архиепископу игумена Евфимия, первого крестителя алан (см. выше). Неясно, из чьего письма Николай узнал о раздорах между ними, но он пишет Петру следующее: «Увещевая и побуждая теперь еще больше усердствовать в изначально присущей тебе кротости и ласке и своем смирении ради Христа, так чтобы между вашей добродетелью и нашим благоговейнейшим сыном и твоим братом господином Евфимием лукавый не смог посеять никаких терний… Ведь и в остальном он муж боголюбивый и делатель добродетели, и поэтому относись к нему со всяким благоговением и почтением; а особенно потому, что и до вас[72] он стал проповедником благочестия этому народу и сам посеял семя учения, и теперь послан к вам затем, чтобы стать сотрудником и с Богом, так сказать, общностью духовной работы облегчить тебе бремя трудов»[73].

Формальным поводом для присылки подмоги в лице Евфимия могли быть как раз настойчивые жалобы и просьбы Аланского архиепископа в

[69 Хотя исходную позицию патриарха, допускавшую сохранение уже заключенных вторых, третьих и т.п. браков, вряд ли можно назвать, вслед за Ивановым (*Иванов С.А.* Указ. соч. С. 189), совсем уж непреклонной.

70 *Иванов С.А.* Указ. соч. С. 189.

71 *Nicolaus Mysticus.* Op. cit. 572, 577.

72 Вероятно, под «вами» здесь подразумеваются сотрудники Петра — византийские священники, которые будут изгнаны в 932 г. (см. ниже).

73 παραινοῦντες καὶ προτρεπόμενοι τῆς ἐξ ἀρχῆς προσούσης σοι πραότητος καὶ ἐπιεικείας καὶ τῆς διὰ Χριστὸν ταπεινώσεως νῦν ἐπὶ πλέον ἀντιποιεῖσθαι, ὥστε μηδὲν μεταξὺ τῆς ὑμῶν ἀρετῆς καὶ τοῦ εὐλαβεστάτου υἱοῦ ἡμῶν καὶ ἀδελφοῦ σου τοῦ κυροῦ Εὐθυμίου δυνηθῆναι τὸν πονηρὸν ἐπισπεῖραι ζιζάνια... Καὶ ἄλλως μὲν γὰρ ὁ ἀνὴρ θεοφιλὴς καὶ ἀρετῆς ἐργάτης, καὶ δεῖ καὶ διὰ τοῦτο ἐν πάσῃ αἰδοῖ καὶ τιμῇ ἄγειν αὐτόν· μάλιστα δὲ ὅτι καὶ πρὸ ὑμῶν κῆρυξ τῆς εὐσεβείας τῷ ἔθνει γέγονεν καὶ αὐτὸς τὸν σπόρον κατεβάλετο τῆς διδασκαλίας, καὶ νῦν ἐπὶ τοῦτο ἐστείλατο πρὸς ὑμᾶς τοῦ συνεργάτης γενέσθαι καὶ σὺν θεῷ φάναι τῇ κοινωνίᾳ τῆς πνευματικῆς ἐργασίας ἐπελαφρῦναί σοι τὸ βάρος τῶν πόνων (*Nicolaus Mysticus.* Op. cit. P. 440–442).]

письмах к патриарху. Не исключено, однако, что архиепископ не смог добиться успеха не только в церковной (например, урегулировать вопрос с многоженством), но и в политической составляющей своей миссии. В любом случае, Евфимий должен был взять на себя часть функций архиепископа, что могло и вызвать неудовольствие последнего. Кроме того, у Евфимия, имевшего свой собственный опыт долгой работы с аланами, мог быть и свой взгляд на тактику христианизации, не совпадавший с позицией Петра. Важно, что в этом конфликте Николай Мистик, скрываясь за примирительным тоном, четко поддерживает Евфимия: он призывает иерарха к смирению и благоговению в отношении низшего по сану игумена, называет того «нашим благоговейнейшим сыном» и братом архиепископу, подчеркивает его заслуги в деле просвещения алан. Неясно только, как надо датировать второе прибытие Евфимия в Аланию: до или после его поездки в Болгарию, состоявшейся вскоре после 20 августа 917 года (см. выше). Если это случилось до лета 917 года, то почти все известные нам события христианизации алан сконцентрированы в узком промежутке между 912 и 917 годами. Но поскольку этот конфликт не упоминается в более ранних посланиях Николая Мистика архиепископу Петру (после 914 года), то, следовательно, для него остается очень мало времени (915 — 1-я половина 917 года[74]). Если же приезд Евфимия состоялся после 917 года, то проблемы, вставшие перед архиепископом Петром и игуменом Евфимием, сдвигаются ближе к концу патриаршества Николая Мистика, т.е. к 918–925 годам, откуда уже рукой подать до трагических событий ок. 932 года (см. I.3).

Наконец, выскажем свое мнение еще об одной возможной дате ранней истории аланского христианства. Мнение Малахова[75], что в письме 23 (922 г.) аланы упоминаются среди «народов, живущих в безбожии», зиждется на буквальном истолковании византийской эпистолярной риторики (на это участие алан в антиболгарской коалиции обратил специальное внимание О. Прицак[76]). Такое определение Николай Мистик, действительно, употребляет, но не в прямой связи с аланами, а в конце следующего параграфа, нагнетая драматическое напряжение в описании грядущей войны болгар против описанной выше большой коалиции (состоящей из русов, печенегов, алан и западных тюрок). С таким же основанием можно было бы отнести к этой коалиции слова, стоящие перед их перечислением: «чтобы прекратить пролитие крови, которые *христиане* совершают в отношении *христиан*». Что подтолкнуло исследователя к такой передатировке, мы увидим ниже. А пока обратимся к политической составляющей христианизации Алании.

[74 Хотя нельзя исключить, что Евфимий мог быть отозван патриархом именно для болгарской миссии (см.: также выше).

75 *Малахов С.Н.* Указ. соч. С. 33.

76 *Golb N., Pritzak O.* Khazarian Hebrew documents of the tenth century. Ithaca, London, 1982. P. 136. Not. 57 (рус. пер.: *Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X века. М., Иерусалим, 1997).]

I.3. Международная политика христианской Алании до середины X века

Судьба христианства в новообращенной Алании на десятилетия стала заложницей политической игры великих держав. Поэтому рассмотрим теперь, как принятие христианства аланским князем повлияло на позиции Алании в международной политике. И опять мы сталкиваемся с проблемой источников: практически все сведения об участии алан в международной политике содержатся в одном иврitоязычном отрывке хазарского происхождения — т.н. Кембриджском документе[77]. Эта найденная в каирской генизе рукопись XII века представляет собой фрагмент письма, автором которого был хазарский еврей, живший во времена царя Иосифа. Существует и еще одна проблема: данные Кембриджского документа не всегда согласуются с т.н. Хазарской перепиской (между кордовским евреем Хасдаем ибн Шапрутом и вышеупомянутым царем Иосифом)[78].

Эта хронологическая неясность вызывает споры о времени возникновения военного союза хазар и алан, заключенного в точнее не датируемую эпоху хазарского царя Савриила, и его войны против византийско-тюркской коалиции, о чем упоминает Кембриджский документ (стк. 49–54): «Но во дни царя Вениамина поднялись все народы против Хазарии и стеснили их по наущению царя Македона. И пришли воевать царь Асии, Туркии, …, Пайнила и Македона. Только царь алан был подмогою для хазар, так как часть их тоже соблюдала иудейский закон. Все эти цари воевали против Хазарии, но аланский царь пошел на их земли и нанес им поражение»[79]. Цукерман[80] относит эту кампанию ко времени около 920 года, совершенно игнорируя участие в ней на стороне хазар алан, которые сразу после своего крещения вряд ли бы сменили свою провизантийскую политическую ориентацию, — напротив, в 922 году аланы вошли в созданную империей антиболгарскую коалицию (см. I.2). Таким образом, нет никаких оснований отказываться от традиционной датировки данной войны концом IX — самым началом X века, в любом случае, временем до 912 года[81]

[77 Изд.: *Schechter S.* An unknown Khazar document // The Jewish quarterly review, 3, 1912–1913. P. 206–209; *Golb N., Pritzak O.* Op. cit. P. 112–115; рус. пер.: *Коковцев П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. *Л.*, 1932. С. 113–123.

78 *Коковцев П.К.* Указ. соч. С. XXIII–XXVI.

79 Цит. (с небольшими изменениями) по: *Алемань А.* Указ. соч. С. 434.

80 *Цукерман К.* Про дату навернення хозар до іудаїзму й хронологію князювання Олега та Игоря // Ruthenica, 2, 2003. С. 69–70; ср. ниже о попытке Прицака поменять дату другого контакта (теперь враждебного) алан и хазар: и Цукерман, и Прицак пытаются найти даты, удовлетворяющие выстроенным ими хазарским хронологиям.

81 Вопреки также и Артамонову (*Артамонов М.И.* История хазар. *Л.*, 1962. С. 358). Обзор датировок правления Вениамина см. в: *Новосельцев А.П.* Хазарское… Прим. 325–327.]

(см. также ниже): здесь уместно вспомнить о типично тюркских титулах аланских правителей: *бакатар* в начале X века (см. I.2) и *к.рк.ндадж*, т.е. *kär-kündäğ* (?), который упоминает Аль-Масуди в середине этого столетия[82] (см. также ниже).

Отметим еще один важный момент: помощь со стороны алан объясняется тем, что «часть их тоже соблюдала иудейский закон». Наличие прозелитов среди алан не представляется совершенно невозможным[83]: Вениамин Тудельский сообщает о том, что во 2-й половине XII века Даниэлю Бен Хасдаю, эксиларху Израиля, подчинялись в т.ч. и иудейские общины «страны Алании»[84], хотя здесь речь может идти и об этнических иудеях на этой территории (все арабские авторы при этом единодушно называют алан до христианизации язычниками; единственное свидетельство об аланах-мусульманах Якута аль-Руми — достаточно позднее[85]). Однако так же возможно, что автор Кембриджского документа, описывая события, бывшие, как минимум, за два поколения до него, мог перенести реалии своего времени (т.е. эпохи военного и династического союза хазар и алан) на прошлое (если вообще не изобрел эту причину дружественности алан).

Единственный более или менее четкий хронологический репер дает нам только правление самого царя Иосифа, при котором и написан Кембриджский документ: он был современником «злого Романа, владетеля Константинополя» — по всей очевидности, византийского императора Романа I Лекапина (920–944)[86]. Отцом Иосифа был Аарон, о котором Кембриджский документ (стк. 55–60) сообщает следующее: «Также и во дни царя Аарона воевал аланский царь против хазар, потому что греческий царь подстрекнул его. Но Аарон нанял против него царя Туркии, так как тот был с ним дружен, и аланский царь низвергся перед Аароном, и тот взял его живым в плен. И царь оказал ему большие почести и взял его дочь в жены своему сыну Иосифу. Тогда аланский царь обязался ему в верности, и царь Аарон отпустил его к себе домой»[87]. К этому же событию можно отнести и упоминание алан среди народов, покоренных хазарами, в пространной редакции письма царя Иосифа (см. ниже). Косвенным свидетельством может служить и пассаж из «Жизни картлийских

[82 См.: *Алемань А.* Указ. соч. С. 363. Вообще, вопрос о тюркизации Западной Алании требует отдельного исследования. Ученые здесь легко впадают в крайности: от признания исключительно тюркского характера этого региона (как, например, у Х.Х. Биджиева) до полного его отрицания (как у некоторых осетинских исследователей). Наиболее взвешенным нам представляется средний подход.

83 См. также комм. В.Я. Петрухина в: *Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские… С. 218.

84 *Алемань А.* Указ. соч. С. 431.

85 Там же. С. 352–353. Прим. 85.

86 Его современность другому историческому персонажу — русскому князю Олегу, остается предметом дискуссии (см.: *Цукерман К.* Указ. соч.).

87 Цит. (с небольшими изменениями) по: *Алемань А.* Указ. соч. С. 434.]

царей»: «С тех пор в течение долгого времени все эти народы [овсы и дзурдзуки. — *Д.Б., А.В.*] были данниками хазар», — хотя Леонтий Мровели и путает хазар со скифо-сарматскими племенами, сообщения о более поздних событиях у него достаточно достоверны[88]. Итак, мирный договор между Ааароном и аланами был подкреплен брачным союзом его сына Иосифа с дочерью правителя алан. Отчасти этот мир был возобновлением старого союзничества времен царя Вениамина (см. выше). С данным брачным союзом можно связывать и повышение тюркского титула с багатара до к.рк.ндаджа (см. выше; ср. I.4)[89].

Не углубляясь здесь в проблематику византийско-хазарских отношений, отметим лишь, что еще при Льве VI (886–912) хазары состояли в союзе с императором, помогая ему в войне с болгарами (896 г.)[90]. Но поскольку на правление того же василевса, видимо, падает и византийско-хазарская война при царе Вениамине (см. выше), то, по всей видимости, при Льве VI империя в разные моменты была и союзником, и противником хазар. Более логичным кажется, что заключение византийско-хазарского союза стало следствием поражения империи в войне с Вениамином (т.е. до 896 года), чем наоборот. В таком случае учреждение аланской архиепископии около 912 года (где-то одновременно со смертью Льва VI, союзника хазар, и с возвращением Николая Мистика) и последовавшее за ним крещение аланского правителя нарушало геополитическое равновесие в пользу Византии — она получила важного союзника на Кавказе.

Теперь для понимания логики событий необходимо решить, следует ли приравнивать обратное движение маятника аланской политики в сторону хазар после вышеописанной войны с изгнанием христиан из Алании ок. 932 года[91]. Единственный источник, повествующий об этом факте, — «Луга золота и копи драгоценных камней» Аль-Масуди. Арабский географ умер в 956 году и, соответственно, был современником интересующего нас события, так что его информация имеет высокую степень достоверности и, к тому же, косвенно подтверждается данными других источников (см. ниже). Описывая царство алан, Аль-Масуди говорит: «После распространения ислама при Аббасидах цари алан, которые до этого были язычниками, приняли христианскую веру, но после 320 года хиджры [932 г. по Р.Х.] они отвратились от нее и изгнали епископов и священников, присланных к ним царем Рума»[92].

[88 См.: *Мровели Леонти.* Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана / Пер., пред. и комм. Г.В. Цулая. М., 1979. С. 52.

89 *Кодзаев К.М.* Верховная власть алан I-X вв. Владикавказ, 2008. С. 132.

90 Oxford Dictionary of Byzantium. Vol. 2 / Ed. by A. Kazhdan. New York, Oxford., 1991. P. 1127.

91 Ср.: *Цукерман К.* Указ. соч. С. 70–71; *Петрухин В.Я., Раевский Д.С.* Очерки народов России в древности и раннем Средневековье. М., 2004. С. 228.

92 Цит. (с небольшими изменениями) по: *Алемань А.* Указ. соч. С. 347.]

Вначале проанализируем сообщение Аль-Масуди о принятии аланами христианства. Слова «после распространения ислама при Аббасидах» указывают, по-видимому, на время, когда власть аббасидских халифов в Багдаде стала ослабевать, начиная с 830-х годов[93]. Принятие христианства правителями алан до 932 года подтверждается и Николаем Мистиком, и Ибн Русте (см. выше). Упоминание у алан после христианизации «епископов и священников, присланных к ним царем Рума» (т.е. византийским императором) связано с учреждением Аланской архиепископии около 912 года и подтверждается письмами Николая Мистика (см. I.2). Вопрос о наличии нескольких епископов в Алании до 932 года остается открытым (вопреки некоторым исследователям, настаивающим на факте присылки в Аланию нескольких иерархов[94]), так как никакими иными источниками их существование не зафиксировано, а Аль-Масуди вряд ли разбирался в тонкостях церковного устройства архиепископии. Характерно, что арабский автор рассматривает присылку клира из Византии как инициативу именно императора — с этим явлением мы столкнемся позднее, когда обратимся к анализу Сентинской надписи 965 года. Пока же еще раз отметим, что полное совпадение сообщений Аль-Масуди с данными независимых[95] греческих источников демонстрирует высокую степень достоверности его сведений.

Обратимся, наконец, к самим трагическим событиям изгнания христиан из Алании. Относительно датировки описываемого события сразу следует заметить, что, во-первых, неясно, когда именно «после 320 года» хиджры оно произошло; во-вторых, возможно, что Аль-Масуди берет 320 год как круглую дату, т.е. условный хронологический репер[96]. Поэтому, на самом деле, это изгнание произошло, по всей видимости, где-то вскоре после 932 года.

Сама же подоплека описываемого события хорошо согласуется с известием Кембриджского документа. Крещение алан инициирует «царь Рума»: это был либо Лев VI, при котором миссионеры среди алан, очень вероятно, уже работали (см. выше), либо его наследники — Александр (912–913) и Константин VII с его регентами, Зоей Карбонопсиссой и Николаем Мистиком. Последний, вероятно, и был идейным вдохновителем всего предприятия. Проводником антихазарской политики (по всей вероятности, в союзе с аланами) становится и Роман I Лекапин (920–944), названный в Кембриджском документе «злым Романом». Итак, в результате христианизации Византии удается заполучить

[93 Oxford Dictionary of Byzantium. Vol. 1 / Ed. by A. Kazhdan. New York, Oxford., 1991. P. 2.

94 *Martin-Hisard B.* Op. cit. P. 473.

95 С трудом Ибн Русте Аль-Масуди был, по-видимому, знаком.

96 Конъектура Прицака (*Golb N., Pritzak O.* Op. cit. P. 136), переправляющего 320 г. хиджры у Аль-Масуди на 310, вызвана не внутренними требованиями текста, а просто попыткой обойти дату, неудобную для его реконструкции хазарской хронологии (см. подобный же пример выше, I.2). Поэтому попытка Малахова (Указ. соч. С. 34) передатировать на этом основании (см. I.2.) отказ алан от христианства выглядит неубедительной.]

алан себе в союзники и отвратить их, таким образом, от хазар[97]. Прицак[98] считает, что к такому шагу алан подтолкнула боязнь поражения от византийско-печенежского союза, однако нет никаких свидетельств в пользу именно такой трактовки событий: во-первых, стоит вспомнить недавние победы аланского правителя над антихазарской коалицией, а, во-вторых, инициатива христианизации, судя по письмам Николая Мистика, исходила именно от Византии, опиравшейся на своего традиционного союзника, абхазского царя. Напротив, скорее уж военная мощь алан, победивших именно греков в упомянутой византийско-хазарской войне в конце IX — начале X века, заставила империю искать союза с ними, что и привело к христианизации Алании в 910-х годах. Подтолкнуть к этому империю мог и легкий путь достижения данной цели — старые союзнические отношения алан с давно христианизированной и лояльной ромеям Абхазией.

Апогеем этой политики становится вдохновленная империей аланохазарская война при Аароне, упомянутая в Кембриджском документе. Напомним, что единственным твердым хронологическим репером здесь является современность Иосифа, сына Аарона, Роману Лекапину (920–944). Таким образом, если предположить, что Иосиф (доживший до 955 года[99]) наследовал Аарону между 932 и 944 годами, то оказывается вполне возможным, что именно поражение алан в войне с Аароном и династический союз с хазарским царем повлекли за собой отказ от византийского (а значит, враждебного в тот момент хазарам) христианства и изгнание греческого клира.

Цукерман[100] вполне логично связал с этим событием преследование иудеев в Византии при Романе Лекапине[101]. По его мнению, это была ответная реакция империи на события в Алании, по аналогии, правда, дважды гипотетической[102], с гонениями 860-х годов. Но для такой последовательности источники отводят очень мало времени: письмо венецианского дожа Петра II, которое и упоминает указ Романа Лекапина о гонении на иудеев, было прочитано на Эрфуртском соборе летом 932 года[103] — следовательно, все предшествующие события (изгнание христиан из Алании, весть об этом в Константинополе, указ

[97 Ср.: *Golb N., Pritzak O.* Op. cit. P. 135.

98 Ibid. P. 135–136.

99 *Цукерман К.* Указ. соч. С. 56.

100 Там же. С. 70–71.

101 Прицак (*Golb N., Pritzak O.* Op. cit. P. 136) в соответствии со своей хазарской хронологией сдвигает дату этого гонения на начало 920-х годов (см. выше, прим. 96).

102 Гипотетична датировка Цукерманом иудаизации хазар и так же гипотетична связь с ним гонения Василия I на иудеев.

103 Gesta Berengarii Regis / Ed. E. Dümmler. Halle, 1871. P. 158.]

императора, весть о нем в Венеции и, наконец, отправление письма в Эрфурт) приходится заключить в узкий отрезок зимы — весны 932 года: 320 год хиджры начался 13 января 932 года по Р.Х. (тем более, что Аль-Масуди говорит об изгнании клириков «после 320 года хиджры», см. выше). Однако не будем забывать, что инициатором алано-хазарского конфликта была именно Византия, и поэтому логика событий здесь вполне может быть обратной[104]: гонение на иудеев Романа было частью кампании, начатой против Хазарии (тогда для всех вышеописанных событий остается времени, как минимум, в два раза больше), а изгнание христиан из Алании — ответной акцией хазар.

Логично, что изгнание христианского клира из Алании около 932 года должно было бы сопровождаться и разрушением воздвигнутых им храмов. Храм № 6 (рубежа IX-X веков) на Ильичевском городище был вскоре после постройки разрушен, по-видимому, самими жителями, а рядом, в Гамовой балке, найдены храмовые плиты, использованные для языческих захоронений[105]. Вспомним также предположение Кузнецова[106] о том, что до сих пор не исследованная каменная полукруглая, ступенчатая, ориентированная на восток выкладка под Сентинским мавзолеем — это основание апсиды более раннего храма. Тогда этот храм мог быть разрушен, скорее всего, именно около 932 года, косвенным доказательством чего может служить и указание Сентинской надписи на «возобновление» храма (см. III.3.А).

Попробуем интерпретировать в данном контексте «сарматский» (аланский?) набег на Армению в правление армянского царя Абаса (928–951) где-то в конце 930-х — начале 940-х годов. Его возглавлял Бер, которого Степанос Таронеци (X–XI вв.) называет «князем Абхазии из земли сарматов» (напомним, что Абхазией в этот момент правил Георгий II (915 или 922–960)), а Вардан Великий (XIII в.) — просто «сарматским князем»[107]. К сожалению, неясность этих указаний не дает возможности восстановить точную картину происшедшего: надо ли, действительно, видеть за «сарматами» алан или это просто указание на северные по отношению к Армении народы; был ли Бер абхазским или аланским полководцем; не означает ли упоминание абхазов лишь то, что «сарматы» пришли с их стороны, а сами они в походе не участвовали. Однако в связи с этим странным «князем Абхазии из земли сарматов» следует вспомнить и необычное свидетельство современника данного события — Аль-Масуди (§ 22) о главенстве правителя алан над абхазами. Вполне вероятно, что в 930–940-х

[104 Ср.: *Golb N., Pritzak O.* Op. cit. P. 104.

105 *Каминский В.Н., Каминская И.В.* Новые исследования христианских храмов малых форм в Западной Алании // Историко-археологический альманах. Армавир, 1996. Т. 2. С. 172–180; вывод исследователей о подобном же «добровольном» разрушении храма № 3 основан лишь на аналогии с храмом № 6 и не подтверждается археологическим материалом, а потому кажется не слишком убедительным.

106 *Кузнецов В.А.* Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977. С. 83.

107 *Алемань А.* Указ. соч. С. 386–387.]

годах аланы, в союзе с находящимися на пике своего могущества хазарами (см. выше и I.4), начинают экспансию на запад и юго-запад — на побережье Черного моря, подчиняя своей власти адыгские племена Северо-Восточного Причерноморья (см. I.5) и в какой-то степени Абхазию: не случайно в Пространной редакции ответа царя Иосифа говорится следующее: «все аланы до границы Аф-кана [вероятно, Абхазии]… платят мне дань»[108]. Доминирование это было тесно связано с могуществом их союзников — хазар и потому оказалось кратковременным[109], однако не удивительно, что после этого византийцы, вернувшие алан в орбиту своего влияния, повышают статус правителя именно Алании, но не Абхазии (см. I.4). В любом случае, несостоятельно мнение Б. Мартен-Изар[110], которая предполагает возобновление алано-византийского союза уже в конце 930-х годов, опираясь на поход Бера, равно как и на сигиллографию: точно датируемых аланских печатей этого времени нет (см. I.4).

I.4. История аланского христианства во 2-й половине X века

Как долго сохранялся союз между Аланией и Хазарией (очевидно антивизантийский), означавший ipso facto отказ алан от христианства? До сих пор[111] бытует гипотеза Х. Гельцера, согласно которой, Notitia episcopatuum 9, не упо-

[108 *Коковцев П.К.* Указ. соч. С. 101–102. Прим. 13).

109 Ю.С. Гаглойти (Указ. соч. С. 164–166. Прим. 64) выдвинул гипотезу о длительном присутствии алан в Абхазии. Однако большинство его аргументов не слишком убедительно: маловероятно, что алан Бакатар был абхазским эриставом (см. I.2); царь Леон (кон. VIII в.), давший второму эриставу «Анакопию с аланами», явно, не расселял их там — как и в случае с первым эриставом, он передает центральную территорию на побережье и удаленные от нее владения — какую-то часть собственно аланских земель, которой он владел. Наиболее загадочным местом остаются слова грузинской «Истории и восхваления венценосцев» (нач. XIII в.; в разных переводах несколько различаются): «Царь Георгий [Георгий III (1156–1184). — *Д.Б., А.В.*] охотился… в стране алан, которая есть Абхазия» (пер. Ю.С. Гаглойти); «охотился по всей Аланской земле, то есть в Абхазии» (пер. К.С. Кекелидзе). Очевидно, что «вся аланская земля» не может быть идентична Абхазии: владычество аланки Альды и византийцев над частью Абхазии также прекратилось уже за три четверти века до Георгия III. Судя же по контексту, слово «Абхазия» здесь введено для уточнения, как указание на западные пределы охоты Георгия III, так как дальше говорится о ее восточной границе: «иногда же [доходил] до моря Гурганского [т.е. Каспийского. — *Д.Б., А.В.*]». В охоте Георгия III на территории Западной Алании нет ничего удивительного: он был женат на дочери аланского правителя Худдана (Худадана; см. I.5). Характерно, что Иоанн Цец в XII веке ставит алан на третье место после иверов и абасгов (Chiliades 5, 17, 590).

110 *Martin-Hisard B.* Op. cit. P. 473.

111 См., напр., *Алемань А.* Указ. соч. С. 259.]

минающая Аланию, датируется около 940 года, — между тем, Ж. Даррузес[112] уже давно показал, что невозможно уточнить место этого документа внутри X века (так же, как и нотиции 10)[113]. И если, например, эта нотиция относится ко времени до 940 года, то Алании в ней не могло и быть, так как здесь не приведены автокефальные архиепископии (такие как Херсон и Воспор), к которым, очевидно, принадлежала и Аланская кафедра. Таким образом, этот вроде бы весьма существенный аргумент, который повторяли многие ученые, в т.ч. и мы сами[114], просто не существует.

Возможно, в наших поисках нам поможет участие алан в походе на Бердаа в 944/5 году. Бар-Эбройо[115] говорит об участии в нем алан, русов и лесгов, а Низами[116] — русов, буртасов, алан и хазар. Эта кампания русов, потерпевших недавно поражение от хазар[117], была, по всей вероятности, санкционирована последними[118], а, следовательно, участие в ней алан надо рассматривать как акт исполнения их союзнических обязательств перед Хазарией[119]. Тогда становится понятным тот факт, что автор Кембриджского документа (ок. 949 г.) ничего не говорит о нарушении алано-хазарского союза той или другой стороной. Впрочем, как argumentum ex silentio, это не может считаться полновесным доказательством сохранения на 949 год status quo 932 года: анонимный хазарский автор сообщает только о войнах (причем исключительно о победоносных для хазар), а не обо всех изменениях политической конъюнктуры — из его молчания следует лишь, что вооруженного столкновения между аланами и хазарами в 932–949 годах не было. Поэтому мы принимаем именно поход на Бердаа (944/5 г.) в качестве последнего свидетельства существования алано-хазарского военного союза. Таким образом, для разрыва алано-хазарского остается узкий промежуток между 945 и, самое позднее, 950 (см. ниже) годами.

[112 Notitiae... P. 92–94, 117.

113 «Правильное использование нотиции … не может сводиться к магическому числу, которым была бы дата на каждой редакции, подобно этикетке на флаконе» (Ibid. P. 94).

114 *Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю.* Фрески Сентинского храма и проблемы истории аланского христианства в X в. // РА. 2005. № 1. С. 140.

115 См.: *Алемань А.* Указ. соч. С. 500.

116 Там же. С. 473.

117 См.: *Цукерман К.* Указ. соч. С. 71–84.

118 *Полевой Н.Я.* О маршруте похода русских на Бердаа и русско-хазарских отношениях в 943 г. // ВВ. Т. 20. М., 1961. С. 90–105.

119 Вероятно также, что это усиление восточной активности алан связано с династическим союзом правителей алан и аварцев (Сарира), о котором, как недавнем, говорит Аль-Масуди (943–947 гг.; см.: *Алемань А.* Указ. соч. С. 347).]

Первый, кто, пусть и косвенно, свидетельствует о возвращении аланского правителя к христианству, — византийский император Константин VII Багрянородный (912–959; самостоятельно 944–959) в своем энциклопедическом трактате «О церемониях византийского двора». Это поучение, адресованное его сыну Роману II, было составлено между 944 и 959 годами, скорее всего, в конце 940-х[120]. Здесь в гл. 48 указаны формулы письменного обращения к различным иностранным правителям — аланский, что характерно, стоит на первом месте среди всех северокавказских: «К эксусиократору Алании золотая булла в два солида: „Во имя Отца, Сына и Святого Духа, Единого и Единственного Истинного Бога нашего, Константин и Роман, верные во Христе императоры ромеев, такому-то, эксусиасту Алании и нашему духовному сыну"»[121]. Обращение «духовный сын» восходит к византийской традиции, когда императоры становились восприемниками варварских вождей от крещальной купели, т.е. «духовными отцами». Но даже если аланский правитель и не крестился в Константинополе (что было бы весьма знаменательно и параллельно по времени с крещением русской княгини Ольги), все равно «духовным сыном» император мог назвать только христианина. Кроме того, это наименование имело высокий статус: у Константина его имеют еще только правители Болгарии и Великой Армении.

Второй момент, обращающий на себя внимание, — уникальный титул эксусиократора, который получил аланский правитель (титул эксусиаст в тексте буллы следует считать ошибкой писца единственной рукописи XII века, так как сам Константин употребляет его в отношении аланского правителя еще трижды[122]), бывший при первой христианизации обычным архонтом. Впрочем, выражение Николая Мистика ὁ τῆς Ἀλανίας ἄρχων (письмо 51) вряд ли следует понимать как terminus technicus — архонтами именуются практически все правители на Кавказе, в т.ч. и далекие от какого-либо подчинения империи. Между тем, эксусиократор стоит на первом месте в списке титулов варварских правителей[123] (гл. 46) и прилагается только к правителю Алании как у нашего порфирородного писателя, так и в «Алексиаде» (13, 6, 2) Анны Комниной[124],

[120 *Иванов С.А.* Византийское… С. 190.

121 εἰς τὸν ἐξουσιοκράτορα Ἀλανίας βούλλα χρυσῆ δισολδία· ἐν ὀνόματι τοῦ πατρὸς καὶ τοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου πνεύματος, τοῦ ἑνὸς καὶ μόνου ἀληθινοῦ Θεοῦ ἡμῶν, Κωνσταντῖνος καὶ Ῥωμανὸς, πιστοὶ ἐν αὐτῷ τῷ Θεῷ βασιλεῖς Ῥωμαίων, πρὸς ὁ δεῖνα τὸν ἐξουσιαστὴν Ἀλανίας καὶ πνευματικὸν ἡμῶν τέκνον (*Constantinus Porphyrogenitus*. De cerimoniis aulae Byzantinae libri duo. Vol. 1 / Ed. J.J. Reiske // Corpus scriptorum historiae Byzantinae, 10. Bonn, 1829. P. 688).

122 Возможно, такая ошибка была вызвана именно редкостью этого титула, который писец заменил на более частый, из текста соседних булл. Впрочем, не исключено, что мог ошибиться и сам Константин, приведя случайно текст старой буллы (см. ниже).

123 Ibid. P. 679.

124 *Anna Comnène.* Alexiade. Vol. 3 / Ed. B. Leib. Paris, 1945. P. 108.]

которая единственная из писателей, кроме Константина, упоминает этот титул. Получается, что высший для варварских правителей титул был создан ad hoc именно для Алании[125]. Такой рост статуса аланского правителя мог быть вызван аналогичным его повышением хазарами незадолго до этого — ок. 932 года (см. I.3). Наконец, еще Кулаковский отметил, что аланский правитель — единственный на Кавказе, к которому император обращается не с κέλευσις, т.е. «повелением», а как к независимому государю[126].

Заинтересованность Византии в аланах Константин Багрянородный трижды подчеркивает в трактате «Об управлении империей», 10-11 (того же времени, что и предыдущий): «Что узы могут воевать с хазарами, как близко расположенные к ним, подобно и эксусиократор Алании. Что девять климатов Хазарии соседствуют с Аланией, и может алан, если только захочет, их разграбить и так причинить большой ущерб и нужду хазарам, ведь от этих девяти климатов зависит вся жизнь и изобилие хазар… Что, поскольку эксусиократор Алании не в мире с хазарами, но более предпочтительно расположен к дружбе с императором ромеев, то, если хазары не захотят сохранять дружбу и мир с императором, то он может им причинить много зла, и устраивая засады на дорогах, и нападая на них, лишенных охраны, когда они проходят и к Саркелу, и к климатам, и к Херсону. И если такой эксусиократор постарается помешать им, то спокойным и глубоким миром насладятся и Херсон, и климаты, ведь хазары, опасаясь нападения алан и не имея свободы напасть с войском на Херсон и климаты, — так как не в силах воевать одновременно и с теми, и с другими — будут принуждены к миру»[127].

[125 *Алемань А.* Указ. соч. С. 242.

126 *Кулаковский Ю.А.* Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899. С. 53.

127 Ὅτι οἱ Οὖζοι δύνανται πολεμεῖν τοὺς Χαζάρους, ὡς αὐτοῖς πλησιάζοντες, ὁμοίως καὶ ὁ ἐξουσιοκράτωρ Ἀλανίας.

Ὅτι τὰ ἐννέα κλίματα τῆς Χαζαρίας τῇ Ἀλανίᾳ παράκεινται, καὶ δύναται ὁ Ἀλανός, εἰ ἄρα καὶ βούλεται, ταῦτα πραιδεύειν καὶ μεγάλην βλάβην καὶ ἔνδειαν ἐντεῦθεν τοῖς Χαζάροις ποιεῖν· ἐκ γὰρ τῶν ἐννέα τούτων κλιμάτων ἡ πᾶσα ζωὴ καὶ ἀφθονία τῆς Χαζαρίας καθέστηκεν...

Ὅτι τοῦ ἐξουσιοκράτορος Ἀλανίας μετὰ τῶν Χαζάρων μὴ εἰρηνεύοντος, ἀλλὰ μᾶλλον προτιμοτέραν τιθεμένου τὴν φιλίαν τοῦ βασιλέως Ῥωμαίων, ἐὰν οἱ Χάζαροι οὐ βούλωνται τὴν πρὸς τὸν βασιλέα φιλίαν καὶ εἰρήνην τηρεῖν, δύναται μεγάλως αὐτοὺς κακοῦν, τάς τε ὁδοὺς ἐνεδρεύων καὶ ἀφυλάκτως αὐτοῖς ἐπιτιθέμενος ἐν τῷ διέρχεσθαι πρός τε τὸ Σάρκελ καὶ τὰ κλίματα καὶ τὴν Χερσῶνα. Καὶ εἰ ποιήσηται σπουδὴν ὁ τοιοῦτος ἐξουσιοκράτωρ τοῦ κωλύειν αὐτούς, μεγάλης καὶ βαθείας εἰρήνης μετέχουσιν ἥ τε Χερσὼν καὶ τὰ κλίματα· φοβούμενοι γὰρ οἱ Χάζαροι τὴν τῶν Ἀλανῶν ἐπίθεσιν καὶ μὴ εὑρίσκοντες ἄδειαν μετὰ φοσσάτου ἐπιτίθεσθαι τῇ Χερσῶνι καὶ τοῖς κλίμασιν, ὡς μὴ πρὸς ἀμφοτέρους ἐν ταὐτῷ πολεμεῖν ἐξισχύοντες, εἰρηνεύειν ἀναγκασθήσονται (*Constantine Porphyrogenitus*. De administrando imperio / Ed. G. Moravcsik. 2nd edn. (Corpus fontium historiae Byzantinae 1 (= Dumbarton Oaks Texts 1)). Washington, D.C., 1967. P. 62–64).]

Заинтересованность, почти заискивание («эксусиократор Алании… *более предпочтительно расположен к дружбе* с императором ромеев») византийцев перед Аланией, как угрозой для хазар, враждебных на тот момент империи[128], очевидна, но что заставило самих алан в очередной раз сменить политическую ориентацию? Не исключено, что дело и здесь не обошлось без ловкой византийской дипломатии. Однако характерно, что Константин не считает нужным возбуждать алан против хазар, указывая на вражду эксусиократора Алании с последними как на реальный политический фактор, такой же, как и соседство двух народов. Таким образом, хронологический отрезок для разрыва алано-хазарского союза (см. выше), сужается еще больше: для него остается промежуток между 944/5 годом и концом 940-х — самое позднее, началом 950-х годов.

Цитируя Аль-Масуди, все исследователи концентрируются на вышеупомянутом (см. I.3) сообщении об изгнании христианского клира из Алании ок. 932 года — между тем, никто не обращает внимание, что этот автор, работавший в 943–956 годах, умалчивает о возвращении аланского правителя к христианству. В принципе, это можно было бы списать на желание мусульманского писателя говорить только о позитивных для ислама фактах, однако это противоречит общепринятому представлению об объективности Аль-Масуди. В пользу существования при Аль-Масуди алано-хазарского союза говорит и применяемый им к аланскому правителю тюркско-хазарский титул *к.рк.ндадж* (см. I.3). Как же согласовать это молчание Аль-Масуди с описанием постоянной вражды алан с хазарами и дружбы с Византией у его современника Константина (944–959)? Действительно, «Луга золота и драгоценных камней» датируются первой частью этого промежутка (закончены в 943 году, дополнены в 947-м), а «Об управлении империей» следует тогда датировать его второй частью (947–959), причем, вероятнее всего, концом 940-х годов (см. выше). Следовательно, возобновление алано-византийского союза произошло где-то в 943 (или 947) — 950 годах.

Вполне вероятно также, что возобновление алано-византийского союза предшествовало возвращению алан к христианству: последним актом Византия, очевидно, старалась еще крепче привязать к себе столь важного, но столь переменчивого союзника, который был пока «более предпочтительно расположен к дружбе с императором ромеев».

Наиболее вероятной причиной очередной перемены политического курса Алании представляется желание алан выйти из-под хазарского контроля, навязанного им в результате поражения около 932 года. Кроме того, разрыв отношений мог быть обусловлен возможной смертью как аланки — жены хазарского царя Иосифа (сам Иосиф дожил где-то до 955 года), так и старого правителя алан, который был тестем Иосифа. В любом случае, этот разрыв происходит на фоне постепенного упадка Хазарской державы, ведь после побед над руса-

[128 Чисто схоластическим упражнением в геополитике считает этот текст только А. Тойнби (*Toynbee A.* Constantine Porphyrogenitus and his world. London, 1973. P. 507–508); ср. справедливое указание Алеманя на свидетельство Кембриджского документа о, по крайней мере, одной византийско-хазарской войне (*Алемань А.* Указ. соч. С. 242).]

ми в начале 940-х годов она терпит от них же три поражения: от Святослава в 965 и 967 и от Владимира в 985 годах[129].

Итак, интерес в заключении союза между Византией и аланами был обоюдосторонним: первая стремилась укрепить свой северо-восточный фронт (прежде всего, против хазар), в то время как последние искали поддержки в освобождении от хазарской зависимости, в которую они попали в результате военного поражения. И в этом контексте возвращение к христианству, произошедшее, вероятно, чуть позже, знаменует собой не только подтверждение союза с империей, но и некий антихазарский жест: ведь именно хазары заставили алан уничтожить их собственную Церковь.

Чтобы упрочить этот союз с аланами, Византия не только поднимает до небывалых высот статус правителя Алании, сделав его эксусиократором: она одновременно повышает и значение автоматически воскресшей местной Церкви. Аланская архиепископия превращается в митрополию. Эта политическая подоплека объясняет и странный для митрополии статус Алании, не имевшей подчиненных кафедр (относительно возможности существования нескольких епископов в Алании до 932 года см. I.3): Кузнецов, выдвинувший версию о существовании в рамках Аланской митрополии нескольких епископий, не привел ни одного фактического аргумента в пользу их существования, кроме очень поздних упоминаний (XIV в.) Кавказской епархии[130]. По материалам же Notitia episcopatuum, где всегда упоминаются подчиненные митрополии епископства, никаких суффраганов у Аланской кафедры в X-XII веках не было, причем Notitia 13 (XII век) прямо об этом говорит[131].

До недавнего времени первым известным аланским митрополитом был Николай в 997/8 году[132]. Но в последние годы появились два новых источника. Во-первых, для печати аланского митрополита Игнатия из коллекции Закоса, которую Ж-К. Шене отнес к рубежу X–XI веков[133], В. Зайбт предложил новую датировку — середина X столетия или даже раньше[134] (что может склонить нас к ранней датировке «рехристианизации» — 1-й половине 950-х годов). Если Зайбт прав[135], то вполне вероятно, что речь идет о первом митрополите Алании, прибывшем туда

[129 Oxford… Vol. 2. P. 1127.

130 *Кузнецов В.А.* Указ. соч. С. 82.

131 Notitiae... P. 367.

132 *Ficker G.* Op. cit. S. 93–94.

133 *Cheynet J.-C.* Sceaux de la collection Zacos. Paris, 2001. P. 13f.

134 *Зайбт В.* Византийские печати из Алании «μητροπολίτης Ἀλανίας» и «ἐξουσιοκράτωρ Ἀλανίας» // Новое в византийской сфрагистике. СПб., 2003. С. 14.

135 **Шене в частном письме к нам сомневается, что печати такого типа можно датировать так точно, как Зайбт,** хотя и признает возможной датировку X веком.]

после восстановления христианства[136]. Он вполне мог быть и непосредственным предшественником митрополита Феодора, упомянутого в другом новооткрытом памятнике — надписи из Сентинского храма 965 года (см. III.3.А.).

Надпись находится на южной стене восточного рукава креста этого крестово-купольного храма, на высоте более 2 м над уровнем пола. Это была одновременно и строительная надпись, и официальный документ об освящении храма. Приведем ее текст: «Освящен, обновлен храм пресвятой Богородицы в царствование Никифора, императора и кесаря (?), и Давида, эксусиократора Алании, и Марии эксусиократориссы 2 апреля, в день святой Антипасхи (?), рукою Феодора, освященного митрополита Алании, в 6473 году от сотворения мира. Написано рукой …, апокрисиария патрикия» (подр. см. III.3.А.). Надпись выполнена краской по слою первоначальной штукатурки и современна дате освящения храма — 2 апреля 965 года (относительно датировки храма см. III.3.А.).

«Никифор император» — это, несомненно, византийский василевс Никифор II Фока (963–969); Давид и Мария — первые известные нам по имени эксусиократоры Алании, по всей видимости, супруги. Отметим дипломатичную тонкость формулировки: Давид, конечно же, не назван василевсом, но он царствует, подобно Никифору: «в царствование Никифора императора ... и Давида эксусиократора»[137]. Упоминание митрополита Феодора, собственноручно освятившего храм, — первое датированное свидетельство возрождения Аланской кафедры. Слово *патрикий* дано в сокращении ΠΑΤΡS, а, следовательно, обозначает здесь не имя собственное (к сожалению, утраченное в надписи), но высокий византийский титул, который в VIII–X веках носили наиболее важные правители фем и военачальники[138]. Светский характер этого титула заставляет считать и апокрисиария нашей надписи не церковным чиновником, но государевым посланником[139] — маловероятно, чтобы в аланском государстве была своя столь развитая чиновничья система. Следовательно, наш аноним был высокопоставленным посланцем Никифора Фоки, который, кстати, зимой—весной 965 года находился на зимних квартирах в Каппадокии[140], не так далеко от Алании. Интерес императора к Алании был, вероятно, двояким: с одной стороны, союз с ней служил гарантией безопасности против нападения хазар в то время, когда Никифор вел войну с арабами, а с другой, последний мог надеяться на помощь аланского войска, доходившего тогда, по Аль-Масуди[141], до 30 000 всад-

[136 То, что Игнатий был митрополитом до 932 года, кажется маловероятным, хотя бы в силу неуверенности самого Зайбта в своей датировке.

137 Ср. также ниже, относительно фрески Сентов и плиты из Зедазени.

138 Oxford Dictionary of Byzantium. Vol. 3 / Ed. by A. Kazhdan. New York, Oxford., 1991. P. 1600.

139 Oxford… Vol. 1. P. 75, 136, 1600.

140 *Лев Диакон.* Хронография III, 11; IV, 1.

141 См.: *Алемань А.* Указ. соч. С. 348.]

ников, и в самой этой кампании. Вспомним также, что в том же 965 году поход на хазар предпринимает Святослав, — поездка императорского апокрисиария в далекую Аланию была вызвана, очевидно, не одним лишь освящением храма (для этого хватило бы и одного византийского митрополита), а имела, видимо, своей целью возобновление военного союза империи с аланами.

Рядом с Сентинским храмом находится уникальный для Кавказа мавзолей X века, а в самой церкви обнаружено богатейшее захоронение с византийскими вещами[142]. Это был, по всей видимости, родовой некрополь аланской знати, возможно, даже семьи самого эксусиократора, и освящение здесь храма имело особое значение. К тому же, если «апсида» под мавзолеем, действительно, принадлежит раннему храму, разрушенному около 932 года (см. I.3), то идейная нагрузка события возрастала: на фоне недавнего хазарского прошлого христианство алан еще теснее переплеталось с союзом с Византией. В этом контексте присылка специального императорского апокрисиария, выполнившего, к тому же, строительную надпись, выглядит совсем не случайной.

965 — год освящения Сентинского храма, весьма знаменателен для истории не только Алании, но и всего Северного Кавказа. Под этим годом «Повесть временных лет» сообщает следующее: «В 6473 году пошел Святослав на хазар. Услышав же об этом, хазары вышли навстречу со своим князем каганом. И сошлись в битве, и когда случилось сражение, одолел Святослав хазар, взял их город Белую Вежу и победил ясов и касогов»[143]. Итак, это был первый чувствительный удар по хазарской державе — недругу алан. Однако из победы Святослава над хазарами и ясами нельзя сделать вывод о существовании в 965 году алано-хазарского союза. Во-первых, против ясов князь отправляется только после взятия Белой Вежи—Саркела, после окончания похода против собственно хазар, т.е. объединенного хазаро-аланского войска в этой кампании не было. Во-вторых, хотя ясы в русских источниках — обычное имя для алан, известно[144], что какие-то аланские племена (причем, скорее всего, не кавказского, а азиатского происхождения) кочевали в южнорусских степях (и даже служили, по свидетельству Аль-Масуди, в хазарском войске). Но, поскольку русские летописи называют всех аланов и асов именем *ясы*, нельзя исключать, что Святослав победил именно кавказских алан, тем более, что вместе с ними упоминаются их непосредственные соседи — касоги.

Мы ничего больше не знаем об Аланском митрополите Феодоре (не смешивать с другим Феодором Аланским XIII века). Один из его преемников упоминается под 997/8 годом (см. I.5). Неизвестно, сколько владык находилось на Аланской кафедре за 32 года между 965 и 997 годами, однако удивительно и то, что мы знаем на протяжении X века о четырех иерархах (притом, что един-

[142 *Марковин В.И.* Исследование Сентинского храма и некрополя у реки Теберды в Карачаево-Черкессии // Историко-археологический альманах. Армавир; М., 1996. Т. 2. С. 180–202.

143 Повесть временных лет. Т. 1 / Изд. В.П. Адрианова-Перец. М.-Л., 1950. С. 47.

144 *Алемань А.* Указ. соч. С. 491; см. также комм. В.Я. Петрухина в: *Голб Н., Прицак О.* Указ. соч. С. 219.]

ственное имя правителя всплыло только недавно): 4 имени на 70 лет (914-932 и ок. 950–999) — совсем немало.

В 982/3 году анонимный автор «Худуд аль-алам» сообщает, что царь Алании — христианин, а среди его подданных есть и христиане, и язычники[145], — это, по всей видимости, объективно отражает картину распространения христианства в Алании (см. также ниже). Кроме того, постоянные набеги алан на зихов, о которых в X веке упоминают Константин Багрянородный (De administrando imperio, 42) и Аль-Масуди (Луга золота и копи драгоценных камней, 2, 40), вероятно, дали возможность автору «Худуд аль-алам» (3, 6) считать Черное море западной границей Алании, хотя не исключено, что аланам и удалось где-то в 3-й четверти X века захватить часть побережья и вести оттуда морскую торговлю (см. также I.3). В этой связи следует вспомнить странное свидетельство Ибн Халдуна (1332–1406) о стране Алании и ее главном поселении Савтали на берегу Черного моря[146]. Возможно, арабский автор спутал Аланию с Абхазией, и тогда Савтали — это, вероятно, Севастополь Великий (совр. Сухуми), но не исключено, что и здесь мы видим следы проникновения алан на черноморское побережье.

Не стоит дословно воспринимать и современное предыдущему сообщение Ибн-Хаукаля: «Во владения Византии входят пределы славян и соседствующих с ними русов, сариров, алан, албанцев и армян»[147]. Очевидно, что здесь речь идет о том самом «Византийском содружестве наций» — характерно, однако, что арабский мир воспринимал Аланию как часть Византии.

Подытожим наши наблюдения над историей аланского христианства в X веке (теперь без подробных указаний на степень предположительности тех или иных деталей). Где-то до 912 года, возможно, еще в первое патриаршество Николая (901–907), здесь начинается деятельность монахов-миссионеров во главе с его доверенным лицом, олимпийским игуменом Евфимием. Вернувшись на кафедру в 912 году, Николай Мистик отзывает этих миссионеров для отчета в Константинополь (возможно, ему понадобился Евфимий) и взамен создает для алан архиепископскую кафедру, не просто повышая положение Аланской Церкви, но и адаптируя ее к новому статусу Алании, как христианского государства (подобно Абхазии), — для крещения архонта требовался архиепископ. Эта замена задумывается в 912 году, подготавливается в 913-м и, наконец, осуществляется в 914-м, когда и происходит крещение аланского правителя[148]. Архиепископ Петр выезжает из Константинополя в начале 914

[145 *Алемань А.* Указ. соч. С. 467

146 Там же. С. 341.

147 О проблеме упоминания алан в этом тексте см.: *Полосин В.В.* Об арабском названии Кавказской Албании (Аррана) // Письменные памятники Востока / Историко-филологические исследования. Ежегодник. 1973. М., 1979. С. 165.

148 Об этой дате см. также: *Martin-Hisard B.* Op. cit. P. 472–473.]

года и, очевидно, в том же году прибывает в Аланию. Помощь ему, по крайней мере, на начальном этапе, оказывают старые союзники алан — абхазские цари: Константин III (до 915/6 или 922/3 г.) и его сын Георгий II (после 915/6 или 922/3 г.) — с просьбой об этом к ним обращается сам патриарх. Архиепископ Петр оказался в Алании не только стеснен во многом необходимом (что ставит под сомнение возможность крупного церковного строительства в этот период), но и вынужден был столкнуться с сопротивлением некоторым аспектам своей политики, в том числе и со стороны знатных алан. Основным камнем преткновения становится проблема традиционного многоженства алан, которую Николай Мистик дважды, немного по-разному пытается разрешить в своих письмах к своему ставленнику, не всегда доходивших, к тому же, до адресата. Трудности в церковной и, возможно, дипломатической деятельности, возникшие перед склонным к унынию Петром, должен был разрешить игумен Евфимий, во второй раз посланный в Аланию. Однако его вмешательство в дела архиепископа вызвало новый конфликт, который патриарх попытался урегулировать, поддержав в нем при этом Евфимия. Этот раздор, случившийся где-то около 917 года, — последнее известное нам событие из жизни Аланской Церкви до катастрофы около 932 года.

Изгнание в этом году епископов и священников из Алании, о котором сообщает Аль-Масуди, вполне вероятно, было следствием поражения от хазар, на которых алан, по свидетельству Кембриджского документа, направила именно Византия. Результатом победы хазар стало заключение (точнее, возобновление старого) военного и династического союза между царем Аароном и аланским правителем и, соответственно, разрыв алан с Византией, автоматически сопровождавшийся отказом от христианства, изгнанием греческого клира и, вероятно, разрушением храмов. Этот алано-хазарский союз точно просуществовал до 944/5 года, когда они вместе идут походом на Бердаа, и распадается где-то между 945 и 950 годами, когда Константин Багрянородный говорит о постоянной вражде двух этих народов и называет аланского правителя своим «духовным сыном» — следовательно, правитель Алании снова стал христианином. Аланы искали опору в борьбе за освобождение от хазарской зависимости, а сильная заинтересованность византийцев в Алании, как союзнике против хазар, повлекла за собой повышение статуса как правителя Алании (с архонта до эксусиократора — экстраординарного и высочайшего титула), так и ее иерарха (с архиепископа до митрополита). Для 2-й половины X века мы знаем имена трех митрополитов: Игнатия, Феодора и Николая, а также эксусиократоров — супругов Давида и Марии, которым оказывал содействие в постройке Сентинского храма сам император Никифор II Фока (к этому же периоду, на наш взгляд, стоит относить и остальное крупное церковное строительство в Алании). Это новое византийско-аланское сближение и «рехристианизация» страны было, по всей вероятности, не только следствием разрыва династических уз и желания алан освободиться от хазарского контроля, но и результатом общего ослабления Хазарии, которая терпит вскоре, в 965 году, первое чувствительное поражение от русского князя Святослава. В рамках того же похода Святослав сталкивается и с какими-то ясами, однако их связь с Аланской державой не ясна, как мало известна нам и вся политическая и церковная история

Алании в X веке. На политическую арену выходит новая грозная сила, которая побеждает и враждебно настроенных к империи (по крайней мере, на 955 год) хазар, и, возможно, провизантийски настроенных алан, но которая в следующем поколении также пойдет христианским путем своего кавказского соседа.

I.5. Алания в XI веке

С началом нового, XI столетия связана тяжба аланских митрополитов с монастырем св. Епифания в Керасунте: патриарх Сисиний II (995–998) обязал эту обитель снабжать митрополита Алании сыром и вином во время его остановок по пути в Константинополь и обратно. После смерти получившего данную привилегию аланского иерарха и назначения на эту кафедру Николая керасунтских монахов освободил от этой обязанности император Василий II, побывавший в 1021 году в соседнем Трапезунде, однако еще в правление того же василевса (ум. в 1025 г.) аланские митрополиты вернули себе свои прежние права. Их поездки в столицу (настолько частые, что стали обузой для керасунтцев) связаны скорее не с высоким статусом аланского святителя среди византийских иерархов[149], а с дипломатической миссией митрополита, осуществлявшего связь между Константинополем и Аланией. В связи с Керасунтом и Трапезундом следует также отметить важность архитектурных контактов Алании и Абхазии с этим регионом[150]. Возможно, непосредственным преемником Николая был Климент, подписавшийся в 1032 году под актами константинопольского собора: его имя стоит предпоследним среди митрополитов — ниже только Крит[151].

С XI века Алания появляется и в Notitia episcopatuum Константинопольской церкви. Она занимает обычно не слишком высокое место на границе второй и третьей трети митрополий, что интересно — сразу после митрополии Руси, которая была учреждена позже. Последнее может свидетельствовать об упадке интереса империи к аланам (см. I.3), но может быть вызвано и большими размерами Киевской митрополии и наличием у нее нескольких суффраганов: в Notitia 13 Алания открывает список митрополий без подчиненных кафедр[152]. Это место Алания сохраняет до конца XIV столетия.

[149 *Ficker G.* Op. cit.; *Кузнецов В.А.* Указ. соч. С. 43.

150 См. II.2.B.b, относительно более поздней датировки трапезундских храмов, из-за чего спорной оказывается теории о Трапезунде как источнике абхазо-аланской архитектуры (см.: *Перфильева Л.А.* К вопросу о византийском влиянии на культовую архитектуру Северно-Западного Кавказа X–XI вв. // Аланы: Западная Европа и Византия / Отв. ред. В.Х. Тменов. Владикавказ, 1992. С. 180–201).

151 Hierarchia ecclesiae orientalis. Vol. 1 / A cura di G. Fedalto. Padova, 1991. P. 406; *Seibt W.* Metropoliten... C. 52.

152 Notitiae... P. 367.]

О расцвете искусства в Алании XI века свидетельствует, возможно, и то, что в «Кабус-наме» (1082/3 гг.) аланы характеризуются как *люди*, «имеющие художественные склонности». Вообще, XI век — время стабильности для Аланской Церкви. Об этом свидетельствует, прежде всего, продолжающаяся традиция богослужения в старых храмах X века. В Сентинском храме примерно за полтора столетия после освящения (с 965 года до конца XI — начала XII века) живописная декорация обновлялась трижды (!), причем каждый раз в сторону увеличения: первоначальные кресты между окнами апсиды были заменены на сложный орнамент из крестов и плетенки на стенах апсиды, тот, в свою очередь, — на изображения Богоматери Знамение и свт. Николая там же, пока, наконец, не был расписан весь храм (см. III.2). Эта последняя декорация конца XI века использует разработанную в том же столетии византийскую схему росписи крестовокупольного храма, что свидетельствует о восприимчивости Аланской Церкви к эволюции византийского искусства[153].

О том, что церковная жизнь продолжалась в начале XI века и на Нижнеархызском городище, свидетельствует каменный крест 1012/3 года, найденный рядом с Северным храмом[154]: «Иисус Христос побеждает. В год от сотворения мира доныне, [до этого] честного креста, 6521»[155]. Крест этот не является надгробием, поскольку в тексте надписи нет не только имени, но и вообще никакого указания на умершего. Скорее всего, это памятный знак, похожий, с одной стороны, на зеленчукскую плиту, а с другой, на металлический крест 1067 года из нартекса того же Северного храма[156]. Предположение о его ставропигиаль-

[153 Ср. архаичную схему росписи Среднего храма в Нижнем Архызе (см. II.3.D).

154 Отнесение этого памятника к Южному храму (см.: *Малахов С.Н.* О датировке христианских памятников Нижнего Архыза // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения 1971-2006. М.; Ставрополь, 2008. С. 757) наталкивается на некоторые сложности: кладбище около него, в отличие от Северного, неизвестно, равно как неизвестно и близко протекающей речки, вынесшей камень к Зеленчуку (о находке камня см.: Древне-христианские храмы и св. Александро-Афонский Зеленчукский монастырь в Зеленчукском ущелье Кавказского хребта Кубанской области Баталпашинского уезда. Одесса, 1904. С. 21–23).

155 Ἰ(ησοῦ)ς Χ(ριστὸ)ς νικᾷ. Ἔτους ἀπὸ κτίσεως κόσμ(ου) ἕως νῦν, τῶ̃ τιμήω̃υ στ(αυ)ρω̃υ ϛφκα΄. **Возможно, не очень грамотный составитель надписи хотел сказать: «…до нынешнего честного креста»** (ἕως τοῦ νῦν τιμίου στ(αυ)ροῦ).

156 *Скржинская Е.Ч.* Греческая надпись из средневековой Алании // ВВ. Т. 21. М., 1962. С. 118–126: «Ἰ(ησοῦ)ς Χ(ριστὸ)ς νικᾷ. Μη(τὴ)ρ θ(εο)ῦ. Ἀνεκενή(σ)θη ὁ τίμ[ι]ος σταβρὸς παρὰ τοῦ θεοφιλεστάτου μο(να)χ(οῦ) Θ(ω)μ(ᾶ) πρ(εσβυτέρου), ἔτους Α ϛφκα΄, ἰνδ(ικτιῶνος) ε΄» (после слова «год» резчик, вероятно, действительно, хотел написать что-то вроде «ἀπὸ κτίσεως κόσμου» или «ἀπὸ Ἀδάμ», однако понял, что места ему не хватит и остановился на букве А — поэтому мы ничего не восстанавливаем на этом месте). Может быть, крест и переделан из процессионного, однако термин ἀνεκενίσθη **значит здесь, конечно, «освящен»**, а не «обновлен» (см. III.3.A).]

ном характере[157] маловероятно ввиду отсутствия на нем обязательного указания на какую-либо церковную принадлежность.

Судя по наличию трех крестовокупольных храмов, два из которых — крупнейшие в Алании, Нижний Архыз и был центром Аланской митрополии. Кузнецов[158] предложил отделять его, однако, от столицы аланского правителя — Магаса, упоминаемого в различных источниках[159], по следующим причинам: отсутствие царского и феодальных дворцов и богатых захоронений; возникновение городища лишь в X веке, тогда как Магас уже упоминается Аль-Масуди как столица Алании. К этим аргументам можно добавить еще два. Во-первых, отсутствие в Нижнем Архызе серьезных оборонительных стен, которые были разрушены в Магасе во время монгольской осады лишь после нескольких дней осады и прокладки дорог для стенобитных орудий, о чем упоминает Джувейни[160], — между тем, на Кяфарском городище, отождествленным Кузнецовым с Магасом, они есть. Во-вторых, в отличие, например, от соседних Зихии и Абхазии, в Notitiae episcopatum (см. I.4) для аланской епархии вроде бы не указывается кафедральный город (такой как Никопсия или Севастополь Великий), по крайней мере, с именем, близким к *Магас*.

Впрочем, в отношении последнего обстоятельства стоит обратить внимание на одну странную деталь: в Notitiae, начиная с 12-й, т.е. со второго упоминания Алании в списках епархий, и до самого конца сама митрополия называется ἡ Ἀλανία, в то время как ее предстоятель имеет титул ὁ Ἀλανείας: можно предположить, что название кафедрального города Аланской епархии (т.е. Нижнего Архыза) было создано греками омонимично названию страны, и такой орфографической разницей было подчеркнуто различие между Аланией как епархией и епархиальным центром. Данное предположение было бы чисто гипотетическим, если бы в «Худуд аль-алам» (982/3 г.) при описании Алании между Кашаком (аланскими владениями на Черном море) и Дарьялом не упоминался город Хайлан[161]: такая форма для передачи имени алан известна и в армянской традиции[162].

Данному топониму существует параллель и в ономастике. В надгробии[163], находящемся в Виченце, но происходящем, вероятно, из Малой Азии, которое

[157 *Малахов С.Н.* О датировке…

158 *Кузнецов В.А.* Дургулель… С. 81–88.

159 *Алеманъ А.* Указ. соч. С. 347–348, 476, 482, 531.

160 Там же. С. 476.

161 Там же. С. 467

162 Там же. С. 372.

163 *Guillou A.* Recueil des inscriptions grecques médiévales d'Italie. Rome, 1996. P. 102–104. № 103.]

датируется временем около X века[164], упоминается «Иоанн, послуживший, императорский кравчий, родом ивер, сын Алания и Саломеи». Таким образом, около X века в Грузии существовало имя Ἀλάνιος, которое носил, вероятно, выходец из Алании (ср. современную абхазскую фамилию Алания). С этим следует сопоставить и Ἀλανός как личное имя в Македонии середины XIV века[165] и как фамильное (?) на византийских печатях 2-й — 4-й четвертей XI века (протоспафарий Сергий, высший военный командир Григорий, анонимный проэдр, Константин и Георгий)[166]. Кстати, стратиг Константин Алан в 1047 году командовал войсками неподалеку от Алании — в Иверии[167]. Кроме того, мы имеем здесь еще одно свидетельство проникновения потомков алан на византийскую службу (см. ниже).

Отсутствие других свидетельств о церковной жизни Алании, которые бы можно было надежно отнести к XI веку, заставляет нас рассмотреть вопрос о том, какую политику аланские правители вели по отношению к соседним христианским государствам: Абхазии, Грузии и Византии. Анализ этой проблемы приводит к выводу, что стабильность церковной жизни в Алании является следствием, с одной стороны, политической мощи аланской державы, а с другой, ее устойчивой приверженности христианству. Последнее обстоятельство можно объяснить двумя причинами. Во-первых, исчезает «хазарский фактор»: кочевники, пришедшие на место хазар в южнорусских степепях, и меньше соприкасались с аланами, и не были настроены так антихристиански, а отчасти унаследовавшая место Хазарии Русь вообще приняла православие от византийцев. Во-вторых, высокий (и формальный, и реальный) статус Алании в отношениях с Византией, дошедший до установления брачных связей, неизбежно удерживал аланского правителя от расставания с христианством, хотя большинство его подданных могли и оставаться язычниками.

Судя по всему, у аланских правителей повысился и уровень статусных претензий (см. также I.3). На копии И.А Владимирова[168] с фрески внизу северной стены западного рукава Сентинского храма мы видим храмовую патронессу-Богородицу, обращенную с молитвенным жестом вправо, к сегменту неба, откуда исходит благословляющая рука Христа. Слева от Богоматери верхняя часть фигуры бородатого мужчины в византийском императорском венце и

[164 Попытки Д. Траины (*Traina G.* Note classico-orientali // Acta orientalia Academiae scientiarum Hungaricae, 50, 1997. P. 291–297; см. также: *Feissel D.* Chroniques d'épigraphie byzantine. 1987–2004. Paris, 2006. № 1011) вернуться к старой датировке Гийу — VI веку, неубедительны в силу палеографии надписи.

165 PLP. № 546.

166 *Seibt W.* Metropoliten... C. 55–56.

167 Regesten der Kaiserurkunden Oströmisches Reiches von 563-1453. 2. Teil // Bearb. von F. Dölger. 2. Aufl. München, 1995. № 882.

168 ИИМК РАН. РА. Р. I. Д. 201. Л. 12; *Дьячков-Тарасов А.Н.* Указ. соч. Табл. 15.]

с нимбом[169]; еще одна фигура слева не сохранилась (подр. см. III.2.D.d). Нарушающая регистровую строгость декорации фреска (на противоположной стене стоят анфас четверо преподобных) возможно является ктиторской: Богородица (ее иконография Агиосоритиссы может быть связана с митрополитом Евстратием, см. III.2.D.d), как патронесса храма, заступничествует перед Богом за его строителей (их положение анфас находит аналогии, напр., в ктиторских мозаиках XI — начала XII века на южных хорах Софии Константинопольской), в руках которых могли находиться какие-то символы их даров, например, храм. Здесь мог быть изображен император Никифор II Фока, при котором был освящен Сентинский храм (см. III.3.A), — тогда вполне понятно наличие нимба: в Византии существовало народное почитание данного василевса как святого. Также возможно, что здесь стоял умерший создатель храма эксусиократор Давид (рядом с ним могла стоять его жена Мария), либо аланский правитель, заказавший роспись (как обычно и бывает; вероятно, это был Дорголель, см. III.2.E), либо оба они вместе[170]. В таком случае претензии аланских правителей на императорские инсигнии отражают уровень их политических притязаний. В этой связи следует вспомнить, что Константин Мономах в середине XI века представлял аланским посланцам свою любовницу-севасту аланку как императрицу[171].

Аналогичную картину мы видим и на плите из алтарной преграды грузинского храма Зедазени, которая датируется 1-й половиной XI века. По предположению И.Ф. Николеишвили[172], здесь кахетинский царь Квирике III (1010–1029) пожимает, в знак союза, руку царю овсов (т.е. аланскому правителю): оба они носят лоратные одежды — символ императора и его ближайшего

[169 Это не может быть св. Константин, так как нет ни следов креста, ни разгранки между ним и соседней фигурой молящейся Богоматери.

170 С нимбами обычно изображали лиц царского достоинства — в искусстве византийского круга подобных примеров множество. Таковы многочисленные портреты византийских императоров (София Константинопольская и Сан-Витале в Равенне), царей Болгарии (Бояна), русских князей (София Киевская, Нередица), правителей Сербии (Студеница, Ресава, Прилеп, Лесново, Дечаны, Грачаница и проч.). Наиболее географически близкий пример — это прижизненные портреты членов грузинской правящей фамилии, в т.ч. Дмитрия I, Георгия III, царицы Тамар, ее сына Георгия Лаша, Давида Нарина и др. (например, Атени, Вардзия, Бетания, Кинцвиси, Бертубани, Удабно, Колагири, Бедия, Гелати). Лица более «низкого» ранга изображались без нимбов. Единственное, кажется, известное нам исключение — портреты мингрельских князей Дадиани в Хоби и Цаленджиха, но эта фамилия всегда претендовала на независимое от центральной власти Грузии правление. Так что если в Сентах действительно был изображен ктитор, то нимб — это прямое указание на его царское достойнство.

171 *Михаил Пселл.* Хронография, 6, 154.

172 *Nikoleishvili I.* Georgische Ikonostas-reliefs der 10.–11. Jahrhunderts mit Darstellungen historischen Personlichkeiten (Skieri, Saorbisi, Sedaseni) // Georgia, 15, 1992. S. 144–150.]

окружения[173]. Таким образом, возможно, что статусные претензии аланских правителей (роспись Сентинского храма относится к концу XI века) возникли под влиянием их грузинских соседей. Кто же изображен рядом с Квирике III? Из «Хроники Картли» и «Жизни и деяний Кахетии и Эрети» мы знаем, что он убил в бою царя овсов Урдуре, за что сам в 1029 году был убит из кровной мести рабом-овсом[174]. Вряд ли на зедазенском рельефе изображен наследник Урдуре: он был кровником Квирике. Скорее, это сам Урдуре, еще до разрыва своего союза с кахетинским царем[175].

Если с Картли и Кахетией отношения у алан были зачастую враждебными, то традиционный союз с Абхазией (см. I.2) сохранялся и в XI веке. Об этом свидетельствует, прежде всего, упоминаемый той же «Хроникой Картли» второй брак абхазского и общегрузинского царя Георгия I (1014–1027) с дочерью царя овсов[176]. Иоанн Скилица в описании царствования Романа III (§ 16)[177] сообщает ее имя — Альда. После смерти Георгия и восшествия на престол его сына от первого брака, Баграта IV (1027–1072), проиграв ему борьбу за возведение на трон своего сына Димитрия, Альда около 1033 года передала империи крепость Анакопию, что привело к образованию здесь византийской фемы, существовавшей во 2-й половине XI века[178]. Не исключено, что на поведение Альды повлияла не только тяжелая для нее политическая ситуация, но и традиционный союз ее родины с Византией.

Константин IX Мономах (1042–1055) после смерти своей любовницы Склирены увлекся дочерью аланского правителя, находившейся в Константинополе в статусе заложницы (об этом пишут Михаил Пселл и Иоанн Зонара[179]). После смерти своей жены Зои, одной из последних представительниц Македонской династии, в 1050 году он стал жить с аланкой открыто, дал ей титул севасты (придуманный им ранее для Склирены) и даже заставлял придворных выка-

[173 Р. Шмерлинг (*Шмерлинг Р.* Малые формы в архитектуре средневековой Грузии. Тбилиси, 1962. С. 112–115) ошибочно считала, что одна из двух фигур, одетых в светские придворные платья, — епископ, путая церковный чин с кахетинским титулом правителя-«хорепископа».

174 *Алемань А.* Указ. соч. С. 416–417.

175 Нет никаких фактических оснований считать, что Урдуре был царем лишь Восточной Алании (*Гаглойти Ю.С.* Указ. соч. С. 220).

176 *Алемань А.* Указ. соч. С. 417.

177 Там же. С. 296.

178 *Seibt W., Jordanov I.* Στρατηγὸς Σωτηρουπόλεως καὶ Ἀνακουπίας: Ein mittelbyzantinisches Kommando in Abkhasien (11. Jhdt.) // Studies in Byzantine Siggilography, 9, 2006. P. 231–239.

179 *Алемань А.* Указ. соч. С. 299–300, 303–304.]

зывать ей почести, как августе. В это время еще был жив ее отец (см. ниже). После смерти Константина она вернулась в положение заложницы, однако при его жизни в Аланию было отправлено, по свидетельству Михаила Пселла, немало ромейских богатств. В это время, по свидетельству того же Пселла[180], Алания постоянно была верным союзником Византии.

Печать с надписью «Гавриил, эксусиократор Алании» 2-й половины XI века Малахов соотнес с аланским правителем Дорголелем (см. ниже). Зайбт, однако, датирует ее 1030-ми — началом 1040-х годов и резонно связывает поэтому с предшественником Дорголеля[181] и, добавим, вероятным наследником Урдуре. Судя по хронологии, Гавриил должен был быть отцом аланки-севасты (см. выше) — в этом случае он прожил до 1050–1055 годов. Скорее всего, при нем был выполнен третий этап росписи Сентинского храма (см. III.2.E).

Впрочем, связь с Византией и поступок Альды большой трещины в абхазо-аланских отношениях не породили. Тот же Баграт IV после смерти своей первой супруги (вскоре после 1031 года) женился на овсской царевне Борене: если в Алании к этому моменту не сменилась правящая династия (а об этом нам ничего не известно), то она оказывается родственницей его мачехи Альды. Тогда Баграт должен был состоять с Бореной в четвертой, пятой или, максимум, шестой степени некровного родства — это показывает, что формальные православные нормы, запрещающие брак до седьмой степени родства, на Кавказе не действовали, по крайней мере, в отношении некровных браков. Этим браком Баграт, возможно, обезопасил себя от антигрузинской византийско-аланской коалиции в борьбе за Анакопию. Позднее, в 1068 году, в союзе с «великим царем овсов» Дорголелем (Дургулелем), братом Борены, взявшим с собой сорокатысячное войско, Баграт отправил экспедицию в мусульманскую Ганджу под предводительством своего сына и наследника Георгия II (1072–1087). Через некоторое время после удачного окончания похода Дорголель пожелал навестить свою сестру в Кутаиси и встретился, вместе со своими знатными спутниками, с Багратом в Кезуни, где они провели вместе 12 дней, после чего аланский правитель отправился домой[182], в верховья Кубани[183]. Также вполне вероятно предположение[184] о том, что именно Дорголель был тем «архонтом Алании», который, по сообщению Никифора Вриенния (История 2, 19), собрал в 1073–1074

[180 Chronographia 6, 151.

181 *Seibt W.* Metropoliten... **С. 54. Дополнительным аргументом в пользу нетождественности** Гавриила и Дорголеля является следующее обстоятельство: Дорголель впервые упоминается в «Жизни картлийских царей» в связи с женитьбой Баграта IV на Борене (см. ниже), «дочери царя овсов, сестре Дорголеля» — судя по отсутствию у последнего титула, на тот момент (вскоре после 1031 года) правителем алан был еще отец Дорголеля.

182 *Алемань А.* Указ. соч. С. 417.

183 См. *Кузнецов В.А.* Дургулель… С. 81.

184 Там же. С. 80.]

[*Печать аланского эксусиократора Гавриила. 1130-е – 1150-е гг. (Государственный Эрмитаж)*]

годах Михаилу Палеологу шеститысячное наемное войско для подавления мятежа Русселя де Байё, — не получив платы, большинство алан вернулось домой: эта история хорошо согласуется с тем, что женой византийского императора Михаила Дуки в этот момент была внучка того самого Дорголеля (см. ниже). Именно с этого времени аланы становятся постоянными наемниками в византийском войске[185] и армиях других соседних держав[186]. Хронологически Дорголель и Борена принадлежат к тому же поколению, что и аланка-севаста, которая могла быть их сестрой (см. выше).

Дочь Баграта IV и Борены, Марфа, поднялась на высшую ступень почета: она стала женой византийского императора Михаила VII Дуки (1071–1078)[187]. В греческой литературе (Анна Комнина, Иоанн Скилица, Иоанн Зонара[188]) она стала известна под именем Марии Аланской — отметим, что при византий-

[185 См.: *Алеманъ А.* Указ. соч. С. 282, 285, 286, 288–292, 294–295, 307–312; *Seibt W.* Metropoliten... С. 58. Прим. 34; PLP. № 4137, 8322, 13622, 14078, 17141, 19443, 92644. Д.В. Каштанов любезно обратил наше внимание на не учтенное Алеманем упоминание алан в грамоте Алексея I Комнина об экскуссии касательно постоя («митата») иноземных наемников от апреля 1088 года (*Βρανούση Ἐ.Λ.* Βυζαντινὰ ἔγγραφα τῆς μονῆς Πάτμου. Τ. **Α'. Αὐτοκρατορικά**. Ἀθῆναι, 1980. Σ. 61. № 6.40).

186 См.: *Алеманъ А.* Указ. соч. С. 419, 473.

187 Подр. о ней см.: *Garland L., Ripp S.* Mary of «Alania»: woman and empress between two worlds // Byzantine women: varieties of experience 800-1200 / Ed. by L. Garland. London, 2006. P. 91–124.

188 *Алеманъ А.* Указ. соч. С. 280–281, 296–297, 300.]

ском дворе подчеркивают именно аланскую составляющую в ее родословной. Свергший Михаила VII Никифор III Вотаниат, желавшей в целях легитимизации своей власти жениться на супруге кого-то из бывших императоров, предпочел Марию Евдокии, жене Константина Дуки и Романа Диогена. После падения Никифора Мария пыталась выйти замуж за Алексея I Комнина (1081-1118), но неудачно: вместе с сыном Константином (от Михаила) ее отправили в почетное заточение в Манганский монастырь, хотя Константин был обручен с дочерью Алексея Анной Комниной и оставался наследником престола до 1092 года. Парадоксальным образом Мария, наполовину аланка, оказывается символом легитимности власти византийского императора, подобно Зое, последней представительнице почти двухсотлетней Македонской династии.

Еще одна аланка, Ирина, стала женой севастократора Исаака Комнина[189]. Судя по тому, что она называется двоюродной сестрой (ἐξαδελφή) Марии Аланской и дочерью аланского правителя (в т.ч. на своей печати), Ирина была дочерью брата Марии, Дорголеля (либо, что менее вероятно, дочерью другого их брата, также правителя алан); ее племянницей — другое значение слова ἐξαδελφή — Ирина быть не могла, так как брат Марии, сын Баграта, вряд ли стал правителем алан[190]. Сын Исаака и Ирины Адриан стал архиепископом Болгарии под именем Иоанн: восхваляющий его Никифор Василаки (In Ioan. episc. Bulg., 8) особо подчеркивает как силу алан, так и их преданность христианству. Дочь же их была просватана за Григория, сына трапезундского дуки Феодора Гавры. Однако их женитьбу сделал канонически невозможным второй брак Феодора с некоей аланкой (снова отметим тесную связь Алании и Трапезунда), отец которой оказался братом отца Ирины, т.е. Дорголеля (или его брата): действительно, брак между троюродными (т.е. между кровными родственниками шестой степени) в Византии был безусловно запрещен. Мы видим, как тесно аланы, вернее, аланки вплетаются в генеалогии самых знатных семей империи.

Наконец, на политической арене Византии появляется и лично аланский эксусиократор. Росмик (Урузмаг?), чьим христианским именем было, возможно, Андрей (см. I.1): со своими воинами он занимал правый фланг византийского войска стратига Алексея Кантакузина в битве с норманном Гвидо, братом Боэмунда, у реки Харзан в 1107/8 году. Заметим, что хотя Анна Комнина и именует Росмика эксусиократором, однако на своей печати (см. I.1) он предпочитает именоваться севастом — высоким византийским титулом, который в это время носили почти исключительно члены правящей императорской династии[191]. Вполне возможно, что Росмик получил его после 1107/8 года — но почему? Первая возможность — за его помощь Комнинам в этом самом году. Вспомним также, что титул севасты уже носила аланка в середине XI столетия

[189 *Малахов С.Н.* К вопросу о локализации епархиального центра в Алании в XII–XIV вв. // Аланы. Западная Европа и Византия / Отв. ред. Тменов В.Х. Владикавказ, 1992. С. 178–183.

190 Неясно, на каком основании Зайбт (*Seibt W.* Metropoliten... C. 54) считает ее севастой, бывшей любовницей Константина Мономаха (см. выше).

191 ODB. P. 1862–1863.]

(см. выше), приходившаяся Росмику, вероятно, двоюродной бабкой. Наконец, троюродный брат (?) Росмика Константин, сын Марии Аланской, был женихом Анны — дочери Алексея Комнина (см. выше), а его тетка или двоюродная сестра Ирина была замужем за севастократором Исааком Комнином (см. выше). Поэтому Росмик мог получить титул севаста и как родственник Комнинов. При всем этом Росмик единственный из аланских правителей предпочитает представляться по-гречески не своим христианским (как Давид, Гавриил и другие аланы XI века, см. I.3), а аланским именем.

В XI веке аланы продолжают активно заниматься набегами на своих соседей. В 1032 году они берут столицу Ширвана Йаздию, но теряют часть добычи и людей на обратном пути, потерпев поражение от эмира Дербента; неудачей заканчивается и поход на следующий, 1033 год[192]. «Тарих Баб аль-Абваб» указывает в качестве их союзников то сариров, то русов. Хронологически аланский правитель, предпринявший походы 1032–1033 годов, должен относиться к поколению детей Урдуре: вероятнее всего, это был Гавриил (см. выше). Наследник Гавриила Дорголель предпринимал аналогичные, но более успешные походы в 1062 (на Арран), 1064, 1065 (на Арран)[193] и 1068 (на Ганджу; см. выше) годах.

Итак, мы видим, что Алания в XI веке была вовлечена в международную политику намного плотнее, чем в предыдущем столетии. Из просто военного союзника для Абхазии и Византии она превратилась в полноправного международного партнера, вплоть до заключения династических браков. Византия по-прежнему нуждалась в преданности алан (и в их воинах), которую обеспечивала в т.ч. и посредством заложников. К сожалению, все эти факты рисуют нам лишь фон, на котором происходило развитие аланского христианства XI века, не давая столько конкретных фактов церковно-политической истории, как это было в X столетии.

Далее (см. IV.4) мы увидим, что XI век становится и временем расцвета художественной культуры в Алании: украшаются фресками Сентинский, Средний и, вероятно, Северный Зеленчукский храмы. Теперь же посмотрим, в каких исторических условиях мог происходить данный процесс. Первая половина столетия представляется в этом отношении менее предпочтительной, в силу как стилистики указанных живописных ансамблей (см. IV.4), так и исторических причин: ничего не известно о поддержке аланами империи в грузинско-византийской конфликтах 1023, 1034 и 1046 годов; их правитель Урдуре был убит до 1029 года кахетинским царем; аланские походы 1032–1033 годов в Закавказье годов не увенчались успехом и богатой добычей. Лучше ситуация начинает складываться после середины столетия: благодаря аланской любовнице Константина Мономаха в Аланию текут сокровища (1050–1055 гг.); аланы совершают совместный с грузинами поход на Ганджу, принесший огромную добычу (1065 г.); внучка Дорголеля Марфа-Мария становится византийской императрицей (1071–1081 гг.), а сам эксусиократор отправляет в империю наемное войско (1073–1074 гг.); наконец, Росмик сам оказывается в Византии (1107/8

[192 *Алемань А.* Указ. соч. С. 357–358.

193 История Ширвана и Дербенда X–XI веков. М., 1963. С. 75, 146.]

г.)[194]. Мы видим, что пик этого благоприятствования приходится на 1050-1070-е годы, когда и был, по всей видимости, полностью расписан Сентинкий храм (см. III.2.E). Как кажется, расцвет фресковой живописи в Алании обусловлен совокупностью нескольких причин: с одной стороны, финансовые пополнения из империи, в т.ч. плата за наемников, и из Ганджи, а с другой, хорошие отношения с Византией и Грузией, позволяющие получить мастеров.

I.6. Алания в XII веке

О политической истории собственно Алании в XII веке известно сравнительно мало. Возможно, это не случайность, но объективное отражение картины предполагаемого упадка Алании в XII веке.

В грузинском трактате XIV века «Распорядок царского двора»[195] со ссылкой на четверостишие Арсения Икалтойского сообщается, что на трапезе в Начармагеви вместе сидели двенадцать царей: два осетинских (т.е. аланских), кахский, алванский, цанарский, три таоских, армянский, трапезундский и ширван-шах. К.И. Сургуладзе добавляет как двенадцатого шахин-шаха, однако им был скорее грузинский царь, автоматически подразумеваемый автором как гостеприимец. Арсений Икалтойский (ок. 1050–1127) обращал свои собственные произведения только к одному царю — Давиду IV Строителю (1089–1125), так что, очевидно, именно последний устроил вышеописанную трапезу. Такой датировке, на первый взгляд, противоречит упоминание трапезундского царя (империя в Трапезунде появилась лишь в XIII веке), но под ним вполне может подразумеваться правитель фемы Халдия, которая начиная с XI века была во многом независима от Византии[196]. Таким образом, не позже 1125 года в Алании появилось два верховных правителя.

Эту информацию подтверждает и грузинская «История царя царей Давида»[197]: царь Давид IV Строитель встречал вскоре после 1118 года 45 тысяч кипчаков в Осетии, где его приветствовали «цари Осетии» (во время этой поездки умер второй человек в Грузинском царстве — мцигнобарт-ухуцес Георгий Чкондидели[198]).

[194 Увеличение числа обедневшего населения среди алан с середины XI в. (см.: *Кодзаев К.М.* Указ. соч. С. 128) никак этому не противоречит. Напротив, оно является обратной стороной повышенной концентрации богатства в руках знати, которая и была заказчиком росписей.

195 Распорядок царского двора / Изд. подг. К.И. Сургуладзе. Тбилиси, 1993 (на груз., рус. и англ. яз.). С. 56.]

196 Так, «Данишмендname» называет дуку Трапезунда в начале XII века султаном, а в 1126 году он вообще становится независимым правителем Понта (подр. см.: *Карпов С.П.* История Трапезундской империи. СПб., 2007. С. 76–83).

197 *Алеманъ А.* Указ. соч. С. 338-339.

198 *Гаглойти Ю.С.* Указ. соч. С. 163. Прим. 59.]

Однако на протяжении X–XI веков мы нигде, в т.ч. и в официальном византийском формуляре, не видели у алан следов двое- или многовластия[199]. Данный факт можно трактовать двояко. С одной стороны, это мог быть институт соправительства: поскольку у алан он неизвестен (равно как и институт собственно двоевластия, характерный, например, для хазар), то его следует в таком случае считать заимствованием из Византии. С другой стороны, не исключено, что речь идет о распаде аланской державы на две части (например, западную и восточную[200]): присутствие обоих царей на трапезе означает, по всей видимости, их взаимное признание, а следовательно, раздел государства был легитимным, например, в рамках наследования эксусиократору его сыновей[201].

Тот же Давид Строитель, как сообщает грузинская «История и восхваление венценосцев» (нач. XIII в.), выдал свою дочь в Аланию — судя по всему, за правителя алан: был ли это правитель единой Алании или уже только ее части, мы не знаем (см. также ниже). Судя по времени этого брака, он должен был принадлежать к поколению детей Росмика.

Ибн ал-Азрак[202] указывает, что грузинский царь Деметре I (1125–1154) путешествовал в 1153–1154 годах в Аланию. А грузинская «История и восхваление венценосцев» сообщает, что этот самый царь женил своего сына Георгия, будущего царя Георгия III (1156–1184), на Бурдухан (ум. в 1172 г.), дочери царя овсов Худдана (или Худадана). Весьма вероятно, что оба этих события взаимосвязаны.

Худдан не мог быть аланом — мужем дочери Давида IV Строителя, потому что тогда бы Георгий III и Бурдухан оказались кузенами (т.е. кровными родственниками четвертой степени), христианский брак между которыми был вряд ли возможен даже на Кавказе; но он мог быть, например, его братом: союз родственников шестой степени (тем более, некровных), как мы видели выше (см. I.5), мог допускаться, особенно в династических целях. Худдану, по всей видимости, принадлежит печать экусиократора Алании Иоанна Хотесита-

[199 Все предположения Кузнецова (*Кузнецов В.А.* Дургулель…) о двух одновременных правящих династиях у алан либо зиждутся на ошибочных гипотезах, либо относятся к более позднему времени. Сведения «Жизни картлийских царей» (XI в.) о двух царях у алан относятся к событиям I века и, к тому же, носят явно легендарный характер (*Мровели Леонти*. Жизнь картлийских царей / Пер. Г.В. Цулая. М., 1979. С. 33; *Гаглойти Ю.С.* Указ. соч. С. 25, 27. В переводе этого отрывка Цулая во втором случае речь идет об одном царе овсов: Указ. соч. С. 35, 72. Прим. 127).

200 О существовании царей Восточной Алании позднее, во 2-й половине XIII века, могут свидетельствовать набеги овсских царей Пареджана и Бакатара именно на Восточную Грузию (*Алемань А.* Указ. соч. С. 420-421).

201 Об упадке верховной власти в Алании может свидетельствовать и греческий бронтологий XII века: «Кумания и Алания будут без царей» (*Бибиков М.В.* Византийская «народноязычная» традиция о Руси (XVII чтения памяти В.Т. Пашуто). М., 2005. С. 46).

202 *Алемань А.* Указ. соч. С. 338–339.]

на[203]. Наличие второго, христианского имени, которое мы встречаем, по всей видимости, и в случае с Росмиком (см. I.1), заставляет предположить, что такая традиция двуименности была характерна для Алании так же, как и для Руси. Грузинская «История царя царей Давида», говоря о Бурдухан, сообщает о ее особой «преданности Христу», что может свидетельствовать о приверженности алан, по крайней мере, правящей их династии, православию в середине XII века. Данный династический союз обеспечил и военную помощь алан царю Георгию III во время его войны с мусульманской коалицией[204].

От этого брака родилась знаменитая царица Тамар (1184-1212), к которой сваталось, опять же, несколько осетинских царевичей (а один «сын царя Осетии» даже умер от несчастной любви[205]) и которая, в свою очередь, была во второй раз, с 1189 года, замужем за аланом Давидом-Сосланом, происходившим из царского аланского рода и по отцу, и по матери[206]. Соответственно, как правильно отметил Кузнецов[207], Давид-Сослан не мог быть ближайшим родственником, а точнее прямым потомком (т.е., судя по хронологии, внуком) Худдана — иначе он и Тамар оказались бы кузенами, чей союз невозможен (ср. выше). Таким образом, очевидно и общепризнано, что Давид-Сослан принадлежал к другой ветви аланских правителей, нежели Худдан.

Вахушти, автор XVIII века (в заметке на полях), указывает такое багратидское родословие Давида-Сослана: Давид-Сослан ← царь овсов Джадарон ← царь овсов Атон ← Давид ← Деметре[208]. Последний, явно, не может быть тем самым сыном Георгия I и аланки Альды (см. I.5) — иначе на 150 лет (сер. XI — кон. XII в.) придется лишь 3 имени вместо ожидаемых 5-6), да и о его браке и потомстве ничего не известно; не может он быть и царем Деметре I — иначе окажется, что его праправнук женился на его внучке. Поэтому современные исследователи обычно отказывают Вахушти в достоверности данной генеалогии, считая ее позднейшей легитимистской выдумкой[209].

Попробуем подойти к этой проблеме с другой стороны. Давид-Сослан, который не мог состоять в близком родстве с Худданом (см. выше), был, с одной стороны, воспитанником сестры Георгия III Русудан, тетка которой была выдана замуж в Аланию, а с другой, родственником последней (см. выше) — вероятней

[203 *Seibt W.* Metropoliten... C. 55.

204 История и восхваление венценосцев / Пер. К.С. Кекелидзе. Тбилиси, 1954. С. 23; *Гаглойти Ю.С.* Указ. соч. С. 43. С. 23

205 История и восхваление… С. 39–40; *Гаглойти Ю.С.* Указ. соч. С. 44.

206 История и восхваление… С. 45; *Гаглойти Ю.С.* Указ. соч. С. 44.

207 *Кузнецов В.А.* Дургулель… С. 82.

208 *Алеманъ А.* Указ. соч. С. 418. Прим. 64.

209 См.: *Гаглойти Ю.С.* Указ. соч. С. 161–162. Прим. 56.]

всего, близким (Русудан могла воспитывать его в пику жене своего брата, царице Бурдухан — представительнице династии Худдана). Следовательно, подтверждаются сведения Вахушти как о родстве Давида-Сослана с Багратидами (через дочь Давида Строителя), так и о его происхождении из рода аланских правителей. Последний факт подтверждает и «История и восхваление венценосцев»[210], а «Жизнь царицы цариц Тамар» (нач. XIII в.)[211] как и Вахушти называет отца Давида-Сослана овсским царем. Таким образом, неясными у Вахушти оказываются только его прадед Давид и прапрадед Деметре, которые не названы царями овсов и должны быть теми самыми искомыми Багратидами.

Между тем, первое имя, Давид, чуть выше уже всплывало в генеалогии Сослана: он был родственником дочери Давида IV Строителя. Если Давид, прадед Сослана, — это Давид IV Строитель, тогда Сослан и Тамар оказываются троюродными братом и сестрой, а, как мы видели выше, браки в шестой степени родства на Кавказе могли допускаться. В таком случае Русудан вполне логично воспитывала своего внучатого племянника, который оказался в Грузии скорее всего потому, что не стал наследником своего отца-правителя (например, как младший брат или сын свергнутого правителя) и/или мог быть устранен в Алании как нежелательный претендент на престол. В таком случае дед Давида-Сослана Атон мог быть одним из нескольких одновременно сосуществовавших аланских правителей 1-й половины XII века.

Но почему у Вахушти отцом Давида назван не Георгий II, а Деметре? Получается, что историк XVIII века заменяет здесь Давида IV Строителя на его внука Давида V (1155), сына Деметре I. Это могло быть сделано как по ошибке (например, в источнике Вахушти не был указан отец Давида — прадеда Сослана), так и сознательно, чтобы затушевать близкое родство Тамар и Давида-Сослана, сохранив при этом его багратидское происхождение.

Конечно, данная реконструкция — не более чем гипотеза, однако мы все же вынуждены констатировать наличие двух аланских династий: Худдана и Атона[212], первая из которых породнилась с грузинскими царями однажды (брак Георгия III с Бурдухан), а вторая — два раза (браки дочери Давида IV Строителя с неизвестным и Тамар с Давидом-Сосланом). При этом обе династии могли восходить к общему предку-эксусиократору, степень родства с которым не помешала бы их последовательным бракам с представителями грузинского царского дома[213] (о возможности братской связи Худдана и Атона см. выше).

[210 История и восхваление… С. 45; *Гаглойти Ю.С.* Указ. соч. С. 44.

211 *Гаглойти Ю.С.* Указ. соч. С. 51.]

212 Худдан из «Истории и восхваления венценосцев» не может быть идентичен Атону из заметки Вахушти — иначе Давид-Сослан и Тамар оказались бы кузенами.

213 В дальнейшем мы знаем еще один грузино-аланский царский брак, впрочем, изначально недолговечный: царя Давида VII Улу (ум. 1270) с осетинкой Алтун (*Алемань А.* Указ. соч. С. 419), для рождения наследника. Всего же таких династических браков в X–XIII веках насчитывается, как минимум, шесть.]

Если, как предполагает Кузнецов, Давид-Сослан действительно происходил из Алагирского ущелья, то «династия Атона» могла владеть Восточной Аланией, в то время как «династия Худдана» — Западной[214].

Когда же в Алании возникло несколько (два или, может быть, более) правителей, сосуществовавших и признававших друг друга? Ясный terminus ante quem здесь, как мы помним, — время около 1118 года. Точные и предполагаемые факты этого явления занимают все XII столетие при том, что в XI веке никаких подобных свидетельств мы не имеем. Исчезает после конца XI века и грузинский титул аланских правителей — «великий царь»[215]. Поэтому вероятней всего, что данная ситуация сложилась в Алании после смерти эксусиократора Росмика, т.е. где-то после 1107/8 года. Тот факт, что Хотеситан-Худдан носил титул эксусиократора, заставляет предполагать разделение аланской державы не сразу между сыновьями Росмика (Атоном и Худданом?), а через некоторое, но очень небольшое время, либо сохранение титула эксуиократора за одной из династий (менее вероятно, что за обоими) — судя по всему, за правителями Западной Алании.

Характерно, что в 1191 году аланы не участвовали в войне между своим соплеменником Давидом-Сосланом и своими старыми союзниками византийцами, подержавшими первого мужа Тамар — князя Юрия Андреевича[216]. Но, согласно «Истории и восхвалению венценосцев», в 1195 году овсы участвовали в походе Давида-Сослана на Азербайджан[217]. Вообще, насколько ослабевают в XII веке контакты Алании с Византией, настолько они усиливаются с Грузией.

В правление патриарха Николая III Грамматика (1084–1111) к Аланской митрополии было присоединено архиепископство Сотириуполь[218]. Упоминание под 1105 годом Иоанна Монастериота, «митрополита и архиепископа Алании-Ставруполя (ошибочно вм. Сотириуполя)», сужает время этого события до 1084–1105 годов. Однако вряд ли следует, подобно Малахову, считать следствием этого объединения перенесение аланской кафедры в Сотириуполь из Нижнего Архыза из-за того, что «с конца XI — начала XII века в Алании протекает быстрый процесс дезурбанизации»[219] (пояснение одного из источников о пастушеском характере алан, как признает сам Малахов, позднее[220]). Получается, что в

[214 В этом случае Деметре I путешествовал в 1153–1154 годах (см. выше) именно в Западную Аланию.

215 Не с этим ли связано и запустение в это время Нижнеархызского городища (см. ниже)?

216 История и восхваление… С. 46–49; *Гаглойти Ю.С.* Указ. соч. С. 44–45.

217 История и восхваление… С. 57; *Гаглойти Ю.С.* Указ. соч. С. 47.

218 *Малахов С.Н.* К вопросу… С. 149–179.

219 Там же. С. 159.

220 Там же. С. 159.]

правление эксусиократора Росмика, лично участвовавшего в войне византийцев с норманнами и, возможно, претендовавшего на императорские инсигнии (см. I.5), Алания, по сути, лишается своего иерарха[221]. На самом деле, скорее уж наоборот, к значимой в политическом отношении Аланской митрополии была присоединена периферийная Сотириупольская архиепископия. Кроме того, Ж. Даррузес[222] верно отметил, что для Николая III вообще была характерна тяга к слиянию кафедр (например, Парос и Наксос, Сугдея и Фула). Возможно, это присоединение, причем именно Сотириуполя к Алании, а не наоборот («Алании отдан Сотириуполь»; акт 1365 года называет это действие ἐπίδοσις[223]), было обусловлено традиционной связью аланских иерархов с этим регионом, через который они путешествовали в Константинополь (вспомним историю с Николаем и Керасунтом) — митрополиты получают как бы постоянную кафедру-метохий в трапезундском регионе.

Впрочем, предпринимались попытки отождествить Сотириуполь нотиций не с известным с 970-х годов городом Сотириуполь в Лазике, близ Трапезунда (совр. Борчка), но и с Севастополем или с Пицундой[224]. Первое предположение, однако, наталкивается на справедливое возражение, что Севастополь упоминается в Notitiae одновременно с Сотириуполем. Что же касается второго, то в его пользу не говорит печать «стратига Сотируполя и Анакопии», так как здесь имелся в виду скорее Сотириуполь в соседней Лазике, ведь Анакопия была единственным известным нам византийским владением в Абхазии: здесь, судя по надписям, трудились как раз чиновники из Юго-восточнного Причерноморья. Напротив, когда Константин Багрянородный (De administrando imperio, 42, 14) говорит о Сотириуполе как о южной границе Авасгии, то, во-первых, делает он это в контексте описания всего черноморского побережья, кроме южного: далее он переходит к Тарону в Армении — было бы странно, если бы он почему-то остановился в своем географическом экскурсе на Пицунде, выпустив земли к югу до Чороха, к которым нигде далее не возвращается; а во-вторых, еще невероятней выглядит указание на то, что южной границей Абхазского царства в середине X века был район современной Пицунды (вспом-

[221 Неверным является предположение о том, что, согласно Notitia 20 (XIV в.), аланский митрополит резидировал в Севастии: на самом деле, здесь говорится лишь о том, что он занимал на тот момент и Севастийскую кафедру (Notitiae… P. 418).

222 Ibid. P. 127. N. 2.

223 PLP. № 2502.

224 Status questionis см. в: *Khroushkova L.* Les monuments chrétiens de la côte orientale de la Mer Noire. Abkhazie. IVe–XIVe siécles (Bibliothèque de l'antiquité tardive, 9). Turnhout, 2006. P. 93–95. Ничего нового не вносит в ее аргументацию в пользу отождествления Сотириуполя с Пицундой и ее новая статья (*Eadem.* Quelques notes sur l'organisation ecclésiastique de l'Abkhazie et ses relations artistiques avec Constantinople à l'époque paléologue // Byzantinische Forschungen, 29, 2007. P. 271–292), которая лишь умножает сущности без необходимости.]

ним, что примерно в то же время абхазский царь строит храм в Мокви). Кроме того, маловероятно, чтобы в 1084–1105 годах византийцам был резон распоряжаться территорией вокруг Пицунды, т.к. фему Анакопии они потеряли около 1071–1080 годов[225]. Наконец, решающий контраргумент: Сотириуполь Константина находится в 300 милях от Никопсии, что соответствует местоположению современной Борчки, в то время как Питиунт, согласно анонимному «Periplus Ponti Euxini» (9v–10r; VI–IX вв.), от Никопсии (устье р. Нечепсухо?) отделяют только 124 мили.

От XII века у нас сохранились сведения о четырех митрополитах Алании (см. табл. 2): правда, только один из них, Георгий (1170 г.), известен по имени. Все эти упоминания так или иначе связаны с Константинополем. По всей видимости, связь со столицей прерывается после 1204 года: митрополит Феодор, прибыв в Аланию в 1223 году, обнаружил, что некий лаз-псевдоепископ рукополагал там священников за мзду. Возможно, что это был трапезундский ставленник, без ведома никейского патриарха занявший соединенную с Аланией Сотириупольскую кафедру. Впрочем, в 1232 году патриарх числит алан среди православных[226]. При дворе монгольского хана Гуюка (1246-1248) были священники из Алании[227]. У нас нет свидетельств запустения аланских храмов в XII веке, но следующее столетие приносит с собой запустение епархиального центра, Нижнеархызского городища (см. выше). Не исключено, что эта церковная катастрофа в Алании как-то связана и со сменой правящей династии (см. выше). Аланы выселяются за пределы своей родины: об аланах в Крыму мы знаем от Феодора Аланского — в 1276 году их снова хотел посетить аланский митрополит[228].

Паримиологий БАН гр. Q 12 с аланскими схолиями XIV века свидетельствует о том, что в это время аланы продолжали совершать богослужения, в т.ч. и полного годичного круга, т.е. сохраняли достаточно развитию византийскую литургическую традицию (в данном случае, вероятно, монашескую), хотя клирик — автор схолий, уже не понимал всех греческих обозначений праздников. У Сентинского храма жизнь продолжалась и при монголах (рядом с памятником было раскопано помещение XIII-XIV веков), а рядом с Северным Зеленчукским храмом захоронения совершались вплоть до XV века.

Впрочем, начиная с XIII века история Алании резко меняется: нападения монголов порождают массовые переселения алан: в глубь гор и за Кавказский хребет. И так уже, видимо, раздробленная аланская держава распадается еще сильнее (во 2-й половине XIII века в одной Восточной Алании, по всей вероятности, имеется уже два царя, см. выше) и теряет свое значительное место,

[225 Ibid. P. 91.

226 *Laurent V.* Les regestes des actes du Patriarchat de Constantinople. Vol. 1. Fac. IV. Paris, 1971. № 1257.

227 *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. М.; Л., 1952. Т. 2. С. 121.

228 *Laurent V.* Op. cit. № 1427.]

которое она занимала в X–XII веках и которое во многом обусловило ее христианизацию и вхождение в семью православных народов[229].

Табл. 1. Хронология «аланского досье» Николая Мистика

№	адресат	год	сс. издания
79	Евфимий	912	559
133	Петр	914–916	577
51	Константин III	914–916	548–549
52	Петр	914–916	549
118	Петр	914–916	572–573
134	Петр	914–915	577
46	Георгий II	после 915/6 или 922/3 (до 917?)	547
135	Петр	915/6 (918?) или 922/3-925	577–578

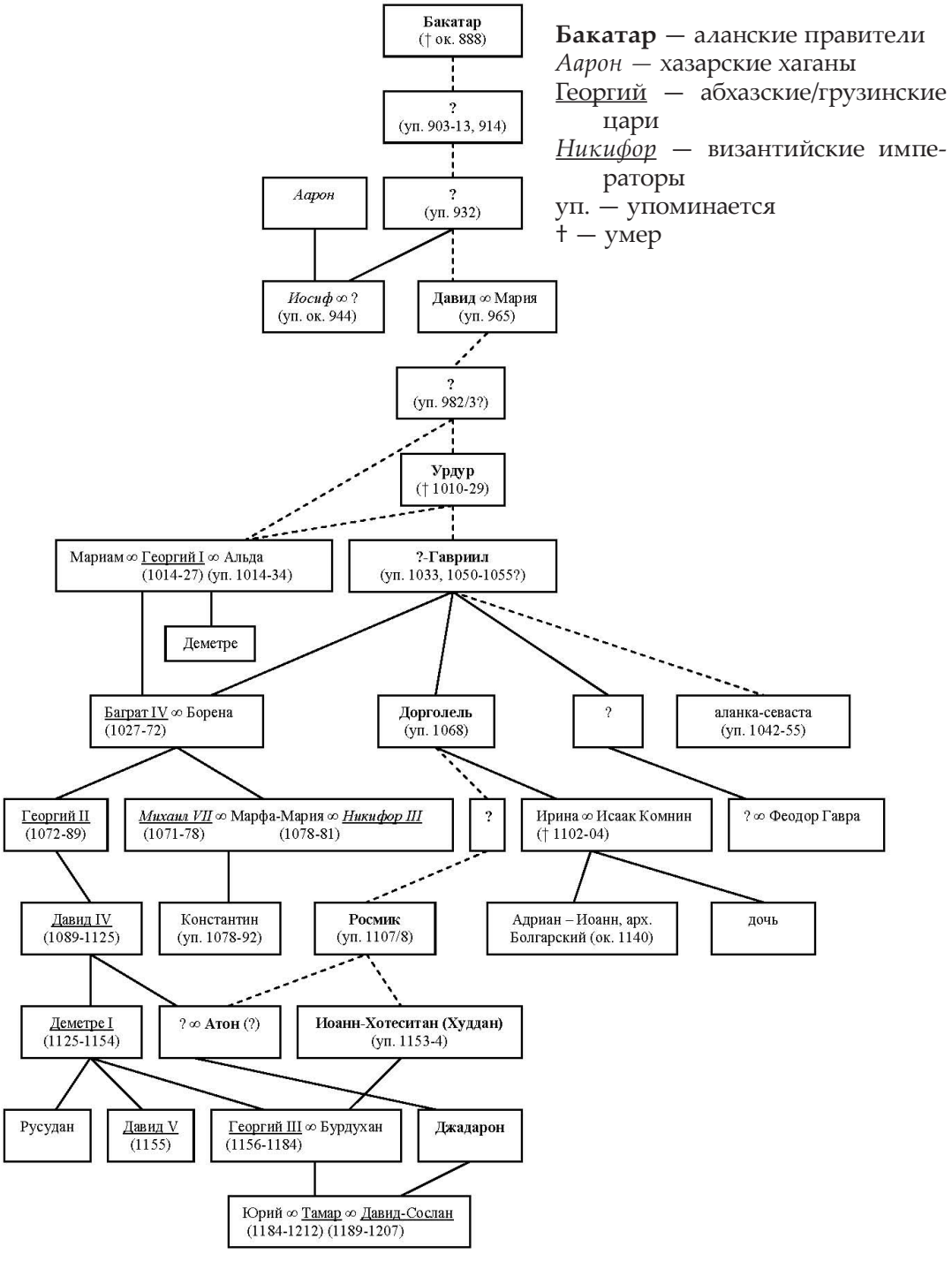
Табл. 2. Аланские иерархи X–XII веков[230]

имя	титул	год упоминания
Петр	архиепископ	914–916
Игнатий	митрополит	сер. X в.
Феодор	митрополит	965
…	митрополит	997/8
Николай	митрополит	1024
Климент	митрополит	1030–1032
…	«монах и митрополит»	1 пол. XI в.
Евстратий	митрополит	сер. XI в.
Иоанн Монастириот	митрополит Алании-Ставруполя	1105
…	митрополит	1143
…	митрополит	1169
Георгий	митрополит	1170
…	митрополит	кон. XII в.

[229 После походов Тамерлана Алания, как политическое образование, сходит с исторической арены. Однако память существовавшем на Северном Кавказе христианском государстве и связях его с Византией сохранялась до самого позднего времени. Практически у всех народов центральных областей Северного Кавказа (даже в горной части Чечни и Ингушетии, принадлежавшей, несомненно, к грузинскому «ареалу») сохранились предания о проживавших там греках, с которыми связывали многие древние сооружения. В верховьях Зеленчука и Кяфара развалины каменных построек называли «домами эллинов» (*Коков Д.Н.* Кабардинские географические названия (Краткий словарь). Нальчик, 1966. С. 153). Впрочем, это могут быть просто воспоминания о принадлежности проживавших там к христианству греческого толка (в отличие от западного, латинского).

230 Составлена с привлечением следующих работ: *Vailhé S.* Alanie // DHGE, 1. P. 1335–1338; Hierarchia… Vol. I. P. 406; *Малахов С.Н.* К вопросу… С. 171–173; *Seibt W.* Metropoliten...]

Табл. 3. Реконструкция генеалогии аланских правителей IX–XII веков



Бакатар — аланские правители
Аарон — хазарские хаганы
Георгий — абхазские/грузинские цари
Никифор — византийские императоры
уп. — упоминается
† — умер

II Средний Зеленчукский храм[1]

Среди всех памятников аланского культового зодчества Среднему храму на Нижнеархызском городище в долине Большого Зеленчука (Карачаево-Черкессия), по нашему мнению, принадлежит особая, ключевая роль. Он стоит в самом центре как собственно архитектурных и художественных, так и церковных проблем аланского христианства. Как можно решить некоторые из них, мы постараемся показать ниже. Решения эти — конечно, предварительные, ибо для окончательных необходимы дальнейшее археологическое изучение храма, подробное обследование с лесов и реставрация остатков росписи.

II.1. Строительная история

Нижне-Архызское городище находится на месте важного торгового и военного пути, проходившего в древности вдоль реки Большой Зеленчук к Марухскому и Санчарскому перевалам и связывавшего Великую степь с Закавказьем и Черноморским побережьем. Это было одно из ответвлений Великого Шелкового пути (самое северное и обходившее Иран), чем объясняется наличие огромного количества высококачественных импортных изделий (китайских, согдийских, византийских и др.) в аланских захоронениях. Благодаря выгодному положению, находившийся здесь город являлся крупным экономическим и церковным центром Алании: тут располагались резиденция митрополита и, надо думать, греческая торговая фактория[2]. Этим объясняется скопление в

[1 Настоящая глава представляет собой дополненный и переработанный вариант нашей работы: *Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю.* Средний Зеленчукский храм и его архитектура // АН. Вып. 50. М., 2009. С. 17–35. В работе использованы обмерные чертежи Среднего Зеленчукского храма, хранящиеся в архиве Проектного института по реставрации памятников истории и культуры «Спецпроектреставрация» (ф. 43. Обмер выполнен в 1980–1984 гг. группой архитекторов в составе В.Л. Мячина (гл. архитектор проекта), Н.К. Михайлова, Б.В. Назарова, И.В. Перепелова).

2 Это отметил еще епископ Владимир в 1887 г., писавший, что «это был город значительный, ибо в нем была кафедра архиерейская, город-крепость и вместе складочный торговый город» (Священные достопримечательности по рр. Теберде, Кубани и Большого Зеленчука. Из дневника преосвященного Владимира, епископа Ставропольского и Екатеринодарского, виденного Его Преосвященством при обозрении епархии в 1886 году // Ставропольские епархиальные ведомости за 1887 год. Отдел неофициальный. Ставрополь, 1888. С. 943–944; тот же текст с сокращениями издан: Из путевых заметок епископа Владимира о Северном Кавказе. 1886 // Русский архив. № 3. Отдел неофициальный. М., 1904. С. 664–682).]

этой местности многочисленных христианских памятников, крупнейшим из которых является Средний Зеленчукский храм.

В настоящее время Средний храм сохранился практически полностью, однако претерпел в конце XIX — XX в. ряд перестроек по сравнению с тем состоянием, в котором он представлен на рисунках и фотографиях позапрошлого столетия. При превращении его в соборный храм Александро-Афонского монастыря в 1896–1897 годах были пристроены северо-западный и юго-западный компартименты, причем узкие боковые проемы в западном рукаве (возможно, являвшиеся окнами) превратились в обычные двери (см. II.1.В). Была также частично перестроена западная стена (сделана лучковая арка над дверью и пробит над нею высокий проем, которого нет на рисунке Д.М. Струкова и фотографиях XIX века[3]) и притвор, местами починены арки и своды (кирпич XIX века виден в подпружной арке у конхи и в арке южного проема между восточными ячейками; тогда же, вероятно, переложена в камне подпружная арка между западной и восточной травеями западной ветви креста), перелицованы откосы южного дверного проема и переделан северный. Стены храма изнутри покрыли штукатуркой и лепниной (кроме сохранившихся фрагментов росписей). Был пробит широкий арочный проем в восточной травее северной стены западной ветви креста (он отсутствует в материалах Струкова): по всей видимо-

[3 Д.М. Струков (1847–1899) путешествовал по югу России по заданию Императорской Археологической комиссии. Его материалы собраны в альбомах, хранящихся в архиве ИИМК РАН (ИИМК РАН. РА. Ф. Р. I. Д. 273, 339; ф. 1. 1889 г. Д. 87). В.А. Кузнецов считает, что Струков сопровождал епископа Владимира в 1886 году (*Кузнецов В.А.* Нижний Архыз в X–XII веках. Ставрополь, 1993. С. 6), но, вероятно, ошибается: Владимир пишет о происходящем в его присутствии основании монастыря и о совершенно заброшенных Зеленчукских церквах, но на акварелях Струкова монастырь уже основательно отстроен. Видимо, Струков посетил Архыз несколько позже (монастырь основан в 1889 году, тем же годом датированы струковские рисунки, на которых план Южного храма носит следы монашеских перестроек), но для нас важно, что Средний храм в его материалах зафиксирован до всех переделок. Рисунки Струкова выполнены на крайне низком профессиональном уровне, иногда просто беспомощно. Архитектурные объекты изображены без понимания правил перспективы и построения объемов. Дублирующие изображения часто противоречат друг другу в деталях, что говорит о «неряшливом» подходе к их исполнению. Так, на одном из северо-восточных видов Среднего храма Струков «забыл» показать повышенные вимы перед боковыми апсидами (хотя на его «дубликате» они показаны), а вид на алтарную часть в интерьере этого же храма построен просто безграмотно. Разнятся в пропорциях и в отдельных деталях парные разрезы Северного и Среднего храма. Судя по всему, все рисунки и «копии» в указаных отчетах выполнялись уже в Санкт-Петербурге на основе беглых натурных зарисовок и записей, а частично и по памяти. Этим только можно объяснить большое количество присутствующих в них «нестыковок». Во многих случаях в материалах Струкова невозможно определить, что существовало реально, а что «дофантазировано». Таким образом, к его сведениям, как к не обладающим абсолютной документальной достоверностью, следует относиться с крайней осторожностью, хотя надо признать, что зачастую это единственные данные об уже утраченных памятниках.]

[*Средний Зеленчукский храм. Вид с юга. Фото к. XIX в. Фототека ИИМК РАН (?). Копия предоставлена И.Л. Чумаком*]

[*Средний Зеленчукский храм. Вид с юго-запада. Фото М. Астафьева. 1867 г. ИИМК РАН. Р. I. Д. 315. Л. 19*]

сти, для того, чтобы из поздней северной пристройки по лестнице попадать на деревянные хоры в западной части храма[4].

II.1.А. План и конструкция. Средний Зеленчукский храм имеет форму т.н. croix libre («свободного креста») с восточной апсидой, к которому с северо-востока и юго-востока примыкают два компартимента с апсидами (северо-западная и юго-западная пристройки являются, как было отмечено выше, позднейшими) — такую форму иногда называют «полусвободным крестом». На углы, образованные пересечением ветвей креста, над подкупольным квадратом (длина стороны — 3,8 м) через подпружные арки, паруса и карниз над ними опирается цилиндрический барабан с низким куполом (общая высота внутри — ок. 3 м, диаметр — ок. 3,9 м). Апсиды, выраженные снаружи, — полукруглые (ширина центральной внутри — ок. 3,8 м, длина — ок. 2,85 м; северной, соответственно, — 2,27 м и 1,6 м, южной — 2,11 м и 1,7 м): внутри правые части центральной и северной имеют слегка подковообразную форму, однако настолько слабо заметную, что ее следует счесть неровностью кладки. С запада к храму примыкает притвор, изначально, видимо, закрытый (см. II.1.В).

Храм не имел выраженного цоколя — выступающий фундамент (в разных местах одно-, двух- или трехступетнчатый) находился ниже уровня древней отмостки[5]. Ступень внутри центральной апсиды служила, возможно, опорой для синтрона (см. II.1.В).

Длина храма (без центральной апсиды и притвора) — 14,86–14,9 м, с апсидой — ок. 17,55 м; ширина — ок. 13,15 м; высота с куполом (от уровня современного пола) — ок. 15,55 м, до шелыги купола — ок. 15 м, до шелыги свода рукавов — 10,25–10,35 м.

Восточный рукав креста (длина внутри — ок. 2,5 м, ширина — ок. 3,8 м), к которому примыкает центральная апсида, чуть короче боковых, имеющих квадратную форму (3,8 м и 3,8 м соответственно), в то время как западный значительно длиннее их всех (6,6 м и 3,6 м) и разделен лопатками-пилястрами с подпружной аркой на две части: короткую восточную (ширина травеи — 1,5 м) и более длинную западную (3,7 м). Восточный рукав выражен больше снаружи — внутри храма он выполняет литургическую функцию вимы, будучи расположен за линией алтарной преграды (см. II.1.В и II.2.А) и расчленен дополнительной слепой аркой (ширина — 1,25–1,3 м). Угловые восточные компартименты связаны с восточным рукавом узкими проемами (ширина северного — ок. 0,95 м, южного — до 0,9 м), из которых северный, вероятно, расширен монахами (на своде — каменном, а не плинфяном, как с юга — видны следы кружала): о его первоначальной ширине (ок. 0,7 м) свидетельствует уступ снизу.

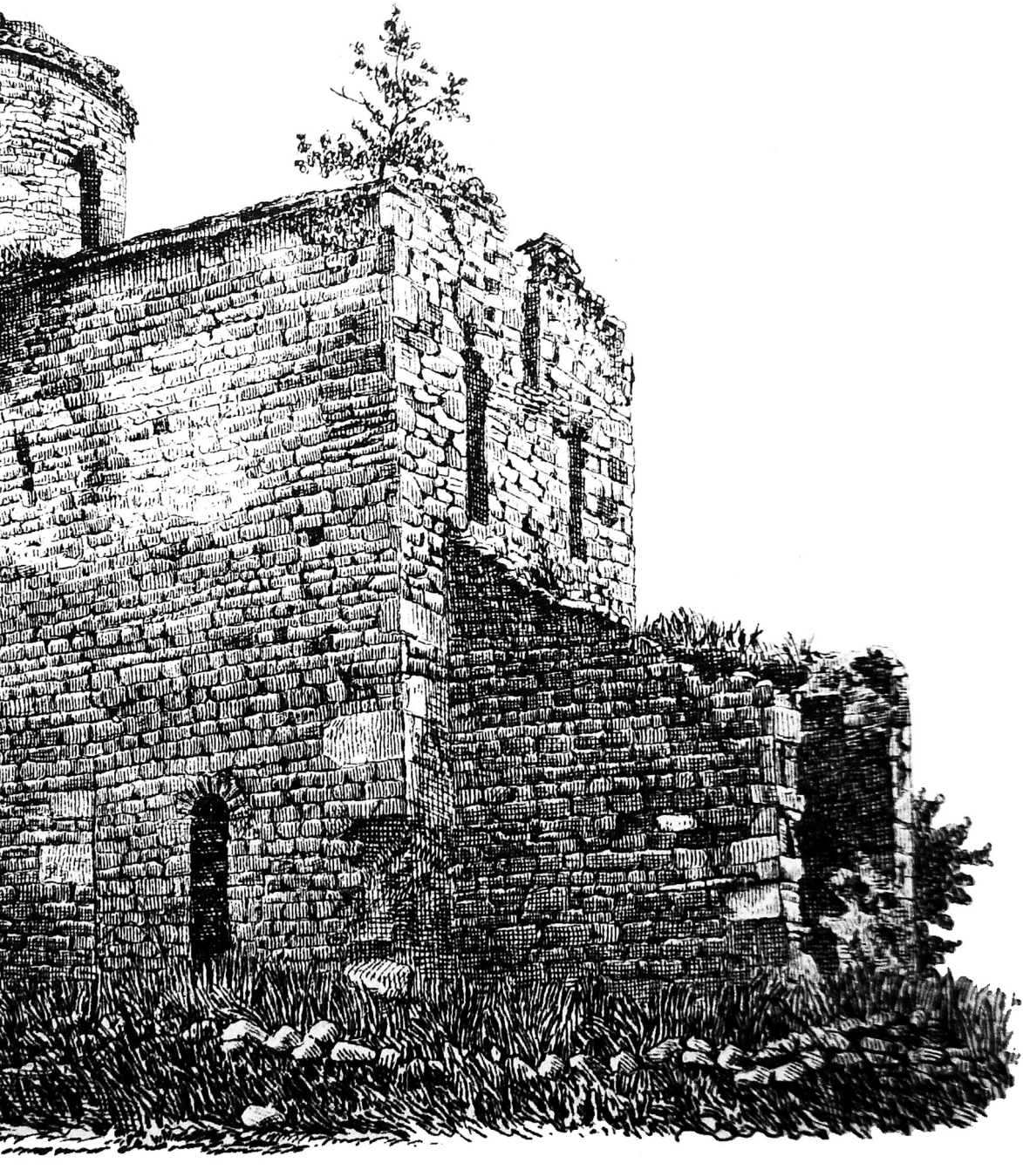
[4 О возобновлении храма в 1897 г. говорил текст на вделанной в стену плите (ныне утраченной).

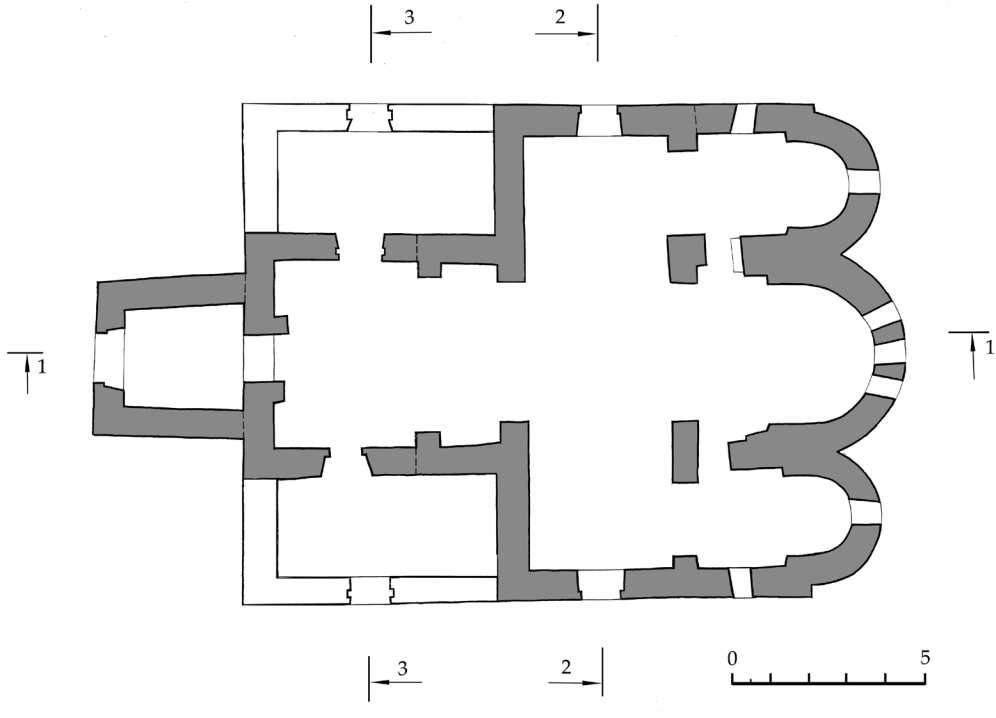
5 Обследования фундамента шурфами см.: Институт «Спецпроектреставрация». Ф. 43. Д. 2310.]

[*Средний Зеленчукский храм. Вид с юго-востока. Фото 1895 г. По В.М. Сысоеву*]

[*Средний Зеленчукский храм. Вид с северо-востока. Фото М. Астафьева. 1867 г. ИИМК РАН. Р. I. Д. 315. Л. 20*]

[*Средний Зеленчукский храм. Вид с северо-запада. Хромолитография с фотографического снимка Е. Д. Фелинина (?). 2 пол. XIX в. («Альбом древних христианских храмов, принадлежащих св. Александро-Афонскому монастырю в Зеленчукском ущелии кавказского хребта Кубанской области Баталпашинского прихода». Одесса, 1891)*]



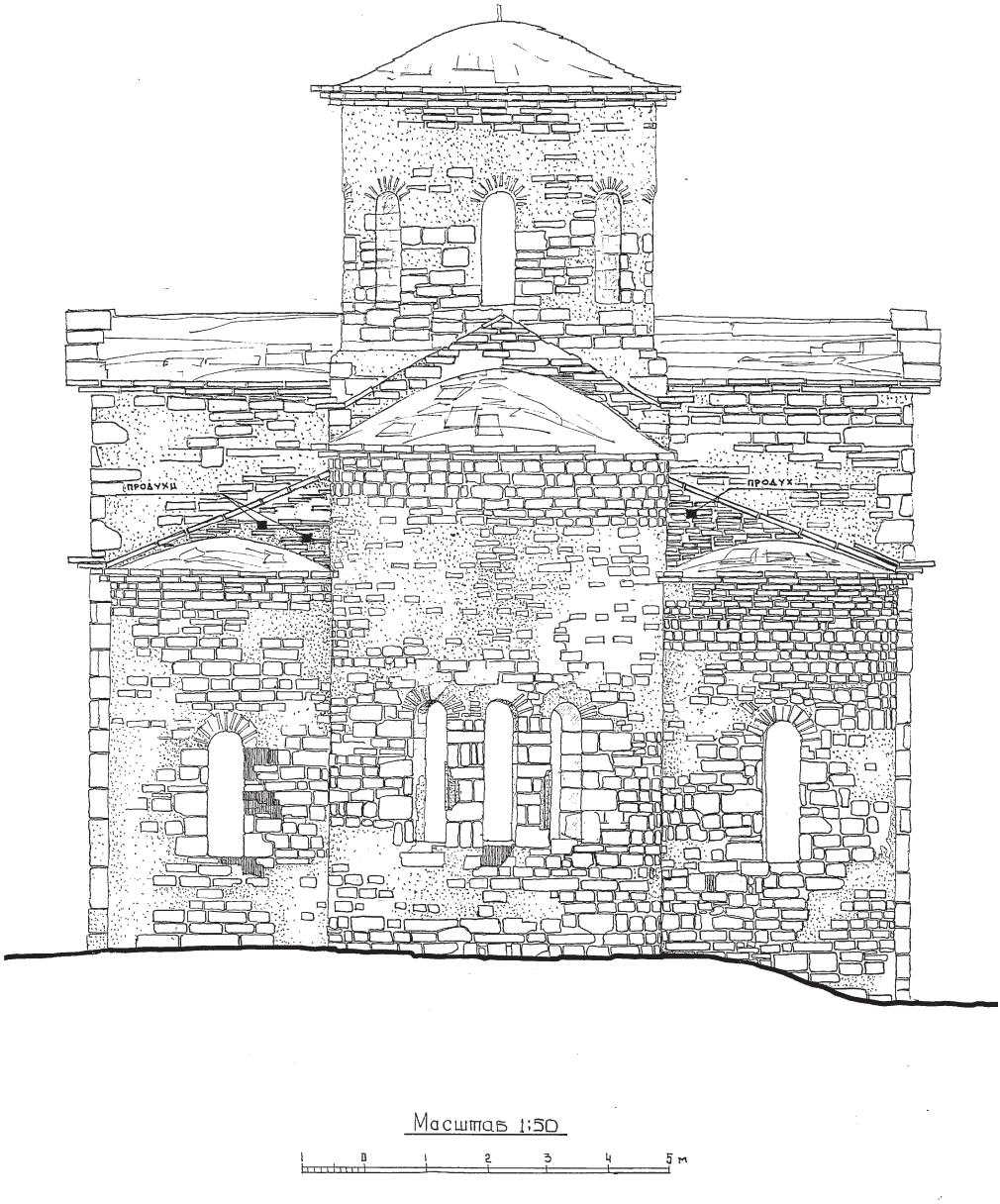


[*Средний Зеленчукский храм. План. Пунктиром показаны швы*]

Как и в других аланских крестовокупольных храмах, в Среднем все лопатки-пилястры устроены лишь в интерьере здания, однако особенным здесь является то, что они размещены лишь на северных и южных стенах (пилястра на южной стене северо-восточного компартимента отсутствовала изначально). Это придает интерьеру ярко выраженную поперечную направленность.

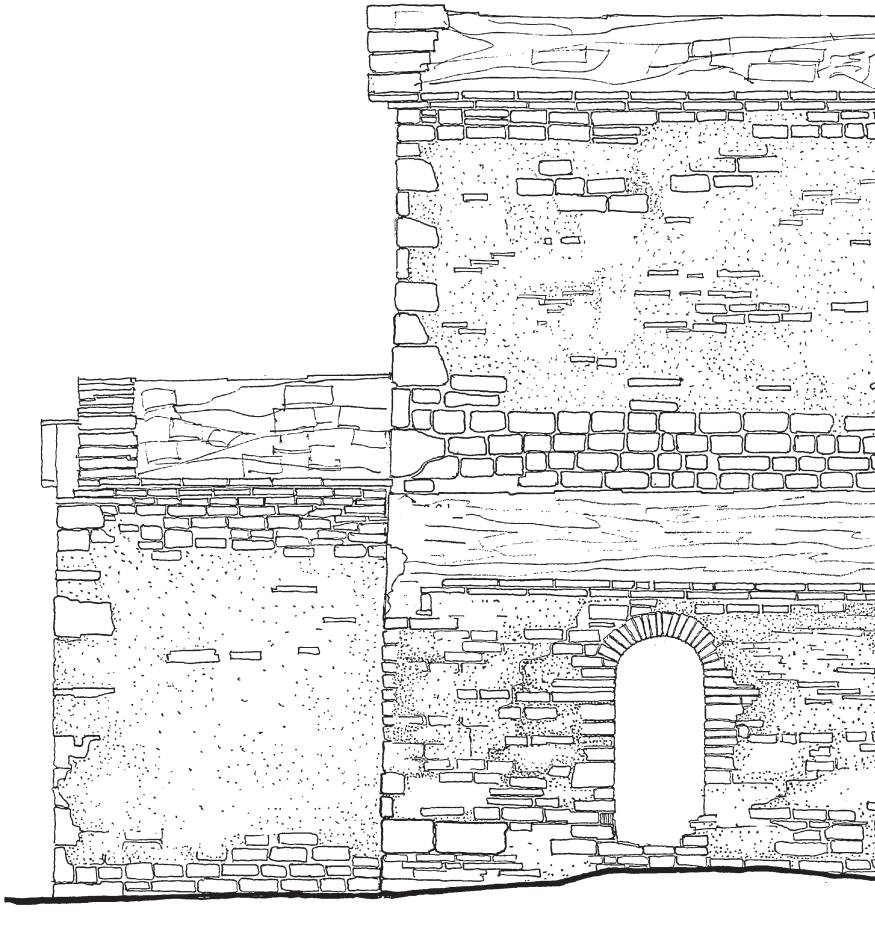
Довольно необычна разная толщина стен и, как следствие, пилястр (ширина подкупольных — 0,73 м, на северной стене между рукавом и угловым компартиментом — 0,83 м, аналогичной на южной — 0,63 м, в западном рукаве — 0,62). Например, в западной ветви толщина боковых стен восточной травеи уменьшается к западу, что видно даже на глаз. Разница в толщине стен есть и в угловых компартиментах (см. II.1.E).

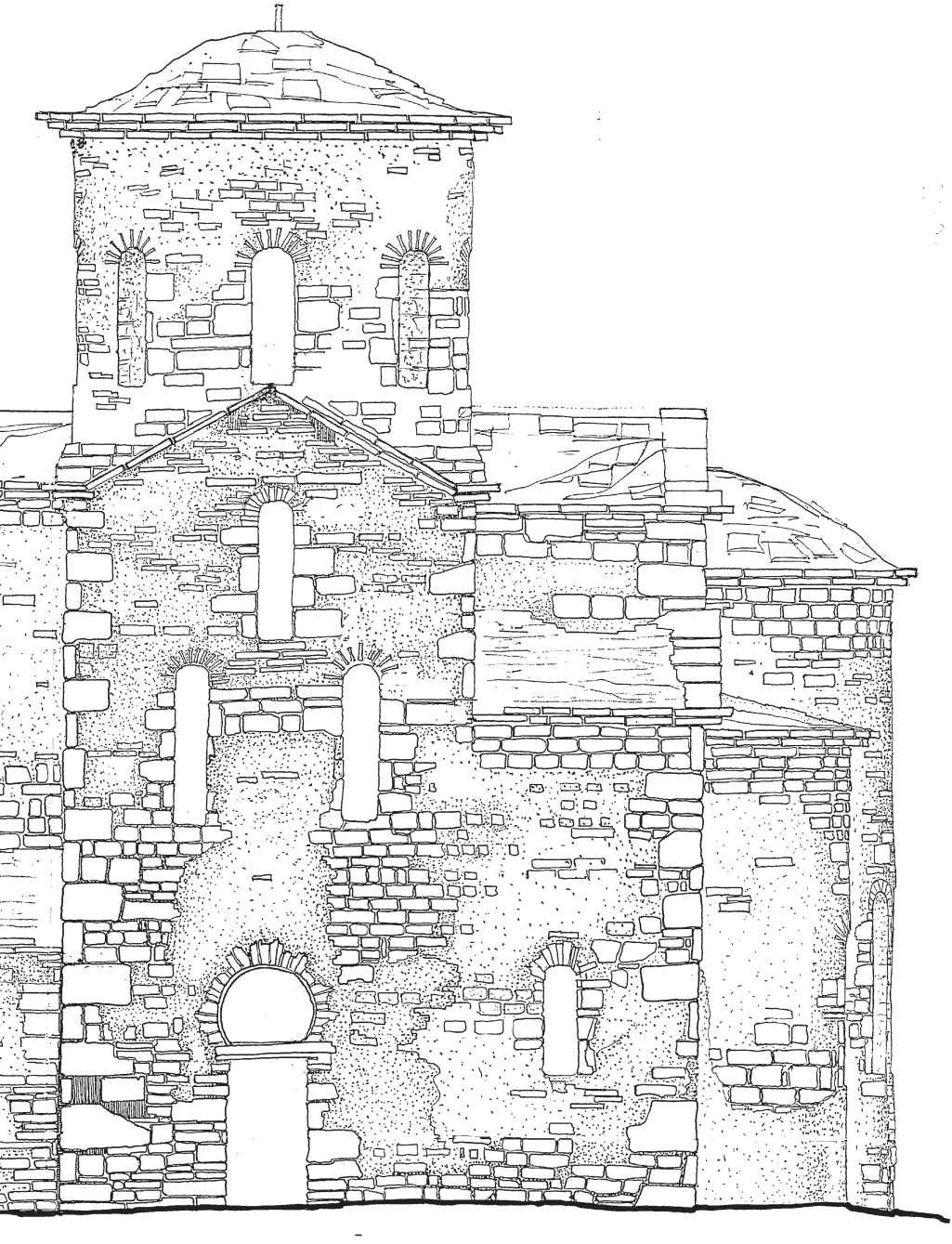
II.1.B. Отдельные архитектурные формы. Особая проблема — это форма первоначального покрытия крестовокупольных аланских храмов. Г.М. Штендер высказывал мнение, подкрепленное натурными обследованиями, что в Северном и Южном Зеленчукских, а также в Сентинском и



[*Средний Зеленчукский храм. Восточный фасад*]

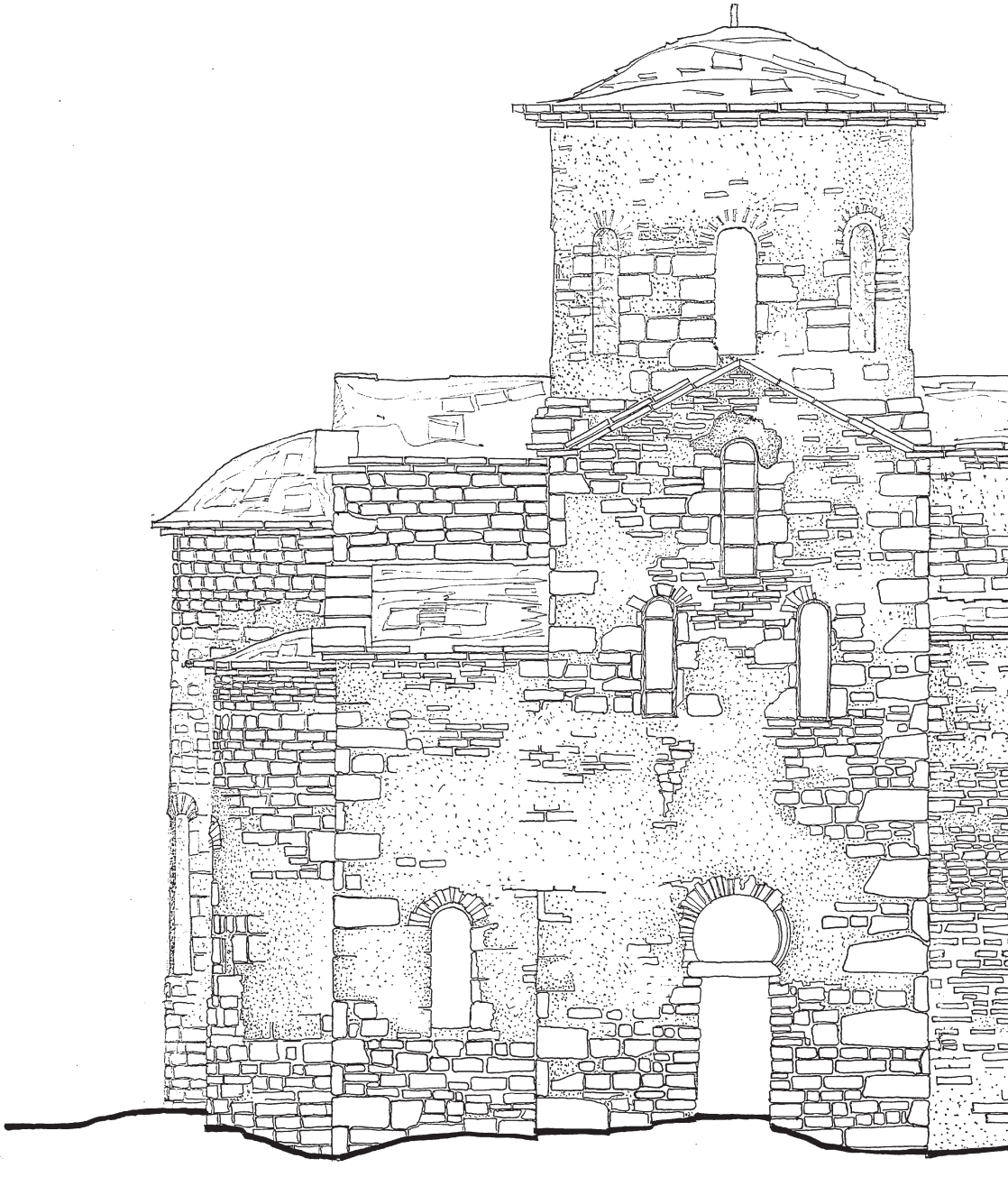
[*Средний Зеленчукский храм. Южный фасад*]





Масштаб 1:50

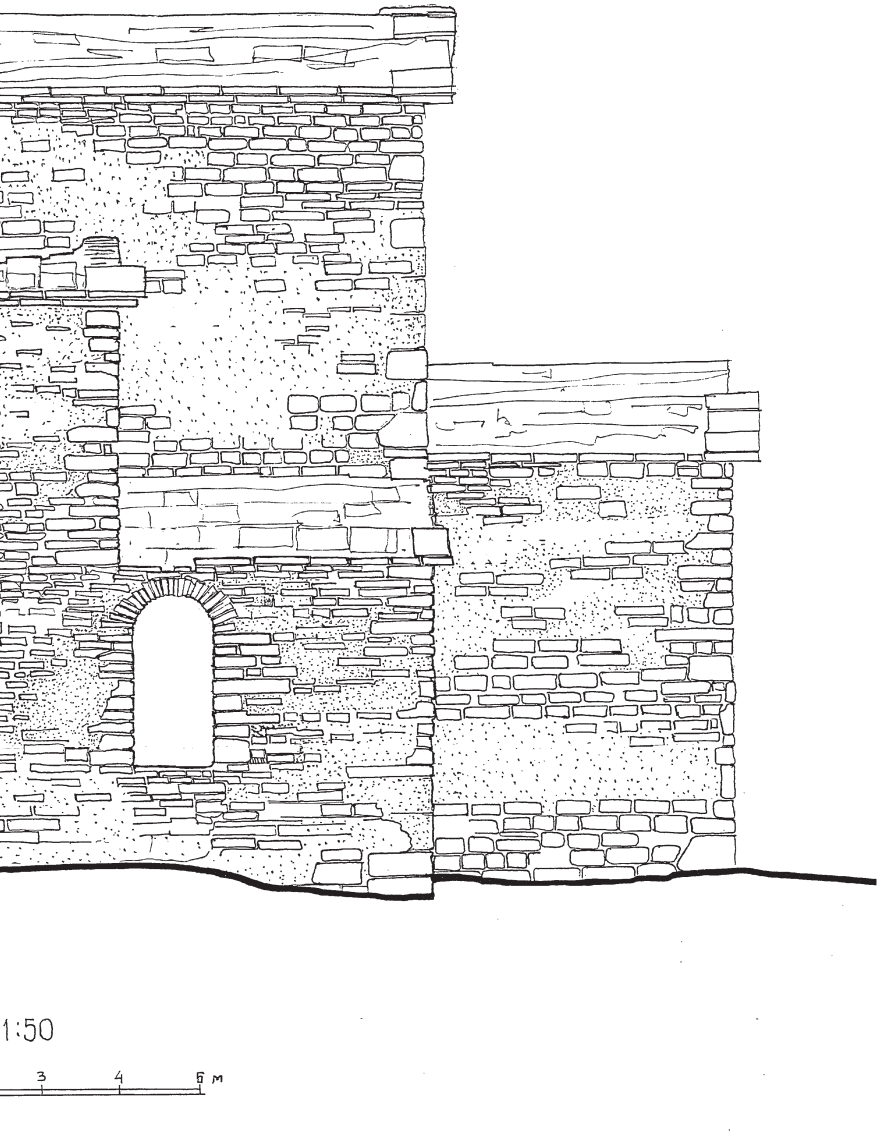
1 2 3 4 5 м

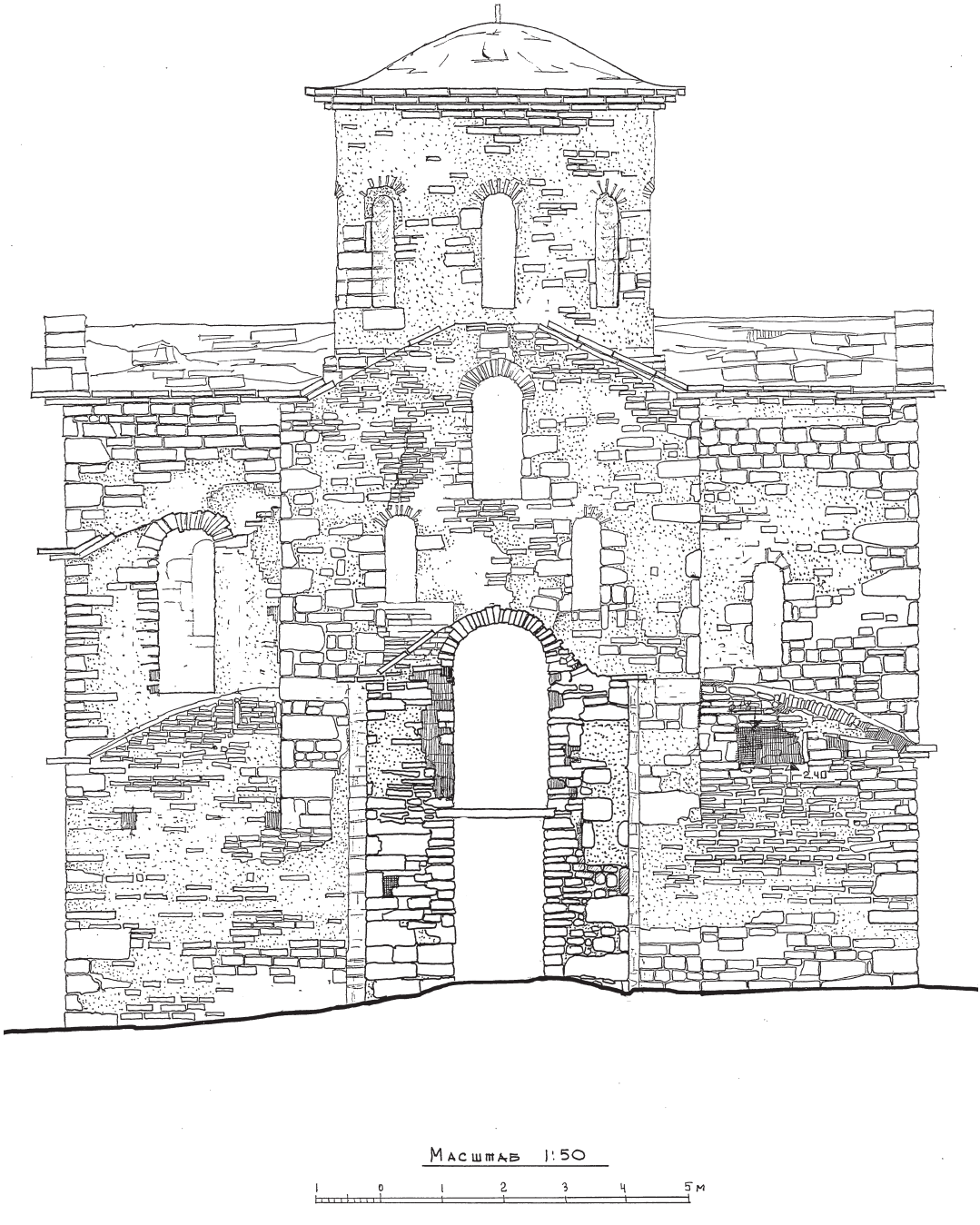


Масштаб

0 1 2

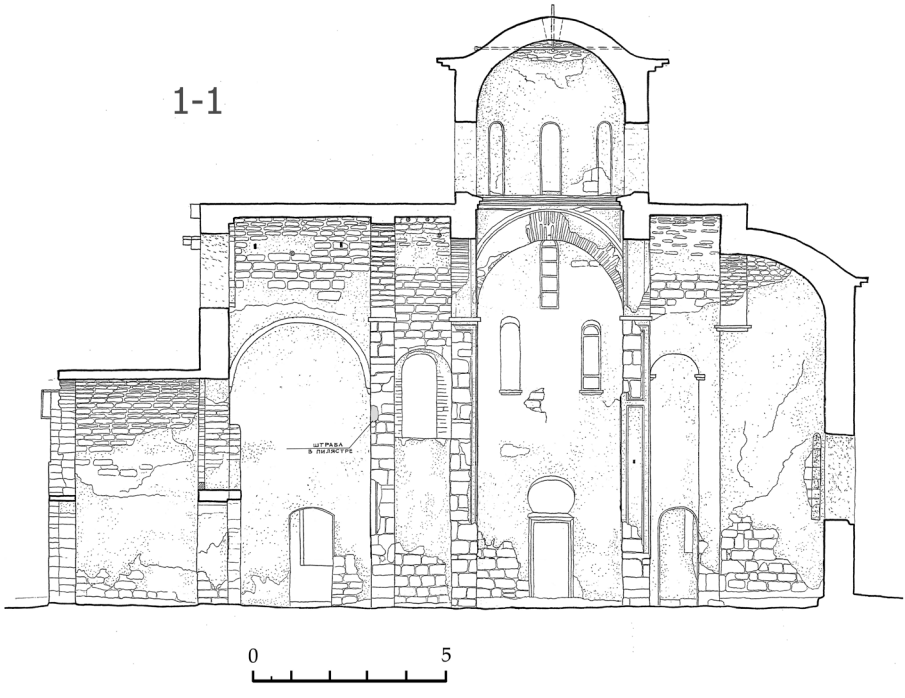
[*Средний Зеленчукский храм. Северный фасад*]

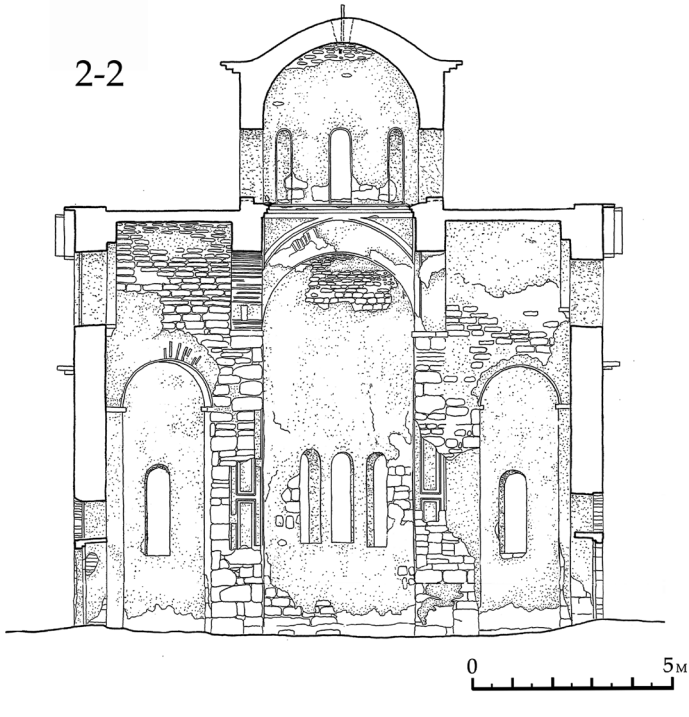




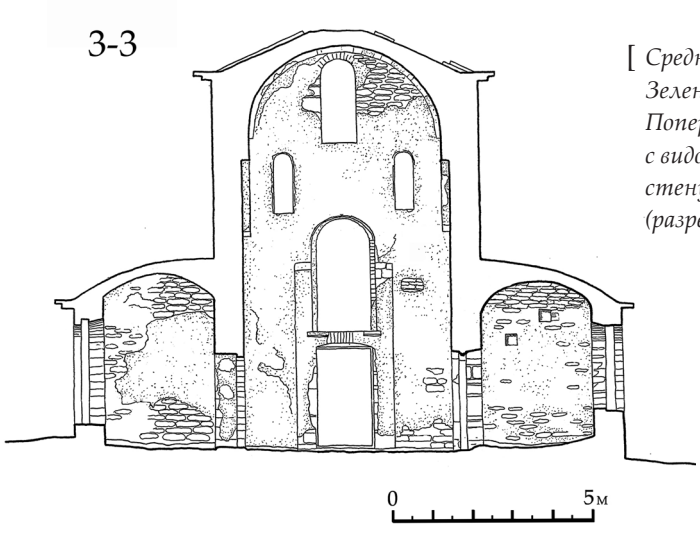
[*Средний Зеленчукский храм. Западный фасад*]

[*Средний Зеленчукский храм. Продольный разрез с видом на север (разрез 1-1)*]





[*Средний Зеленчукский храм. Поперечный разрез с видом на апсиды (разрез 2-2)*]



[*Средний Зеленчукский храм. Поперечный разрез с видом на западную стену западного рукава (разрез 3-3)*]

Шоанинском храмах кровли были криволинейные[6]. В Среднем храме, по наблюдениям Г.М. Штендера и А.И. Комеча[7], покрытие рукавов креста также могло быть полукруглым. Однако если его изменение на двускатное и было

[6 «Результат недавно проведенных мною натурных исследований наружной поверхности восточных сводов Северного храма, не закрытых плитами нового покрытия, а также форма древнего покрытия Сентинского храма (в натуре, на старых фотографиях и по криволинейной форме черепиц), Южного храма — по старым фотографиям и композиции существующих сводов, криволинейная форма выдры для кровли в пьедестале барабана Шоанинского храма. Все взятое вместе и сопоставленное между собой, дает веское основание утверждать, что форма их древнейших покрытий была криволинейной, а не прямоскатной. А на Северном храме — с восточной и западной сторон — напоминающей не базиликальное, а трехлопастное завершение с возможным покрытием черепицей. Еще в аланское время до татаро-монгольского разгрома крыша Северного храма, как, по-видимому, и других, была перестроена. Именно тогда ей было придано двухскатное прямолинейное очертание базиликального профиля, напоминающее завершение закавказских храмов. Как известно, в XI в. Алания объединилась с Абхазским царством, войдя в орбиту ее культурных связей [так в рукописи. — *Д.Б., А.В.*]. Возможно, этим объясняется прямоскатная форма покрытий 2-го периода сохранившихся аланских построек. Истоки древнейших криволинейных покрытий следует искать в Малоазийских провинциях Византии, в частности, Трапезунде…» (НСНРПМ. Ш-43. *Д.* 2231. *Л.* 6).

7 Там же. *Л.* 11; сообщение А.И. Комеча в дискуссии после доклада авторов настоящей статьи о проблемах изучения аланской и абхазской архитектуры в Институте искусствознания в 2005 году.]

[*Средний Зеленчукский храм. Вид с севера. Фото А.Ю. Казаряна. 2008 г.*]

[*Средний Зеленчукский храм. Интерьер. Вид на восток*]

когда-либо произведено, то это случилось уже в древности, так как на старых фотографиях четко видны два ската[8]. Над компартиментами у боковых апсид между сводами и скатами кровли образовались небольшие пазухи-чердаки, для вентиляции которых в стене над апсидами сделаны отверстия (над северной одно, над южной — три[9]).

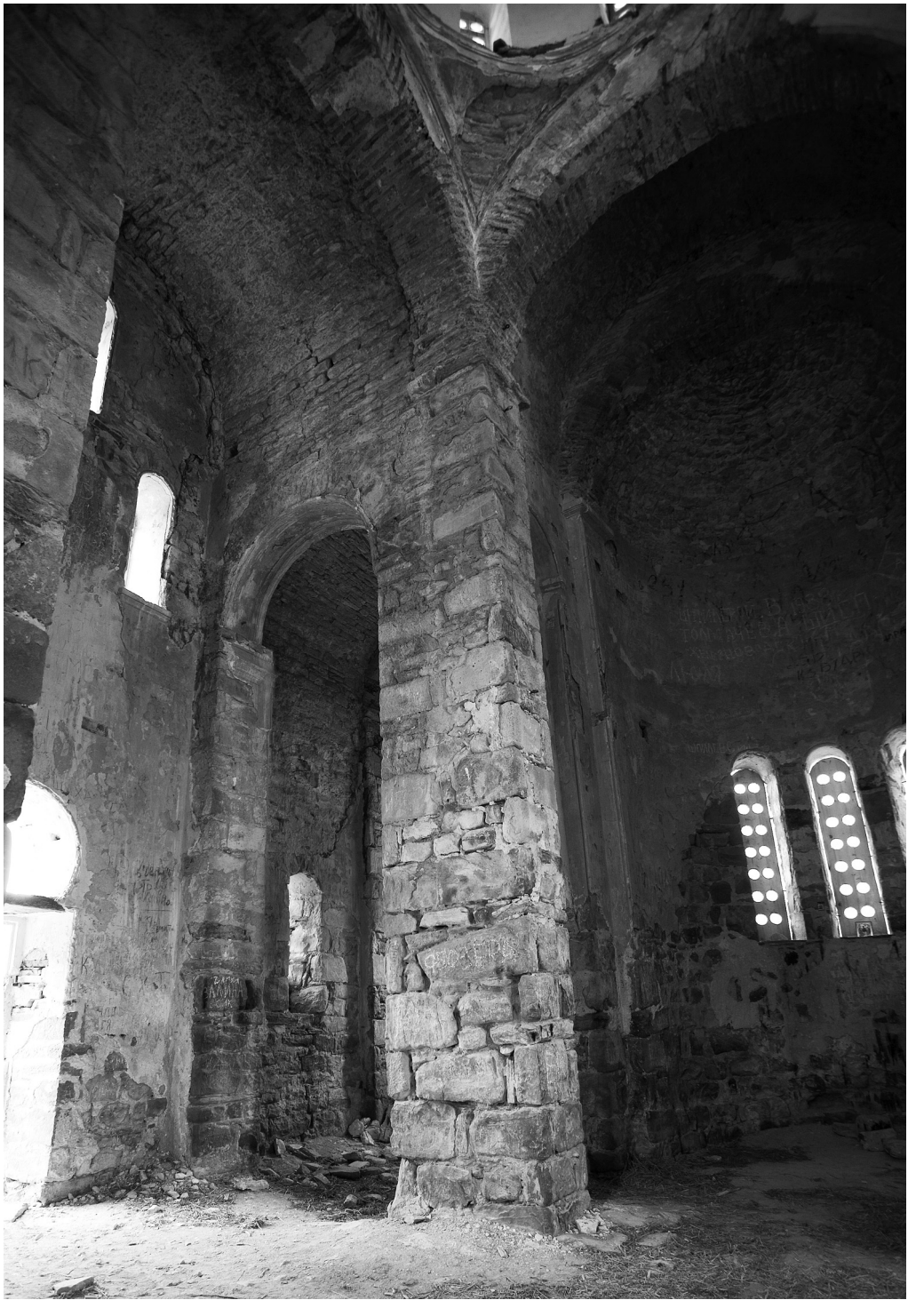
Восьмиконный цилиндрический барабан Среднего храма — самый большой в Алании (внутренний диаметр — ок. 3,9 м). Барабан несколько шире подкупольного кольца (диаметр — ок. 3,7 м), переход от парусов к барабану отмечен выступом, видимо, с карнизной плитой наверху (сейчас она скрыта поздней лепниной), как и в остальных аланских храмах. В куполе был отмечен «кусок железного стержня, на котором, очевидно, висела

[8 Для большинства провинциальных памятников средневизантийского времени прямоскатная кровля достаточно характерна (см.: *Комеч А.И.* Архитектура конца X — начал XI века // История русского искусства. Т. 1. М., 2008. С. 124–125). Вопрос о форме кровли и купола Среднего храма, как и о материале их покрытия, до сих пор остается открытым. В аланских храмах, как известно, до нас дошли фрагменты покрытий и черепичных, и лещадных. Г.М. Штендер был сторонником изначального позакомарного черепичного покрытия Среднего храма и сферического завершения его купола. В шурфах и in situ в штрабе кровли под барабаном были найдены фрагменты черепицы двух типов. Осколок черепицы, обнаруженный на кровле, полукруглый и идентичен черепице, из которой составлены трубы-голосники в сводах Среднего храма. В шурфах найдены фрагменты плоской черепицы с загнутыми боковыми бортиками. Фрагмент такой черепицы использован в первоначальной кладке арочного перекрытия окна центральной апсиды. Интересно, что в проекте реставрации Среднего храма 1985 года указано, что внизу проемов барабана (из-за неясности формулировки, возможно, правда, что речь здесь идет о барабане Северного храма) были обнаружены «поздние закладки на высоту 15 см. Между закладками и откосами окон сохранилась первоначальная обмазка… Появление этих закладок связано с изменением материала покрытия и конфигурации кровли, поскольку конек прямоскатной лещадной кровли выходил выше уровня нижней части проема, который был выполнен для трехповальной кровли, возможной только при черепичном покрытии». После разрушения черепичной кровли на аланских храмах производство керамических строительных материалов не было восстановлено (изготовление плинфы, черепицы и т.п. обычно организовывалось на месте и после завершения строительства не продолжалось), и новое покрытие было сделано из более доступной лещади. В XIX веке монахи повторили древнее лещадное покрытие, но оно продержалось лишь около десятилетия и было заменено на жестяную кровлю. Столь же недолговечной оказалась и лещадная кровля, сделанная в 1970-х годах. Поэтому при последней реставрации Средний и Северный храмы были покрыты черепицей (Институт «Спецпроектреставрация». Ф. 43. *Д.* 4660. *Л.* 16–18). О закладке восточного окна барабана Северного храма см.: Институт «Спецпроектреставрация». Ф. 313. *Д.* 1797. *Л.* 16–18, 28–29.

9 Два отверстия с юга относятся, по всей видимости, к первоначальному периоду — в них использована древняя полукруглая черепица. Прочие «продухи» могут быть и плодом «монашеской» реставрации.]

[*Средний Зеленчукский храм. Интерьер. Вид на северо-запад*]

[*Средний зеленчукский храм. Интерьер. Вид на южный рукав. Над южным входом видна фреска с изображением св. Константина и Елены*]



[*Средний Зеленчукский храм. Интерьер. Вид на северо-восток*]

[*Средний Зеленчукский храм. Вид на подкупольное пространство*]

люстра», т.е. паникадило[10]. Снаружи барабан был украшен бегунцом[11], замененным монахами на карниз. *Л.А.* Перфильева[12] называет этот пояс керамическим (из плинфы?), но его остатков не зафиксировано. Он мог состоять и из торцов каменных плиток. Кровля купола Среднего Зеленчукского храма не сохранилась, однако по аналогии с Северным Зеленчукским храмом[13], а также с храмами Абхазии и Трапезунда (см. II.2.C) можно предположить, что она была невысокой и, возможно, конусообразной[14].

Барабан храма опирается на подпружные арки. Они слегка сужаются к центру и имеют ступенчатую форму, при этом две верхние ступени обрываются, не имея выделенной опоры — консоли (подр. см. II.2.B.b). В месте состы-ковки подпружных арок со стеной (не только под барабаном) существуют выступающие карнизные плиты-импосты, в то время как переход сводов в стены никак не отмечен.

В *люнетах* всех рукавов креста, кроме восточного, имеются обрывающиеся на уровне пят сводов архивольты, которые соответствуют по своей функции подпружным аркам и опираются на маленькие импосты (подр. см. II.2.B.a)[15].

Боковые стены западной, разделенной на две травеи пилястрой, равно как и восточной ветви креста прорезаны между пилястр, соответственно, четырьмя и двумя слепыми арками (по всей ширине травей). Шелыга этих арок по высоте примерно соответствует пятам коробовых сводов (высота от уровня современного пола в восточном рукаве — ок. 6,65 м, восточных в западном — ок. 6,9 м, западных — ок. 7,45 м).

Южный вход в храм сохранил свою изначальную форму и лишь подремонтирован монахами. Его дверной проем — прямоугольный, слегка расширяющийся вовнутрь (высота — ок. 1,9 м, ширина 1,04–1,24 м). Это расширение, а также четверть в дверях Среднего храма, не встречающиеся в других аланских памятниках, где щёки-откосы всех проемов (и дверных и оконных) параллельны (что типично для архитектуры византийского ми-

[10 *Синайский П.* Зеленчукский монастырь и его древности // Ставропольские епархиальные ведомости за 1889 г. № 1. Ставрополь, 1889. Отдел неофициальный. С. 8.]

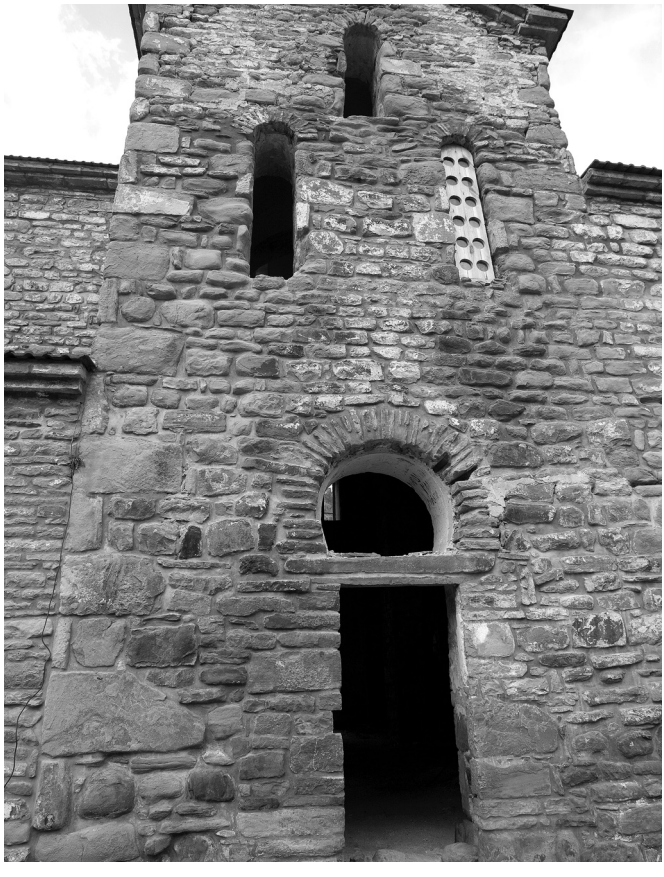
11 *Кузнецов В.А.* Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977. С. 52.

12 *Перфильева Л.А.* Купольные храмы Западной Алании в контексте средневизантийской архитектурной традиции // Христианское зодчество. Новые материалы и исследования. М., 2004. С. 193.

13 *Кузнецов В.А.* Северный Зеленчукский храм X века. // СА. 1964. № 4. С. 140.

14 Самые ранние исследователи утверждали, что купол имел шатровое черепичное покрытие «в виде низкого конуса» (см., напр.: *Синайский П.* Указ. соч. С. 8).

15 Такие импосты в люнетах есть также в Северном Архызском и Шоанинском храмах, но отсутствуют в Сентинском.]

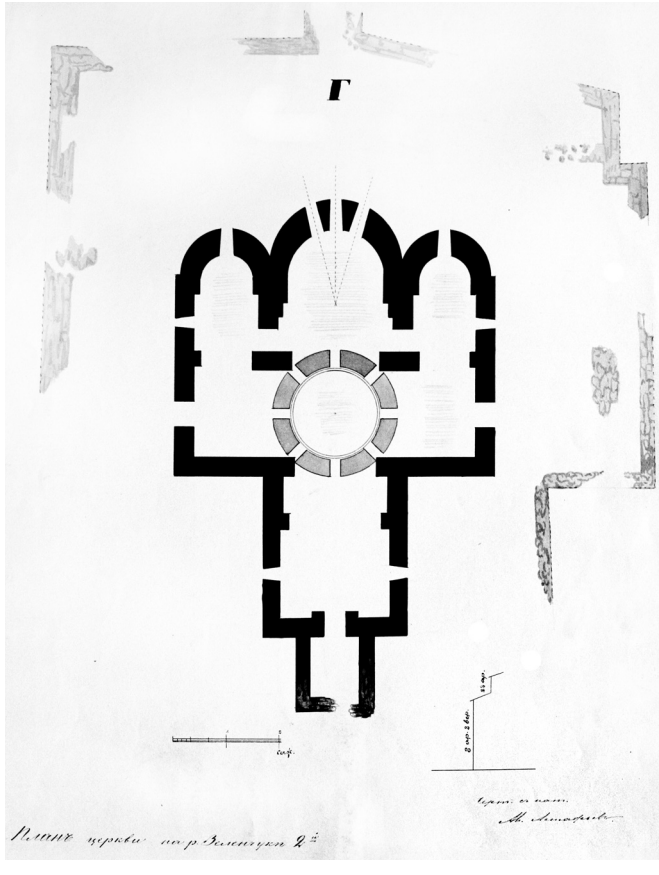


[*Средний Зеленчукский храм. Южный фасад. Входной проем*]

ра[16]), появились здесь, судя по всему, при монашеской перестройке[17]. Над южным входом расположен открытый световой люнет, отделенный от две-

[16 Это характерно, например, для русского каменного строительства домонгольского времени. В световые проемы такого типа оконница вставлялась «в относительно произвольном месте в середине пролета и либо вмуровывалась при кладке, либо удерживалась за счет слоя штукатурки, подходившего к ней как изнутри, так и снаружи». Скошенные оконные проемы появились лишь к середине XII в. вследствие романского влияния (*Рапопорт П.А.* Строительное производство Древней Руси X–XIII вв. СПб., 1994. С. 86; *Подъяпольский С.С., Бессонов Г.Б., Беляев Л.А., Коркин В.Д., Постникова Т.М., Табунщиков Ю.А.* Реставрация памятников архитектуры. М., 2000. С. 236-237).

17 Следы древнего заполнения дверей и окон в церквах Нижнеархызского городища сейчас не прослеживаются. В Шоанинском храме в верхней части откосов входных проемов основного объема под самыми горизонтальными перемычками имеются закладные гнезда. Сюда, вероятно, были вмурованы деревянные брусья, державшие дверные колоды. В этом же памятнике до недавнего ремонта почти во всех оконных и дверных проемах читались четкие отпечатки заполнений (столярных?). Такие же отпечатки имеются и в Сентах (III.1.В).]

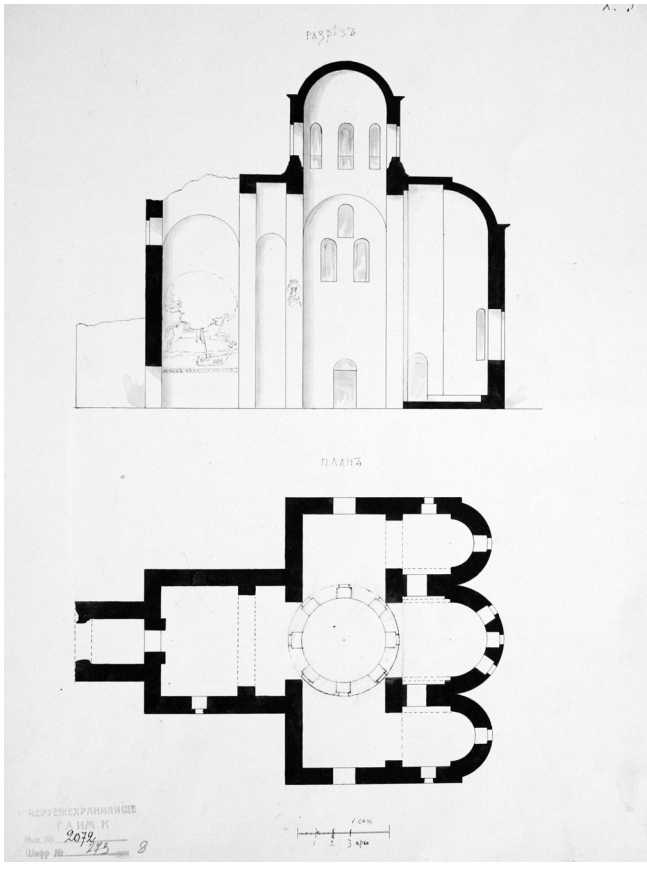


[*«План церкви на р. Зеленчук 2-й». Чертеж М. Астафьева. 1867 г. ИИМК РАН. Р. I. Д. 315. Л. 28*]

ри горизонтальной плитой-перемычкой толщиной ок. 10 см. Люнет — ярко выраженной подковообразной формы, причем на его откосе сохранилась древняя штукатурка[18].

Северный вход был переделан в конце XIX века по подобию южного. На фотографии Е.Д. Фелицина (?), зафиксировавшей Средний храм до монашеской реконструкции (ок. 1882 года), на этом месте виден более узкий про-

[18 Правда, в реставрационных отчетах есть указания на то, что на южном портале эта подковообразность появилась в результате монашеской реставрации (НСНРПМ. Ш-43. Д. 2231. Л. 12; Институт «Спецпроектреставрация». Ф. 43. Д. 2613; отсутствие указания на номер страницы при ссылке на материалы реставрации означает, что в хранящемся в Карачаево-Черкесском историко-культурном и природном музее-заповеднике экземпляре данного дела отсутствует пагинация). Однако подковообразность тимпана южного входа видна на фотографиях, сделанных до монашеской реконструкции храма. Кроме того, такая форма в аланской архитектуре не уникальна: она повторяется также в Шоане и Сентах. Судя по всему, в Среднем храме монахами основательно перелицованы лишь откосы нижней части этого проема и сделана дополнительная цельнокаменная притолока ради устройства четверти.]



[*«Храм Б»*
План и продольный разрез.
Чертеж Д.М. Струкова.
1889 г.
ИИМК РАН. РА.
Р. I. Д. 273. Л. 8]

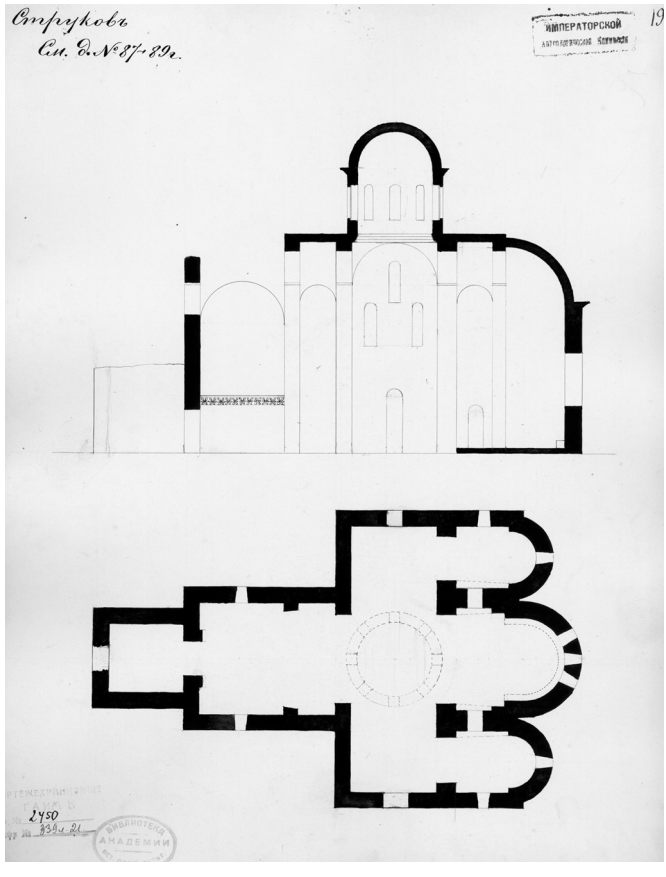
ем, похожий на окно: без открытого люнета, отделенного горизонтальной перемычкой. Но низ проема на фотографии не читается, и неясно, окно это, или дверь[19]. На всех известных нам старых планах и на рисунках Среднего храма (см. материалы М. Астафьева и Д. Струкова[20]) здесь показана именно дверь. Вход в северной стене упоминается Д. Струковым и П. Синайским[21]

[*Табл. 2–3*]

[19 Альбом древних христианских храмов, принадлежащих св. Александро-Афонскому монастырю, в Зеленчукском ущелье Кавказского хребта Кубанской области, Баталпашинского уезда. Одесса, 1891. *Илл.* 9.

20 ИИМК РАН. РА. Р. I. *Д.* 315. *Л.* 28; Р. I. *Д.* 273. *Л.* 8; *Д.* 339. *Л.* 20, 21. Именем М. Астафьева подписаны все фотографии и чертежи в материалах Северокавказской экспедиции Н.А. Нарышкина летом 1867 г., в число которых входят самые ранние известные нам снимки храмов Зеленчукского и Тебердинского ущелий.

21 Описание П. Синайского было опубликовано отдельной статьей в «Ставропольских епархиальных ведомостях» в 1889 г. (*Синайский П.* Зеленчукский монастырь и его древности // Ставропольские епархиальные ведомости за 1889 г. № 1. Ставрополь, 1889. Отдел



[*Средний Зеленчукский храм. План и продольный разрез. Чертеж Д.М. Струкова. 1889 г. ИИМК РАН. РА. Р. I. Д. 339. Л. 21. (№ 19*]

(см. II.3.С.е). На одном из струковских планов эта дверь у́же южной (на другом его плане они одной ширины), а на некоторых исполненных этим же автором изображениях видна и перемычка под люнетом[22]. Так что изначальная форма и функция этого проема остается под вопросом, хотя мы склоняемся именно к последнему варианту. Если мы правы и это действительно

неофициальный), а затем, в некоторой переработке и сокращении и уже без подписи автора вошло в текст книги о Зеленчукском монастыре, вышедшей в 1904 г. В книге использованы графические материалы Д. Струкова. Указанные описания Синайского в некоторых деталях отличаются и дополняют друг друга (*Синайский П.* Указ. соч. С. 8, 11; Древне-христианские храмы и св. Александро-Афонский Зеленчукский монастырь в Зеленчукском ущелье Кавказского хребта Кубанской области Баталпашинского уезда. Одесса, 1904. С. 13, 18).

22 В материалах Струкова Средний храм зафиксирован до начала самых первоочередных «противоаварийных» работ (например, еще не восстановлен обрушенный свод западной травеи в западной ветви креста), поэтому форму северного проема на его рисунках нельзя считать результатом уже проведенной «монашеской» реконструкции.]

был вход, то он был гораздо у́же южного и близок по ширине проходам из центральной апсиды в боковые. Не является ли он окном, переделанным в дверной проем еще в древности (см. II.1.E)? Первоначальное отсутствие входа с севера в Среднем храме вполне допустимо — мы имеем множество таких примеров в архитектуре восточных христианских провинций (Кавказа, Малой Азии и проч.), куда эта особенность пришла из Сирии[23].

Вход в западный рукав был переделан монахами более основательно: откосы проема выложены из камня, а лучковая арка, делящая проем на две равные части, — из кирпича XIX века. Ширина проема (1,39–1,42 м), вероятно, оригинальна, но, судя по рисункам и чертежам Струкова, древний вход был значительно ниже[24]. Надо полагать, изначально западный вход в храм по своим пропорциям был аналогичен южному и имел световой люнет. Возможно, поперечная плита в арке притвора (см. ниже) происходит именно из него.

Изнутри по бокам от западного входа находятся две пилястры, перевязанные со стенами. На эти пилястры ничего не опирается: они обрываются на высоте ок. 4,8 м от нынешнего уровня пола. Их ве́рху соответствуют пазы на центральных пилонах боковых стен западного рукава, являющиеся, вероятно, следами древних хор (см. II.1.E)[25]. Первоначальность этих углублений подтверждается, кажется, тем, что один из блоков в северном пазу специально подтесан, имеет сложную форму и при этом его поверхность покрыта следами древнего раствора.

Между восточными ячейками храма прорезаны два прохода, причем северный, судя по всему, более поздний (см. II.1.F), а затем и растесан монахами (см. II.1.A); южный же, хоть и первоначален, как показывают планы Струкова (или, по крайней мере, появился не позже второго этапа строительства, см. II.1.F), но перекрыт сводом из кирпича XIX века.

[23 *Sodini J.-P.* Arthèologie des èglises et organisation spatiale de la liturgie // Les liturgies syriaques. Paris, 2006. P. 231–234 [Ètudes syriaques, 3]. На Кавказе это особенность в основном зальных храмов. В рассматриваемом нами регионе мы встречаем ее, например, в церквах Дзивгиса, Тли, Зруга, Таргима, Делите в Карте (IV.1.A.a, IV.1.B, IV.1.C). Можно допустить предположение, что в Среднем Зеленчукском храме с севера был световой проем, подоконник которого был засыпан камнями от разрушенного свода и не был виден. При этом окно использовалось как вход, а поскольку здесь не было четверти и сужения, то Астафьев и Струков приняли его за дверь. Авторы проекта реставрации Среднего храма 1982 года пришли к выводу, что в северной стене было «узкое высокое окно с арочной перемычкой из плинфы», но на сделанной ими графической реконструкции здесь был изображен входной проем с открытым люнетом, сходный с ныне существующим (Институт «Спецпроектреставрация». Ф. 43. *Д*. 23516. Экземпляр чертежа имеется в томе: Институт «Спецпроектреставрация». Ф. 43. *Д*. 2613. См. также: НСНРПМ. Ш-43. *Д*. 2231. *Л*. 12).

24 ИИМК РАН. РА. Р. I. *Д*. 273. *Л*. 8; *Д*. 339. *Л*. 21. Кузнецов считает этот проем изначально высоким (*Кузнецов В.А.* Средний Зеленчукский храм // СА. 1968. № 3. С. 138, 140).

25 Похожее на паз квадратное сквозное отверстие-продух в западной стене, расположенное чуть ниже верха правой пилястры, относится к «монашескому» времени (Институт «Спецпроектреставрация». Ф. 43. *Д*. 3906).]

[*Средний Зеленчукский храм. Интерьер. Вид на западную стену западного рукава*]

Храм освещали многочисленные сравнительно узкие и практически не расширяющиеся окна с полукруглым завершением: восемь в барабане (ширина — 0,5–0,55 м, высота — 1,65 м), три в центральной апсиде (ок. 0,65 м и 2,26 м), по одному — в боковых (ок. 0,6 м и 2,09–2,33 м), по три (расположенных треугольником) в концах креста, по одному в западных стенах боковых рукавов и в наружных стенах боковых восточных компартиментов. Отметим, что окна в боковых апсидах расположены ниже, чем в центральной, а центральное окно в западном рукаве шире, чем в боковых ветвях креста[26].

Кроме того, на боковых стенах западной травеи западного рукава также были проемы, хорошо просматривающиеся на старых фотографиях (впоследствии их растесали монахи, сделав входами в пристройки). Эти проемы расположены ниже восточных — выше их сделать мешали, вероятно, предполагавшиеся хоры (низкий уровень проемов лишний раз говорит об их существовании, см. II.1.E). Южный проем узок и, в чем он не находит, кажется, аналогов в аланских памятниках, разделен горизонтальной перемычкой, отделяющей вытянутый вверх открытый люнет. При этом уровень нижней части проема не совсем ясен (на фотографиях она завалена камнями), но, в любом случае, этот проем расположен ниже окна в восточном компартименте. Верх же арки люнета немного выше уровня плиты-притолоки над дверью в южной ветви креста. Симметричный ему проем с севера — такой же узкий и вытянутый, но без сквозного люнета, напоминающий обычное окно. Низ его также не виден.

[26 В реставрационных материалах 1980-х годов есть указание, что в оконные рамы были вставлены цветные стекла, «по аналогии с другими купольными храмами Алании» (Институт «Спецпроектреставрация». Ф. 43. Д. 2613). На Нижнеархызском городище археологами неоднократно фиксировались фрагменты оконных стекол (в том числе и цветных) круглой и прямоугольной формы (*Кузнецов В.А.* Нижний Архыз в X–XII веках. Ставрополь, 1993. С. 74–75; *он же.* Зодчество... С. 35). Фрагменты цветного стекла находил в Шоанинском храме Нарышкин (Отчет гг. Нарышкиных, совершивших путешествие на Кавказ (Сванетию) с археологической целью в 1867 г. // ИРАО. Т. VIII. СПб., 1877. С. 354), а в Сентинском — Марковин (*Марковин В.И.* Исследования Сентинского храма и некрополя у реки Теберды в Карачаево-Черкессии // Историко-археологический альманах. Армавир; М., 1996. Т. 2. С. 182). В абхазских храмах фрагменты оконных стекол отмечались неоднократно, в том числе и цветных, как, например, в Мокви (*Рчеулешвили Л.* Купольная архитектура VIII–X веков в Абхазии. Тбилиси, 1988. С. 58. Автор ссылается на М. Броссе), Лоо (*Овчинникова Б.Б.* Лооский храм Большого Сочи // Диалог культур и народов средневековой Европы. СПб., 2010. С. 399, 407) или в церкви на горе Амбара (*Шервашидзе Л.А.* Неизвестный храм на горе Амбара Гудаутского района около сел. Хуап // Научная сессия Абхазского института (итоги научно-исследовательских работ 1968 года). Тезисы докладов. Сухуми, 1969. С. 20). В крестово-купольном храме Мсыгхуа около Гудауты (X в.) археологи находили «осколки круглых с узорами тонких оконных стекол» (*Кация А.К.* Памятники архитектуры в долине Цкуара // Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси, 1967. С. 66–67. Табл. XII). Фрагменты оконного стекла отмечены в Ачануа (Там же. С. 72). Об оконном заполнении в Византии и Древней Руси см., напр.: *Оустерхаут Р.* Византийские строители. Киев; М., 2005. С. 164–169; *Подъяпольский С.С., Бессонов Г.Б., Беляев Л.А., Коркин В.Д., Постникова Т.М., Табунщиков Ю.А.* Указ. соч. С. 237; *Раппопорт П.А.* Указ. соч. С. 54–55, 94–96.]

[*Средний Зеленчукский храм. Вид с юго-запада*]

Трудно сказать, окна это были или двери. Как окна, т.е. с расширением вовнутрь, они изображены на всех старых планах (Астафьева и Струкова) и на акварели Струкова (правда, последний на одном из планов забыл показать проем с севера)[27]. Надо, конечно, учитывать, что окна и двери в аланских храмах не имели никакого расширения (см. выше), но в любом случае оба исследователя воспринимали боковые проемы в западной ветви именно как окна[28]. Как окна они изображены и на графической реконструкции 1982 года[29]. Эти проемы могли быть и входными: тогда порог хорошо просматривающегося на фотографии южного проема очень основательно засыпан мусором — только в этом случае высота его нижней части могла быть достаточна для прохода человека. Если это все же были двери, то прямые им аналогии — боковые дверные проемы в нартексах Северного Зеленчукского храма и абхазского храма Симона Кананита в Новом Афоне (Анакопии). [*Табл. 2*]

С запада к храму примыкает типичный для Алании притвор, слегка трапециевидный в плане и сужающийся к западу (ширина — 4,21–4,35 м, длина — 3,85–3,95 м). Его кладка не перевязана с основным зданием. Современный

[27 ИИМК РАН. РА. Р. I. *Д.* 315. *Л.* 28; *Д.* 273. *Л.* 7. *Л.* 8; *Д.* 339. *Л.* 21.

28 На рисунке Струкова, представляющем Средний храм с юго-запада, этот проем показан как невысокое окно без отделенного перемычкой люнета. Но, как уже указывалось, к струковским изображениям надо относиться крайне критично.

29 Институт «Спецпроектреставрация». Научный архив. Ф. 43, № 23515, 23516. Экземпляр чертежа см. также: Институт «Спецпроектреставрация». Ф. 43. *Д.* 2613.]

вид притвора — результат монашеской реставрации: как показывают старые фотографии, к середине XIX века он был сильно разрушен (особенно в верхней части). Оригинальная форма его западного входа неизвестна, не ясно даже, был ли притвор закрытым изначально. Впрочем, судя по качественной хромолитографии с фотографии конца XIX века, опубликованной в «Альбоме древних христианских храмов, принадлежащих св. Александро-Афонскому монастырю», где притвор виден до перестройки, заплечиков на боковых стенах не имелось, то есть он по своей форме напоминал притворы Северного Зеленчукского храма (см. ниже) и был открытым[30]. Крупная монолитная плита, ныне делящая вход на две части, похожа на плиты в северном и южном входах, и, как уже говорилось, она, возможно, использована вторично.

Пол храма был выстлан плитками, «вылепленными» из прочного цемяночного раствора розового цвета (отмечены в апсидной части)[31]. О них

[30 Альбом... С. 9.

31 «Раствор приготовлен на известковом вяжущем… Наполнитель — цемянка ~ 65% от раствора… [которая] представляет собой кусочки керамики с мелким кварцевым наполнением». «Состав пластин пола аналогичен полу Северного храма» (Институт «Спецпроектреставрация». Ф. 43. Д. 3204. Л. 26–27, 39). Анализ фрагмента цемяночного пола из Северного храма см.: Институт «Спецпроектреставрация». Ф. 313. Д. 1797. Л. 12. В Северном Зеленчукском храме «пол представлял собой слой коричнево-розовой цемянки, толщиной 2–3 см, лежащий на подкладке из битого камня и речных голышей. Последняя была залита раствором извести» (ЦНРПМ. Ф. 103, д. 50, приложение, л. 38). Цемяночный пол был отмечен также в Сентах. Вероятно, и в других аланских храмах конструкция пола была аналогичной — такое покрытие, имеющее византийское происхождение, вообще было довольно распространено по всему Кавказу. Кузнецов указывает на такой пол в абхазской церкви X века (с. Хуап Гудаутского района), причем считает его «единственным аналогом цемяночному полу северного храма» (*Кузнецов В.А.* Зодчество… С. 33). Добавим еще примеры из Абхазии, близкие по времени аланским памятникам: Мсыгхуа, Ачануа, Лоо, Крион Нерон (*Кация А.К.* Памятники архитектуры в долине Цкуара // Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси, 1967. С. 66, 74; *Овчинникова Б.Б.* Лооский храм Большого Сочи // Диалог культур и народов средневековой Европы. СПб., 2010. С. 401; *Василиненко Д.Э.* Олимпиада 2014 г. и памятники археологии эпохи средневековья междуречья Псахо и Кудепсты (г. Сочи): исследование, консервация, реставрация с целью использования в культурном туризме // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Владикавказ, 2008. С. 77). Простые известковые полы (без добавления керамической крошки) были отмечены в Цкелкари в южной Абхазии (*Шервашидзе Л.А.* Цкелкари (Ацкар) // Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси, 1967. С. 54–55), в Зругском храме в Туалгоме (ЦНРПМ. Ф. 103. Д. 37. Л. 5) и в северной галерее Тхаба-Ерды в Ингушетии (см. напр.: ИА РАН. Научный архив. Р1/4638: *Гамбашидзе Г.Г.* Полный отчет об археологических исследованиях, связанных с реставрационными работами в храме «Тхаба-Ерды» (Чечено-Ингушская АССР, осень 1970 года). Тбилиси, 1971. Л. 39, Табл. XI, № 30) (IV.1.B). Фрагменты тонкого известкового пола были прослежены одним из авторов данной книги в Авд-дзуаре в Галиате (Дигорское ущелье, Северная Осетия: IV.1.C).]

писал еще Н.А. Нарышкин, производивший в Зеленчукских храмах небольшие раскопки[32].

Из литургических устройств в храме были зафиксированы не сохранившиеся ныне престол[33], синтрон (если только за него не приняли внутренний цоколь апсиды) и проходившая по линии восточных подкупольных устоев ступень вимы[34].

Остатков алтарной преграды не отмечено (как и в других аланских храмах).

II.1.C. Строительная техника. Храм сложен из песчаниковых квадров грубой обработки на извести, с буто-бетонным заполнением внутри стены; кладка порядовая, панцирная, но не очень ровная, системы «тычок-ложок» практически не прослеживается. Углы (в том числе у заплечиков в месте примыкания боковых апсид к основному объему храма и, иногда, у проемов) сложены из более крупных обработанных плит. Кроме купола и конх, остальные своды в Среднем Зеленчукском храме (как и в других аланских) — коробовые, выведенные из камня, — лишь арки сложены с применением плинфы (см. II.1.D). Похожую технику мы видим во всех сохранившихся аланских купольных храмах[35].

Снаружи Средний Зеленчукский храм, также как и все аланские купольные храмы, был покрыт тонким слоем штукатурной затирки-

[32 Отчет гг. Нарышкиных... С. 364-366; *Кузнецов В.А.* Зодчество... С. 52. Экспедицию возглавлял Н.А. Нарышкин, и хотя отчет издан от имени «гг. Нарышкиных», в тексте упоминается только один исследователь (об этой экспедиции см.: Начальный этап археологического изучения Кабардино-Балкарии // Балкария. Страницы прошлого. Нальчик, 2006. Вып. III. С. 38-45).

33 Отчет гг. Нарышкиных… С. 366.

34 Священные... С. 942; *Синайский П.* Указ. соч. С. 8. Епископ Владимир пришел к выводу, что Средний храм был кафедральной архиерейской церковью. Ступень вимы есть на рисунке Струкова (ИИМК РАН. РА. Р. I. *Д.* 339. *Л.* 20) и на картине Н.А. Ярошенко, хранящейся в Кисловодском музее (*Кузнецов В.А.* В верховьях Большого Зеленчука. М., 1977. С. 125), а частично видна и сейчас. Вообще, подобное возвышение очень часто встречается на Кавказе. В современной церковной архитектуре его принято называть солеей: в Византии этот термин употреблялся в двух значениях: повышенный проход из алтаря к амвону и проход вдоль алтарной преграды (вопреки: *Walter C.* The Byzantine Sanctuary — a Word List // Byzantinorossica 1995. Т. 1. С. 99).

35 Правда, очень узкие оконные проемы в Шоане, в апсидах Сентов и, судя по старым фотографиям, на западной стене Южного Зеленчукского храма перекрыты отдельными плитами с вырезанными в них арочками, а окна апсид и южной стены Южного храма путем напуска камней перекрыты «ложными» стрельчатыми арками.]

обмазки[36], видимые же сейчас следы побелки — вероятно, монашеские. Внутри Средний храм был в древности оштукатурен и по этой штукатурке расписан.

Внешних связей в интерьере не отмечено (как вообще во всех кавказских храмах), но, вероятно, существовали внутренние деревянные связи: каналы от них были отмечены в Северном храме[37]. На старых фотографиях аланских храмов хорошо заметны многочисленные отверстия от лесов (прежде всего, в Среднем и в Шоане), а там, где не потрудились монахи и реставраторы, сохранились до сих пор, в том числе внутри[38].

[36 На старых фотографиях остатки древней обмазки хорошо видны на апсидах Южного и Сентинского храма, а также, возможно, в Среднем храме и в швах Шоаны, причем в Сентах ее следы прослеживаются и до сих пор. По мнению Кузнецова, Северный храм должен был быть оштукатурен «при известной грубости строительного материала и отсутствии орнаментального декора на экстерьере» (*Кузнецов В.А.* Зодчество… С. 39). В.Б. Бесолов считает, что Сентинский храм изначально оштукатурен не был (*Бесолов В.Б.* Архитектура храма Сенты и многоаспектное сравнение его с памятниками христианского Восток и Византии (IV Международный симпозиум по грузинскому искусству). Тбилиси, 1983. С. 6). Это мнение сложилось у исследователя исключительно на основе субъективного ощущения «красоты» открытой кладки Сентинского храма. Но этого не достаточно для того, чтобы считать обмазку не первоначальной. Вообще, подобное покрытие очень распространено во многих областях Кавказа. Однако вряд ли возможно установить, в каких случаях эта обмазка или штукатурка наносилась сразу после возведения стен, а в каких позже. Сванские храмы, построенные из хорошо отделаного и красивого травертина-ширими, практически все еще в древности оштукатурены и в некоторых случаях расписаны. Обмазан был и Зругский храм, также сооруженный из тщательно обработанного ширими. Это связано, возможно, с простым стремлением защитить кладку от выветривания, что для Сентинского храма, построенного из хрупкого песчаника, весьма актуально — результаты разрушительного воздействия атмосферы заметны при сравнении современных фотографий со снимками сорокалетней давности. Конечно, есть много примеров, когда внешние стены ничем не покрывались, но по отношению к аланским храмам любая версия, как кажется, недоказуема. Кстати, на фасаде Сентинского храма отмечались следы окраски и росписи (см. III.1, III.2.D.f). Техника же кладки Сентов и Среднего Зеленчукского храма одинакова: внешние различия ее связаны скорее со свойствами местного строительного материала, в первом случае позволявшего более тщательно отделывать блоки. Столь же аккуратно выглядит и кладка расположенного рядом с Сентами Шоанинского храма, в то время как кладка Северного и Южного Зеленчукских храмов выглядит, как и у Среднего, достаточно грубо.

37 ЦНРПМ. Ф. 103. *Д.* 28. *Л.* 18, 20–21.

38 В Шоане в отверстии для лесов в западной части южной стены сохранился кусок деревянной балки, которую строители не смогли вынуть и отпилили. Его отметил Кузнецов, считавший, что незаполненные пазы в стенах Шоанинского храма «были предназначены для деревянных лежней… вставлявшихся для выравнивания кладки и затем сгнивших» (*Кузнецов В.А.* Зодчество… С. 71–72). Однако для любого выравнивания и разметки при строительстве применялся в древности (и применяется до сих пор) обычный шнур, массивные же лежни для этого не нужны.]

II.1.D. Строительная керамика. Для Среднего Зеленчукского храма (и всей аланской архитектуры[39]) характерно использование строительной керамики. Это, прежде всего, плинфа. Ее длина 42-43 см, ширина 25-28 см, толщина 4,5-6 см, что близко к размерам плинфы храма в Мокви (40-44x25x3,5 см). Применялась она в Среднем храме (как и во всей Алании) ограниченно: из плинфы с камнем выложены арки над проемами и подпружные арки[40].

Храм был покрыт черепицей, которую нашел на своем месте Г.М. Штендер[41]. Зафиксированы керамиды толщиной 2–2,5 см, шириной 23–27 см с высотой бортика 4 см (длина неизвестна). Черепица (брак?) вместе с плинфой использована в перекрытии окон центральной апсиды, причем можно уверенно сказать, что это сделано изначально: в центральном окне арка перекрыта древней штукатуркой со следами росписи[42].

В своды рукавов креста Среднего храма, а также в стены его алтарной части и придела вставлены голосники, которые отметил В.А. Кузнецов[43]. Исследователь не имел возможности рассмотреть вблизи верхние части стен, поэтому за голосники он принимал и простые отверстия в стенах. Эти отверстия глубиной до 15–20 см (например, находящиеся ниже уровня голосников в южном приделе) — возможно, гнезда от пальцев лесов или опалубки. Одно из этих отверстий подложено плинфой, что подтверждает такое предположение.

Кузнецов писал, что голосники «судя по всему … представляют собой глиняные (?) цилиндрические трубы диаметром приблизительно 15–20 см».

[39 Плинфа и черепица очень характерны для храмов Абхазского круга (Мокви, Лыхны, Бзыбь, Алахадзы, Пицунда-Бичвинта, Мсыгхуа, Лоо и т.д.), в соседних областях сооружения с применением плинфы встречаются реже.

40 В некоторых случаях визуально плинфу трудно отличить от камня по цвету. Арки над поздними пробитыми проемами сложены только из камня.

41 *Перфильева Л.А.* Указ. соч. С. 193. Черепицей были покрыты Северный и Сентинский храмы (см. III.1; IV.4.A), неоднократны ее находки и на других памятниках Нижнеархызского городища (см., например: *Кузнецов В.А.* Нижний... С. 51, 177).

42 Примеров использования черепицы в кладке стен и сводов (а не по своему прямому назначению) достаточно много в Абхазии. Так, из плинфы с черепицей сложены конха и арки алтарных окон зальной церкви цитадели Анакопии (VII–X века), а также арочные перекрытия световых проемов храма в Бзыбской крепости (X в.). В Дранде (VI в.) из черепицы сложены междуапсидные арочные перемычки, что, по мнению Л.Г. Хрушковой, якобы может говорить об их позднем происхождении (*Хрушкова Л.Г.* Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья. М., 2002. С. 263).

43 *Кузнецов В.А.* Зодчество... С. 53.]

[*Средний Зеленчукский храм. «Трубы» в своде восточной травеи западного рукава. Фото авторов. 2008 г.*]

На самом же деле голосники — двух видов. В апсидах вставлены сосуды (по крайней мере, все те, что мы смогли осмотреть, являются амфорами).

В центральном алтаре один голосник виден с севера под карнизом восточной части восточного рукава и еще один в апсиде: к югу и выше окон. Какой-то закономерности в их размещении здесь не прослеживается. Впрочем, часть голосников может быть скрыта штукатуркой.

В южном приделе мы насчитали четыре голосника. Все они расположены в юго-восточной ячейке, несколько выше пят свода, и местами подложены забутовкой с кусками плинфы. Расположены они симметрично, два на южной стене, два — на северной и установлены под наклоном: донышко выше горла. Сосуды эти разной формы, глубиной не менее 50 см, у некоторых заметны ручки.

В северо-восточном компартименте в южной стене над карнизом около апсиды только один голосник (у Кузнецова их упомянуто два, но за голосник он мог принять обычное отверстие в стене). Это круглая керамическая труба

диаметром снаружи ок. 8 см, сужающаяся на глубину ок. 12 см. Возможно, это удлиненное горлышко кувшина — тогда дальше должно идти расширение, что, по объективным причинам, не было возможности проверить.

«Трубы», а вернее отверстия, сложенные из двух продольных половин «труб», видны на сводах южного и западного (в восточной травее) рукавов. Видимо, это желобчатые черепицы-калиптеры, которые неоднократно находили при раскопках городища[44]. По крайней мере, одно из этих отверстий сквозное. Такая же сквозная «труба», кстати, отмечена снаружи, в стене над южной апсидой — явно для вентиляции пазухи (см. выше; в простенке над северной апсидой простое отверстие в кладке). В сводах западной травеи западной ветви и в северной ветви креста голосников не прослеживается. Скорее всего, они утрачены: перекрытия этих компартиментов были, видимо, в большей своей части заново сложены монахами. Кажется также, что в сводах в расположении голосников прослеживается симметрия или даже «орнаментальная» регулярность.

Вставленные в стены голосники были очень распространены в средневековом строительстве[45]. Они применялись для облегчения сводов и парусов (иногда своды целиком складываются из сосудов или ими заполняются пазухи, как, например, в некоторых ранних абхазских храмах[46]), их лучшей просушки, а также для улучшения акустики. Голосники-резонаторы присутствуют в Северном Зеленчукском и Шоанинском храмах[47], равно как и в

[44 Интересно, что с использованием желобчатой черепицы сделаны две глубокие «трубы» по сторонам апсиды Тхаба-Ерды в Ингушетии. Снизу они смотрятся как голосники, однако южная — сквозная и выходит во внутристенную вертикальную «шахту», ведущую из ниши в центральной апсиде в надсводное пространство. Функция этих «труб» не совсем ясна. Вряд ли они являются резонаторами, а устроены, скорее, в целях вентиляции внутреннего помещения. Важно, что эта часть храма сохранилась от раннего сооружения и, возможно, относится к реконструкции к. XII — нач. XIII в. (о Тхаба-Ерды см.: IV.1.В). Две цельные трубы (не сквозные), наряду с амфорой, вставлены в кладку церкви № 7 в Пицунде. По мнению Л.Г. Хрушковой, этот храм «можно датировать не ранее второй половины VI в. или начала VII в.» (*Хрушкова Л.Г.* Указ. соч. С. 109), но, как кажется, его следует относить к средневизантийскому времени (подр. см. II. 2. с).

45 *Оустерхаут Р.* Указ. соч. С. 239–242; *Раппопорт П.А.* Указ. соч. С. 51–53, 84.

46 В Дранде и Цандрипше (*Хрушкова Л.Г.* Указ. соч. С. 270).

47 В Северном храме в западных угловых компартиментах по два отверстия под пятами сводов, причем они могут быть сквозными. Горлышко, кажется, видно только в восточном отверстии северо-западного компартимента. Два голосника видны в центральной и южной апсидах Шоанинского храма — в центральной апсиде это большой сосуд с севера от окон, на уровне пят их перекрытия. В южной апсиде голосник расположен на северной стене, выше пят свода: его горлышко хорошо видно снизу. Две цельные трубы (не сквозные), наряду с амфорой, вставлены в кладку церкви № 7 в Пицунде.]

многих памятниках кавказской архитектуры[48]. И хотя в малоазийских храмах голосники не были отмечены, это не значит, что там их не было.

В Среднем Зеленчукском храме голосники — двух типов, и, кажется, прослеживается закономерность в их использовании. Сосуды (вероятно, привозные амфоры[49]) служили для улучшения акустических свойств помещений с апсидами, а «трубы» — для более быстрой просушки сводов и вентиляции внутреннего пространства памятников.

II.1.E. Строительные швы. Как уже говорилось выше (II.1.B), притвор храма не перевязан с основным объемом, но это легко объяснимо и вовсе не свидетельствует о его более позднем происхождении. Вообще, среди кавказских памятников

[48 Строительный материал мог повлиять на использование в кладке сосудов: на Руси, например, в храмах, возведенных из тесанного камня, голосники отсутствуют, при большом их распространении в плинфяных постройках (*Раппопорт П.А.* Указ. соч. С. 51–53, 84). Но в грузинских памятниках, сложенных в похожей технике, голосники известны, по крайней мере, с XI по XIV век (например, в конхах апсид Гулбадиани, Зруга, Кобайра, Мацхвариши, Хоби, Казрети, Ачи). В крупных храмах на абхазском побережье (Мокви, Лыхны, Пицунда, Дранда и проч.) сосуды-резонаторы нам не известны (за исключением голосников в апсиде Бедиа), однако они неоднократно отмечались в небольших зальных церквах (см., напр.: *Трапш М.М.* Труды. Т. 4. Материалы по археологии средневековой Абхазии. Сухуми, 1975. С. 178, 180, 183, 195; *Шервашидзе Л.А.* Цкелкари (Ацкар) // Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси, 1967. С. 53; *он же.* Неизвестный храм на горе Амбара Гудаутского района около сел. Хуап // Научная сессия Абхазского института (итоги научно-исследовательских работ 1968 года). Тезисы докладов. Сухуми, 1969. С. 19). Голосники встречаются и в горских памятниках Северного Кавказа, например в переломе свода над алтарной преградой «Нузальской часовни» в Уалладжире и в западной стене интерьера Саттайи-Обау в Дигории (IV.1.C). Во всех приведенных примерах сосуды, несомненно, служили для улучшения акустических свойств помещений. В некоторых случаях в сводах или стенах могли сделать пустоты без сосудов: такие имеются, например, в парусах мусульманского мавзолея Борга-Каш начала XV века в Ингушетии (для лучшей просушки?) и уже упоминавшиеся «трубы» в Тхаба-Ерды. Вообще, это явление в средневековой архитектуре — мало исследованное, но, возможно, более широко распространенное, чем мы себе представляем, встречающееся не только в зодчестве «византийского» круга, но и на Востоке. Примером этого могут служить «сосуды или обрезки терракотовых труб», вставленные в купол «мавзолея» султана Текеша в Хорезме (XI век). Причем они расположены орнаментально, звездой. Правда, в архитектуре Центральной Азии аналогий этому не известно, да и сама постройка «производит впечатление некоторой чужеродности на фоне среднеазиатских строительных канонов своего времени» (*Хмельницкий С.* Между Саманидами и монголами. Архитектура Средней Азии XI — начала XIII в. Ч. II. Берлин; Рига, 1997. С. 66, 68. Рис. 61). Возможно, здесь мы также сталкиваемся с системой внутренней вентиляции (как и в Тхаба-Ерды). Надо полагать, что в дальнейшем среди многочисленных керамических изделий, фиксируемых в архитектурных памятниках стран византийского мира, будут выделены предметы (трубы), специально изготовленные для таких же целей.

49 *Кузнецов В.А.* Нижний... С. 61.]

мы, кажется, не знаем ни одного притвора, перевязанного с основным объемом храма. Швы между разными частями одновременного комплекса хорошо известны в архитектуре по всему христианскому миру[50]. Эти швы отражают последовательность строительных работ и часто играют роль осадочных[51] или антисейсмических. Средневековые мастера стремились полностью завершить один объем (вплоть до обмазки), и только после этого к нему прикладывался следующий[52]. По всей видимости, осадочным и говорящим о последовательности работ является и шов в Северном Зеленчукском храме в месте состыковки основного объема и нартекса с хорами над ним. Этот шов иногда считается свидетельством разновременности частей постройки[53], но тогда на месте широкого проема из хор в наос изначально находились бы окна, и следы переделки были бы заметны, хотя их нигде не зафиксировано[54]. То же относится и к швам у притворов в Северном Зеленчукском, Шоанинском и Сентинском храмах: под их стенами частично прослеживается древняя обмазка, но притворы, возможно, предполагались изначально.

Кузнецов отметил строительный шов и на внешней стене Среднего храма, разделяющий северный рукав и северо-восточный компартимент. В инте-

[50 См., напр.: *Оустерхаут Р.* Указ. соч. С. 171, 175–176; *Раппопорт П.А.* Указ. соч. С. 122–123; *Чубинашвили Г.Н.* Из истории средневекового искусства Грузии. М., 1990. С. 102.

51 «Если части здания имели разный вес, их строили как отдельные объемы, при этом использовались несвязанные фундаменты» (*Оустерхаут Р.* Указ. соч. С. 175).

52 Такой шов есть, между переходом во дворец и собором в княжеской резиденции в Боголюбово: там была полностью завершена отделка стены храма, частично затем скрытая переходом. Строители могли проявлять и определенную свободу в выборе между перевязью и ее отсутствием: между галереей и наосом Софии Киевской связь в некоторых местах присутствует, а в некоторых нет (*Комеч А.И.* Архитектура конца… С. 160). См. также: *Подъяпольский С.С., Бессонов Г.Б., Беляев Л.А., Коркин В.Д., Постникова Т.М., Табунщиков Ю.А.* Указ. соч. С. 270

53 *Перфильева Л.А.* Купольные… Рис. на с. 201. Кузнецов, кстати, не считает отсутствие связи между частями постройки признаком их разновременности (*Кузнецов В.А.* Северный… С. 146). Ср.: *Комеч А.И.* Архитектура второй половины XI — начала XII века // История русского искусства. М., 2007. Т. 1. С. 368. В Бзыби и Лыхнах швы в этом месте не прослеживаются, однако в последнем случае уверенно говорить об их изначальном отсутствии невозможно — Лыхненский храм был основательно перелицован.

54 Форма верхней части нартекса Северного храма, наличие или отсутствие хор и размер проема в западной стене его основного объема требуют отдельного исследования. На фотографии Астафьева (ИИМК РАН. РА. Р. I. Д. 315. Л. 16) западная стена основного объема храма сильно разрушена. Но остатки проема из хор в наос видны, как есть они и на разрезе, приведенном Кузнецовым (*Кузнецов В.А.* Зодчество… Рис. 2). Кстати, на рисунке Струкова, который сделан на 20 лет позже посещения Архыза Астафьевым, эта стена показана целой, но без нижних боковых проемов. Кроме того, сделанные им же разрезы Северного храма (ИИМК РАН. РА. Р. I. Д. 339. Л. 11, 12; Д. 273. Л. 3) принципиально отличаются. Все это лишний раз указывает на низкое качество материалов Струкова.]

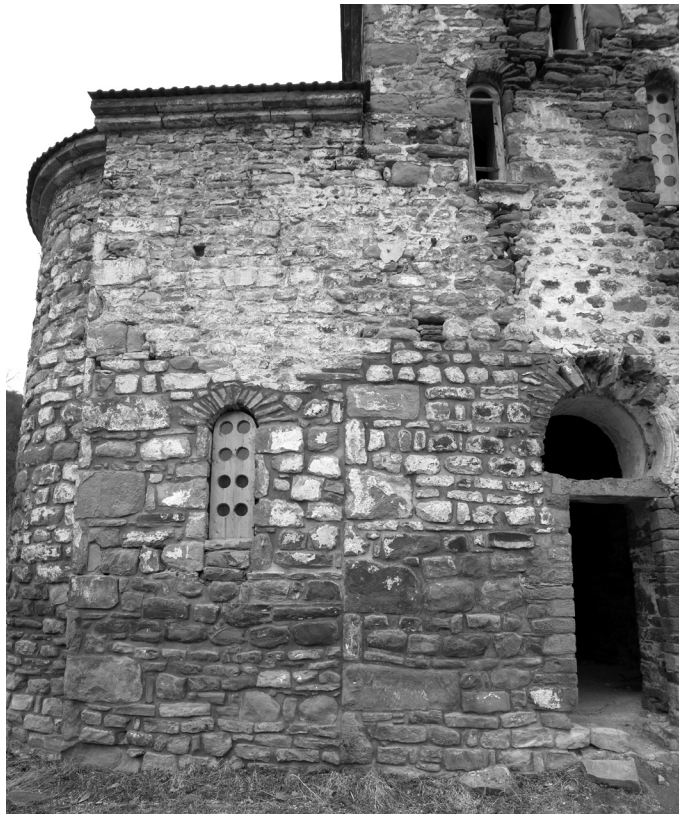
рьере он совпадает с восточной гранью пилястры. Шов идет от современного уровня земли вверх до высоты 3,55 м и затем обрывается, причем западная сторона шва — угловой кладки. Северный и южный угловые компартименты отличаются и тем, что в первом толщина западных пилястр больше и близка по толщине несущим стенам. Кроме того, в нем стена над подпружной аркой, опирающейся на эти пилястры, тоньше самих пилястр и соответствует ширине пилястр в юго-восточном компартименте.

Исследователей смущало, однако, отсутствие соответствующего шва на южной стене храма. Для проверки этого наблюдения в 1980 году по просьбе Г.М. Штендера В.А. Кузнецовым были заложены шурфы внутри храма, которые выявили фундамент стены, отделявшей указанный компартимент от северного рукава, в то время как в южной части ничего подобного обнаружено не было. Правда, шов, прослеживающийся на северной стене, на фундаменте отсутствует, но Кузнецов объяснил это необходимостью укрепления фундамента при перестройке храма, особенно учитывая его расположение на склоне. При этом Кузнецов и Штендер (а вслед за ними и Перфильева) почему-то решили, что первоначальным планом храма не предполагались *оба* боковых компартимента[55]. Однако отсутствие подобного шва и фундамента в юго-восточном приделе показывает, что он как раз, наоборот, задумывался изначально, а добавлен был лишь северо-восточный компартимент. Подтверждение этому — не замеченный другими исследователями вертикальный шов высотою ок. 2,9 м (от уровня современного пола) на южной стене последнего компартимента, на стыке с заплечиком апсиды, т.е. как раз на месте примыкания пристройки второго этапа к старому телу храма[56].

Такой перестройкой, кстати, можно объяснить и разницу между западными стенами приделов. Поскольку с юга компартимент с апсидой предполагался изначально, то восточная стена южного рукава, опирающаяся на пилястры и арку меньшей ширины, чем подкупольные, задумывалась, соответственно, более тонкой по сравнению с остальными стенами храма: с севера она опирается на пилястру шириной 0,72 м (стандартная ширина восточных подкупольных опор), а с юга — 0,65 м (сообразно ширине самой стены). В северном

[55 *Кузнецов В.А.* Средний… С. 144; *он же.* Нижний… С. 90; НСНРПМ. Ш-43. *Д.* 2231. *Л.* 10; *Перфильева Л.А.* Указ. соч. С. 190–193. Анализ образцов кладочного раствора, взятого в фундаменте по сторонам от этого шва, показал их полную идентичность. Но также была отмечена разница забутовок фундаментов под южной и северной стенами (Институт «Спецпроектреставрация». Ф. 43. *Д.* 2372. *Л.* 6, 8–10, 26). Не является ли это свидетельством предположенного Кузнецовым укрепления фундамента?

56 Данную реконструкцию не опровергает и наличие шва в аналогичном месте юго-восточного пастофория: шов этот трудно проследить из-за монашеской штукатурки (в этом месте ее утраты очень незначительны), он очень тонкий (камни примыкают друг к другу) и связан, видимо, с техникой кладки стены, в то время как его собрат в северном компартименте имеет толщину ок. 3 см и заполнен раствором (как и вышеописанный шов на внешней стене). Для уточнения этого наблюдения необходим обширный зондаж, сделать который по объективным причинам мы не имели возможности.]



[*Средний Зеленчукский храм. Шов в восточной части северного фасада*]

[*Средний Зеленчукский храм. Северная апсида. Вид на южную стену*]

же рукаве восточная стена из-за пристройки северо-восточного компартимента была позднее переделана и, таким образом, появились широкая пилястра (ширина — 0,82 м) и подпружная арка, однако стена на них была положена, как и в первом случае, более тонкая, чтобы арка выдержала ее вес. Разница проявляется и в отсутствии на южной стене позднейшего северо-восточного придела западной пилястры — в то время как у юго-восточного придела соответствующая пилястра имеется.

Нельзя считать однозначным и решение Кузнецовым вопроса о природе вышеописанной перестройки храма: он объяснял ее изменением исходного замысла в процессе строительства. Данное объяснение может быть не единственным: также представимо и изменение плана либо после временного прекращения строительства, когда стены остались возведенными с севера до высоты около 4 м, либо после разрушения первого храма, возобновленного впоследствии в слегка трансформированном облике (см. II.1.F).

Ситуация осложняется еще одним обстоятельством. После Кузнецова Перфильева[57] отметила разность в толщине стен восточной и западной травеи западного рукава, из-за чего у разделяющих их пилястр разные заплечики: с запада они шире. Этому соответствуют и наши наблюдения, которые выявили еще два шва, расположенные симметрично друг другу на уровне западного края пилястр, разделяющих надвое западный рукав; здесь угловая кладка (ср. выше) прослеживается, хоть и менее отчетливо[58]. Северный шов был высотой более 3,5 м (от уровня пола, который примерно соответствует современному уровню земли): он уходит под свод северо-западной пристройки XIX века, однако не слишком далеко, ибо расположенный на 0,75 м выше камень положен уже вперевязку. Таким образом, этот шов близок по высоте шву у северной апсиды. Они, кстати, хорошо видны на фотографии Фелицина с видом Среднего храма с северо-запада[59].

Южный шов снаружи читается целиком: его высота ок. 1,8 м (до свода поздней пристройки остается еще ок. 1,9 м, где шва нет, а идет обычная порядовая кладка). Изнутри храма северный шов прослеживается в местах утрат штукатурки, а южный скрыт ею полностью. Раскопки на данном участке не производились, и поэтому наличие или отсутствие фундамента между пилястрами остается неизвестным. Однако эти пилястры, скорее всего, не могут быть остатками старой западной стены храма: они узкие — ок. 0,63 м, при обычной толщине стен ок. 0,8 м (боковые стены западной травеи чуть тоньше — ок. 0,75 м, см. выше) и ширине пилястр на подкупольных пилонах не менее 0,73 м.

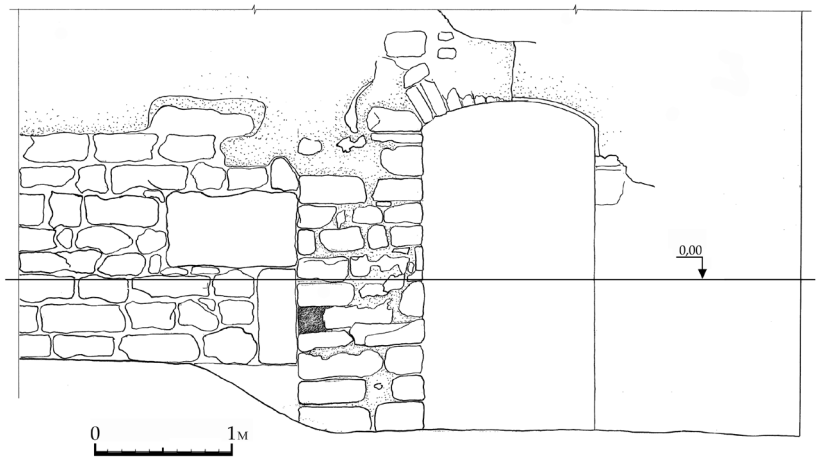
[57 *Перфильева Л.А.* Указ. соч. С. 190–192.

58 Эти швы, как мы выяснили позднее, были отмечены уже при исследованиях храма в 1980-х годах (см., например: Институт «Спецпроектреставрация». Ф. 43. Д. 2613), однако в публикациях про них нигде, кажется, не сказано. Л.А. Перфильева пишет про швы Среднего храма довольно обобщенно, не указывая ни их точное расположение, ни их высоту (*Перфильева Л.А.* Указ. соч. С. 190–192).

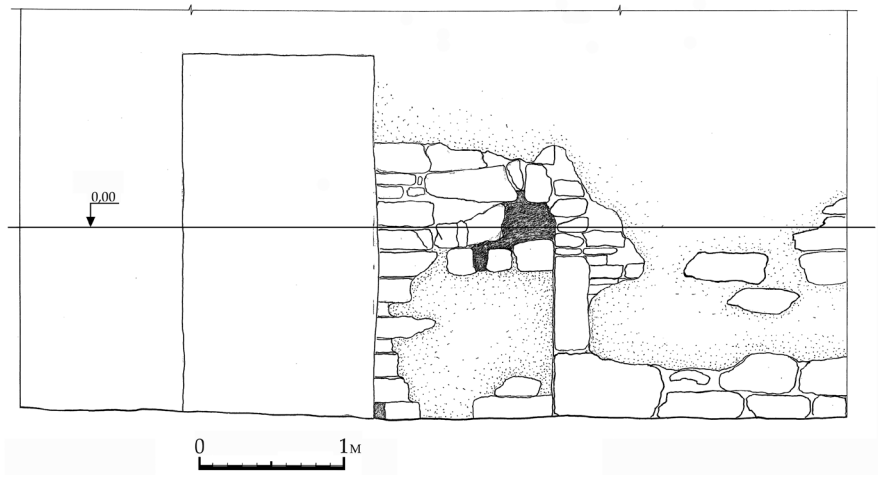
59 Альбом… Илл. 9.]

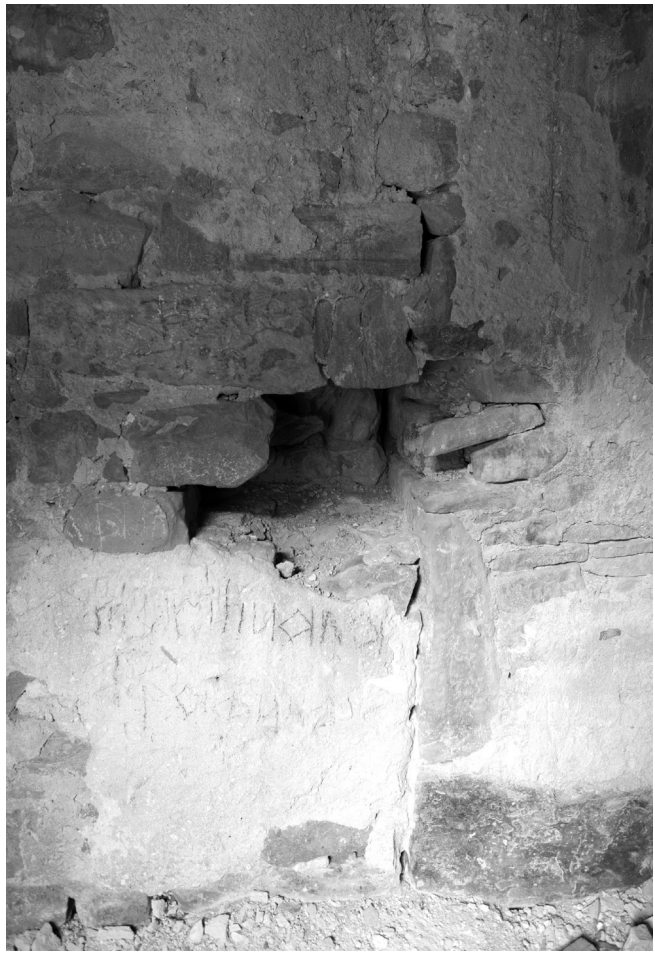
[*Средний Зеленчукский храм. Подпружная арка над проходом в южную апсиду*]

[*Средний Зеленчукский храм. Подпружная арка проходом в северную арсиду*]



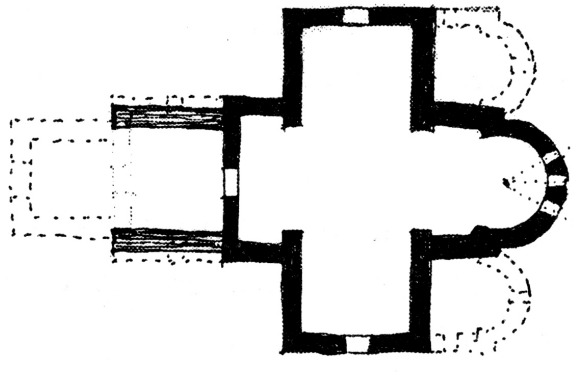
[*Средний Зеленчукский храм. Шов на северном фасаде западного рукава*]





[*Средний Зеленчукский храм. Шов на южном фасаде западного рукава*]

[*Средний Зеленчукский храм. Вариант реконструкции первоначальной композиции архитектора Н.Г. Разиной и искусствоведа Л.А. Перфильевой (по Л.А. Перфильевой)*]



Истолковать швы в боковых стенах западной ветви креста как последствия изменения плана затруднительно: иначе придется реконструировать невиданный в наземной архитектуре крестообразный храм с укороченным западным рукавом. Восточные части этих швов выложены угловой кладкой (в отличие от западных), но это отнюдь не является свидетельством более поздней перестройки — прямым аналогом является шов между нартексом и основным объемом в Северном храме, которые, по нашему мнению, были сооружены одновременно (см. IV.4.А). Кроме того, они тонкие, в отличие от швов в северо-восточном компартименте (см. выше). Поскольку же швы эти первоначальны, то их, по всей видимости, следует воспринимать как осадочные (и, возможно,

антисейсмические), обусловленные присоединением с запада объема меньшего или большего веса[60].

Однако, если западный рукав храма продолжался во всей его полноте (т.е. ширине и, очевидно, высоте), то меньшего веса он быть не мог. Больший же вес представим лишь в случае наличия в этом объеме каменных хор[61]: такое предположение полностью подтверждает пример Северного Зеленчукского храма (см. выше). О том, что в Среднем храме хоры предполагались изначально, свидетельствует, как кажется, и более низкое, по сравнению со световыми проемами в восточной части храма, расположение аналогичных окон на боковых стенах западной ветви, что нами уже отмечалось (II.1.B).

Наличие или отсутствие хор зависело чаще всего от желания заказчика и напрямую связано со статусом храма. Они не являются обязательным элементом, но присутствуют во многих церквах, часто соединяются с дворцовыми помещениями и во многих случаях имеют отдельный вход на втором ярусе (например, в абхазских Мокви и Лыхнах). В нашем случае конструкция хор предполагала бы размещение двух каменных столпов, на которые опиралась западная часть хор и которые были связаны арками с пилястрами на западной стене по сторонам от входа. Эти пилястры хорошо сохранились (см. II.1.B). Вопреки реконструкции В.А. Кузнецова и М.К. Каркаева[62], они явно первоначальные, ибо присутствуют на чертежах XIX века, сделанных до перестройки храма монахами, и доверху перевязаны со стеною. Их древность подтвердил и анализ связующего раствора Среднего храма, сделанный в 1983 году[63]. Подобные пилястры имеются, например,

[60 Швы не на всю высоту стены известны в древнерусской архитектуре, но в данном случае аналогия не работает, поскольку они неизвестны между частями здания одинаковой высоты (*Раппопорт П.А.* Строительное… С. 122). Кроме того, *Д.Д.* Ёлшин в письме от 02.05.2007 любезно обратил наше внимание на то, что во всех приведенных П.А. Раппопортом примерах, равно как и в случае шва между центральной ячейкой нартекса и башней Спаса на Берестове, не выяснено, следы ли это разного веса частей, изменения первоначального замысла или практического удобства. Мы, в свою очередь, склоняемся к последней версии, ибо ни в одном из вышеприведенных случаев длина швов не превышает 1,5 м, а именно на этой высоте, согласно тому же Раппопорту, начиналась кладка с лесов, общих для всех объемов (Там же. С. 118).

61 В Грузии и Армении хоры присутствуют в большинстве крупных храмов (Цроми, Ошки, Ишхани, Пархали и Отхта-Эклессия, Баграта в Кутаиси, Светицховели во Мцхета, Алаверди, Пицунда, Бана, Зварноц у Вагашапата, Спасителя в Ани, Ахтамар). О хорах в грузинской архитектуре см., например: *Закарая П.Ф.* Зодчество Тао-Кларджети. Тбилиси, 1992. С. 97; *Чубинашвили Г.Н.* Архитектура Кахетии. Тбилиси, 1959. С. 598–599; *Чубинашвили Г.Н.* Художественные ценности архитектурных композиций Кахетии // *Чубинашвили Г.Н.* Из истории средневекового искусства Грузии. М., 1990. С. 108–109.]

62 *Кузнецов В.А.* Средний… С. 138.

63 Институт «Спецпроектреставрация». Ф. 43. Д. 3906.]

в Мокви[64] (*илл.* на с. 116), а также во многих памятниках Тао, Кларджети и Шавшети[65] (например, Ошки, Отхта-Эклессиа, Пархали, Тбети[66]). Поскольку никаких других следов предполагаемых каменных хор не сохранилось, то теоретически существует два возможных положения столпов, на которые должна была опираться их восточная часть: либо они стояли на линии боковых пилястр, и тогда боковые арки от этих столпов перекидывались бы на дополнительные пилястры, «прислоненные» (т.е. не перевязанные) к большим пилястрам западного рукава; либо эти опоры должны были располагаться западнее пилястр, и тогда арки перекидывались бы на такие же «прислоненные» к стенам пилястры (как в Тбети), на импосты-консоли (как в Цроми и в Пицундском соборе или при состыковке малых подпружных арок со стенами в Южном Зеленчукском храме — если это не плод монашеской переделки) или прямо на стены (как в трапезундской Панагии Хрисокефалос). Предпочесть из них всех следует два последних варианта: с импостами-консолями или с перекидкой арок прямо на стены, ибо только в таком случае происходит перевязка хор со стеной, западная травея приобретает больший вес, и, соответственно, требуется осадочный шов. В любом случае, храм был достроен без внимания к этим элементам первоначального замысла.

Впрочем, последнее не означает отсутствие хор в достроенном храме. Судя по не имеющим никаких следов арок пилястрам на западной стене рукава, а также по совпадающим с их верхом пазам на центральных пилястрах западного рукава (как уже говорилось, пазы были устроены уже в древности), эти хоры были деревянными (см. II.1.B). Этим, кстати, можно объяснить, почему верх пилястр на западной стене находится так высоко — их достроили на втором этапе для опоры балок хор. Вход на деревянные хоры осуществлялся, скорее всего, снизу, так как проемы, расположенные в западной и северной стенах западного рукава на высоте хор, — поздние (см. выше; монашеские деревянные хоры могли находиться на месте древних). Однако расположение фресок со святыми всадниками (см. II.3.C.h.i), пересекающих пол реконструируемых деревянных хор, дает возможность предположить, что последние были разобраны перед росписью храма — такое предположение выглядит вполне правдоподобно, так как роспись относится, по всей видимости, к XI веку (см. II.3.E). Следы копоти на первоначальной обмазке храма (см. II.3.B) могут быть свидетельством пожара, который, возможно, и уничтожил деревянные хоры. Впрочем, вся реконструкция их истории остается достаточно гипотетичной.

[64 Широкая арка под хорами в центральном нефе Мокви — результат древней реконструкции: на выложенной тогда новой арке сохранились остатки средневековых (XIV века?) фресок. Эту переделку отметил еще *Л.* Рчеулешвили (*Рчеулешвили Л.* Указ. соч. С. 53–54).

65 См., например: *Беридзе В.В.* Архитектура Тао-Кларджети. Тбилиси, 1981. Рис. на с. 163, 165, 167, 175.

66 В Тбети колонна всего одна посередине, из-за чего вход в храм пришлось сдвинуть с оси симметрии. На плане Ошки два центральных столпа, на которые опирается восточная часть хор, в известных нам публикациях не показаны.]

[*Собор в Мокви. Интерьер. Западный вход. Фото Гао-Бен-Чи. 2006 г.*]

II.1.F. Этапы строительства. Швы в восточной и западной частях здания показывают, что перед нами даже не один след изменения первоначального плана Среднего Зеленчукского храма. Одинаковая высота швов на северной стене, скорее всего, говорит об одновременной смене концепции в обоих случаях[67]. Исходно здание должно было представлять собой croix libre с удлинением западного рукава (вероятно, для размещения каменных хор) и присоединенным с юго-востока приделом. Изменение замысла отменило каменные хоры (возможно, для

[67 Бóльшая высота северной стены к моменту изменения плана, возможно, связана с необходимостью защиты строительной площадки от северного ветра, подобно заложенным северным окнам в барабанах греческих храмов. В исторической записке к проекту реставрации памятника, составленной в 1985 году (главный архитектор проекта В.Л. Мячин, старший искусствовед Л.А. Перфильева) это объясняется тем, что «строительство конструкции северных частей храма вели со значительным опережением ввиду применения кладочного раствора на извести, затвердение которого продолжительно и для ускорения карбонизации которого необходимо тепло и проветривание (Институт «Спецпроектреставрация». Ф. 43. Д. 4660. Л. 16).]

упрощения и облегчения конструкции превратило их в деревянные) и добавило северо-восточный компартимент[68]. В последнем, очевидно, не совершалась литургия, ибо здесь, в отличие от юго-восточного, вероятно, предназначенного для частных богослужений (мемориального?[69]) придела с его четырьмя голосниками, виден только один голосник (см. II.1.D), при том, что своды обоих, находящиеся выше вышеупомянутого северо-восточного шва, были сложены одновременно. Вероятно, северо-восточный придел выполнял функции протесиса[70], для чего на втором этапе сделали проем в центральную апсиду (правда, следов переделки не видно даже в нижней части проема)[71] — до этого протесис предполагалось разместить, скорее всего, прямо в наосе (как это было, по всей видимости, и в Сентах)[72].

Итак, вернемся к поставленному ранее вопросу: с чем же связано такое изменение замысла? Трансформация западного рукава могла быть вызвана конструктивными причинами (см. II.1.E), однако добавление северо-восточного компартимента было, без сомнения, функциональным. Многочисленные примеры изменения планов византийских церквей, собранные Р. Оустерхаутом, который посвятил им особую главу, говорят, прежде всего, о перестройке храмов — случаев изменения плана именно в ходе строительства у него приведено лишь четыре. Впрочем, константинопольские храмы Богородицы Перивлепты и Св. Георгия в Манганах[73] здесь не показательны: там речь шла лишь об изменении размеров и декорации, но не о пристройке новых помещений. Ближе к нашему случаю стоят поздневизантийские храм Богородицы Паригоритиссы в Арте (1283–1296 гг.) и кафоликон монастыря Вронтохий в Мистре (ок. 1310–1322 гг.), где основные объемы здания перевязаны с пристройками лишь на уровне второго яруса, что может свидетельствовать об изменении плана в про-

[68 Реставраторами выделено три разных вида строительных растворов, использованных при возведении Среднего храма, и это, возможно, является отражением его сложной строительной истории (Институт «Спецпроектреставрация». Ф. 43. *Д.* 3204. *Л.* 40).

69 Погребения знатных лиц в аланских храмах (Северном Зеленчукском и Сентинском) традиционно располагаются именно в южной части храма.

70 В русской церковной терминологии он называется жертвенником, однако для Византии «жертвенник» (θυσιατήριον) — это престол (*Lampe G.W.H.* A Patristic Greek Lexicon. Oxford, 1961. P. 660).

71 В этой связи можно поставить вопрос: а не был ли прорублен на втором этапе и проход в юго-восточный компартимент, особенно учитывая его несимметричность относительно слепой арки?

72 Относительно вопроса о функции боковых апсид в средневизантийское время см.: *Asutay N.* Byzantinische Apsisnebenräume. Weimar, 1998; *Varalis Y.* Prothesis and Diaconicon: Searching the Original Concept of the Subsidiary Spaces of the Byzantine Sanctuary // Hierotopy / Ed. by A. Lidov. Moscow, 2006. P. 282–298.

73 *Оустерхаут Р.* Указ. соч. С. 100–102.]

цессе строительства[74]. Не исключая такой возможности, заметим, однако, что в случае с Артой это изменение было предпринято, явно, с целью укрепления всей конструкции. Об этом свидетельствуют колонны-подпорки в наосе, также относящиеся ко второму этапу строительства. Вряд ли оба вышеназванных здания собирались возводить первоначально без боковых пристроек, ставших к тому моменту неотъемлемой частью византийского храма[75], — поэтому такую трансформацию логичнее связывать скорее с конструктивным, чем с функциональным переосмыслением плана[76]. Между тем, в Среднем Зеленчукском храме мы явно имеем дело с добавлением нового компартимента.

Функциональное изменение плана было связано, скорее всего, со сменой заказчика храма. Но вряд ли в функциях церковных помещений разбирался правитель недавно крещенной Алании — намного вероятней влияние на концепцию храма грека — предстоятеля Аланской Церкви. Новый архиерей мог затеять перестройку ради придания храму более привычной ему функциональной структуры. Как было сказано выше, такая смена концепции могла произойти не только во время строительства, но и после перерыва в строительстве или даже после частичного разрушения постройки. Однако близкая высота швов на северной стене в разных концах церкви практически исключает второй вариант. А вот перерыв в строительстве можно связать с изгнанием христиан из Алании ок. 932 года (см. I.3).

В этой связи закономерно возникает вопрос о том, сколько храмов могло быть построено между 912-914 (дата создания Аланской архиепископии) и 932 годами (напомним, что у нас нет ни одного датированного памятника этого времени). Распространенное в науке[77] мнение о строительстве первых крестовокупольных храмов еще в эпоху христианизации Алании кажется чисто спекулятивным. Архитектурные аналогии, приведенные Кузнецовым для наиболее древнего с его точки зрения, Северного Архызского храма[78], относятся к 1-й половине — середине X века, а не исключительно к его началу. Храм № 6 на Ильичевском городище (нач. X в.; см. IV.2), хотя и является трехнефным, имеет достаточно скромные размеры (ширина ок. 8 м[79]). Тем более, что выше упо-

[74 Там же. С. 115–118.

75 См. об этом: *Theis L.* Flankenräume im mittelbyzantinischen Kirchenbau. Wiesbaden, 2005.

76 Впрочем, это изменение можно объяснить и простым стремлением нового строителя к симметрии здания.

77 *Кузнецов В.А. Кузнецов В.А.* Христианство на Северном Кавказе до XV в. Владикавказ, 2002. С. 47; *Саканиа С.М.* Хронологические параллели Лыхненского и Зеленчукского храмов // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Е.И. Крупнова. Тезисы докладов. М., 2004. С. 178.

78 *Кузнецов В.А.* Зодчество… С. 27–72

79 Относительно широкой (14, 5 м) базилики № 3 см. IV.2.]

мянутые нами обстоятельства христианизации алан свидетельствуют, скорее, об обратном: Николай Мистик в своем письме 46 просит эксусиаста Авасгии предоставить архиепископу Алании «необходимое и приносящее облегчение жизни» — напомним, что это письмо написано после 915/6 года, т.е. когда прошло уже около двух лет только со времени прибытия Петра в Аланию (а с начала миссии — еще больше). Несомненно, что небольшие храмы (подобные первому Сентинскому) в Алании сооружались, но при таком недостатке средств вряд ли речь могла идти о каком-то крупномасштабном строительстве.

Итак, если возведение такого масштабного храма, как Средний Зеленчукский (шир. 13,25 м), действительно началось до 932 года, то этому должны были быть веские причины. К ним мы вернемся ниже.

II.1.G. Объемно-пространственная композиция. Переходя от описания материальных конструкций к выявлению пространственного образа храма, мы неизбежно покидаем прочный фундамент архитектурной археологии и встаем на зыбкую почву художественного анализа[80] — поэтому далее мы будем говорить не о своем художественном впечатлении от Среднего храма, но о вещах очевидных или четко доказуемых, а также сравнивать эту церковь с другими памятниками восточнохристианской архитектуры. Впрочем, очевидно, что шаг такой необходим, ибо облик здания определяется не только его планом, заказом ктитора, будущей функцией, строительными приемами, местом в архитектурной традиции, — его формирует и то, как пространство храма представляет себе архитектор и каким оно должно предстать перед зрителем.

Но прежде следует сделать несколько оговорок. Во-первых, анализ строительных и композиционных приемов (см. II.2.B.d) показывает, что профессиональный уровень строителей Среднего Зеленчукского храма был не слишком высок, а сама церковь вряд ли может быть причислена к шедеврам восточнохристианской архитектуры, так что мы весьма далеки от того, чтобы воспринимать каждую ее деталь как гениальное конструктивное решение.

С другой стороны, уникальность конструкции храма среди наземных построек и его исключительное положение в аланской архитектуре заставляет внимательней отнестись к пространственно-объемным решениям его строителя. О последних же мы можем говорить только в отношении существующего здания, ибо, сколько бы ранних этапов в истории храма мы ни предполагали (см. II.1.F), наши знания о первых из них не распространяются дальше их плана. Однако очевидно и то, что первоначальным «проектом» храма задано многое, причем не только в отношении плана (см. II.2.A), но и в объемно-пространственной композиции нынешнего здания, например, наличие слепых арок, расположение подпружных арок и т.п.

Наконец, на пространство и объем храма можно смотреть, как кажется, с двух разных *точек зрения*: взглядом зрителя и глазами строителя.

Начнем с первой. Трудно говорить о том, как должны были первоначально восприниматься фасады храма. К северу от него, судя по плану Струко-

[80 Такая наша оценка связана не с неверием в его возможности, но со сложностью верификации его результатов.]

ва[81], пространство не было застроено, и поэтому здание хорошо просматривалось со стороны реки, так как стояло на краю террасы. Восточный фасад, видимо, был хорошо виден со стороны Северного храма, стоящего на том же краю террасы: по прямой линии между ними лежит незастроенная низина. С запада церковь выходила на какое-то близко стоящее здание, возможно, связанное с нуждами епископии. Наконец, с юга храм смотрел, видимо, на огромную площадь, куда выходила главная улица городища, шедшая с запада на восток, от Южного храма к Северному. Наконец, на него можно было взглянуть сверху с южной, освещенной солнцем стороны — с высоты горного хребта, окаймляющего долину Большого Зеленчука. Таким образом, место для храма выбрано очень удачно: с севера и востока, а также сверху он хорошо просматривается, в то время как с двух других сторон грамотно вписан в систему городской застройки. Мы не знаем высоту домов рядом с храмом, но даже если они были двухэтажными, все равно он выделялся своей высотой среди окружавших его сооружений.

Эта высотность здания — первое, что бросается в глаза при первом взгляде на него. Однако данный эффект достигается не за счет изменения пропорций в сторону увеличения высоты (как и в большинстве византийских храмов X-XI веков, соотношение ширины и высоты рукавов креста здесь — примерно 1:2[82]), а за счет отсутствия угловых компартиментов с запада, что уменьшает горизонтальную составляющую в абрисе здания. Однако эта высотность несколько сглаживается при взгляде на храм с разных точек: с севера и юга — за счет сильно вытянутого в длину западного рукава, с востока — за счет апсид, разбивающих фасад, а с запада, где этот эффект наиболее силен в силу большей удаленности боковых рукавов, — за счет дробящего фасад по вертикали притвора (хотя его первоначальная высота и дата постройки нам неизвестны, см. II.1.B).

В облике церкви проступает некая двойственность: в восточной части она выглядит как храм типа вписанного креста, а в западной — как крестообразный, меньший по объему, но зато с удлинением рукава. Угловые доли в восточной части завершаются не закомарами, а крышами с одним продольным скатом — способ, типичный для Византии вне Константинополя. Вообще, восточная часть храма при взгляде с разных ракурсов демонстрирует то стремление сопоставлять массы резко выделенных объемов, которое характеризует как провинциальную византийскую, так и кавказскую архитектуру, тогда как в константинопольской они плавно перетекают друг в друга посредством закомар, однотипных пилястр и т.п.

[81 *Древне-христианские храмы…* С. 7.

82 Отметим также, что соотношение ширины и высоты в поперечном разрезе храма подчиняется характеризующему пропорции средневизантийской архитектуры правилу Муцопулоса (см.: *Оустерхаут Р.* Указ. соч. С. 94–95): линии, проведенные от низа боковых стен к шелыге купола, проходят через основание барабана; нижний ярус карнизов находится на высоте пересечения линий, идущих от верха боковой стены к низу противоположной; верхний ярус карнизов находится на высоте пересечения первой и второй пары линий.]

Еще одна особенность экстерьера Среднего храма — полная нерасчлененность стен, даже в местах стыка объемов разной величины (а именно угловых компартиментов и торцов рукавов креста). Ее можно было бы связать с невысоким мастерством местных каменотесов, приведшим и к упрощению формы опор (см. II.2.B.d). Но та же черта характеризует и большинство средневизантийских провинциальных храмов[83] — она остается впоследствии типичной и для всей аланской архитектуры. Некоторую рельефность поверхности стен придают лишь карнизы (в т.ч. и исчезнувший декорированный на барабане, см. II.1.B) и небольшие заплечики у внешних краев боковых апсид. Дополнительную строгость экстерьеру здания придает отсутствие округлых элементов, за исключением кровли купола (хотя, как уже говорилось, есть мнение, что изначально рукава имели посводное полукруглое покрытие, см. II.1.B).

С другой стороны, зодчий не был лишен некоторой архитектурной фантазии. Например, он делает так, что скаты крыш угловых компартиментов с апсидами становятся визуальным продолжением ската кровли центральной апсиды[84], особенно благодаря тому, что последняя занимает всю ширину восточного рукава[85]. К их восточным наклонным карнизам, в свою очередь, плотно подходят снизу скаты кровель боковых апсид, в то время как крыша центральной заметно отодвинута от карниза над ней. Вообще за счет большей сложности конструкции восточный фасад храма выглядит наиболее проработанным. На нем, снизу вверх, прослеживается три уровня: уровень крыш боковых апсид (заходящих с небольшим захлестом на центральную[86]), уровень крыши центральной апсиды (переходом между ними служат карнизы угловых приделов) и, наконец, уровень карниза восточного рукава. При взгляде на храм с северо- и юго-востока в эту игру объемов вписываются и прямоугольные выступы над парусами в основании купола.

Итак, снаружи Средний Зеленчукский храм выглядит достаточно «лапидарно». Однако скупая декорация (или точнее, почти полное ее отсутствие), нерасчлененность фасадов придают его облику не только строгость, но и монументальность. При этом большинство использованных здесь приемов характерны для провинциальной архитектуры средневизантийского времени, в т.ч. и для соседней с Аланией абхазской. Впрочем, в Среднем храме они доведены до своего крайнего выражения.

[83 В т.ч. и для всех абхазских храмов X века, кроме Лоо.

84 Такой прием изредка встречается в провинциальных памятниках средневизантийского времени (например, храм в Мербаке, Греция), но там он обычно сглажен за счет криволинейных очертаний крыши апсиды (например, в Панагии Пергаминиотиссе на Кипре). Отметим, что такой же эффект, как и в Среднем Зеленчукском храме, производят абхазские церкви в Лыхнах и Новом Афоне.

85 Это также типичная черта средневизантийской провинциальной архитектуры (в т.ч. и абхазской), хотя встречается и в Константинополе (храм Эски-Имарет-джами).

86 Эта черта типична и для храмов Абхазии.]

Та высотность Среднего храма, которую мы отмечали при описании внешнего вида, особенно ясно проявляется в его интерьере, где частичное отсутствие пониженных угловых долей ощущается особенно остро. Но и здесь этот эффект частично сглажен. Вошедший в храм с запада, где, судя по наличию притвора, был главный вход, оказывался, по всей видимости, под хорами (см. II.1.E), которые скрадывали высоту стены в большей части западного рукава. Если же войти с юга или севера, то три восточных компартимента также разбивают плоскость высокой стены.

В интерьере храма доминирует залитый светом купол, в то время как западный рукав и угловые компартименты освещены чуть более скупо. Пространство под куполом, опирающимся не на столпы, а на углы здания, этим отсутствием угловых долей с запада оказывается еще сильнее подчеркнуто: оно является в полном смысле средокрестием храма. Тесно сопряжены с ним боковые рукава креста, образующие все вместе ясно выраженную поперечную ось, артикулированную отсутствием на ней пилястр (в отличие от продольной оси), ступенью вимы вдоль восточного края и повышенной освещенностью, — своего рода трансепт. Наконец, еще один акцент закономерно лежит на центральной апсиде, хорошо освещенной тремя большими окнами, которая своим типичным сужением относительно ширины восточного рукава динамично замыкает продольную ось запад—восток. Также на этой оси короткая восточная травея западного рукава в Среднем храме удачно сопоставлена с равной ей по длине травеей восточного рукава.

В отличие от экстерьера, интерьер здания максимально насыщен округлыми линиями. Трехступенчатые подпружные арки (см. II.2.B.b) и своды рукавов, подчеркнутые аркосолиями в торцах, дополняются слепыми арками на продольной оси, также скрадывающими эффект высотности. Округлость центральной апсиды подчеркнута ступенью синтрона. Наконец, намного большее впечатление, чем снаружи, здесь производят полукруглые завершения окон и подковообразные люнеты над дверями, акцентированные проникающим сквозь них светом. Такая архитектурная декорация, возможно, была призвана компенсировать отсутсвие росписи в первоначальном интерьере.

В храме присутствуют три уровня света: нижний — это люнеты над тремя входами, пять окон апсид и два — в боковых стенах угловых компартиментов; средний — три тройки окон в торцах рукавов (кроме восточного) и два одиночных окна в западной стене боковых рукавов; верхний — восемь окон в барабане купола. Максимально акцентированы здесь занимающие доминирующее место в интерьере окна в торцах рукавов, которые поставлены по три, причем так, что центральное начинается на линии завершения боковых (а в западном рукаве оно еще и крупнее), — такая схема максимально далека от византийских окон-трифориев и приближается, скорее, к некоторым провинциальным малоазийским[87] памятникам, с тремя изолированными окнами на одной высоте, но, прежде

[87 Например, Карагедик Килисе в Ихларе, храм Св. Аверкия в Куршунлу (*Оустерхаут Р.* Указ. соч. С. 205, 240. Рис. 155, 192).]

всего, к кавказским[88] и, конкретно, абхазским храмам (Мокви, Лыхны), с таким же треугольным расположением окон[89].

Конечно, средневекового строителя интересовало, каким предстанет построенный им храм перед посетителем. Однако для него объемно-пространственную композицию постройки определяли наряду с этим и другие, более практические обстоятельства: желания заказчика, будущая функция храма, строительный материал, наличие квалифицированной рабочей силы. Попробуем взглянуть на Средний Зеленчукский храм с этой точки зрения — глазами строителя.

В настоящее время в исследовании средневизантийской архитектуры утвердилось вполне обоснованное мнение о том, что главным для храмоздателей той эпохи было возвести купол[90]. Именно этим стремлением объясняются многие странности в облике некоторых средневизантийских церквей. Так, для постройки императорской усыпальницы — храма Богородицы Космосотиры в Феррах, были заготовлены четыре мраморные колонки, но они оказались слишком маленькими для здания необходимого размера, и в результате зодчий вынужден был опереть купол с востока на столпы, а с запада — на те самые колонки, поставленные, однако, уже парами[91]. В Среднем храме сложность с возведением купола выразилась следующим образом: с одной стороны, крещатые подкупольные опоры были заменены на квадратные, может быть потому, что местные каменотесы были неспособны к сложной обработке блоков песчаника[92], а с другой, зодчий не стал опирать подпружные арки под куполом просто на углы креста (как в Сентах), так как хотел поставить хотя бы по одной (продольной) оси пилястры со слепыми арками между ними, — в результате основные подпружные арки, несущие купол, опираются на пилястры у боковых стен западного и восточного рукавов.

Кроме того, такое размещение пилястр привело к образованию вышеописаного «трансепта». Эта поперечная направленность несколько компенсируется удлинением западного рукава, однако последний именно из-за своей длины оказался хуже освещен: три окна в нем частично закрывали высокие хоры, а в его боковых стенах не было нужды делать окна, в то время как в за-

[88 Такая схема расположения окон появляется на Кавказе уже в 480-х годах, при перестройке Св. Эчмиадзина в Вагаршапате — пока еще в угловых ячеках (*Казарян А.Ю.* Кафедральный собор Сурб Эчмиадзин и восточнохристианское зодчество IV–VII веков. М., 2007. С. 26).

89 Интересно, что позднéе, в начале XI века, эта схема будет воспроизведена в мцхетском Свети-Цховели.

90 *Theiss L.* Op. cit. S. 188–189.

91 *Оустерхаут Р.* Указ. соч. С. 135–139.

92 Вообще, отсутствие крещатых столпов в аланском зодчестве до сих пор убедительно не объяснено. Возможно и то, что это связано с простой экономией денег — заказчики избегали лишнего усложнения форм, требовавшего дополнительной работы и, соответственно, дополнительной оплаты.]

падной стене боковых рукавов они были необходимы для лучшего освещения функционально значимых приделов. В итоге, поперечная ось в храме оказалась подчеркнута еще сильнее.

Отсутствие декора на фасадах легко объясняется той же низкой квалификацией местных мастеров, а многие другие вышеописанные приемы — принадлежностью зодчего к какой-то провинциальной византийской школе архитектуры. Кроме того, на определенные моменты могли влиять и такие факторы, как желание заказчика (выбор крестообразного плана) и функция храма (устройство угловых приделов).

II.2. Генезис форм

II.2.A. План. Как мы увидели выше, Средний Зеленчукский храм имел два строительных этапа, различавшихся отсутствием или наличием северо-восточного компартимента (*илл.* на с. 126). Остальная разница между этапами сводится, видимо, лишь к присоединению западного трансепта посредством просадочного шва или без него. Но оба последних различия не касаются конструкции тела храма, общей для обоих этапов. Поэтому поиск отдельных аналогий для первого и второго этапа неизбежно сводится к сравнению именно планов.

Сразу отметим, что на обоих этапах храм обладает одной чертой, которая относит его к числу довольно редких в византийской архитектуре: восточные угловые компартименты[93] не являются здесь ни полностью открытыми, ни целиком изолированными. От восточного рукава креста их отделяет стена (про-

[93 Как известно, в литературе весьма запутан вопрос о том, что следует называть вимой (вариант «бема» или «бэма» в контексте византийской архитектуры некорректен и относится к сирийской беме, представляющей собой совершенно иное устройство; см.: *Renhart E.* Das syrische Bema: liturgisch-archäologische Untersuchungen (Grazer Theologische Studien, 20). Graz, 1995). Не вдаваясь в детали данной дискуссии, мы будем считать вимой в архитектурном аспекте дополнительную ячейку между восточной границей основного объема храма и апсидой, а в литургическом (как для ранне-, так и для средне- и поздневизантийского времени) — предназначенное, в первую очередь, для установки престола пространство между алтарной преградой и апсидой (занятой обычно синтроном): два этих обозначения в большинстве случаев между собой совпадают. Особенность же Среднего храма заключается в том, что здесь нет соответствия между архитектурной и литургической вимой. Восточный рукав креста и расположенные по его сторонам угловые компартименты с точки зрения архитектуры представляют собой ячейки наоса, но с точки зрения литургики они, будучи расположены, по всей видимости, за линией алтарной преграды, являются частью вимы. Этот момент затрудняет сравнение Среднего храма с типичными средневизантийскими храмами типа вписанного креста, где архитектурные и литургические вимы обычно совпадают (за исключением некоторых храмов без архитектурной вимы, где алтарная преграда, как и в Среднем, сдвинута к линии восточных подкупольных опор). Но поскольку в данном случае мы занимаемся анализом именно архитектурных особенностей, то не обозначаем три вышеуказанным восточных компартимента Среднего храма как вимы и сравниваем их, соответственно, с восточными ячейками храма типа вписанного креста, а не с его вимами.]

ходы в ней, по крайней мере один были прорублены на втором этапе и оказались настолько узки, что северный монахам даже пришлось растесать), а с запада ее нет. Такое устройство характерно для вимы классического византийского крестовокупольного храма на четырех опорах, но совсем не для крестообразного, каковым является Средний Зеленчукский. Отдаленную параллель такому устройству можно найти разве что в крестовокупольной безвимной церкви с разгороженными нефами и удлиненными поперечными рукавами, выходящими за пределы прямоугольного периметра — Панагии тис Скрипус в Беотии (873–874 гг.)[94], а также, отчасти, в аналогичных ей средневизантийских крестовокупольных храмах типа cloisonnée, с отгороженными друг от друга восточными (равно как и западными) ячейками, также играющими роль вимы[95]. Однако такое решение восточной части храма не выходит за пределы Балканского полуострова, и поэтому возможность его влияния на аланскую архитектуру сомнительна[96].

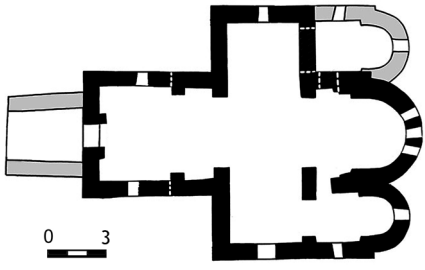
II.2.А.а. Первый этап. На первом этапе Средний Зеленчукский храм представлял собой croix libre, дополненный юго-восточным компартиментом с апсидой. Такая асимметричная форма нам известна в архитектуре Византии лишь по Загородному крестообразному храму в Херсонесе. Впрочем, в случае последнего мы имеем дело не с единовременной конструкцией: крестообразный объем храма, к тому же, без апсиды, был построен в V–VI веках, в то время как юго-восточный компартимент был добавлен позже, до конца VII века[97]. Неясна и функция «дополнительного» помещения в херсонесском храме, однако оно точно не было предназначено для совершения литургии: у его восточной

[94 *Mango C.* Byzantinische Architektur. Stuttgart, 1975. S. 210; см. также: *Якобсон А.Л.* Закономерности в развитии средневековой архитектуры IX–XV вв. Ленинград, 1987. С. 41. Рис. 11.

95 Например, Епископия в Эвритании, Св. Иоанн в Месемврии, Свв. Феодоры в Афинах, Св. Леонтий в Водоче, Франгокклисья в аттическом Вагиатии, Панаксиотисса в Гавролимни, Преображение в Коропии, Свв. Иасон и Сосипатр на Керкире (в последнем с запада купол опирается не на стены, а на колонки; *Μουτζόπουλος Ν.Κ.* Ἀνασκάφη τῆς βασιλικῆς τοῦ ἁγίου Ἀχιλλείου. Θεσσαλονίκη, 1972. Σ. 303-304. Εἰκ. 63, 64, 80, 83, 92, 94, 96, 98).

96 Как ни удивительно, но среди крестообразных храмов формально наибольший параллелизм в этом компоненте демонстрирует малая церковь в английском Льюисе (начата после 1090 года; Romanesque. Architecture, sculpture, painting / Ed. by R. Toman. Köln, 1997. P. 235), но, на самом деле, несмотря на форму именно латинского креста, сходство здесь чисто формальное: в Льюисе вимы не выделены, восточный, западный и южный рукава разной ширины, причем первый даже не завершается апсидой. Этот факт показывает, насколько опасным делом является сравнение храмов только по общему плану.

97 Впрочем, некоторые исследователи реконструируют форму с двумя боковыми восточными компартиментами (*Хрушкова Л.Г.* О начале христианского Херсонеса Таврического: крестовидная церковь на главном кладбище // Сугдейский сборник. Вып. 2. Киев; Судак, 2005. С. 404), правда, без достаточного обоснования.]



[*Средний Зеленчукский храм. План с восстанавливаемыми участками предполагаемого первого этапа (выделены черным). Реконструкция авторов*]

стены находилась крещальня[98]. Другую параллель можно отыскать на Кавказе, в армянском зодчестве: Неркин Сасунашен, храм 1 (кон. VI в.; в археологическом состоянии) с удлиненным западным рукавом и Маисян (VII в.)[99]. Однако и здесь полной аналогии нет: в обоих случаях боковой компартимент с апсидой расположен не с юго-, а с северо-востока и, главное, полностью изолирован от основного пространства храма[100]. Последнее относится и к храму Св. Аракелоца на о. Севан (874 г.), где угловой придел пристроен позднее, равно как и к Айраванку, являющемуся к тому же тетраконхом[101]. Таким образом, план первого этапа Среднего Зеленчукского храма был продиктован, по всей вероятности, не копированием какого-то образца, а функциональной необходимостью создания храма с одним мемориальным приделом. При всей редкости данного плана, не следует ему слишком удивляться: функциональная асимметрия (в т.ч. и в отношении южной апсиды[102]) всегда, пусть и не слишком часто, присутствовала в византийской архитектуре.

II.2.A.b. Второй этап. План Среднего храма на втором этапе был «задан» зданием первого этапа и поэтому, на первый взгляд, кажется несамостоя-

[98 *Виноградов А.Ю.* Загородный крестообразный храм в Херсонесе и его надписи // Вопросы эпиграфики. Вып. 3. М., 2009. С. 236–240.

99 *Cinео P.* Architettura armena dal quarto al diciannovesimo secolo. Roma, 1988. Vol. I. P. 216, 265. Схожий придел с севера есть и в армянском храме Тиранавор (см.: *Гагошидзе Г.* Купольная церковь Хожорни. Из истории грузино-армянских культурных взаимоотношений. Тбилиси, 2003. Табл. XVII. Рис. 3 (на груз. яз.))

100 В армянской архитектуре известны также храмы с одним юго-восточным компартиментом, но без апсиды: тетраконх типа Мастары — церковь св. Григория монастыря Арич (в основе — VII в.) и крестообразные церкви IX-X веков в бассейне Севана (в Айраванке и на острове Севан).

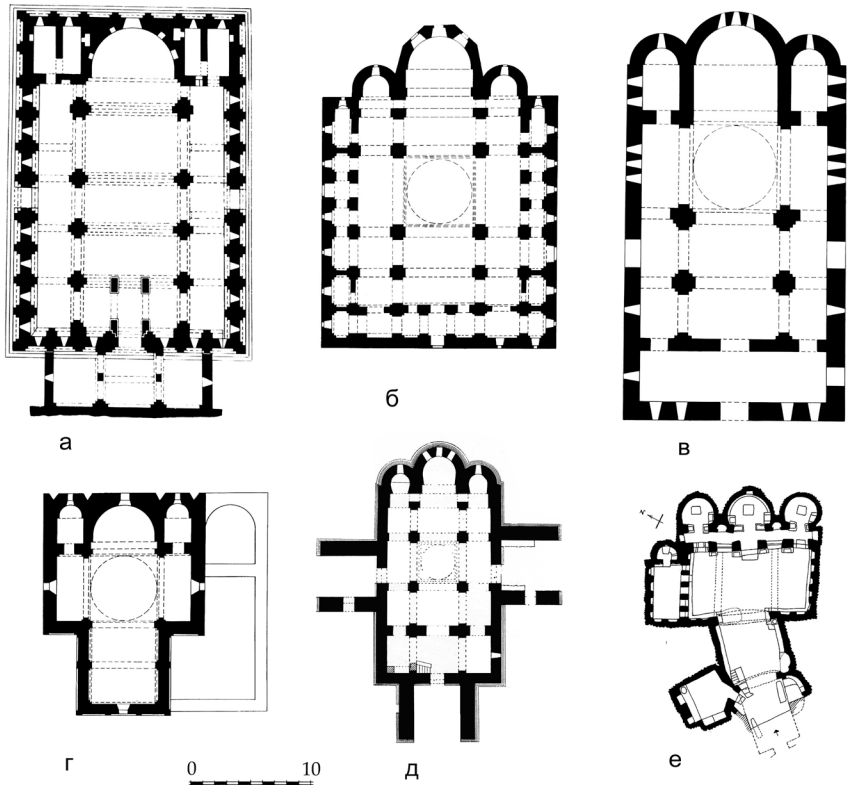
101 *Cinео P.* Architettura armena dal quarto al diciannovesimo secolo. Vol. I. Roma, 1988. P. 360–362, 366–367.

102 Ср., напр., базилику на Мангупе, храм св. Амфилохия в Иконии (RBK V 387, 835) и Панагию Хрисокефалос в Трапезунде (см. II.2.B.a).]

[*Средний Зеленчукский храм. Проход в юго-восточный придел. Фото А.Ю. Казаряна. 2008 г. Над южным дверным проемом видна фреска св. Константина и Елены*]

[*Средний Зеленчукский храм. Интерьер. Южная апсида*]

[*Планы храмов. а. Отхта-Эклессиа; б. Мокви (с элементами реконструкции). в. собор в Пицунде. г. Эни-Рабати. д. Лыхны. е. Токалы Килисе (по В. Беридзе, Л. Рчеулешвили, C. Jolivet-Lévy, реконструкция авторов)*]



тельным. Однако, напротив, такой форме — крестообразному храму с двумя восточными приделами, обнаруживается намного больше аналогий. Это и ранневизантийские храмы того же Херсонеса[103], и пещерные церкви Каппадокии[104]: различные варианты представляют здесь Токалы Килисе (950-960 гг.), Эль Назар (X в.), Чарыклы Килисе (сер. XI в.)[105] и храм № 27 в Гёреме и Агач алты Килисе в Ихларе, и, наконец, памятники армянского и грузинского зодчества: Артик, Сасуник, Кош (VII в.)[106],Ахмета (V-VI вв.), Эрелаант-сак-

[103 См.: *Хрушкова Л.Г.* О начале…

104 С пещерным церквами мы сравниваем, естественно, лишь план внутреннего пространства, так как наружный контур в них отсутствует.

105 *Jolivet-Lévy C.* L'arte della Cappadocia. Milano, 2001. P. 51, 53.

106 *Григорян В.* Раннесредневековые малые крестообразные купольные памятники Армении. Ереван, 1982. С. 46–-49 (на арм. яз. с рус. резюме).]

дари (VI в.)[107], Чанглы (X в.), Экеки (X в.), Эни-Рабати (X-XI вв.), Кунтурис-сакдари (X-XIII в.) и, отчасти, Теловани (VIII-IX вв.)[108]. Однако все эти аналогии имеют существенные отличия от Среднего Зеленчукского храма: в Херсонесе нигде нет трех апсид и угловые компартименты изолированы[109]; в Каппадокии восточная часть оформлена иначе (четыре столпа перед вимой в Токалы, изолированный компартимент и примыкающая к рукаву апсида в Эль Назаре, храме № 27 в Гёреме и Агач алты, три купола и отсутствие «разгородок» в виме Чарыклы); а в вышеперечисленных грузинских памятниках, помимо «невыраженности» апсид снаружи, либо изолированы боковые восточные компартименты, как в Теловани, Чанглы, Экеки, Кунтурис-сакдари и Эни-Рабати (что вообще характерно для кавказской архитектуры), либо боковые апсиды присоединены прямо к рукавам креста, как в Ахмета, Эрелаант Сакдари (и в армянском храме начала VII века в Артике[110]). Таким образом, прямых прототипов для плана второго этапа Среднего Зеленчукского храма не находится, однако очевидно, что как тип он был известен в Византии и на Кавказе.

Остальные архитектурные особенности Среднего храма касаются, как было сказано выше, обоих этапов.

Такие памятники, как Малая церковь в Артике, Эни-Рабати, Чанглы, Кунтурис-сакдари, содержат и другую важную для нас аналогию — удлинение западного рукава, разделенного пилястрами на две части, которое присутствует на обоих этапах Зеленчукского храма. В византийской архитектуре удлиненный западный неф имеет членение довольно редко, да и то в ранневизантийское время[111]. В архитектуре Тао и Кларджети такова Долисхана, однако обычно неф здесь разделяется на травеи, причем не обязательно на две, как в Эни-Рабати, но и (в крупных храмах) больше: три в Иси, пять в Опизе[112]. Такой прием очень популярен в данных областях начиная с VIII века и не зависит от формы центральной части сооружения, которая могла быть не только крестообразной — иногда для этого даже использовали старые базилики

[107 Два этих памятника могут датироваться и более поздним временем.

108 *Velmans T., Alapago Novello A.* Arte della Georgia. Milano, 1996. P. 250, 251, 258, 288; *Беридзе В.* Место памятников Тао-Кларджети в истории грузинской архитектуры. Тбилиси, 1981. С. 57, 186, 191–192.

109 В каппадокийском храме в Томарзе пристроенные позднее пастофории также изолированы (см.: *Казарян А.Ю.* Архитектура Армении IV–VI веков и особенности раннехристианской традиции в соседних странах // ВВ. М., 2001. Т. 60. С. 131. Табл. III. № 6).

110 *Cuneo P.* Op. cit. P. 246; датировка любезно указана А.Ю. Казаряном.]

111 Два каппадокийских примера (храмы в Скупи и Томарзе) см. в: *Казарян А.Ю.* Архитектура… С. 131. Табл. III. № 6, 7.

112 *Velmans T., Alapago Novello A.* Op. cit. P. 250, 281.]

(Цкаростави)[113]. Западный рукав удлиняется не только в однонефных (Иси, Эни-Рабати, Тбети, Опиза, Ишхани, Ошки и т.д.), но и в трехнефных храмах (например, Хахули и Цкаростави).

Травеи западного рукава в этих храмах чаще всего одинаковы или близки по размерам, в то время как в Среднем Зеленчукском они совершенно разные. Поэтому истоки этого феномена надо искать не только во влиянии кавказской архитектуры, но и в конструктивных особенностях Среднего храма. По-видимому, его строители желали разместить с запада хоры для аланской знати (подобно, например, хорам в Мокви и Лыхнах), но при этом, для сохранения большей крестообразности пространства, не хотели придвигать их к подкупольному квадрату — так родилось функциональное членение западного рукава на две зоны: бóльшую западную и меньшую восточную. Подобное увеличение западной травеи из-за устройства там хор мы встречаем, например, в Пархали; в крестовокупольном храме в Одзуне (VII в.) в западном рукаве появилась лишняя пара столпов, то есть дополнительная травея, связанная именно с устройством хор (деревянного настила)[114]. При всей функциональности такого решения короткая восточная травея западного рукава в Среднем храме не кажется уродливой, так как архитектурно сопоставлена с аналогичной ей по ширине травеей вимы на востоке.

Третьей особенностью архитектуры Среднего Зеленчукского храма является уже упоминавшаяся его ярко выделенная поперечная ось, созданная расположением пилястр только на боковых стенах. Аналогии этому явлению, опять же, нетипичному для Византии[115], можно при желании отыскать и в грузинских крестообразных церквах: это, например, вышеупомянутый храм в Опизе — однако здесь данный феномен выражен слабее, да и конструкция здесь совершенно иная. Вообще, устройство пилястр на стенах и предалтарных столпах лишь с севера и юга характерно, прежде всего, для зальных храмов, особенно на Кавказе. Отчасти взаимодействие таких построек с купольным типом церкви приводит, в конечном счете, к появлению храмов типа компактно вписанного креста[116]. Однако ни в одном из этих двух типов поперечное направление, в силу их конструкции, не преобладает над продольным. Между тем, именно феноменом храмов с поперечным нефом отмечена пещерная архитектура Каппадокии, о чем свидетельствуют такие церкви, как вышеупомянутая Токалы Килисе, Саклы Килисе и храм № 6 в

[113 Характерно, что в Среднем храме боковые стены западного рукава украшают слепые арки, образованные утонением стены между пилястрами, и характерные как раз для базилик Кавказа (см. II.2.B.a).

114 Мы благодарим А.Ю. Казаряна, обратившего наше внимание на этот факт.

115 Если оно и встречается, то на ее периферии: ср., например, монастырские храмы Тур-Абдина в Северной Месопотамии (*Mango C.* Op. cit. S. 193).

116 О грузинских храмах этого типа см.: *Gengiuri N.* Saalbau mit Kuppel in der georgischen Architektur des Mittelalters // Byzantinoslavica 2006. T. 54 P. 289–307.]

Гёреме[117]. С этим связана еще одна черта, роднящая Средний храм с пещерными церквами Каппадокии, — приподнятость пола в алтаре (виме и апсидах) и ведущие к этому возвышению ступеньки (эта конструкция в Среднем храме хорошо различима на этюде Н.А. Ярошенко[118]). Впрочем, и здесь нет полного совпадения: восточная часть каппадокийских храмов оформлена иначе, а главное, в них нет совмещения поперечного нефа с крестообразным пространством, даже при наличии западного рукава, как в Токалы.

Итак, анализ планов Среднего Зеленчукского храма на двух этапах приводит нас к следующим выводам. С одной стороны, у данного здания нет ни прямых прототипов, ни даже аналогий, совмещающих в себе все три основные особенности его планировки: крестообразную форму с одним или двумя полуизолированными боковыми восточными компартиментами с выраженными снаружи апсидами; удлиненный и разделенный пилястрами на две неравные части западный рукав; размещение пилястр лишь на боковых стенах и, соответственно, поперечную направленность в центральной части храма. С другой стороны, все эти особенности находят себе параллели в византийской и кавказской архитектуре, т.е., создавая уникальный, в общем-то, план, строитель Среднего храма использовал типичные приемы византийской и кавказской строительной практики. И все же если говорить о ближайшей аналогии его плану, то ей окажется, как ни удивительно, пещерная церковь Токалы (950-960 гг.) с ее двумя боковыми восточными компартиментами, удлиненным западным рукавом и занимающим всю центральную часть мощным трансептом, а также приподнятой алтарной частью. Такое сопоставление будет выглядеть особенно неслучайным, если вспомнить о том, что Новая церковь Токалы — постройка будущего императора Никифора Фоки, с именем которого связана единственная датированная церковь Алании — крестообразный Сентинский храм (см. III.3.А).

II.2.В. Конструктивные приемы и пространственные решения. Если от анализа плана Среднего Зеленчукского храма перейти к изучению использованных в нем нестандартных конструктивных приемов и пространственных решений, то основная часть параллелей окажется иной. Как давно уже отмечено, большинство аналогий будет сосредоточено все равно в восточных областях византийского мира, однако ближайшие (если не считать саму Аланию) — теперь в Абхазии и Трапезунде.

II.2.В.а. Входы и арки на стенах. У всех сохранившихся аланских крестовокупольных храмов (кроме сильно перестроенного Южного) входы перекрыты горизонтальной балкой-перемычкой и имеют сквозные (т.е. световые, предполагавшие наличие оконных рам) люнеты, игравшие роль разгрузочных арок. Подобная форма проемов, известная еще с античных времен, встречается как в Константинополе, так и на периферии — в Греции, Сирии,

[117 *Jolivet-Lévy C.* Op. cit. P. 51.

118 *Кузнецов В.А.* В верховьях Большого Зеленчука. М., 1977. С. 125.]

Малой Азии, Закавказье[119]. Круг аналогий сужает подковообразная форма арок световых тимпанов (ее мы встречаем также в Шоане). Такие арки с раннего времени распространены, прежде всего, на христианском Востоке: в Месопотамии, Сирии, Иране, Малой Азии, Закавказье[120], в других же регионах византийского мира примеры единичны.

Характерен для христианского Востока (Центральная Анатолия[121], Закавказье и др.[122]) и такой прием, когда карниз устраивается только в пятах арок (в нашем случае это каменные плиты-импосты). Такие плиты есть во всех сохранившихся крестовокупольных храмах Алании, а также в храмах Абхазии и Трапезунда.

В Среднем, а также в Северном Зеленчукском, Шоанинском и Сентинском храмах под сводом в торцах рукавов имеются своеобразные «обрывающиеся» архивольты, которые, как нам кажется, также указывают на восточные регионы византийского мира, прежде всего, на Закавказье. Под такими архивольтами нет пилястр, а пяты арок никак не выделены. Вероятно, пяты следует понимать как консоль (в Северном храме здесь выступающие плиты-импосты). Комеч считает, что подобные архивольты имеют константинопольское происхождение и распространяются на Кавказе лишь в X–XI веках, при этом потеряв свой смысл[123]. Впрочем, это спорно: в Грузии и Армении очевидна связь такого элемента с архитектурой более древних базилик, где архивольты, на самом деле являющиеся подпружными арками, опираются на пилястры, передавая на них свой вес, причем на торцовых стенах за счет утонения ненесущих перегородок образуются своего рода слепые арки-ниши. Именно так пилястры с арками у краев ветвей креста понимаются в важнейших памятниках Тао, Кларджети и Шавшети: Хахули, Пархали, Тбети, Ошки, где угловые лопатки-пилястры иногда даже не перевязаны с торцовыми стенами. В базилике же в абхазской

[119 Например, Панагия тон Халкеон в Фессалонике, Осиас Лукас в Фокиде, Чанлы Килисе, Кальб Лузе, Калат Семан, Каср ибн-Вардан, Болниси, Мартвили и т.д. Над проемом, перекрытом плитой, почти всегда делали разгрузочную арку. Тимпаны под этими арками часто закрыты: таковые имеются, к примеру, в Шоане, на выходящих в боковые каменные притворы северном и южном порталах (на западном портале тимпан световой). О перекрытии входов см., например: *Раппопорт П.А.* Указ. соч. С. 86.

120 Чанлы Килисе, Калат Семан, Болниси, Бана, Текор, Ереруйк и т.д. См., напр.: *Оустерхаут Р.* Указ. соч. С. 223.

121 «И это ясно отличает ее [Анатолию. — *Д.Б., А.В.*] от столичных приемов» (*Оустерхаут Р.* Указ. соч. С. 262).

122 *Чубинашвили Г.Н.* Архитектура Кахетии. Тбилиси, 1959. С. 604; тот же текст: *Чубинашвили Г.Н.* Художественные ценности архитектурных композиций Кахетии // *Чубинашвили Г.Н.* Из истории средневекового искусства Грузии. М., 1990. С. 114.

123 *Комеч А.И.* Древнерусское зодчество конца X — начала XII в. М., 1987. С. 70–71.]

Гагре[124] и в Отхта-Эклессиа такие пилястры отсутствуют, а место «обрыва» арок оформляется, как консоль[125]. При этом «слепая арка-ниша» на торцовой стене отсутствует, но «обрывающийся» архивольт под самым сводом существует[126].

То же можно сказать и о таком архитектурном приеме, как наличие настоящих слепых арок под пятами сводов на боковых стенах западного и восточного рукава, т.е. там, где они не повторяют закомарное завершение стены. Эти плоские заглубления-ниши являются, по сути, утонением стены под разгрузочными арками и по своему принципу родственны вышеописанному приему на торцовых стенах — такое утонение, вероятно, имеет и практическое значение (уменьшение количества строительного материала). В трехнефных храмах на их месте находятся проемы, а в Среднем Зеленчукском храме в таком утонении сделаны узкие проходы из боковых приделов в виму, причем здесь они, в отличие от западного рукава, не занимают все пространство травеи, но смещены к востоку, чтобы создать типичное для византийской архитектуры ступенчатое сужение пространства перед апсидой. Вместе с подпружными арками и пилястрами на продольных стенах зальных (базиликальных) построек слепые арки могут быть причислены к элементам пластической обработки стен интерьера[127]. Слепые арки проникают и в купольную архитектуру: например, они применяются в храме в Мокви (в частности под боковыми хорами). Примечательно, что

[124 Обычно датируется V–VI веками (см. напр.: *Хрушкова Л.Г.* Раннехристианские… С. 189). Но еще Ю.Н. Воронов заметил, что эта постройка относится к типу церквей без выступающей апсиды, «получившему на рассматриваемой территории распространение лишь с X–XI вв.» (*Воронов Ю.Н.* Колхида на рубеже средневековья. Сухум, 1998. С. 177–178). Л.Г. Хрушкова, пытаясь разрешить противоречие между ранней датировкой сооружения и его поздними формами, выдвинула умозрительную версию об основательной переделке храма после 1833 года (*Хрушкова Л.Г.* Указ. соч. С. 188). Однако на фотоснимках конца XIX в. (один из которых без указания источника приведен в ее монографии: там же. Табл. XLIII) церковь предстает еще в заброшенном состоянии, но в современных формах.

125 В Отхта-Эклессиа остальные подпружные арки опираются на пилястры, а в базилике в Гагре, наоборот, все подпружные арки «обрываются», опираясь на консоли. Консоли эти — вообще довольно распространенный элемент: они имеются также в храме в Хахули, в трапезных в Опизе и Хандзта.

126 Появление «обрывающихся» арок в Отхта-Эклессиа — результат перестройки середины X века (см.: *Казарян А.Ю.* Памятники христианской архитектуры Восточной Турции: новые данные // Вестник РГНФ. 2007. № 1 (46). С. 145). Подобные «обрывающиеся» архивольты есть во многих более поздних купольных грузинских храмах (напр., Никорцминда, Самтависи, Св. Георгия в Гелати). Характерно, однако, что их нет в сохранившихся памятниках Абхазии, современных Среднему Зеленчукскому храму. Строители последнего либо были знакомы с более широким кругом актуальных приемов, либо ориентировались на старые образцы — например, на Гагру (если принимать его раннюю датировку: см. прим. 124 в данной главе), где «обрывающиеся» арки, впрочем, применяются более систематически.

127 *Беридзе В.* Архитектура Тао… С. 36.]

этот мотив проявляется в крестовокупольных храмах именно на периферии Византии: в первоначальной структуре Панагии Хрисокефалос в Трапезунде (X в.?)[128] и в апулийских церквах Св. Петра в Отранто (кон. IX — нач. X в.) и Св. Андрея в Трани (ок. 1100 г.)[129]. Для константинопольского зодчества этот элемент также характерен, но в ином качестве: он встречается либо в экстерьере, либо при обрамлении проема или ниши. В Аланию же такой прием мог прийти как из архитектуры Закавказья, где использовался уже с V–VII веков[130], в том числе и в IX–XI столетиях[131], так и, конкретнее, из той же Абхазии[132].

II.2.B.b. Ступенчатые подпружные арки. К отличительным особенностям крестовокупольных храмов Алании следует отнести также своеобразное «ступенчатое» построение подпружных арок в подкупольном квадрате (этого элемента нет только в Южном Зеленчукском храме). Паруса опираются здесь не непосредственно на арки, соединяющие опоры, а на одну или две «дополнительные» арки, положенные на «основную» нижнюю и сходящиеся ступеньками в сторону центра. Пяты этих «дополнительных» арок соединяются выше столпов и как бы не имеют опоры, образуя некое подобие консоли-импоста. Обычно при двух «дополнительных» арках нижняя примерно соответствует по высоте торцу свода, а покоящаяся на ней верхняя служит опорой для парусов[133].

В Среднем Зеленчукском храме «дополнительная» арка одна и находится выше уровня сводов рукавов креста. Она узкая по сравнению с «основной» и состоит из двух рядов горизонтальной положенной плинфы[134]. Устройство

[128 *Ballance S.* The Byzantine Churches in Trebizond // Anatolian Studies. 1960. Vol. 10. P. 147. Fig. 4.

129 *Mongiello L.* Chiese di Puglia. Il fenomeno delle chiese a cupola. Bari, 1988. P. 58, 64.

130 Армянский храм в Джарджарисе (Памятники архитектуры в советской Армении / Сост. С. Мнацакян и Н. Степанян. Л., 1971. С. 45. Илл. 9); *Cuneo P.* Op. cit. P. 255.

131 Кусирети (VIII–IX вв.), Убиси (IX в.), Кемерти (рубеж IX и X вв.); позднее они широко распространены и встречаются, например, в Вардзии (*Velmans T., Alpago-Novello A.* Op. cit. P. 61. Tav. 5), Гелати, Зедазени.

132 Ср. также абхазский (?) храм у с. Монастырь (долина р. Мзымта, Адлерский район Краснодарского края).

133 Эти арки можно назвать «ступенчато-повышающимися» — правда, П.А. Раппопорт (*Раппопорт П.А.* Указ. соч. С. 84) называет так подпружные арки Пятницкой церкви в Чернигове, имеющие иной характер.

134 Впрочем, эта плинфа сильно выветрена, а частью находится под монашеской штукатуркой, и поэтому можно допустить, что каждый ряд плинфы — это отдельная, очень узкая арка. Но любовь архитектора Среднего храма к крупным формам свидетельствует скорее, что дополнительная арка была одна.]

[*Средний Зеленчукский храм. Северо-восточный подкупольный парус*]

арок, подобное Среднему храму, скрывалось и под штукатуркой Шоанинской церкви. В Сентинском и Северном Зеленчукском храмах по две сильноразвитые «дополнительные» ступени-арки, причем в первом они одинаковы по высоте, а в последнем нижняя подпружная арка шире двух остальных (*илл.* на с. 198, 291, 298).

Вероятно, ступенчатые арки изначально продолжали членения раскрепованных опор[135]: эта конструкция зародилась еще в античный период. «Обрывающиеся» арки в подкупольном пространстве известны в христианских памятниках, как минимум, с V века (крестообразный мавзолей Галлы Плацидии), причем уже тогда эта форма сосуществовала с другими вариантами. В VII веке такие арки встречаются в армянских храмах в Багаране и Мастаре (причем в последнем арки опираются на консоли); к началу X века относится тетраконх (типа Мастары) Свв. Апостолов в Карсе с одной «дополнительной» аркой[136]. На грузинской почве вслед за Ниноцминдой эта форма появляется в храмах с многогранным подкупольным пространством: таковы октагон Мартвили[137] (922–957 гг.) и гексагон Кумурдо[138] (964 г.) — в последнем в основании парусов расположены тромпы, а между карнизами столпов и четко обозначенными «импостами» поставлены небольшие фигурные колонки. Два этих храма, хотя и «неабхазские» по архитектуре, находятся на территории государства абхазскимх царей.

В крестовокупольных храмах такая конструкция появляется в конце IX — 1-й половине X века: например, в маленьком храме Гулбадиани в Грузии[139], а также в армянских храмах Свв. Петра и Павла в Татеве и Аствацацин в Санаине[140], причем в Татеве с такими же, как и в Среднем Зеленчукском, двумя «дополнительными» арочными ступенями (здесь они отчасти продолжают ритм дробления, заданный трехуступчатыми столпами). Типологически же ближе всего к нашему памятнику стоят ступенчатые подпружные арки в крестово-

[135 **На Кавказе, например, арки повторяют раскреповку столпов в Св. Рипсиме в Эчмиадзине (VII в.) и мцхетском Джвари (нач. VII в.), Св. Стефане в Лмбатаванке (VII в.) и Одзуне (VII в.). А в храме Панагии Катаполиани (Экатондопилиани) на Паросе (ок. 550 г.;** *Μπούρας Χ.* **Βυζαντινή & Μεταβυζαντινή αρχιτεκτονική στην Ελλάδα. Αθήνα, 2001. Σ. 52) арка, отделенная от опоры карнизом, не следует ее раскреповке (причем поперечные «дополнительные» арки опираются здесь на продольные), — на Кавказе эта форма получает распространение в архитектуре Тао и Кларджети X–XI веков (Ошки, Хахули и др.).**

136 *Cuneo P.* Op. cit. P. 686-687.

137 *Velmans T., Alapago Novello A.* Op. cit. P. 278.

138 Ibid. P. 275.

139 **Правда, он крестообразный в плане, и в нем на арки с одной дополнительной ступенью опираются тромпы (*Мшвениерадзе Д.М.* Строительное искусство древней Грузии. Тбилиси, 1959. С. 65, Рис. 137).**

140 *Cuneo P.* Op. cit. P. 290–298, 416–420.]

[*Храм в Лыхнах. Вид на подкупольное пространство. Фото Гао-Бен-Чи. 2006 г.*]

[*Татев. Храм св. Петра и Павла. Вид на подкупольные паруса. Фото А.Ю. Казаряна. 2008 г.*]

купольных храмах Абхазии и Трапезунда. Но если абхазские церкви (в Мокви и Лыхнах), принадлежащие к одному типу[141], современны аланским, т.е. относятся к X веку (относительно собора в Пицунде см. ниже), то аналогичные конструкции в трапезундских храмах (Панагия Хрисокефалос, Св. Софии, Св. Евгения и Св. Филиппа в Трапезунде и Арх. Михаила в Платане, а также, возможно, храмы С и Св. Василия в Трапезунде) в настоящее время единодушно датируются временем не раньше XIII века[142]. С объединением Грузии именно эта форма попадает во многие крупные храмы начала XI века: Бедиа, Алаверди (по одной «дополнительной» ступени расположено здесь лишь с запада и

[141 См.: *Рчеулишвили Л.* Указ. соч. К нему также относятся лишенные подлинных сводов храмы в Алахадзы, Симона Кананита в Новом Афоне, Лоо, Бзыбской крепости и Мсыгхуа.

142 *Bryer A., Winfield D.* The byzantine monuments and topography of the Pontos. Vol. 1 (Dumbarton Oaks Studies, 20). Washington, 1985. P. 178–249.]

с востока) и Самтависи[143], причем, возможно, именно из абхазской архитектуры X века, о чем свидетельствует сочетание трех «абхазских» элементов: подкупольного квадрата, парусов без тромпов и вышеописанных «импостов». Позднее данная конструкция воспроизводится во многих кавказских храмах (например, в Бетании, Ахтале, Цугругашени, Сафаре, Кватахеви и Гергети[144]). В Армении XII–XIII веков мы ее встречаем в перекрытии притворов-гавитов. Но, в отличие от Абхазии, Алании и Трапезунда, где «дополнительные» арки постоянно повторяются и стали почти обязательным элементом, в Грузии и Армении данная архитектурная конструкция не становится «визитной карточкой» здешних строителей и достаточно случайна. Интересно, что идентичную форму мы находим на другой окраине Византии: в апулийских храмах Св. Петра в Массерии Сепанибале Гранде (IX в.) и Св. Лючии в Трани (до 1131 г.)[145]. Поскольку Апулия не связана напрямую с Кавказом, то остается два возможных решения проблемы: либо эта форма возникает независимо в разных местах, либо она следует некоему утраченному престижному образцу. Вне зависимости от происхождения ступенчатых подпружных арок важно, что они, опять-таки, применяются именно на периферии византийской архитектуры.

II.2.B.c. Ступенчатый цоколь и притворы. Генетическая связь с Абхазией и Трапезундом проявляется и в других элементах, которые повторяются в аланских храмах: ступенчатом цоколе-стилобате снаружи (прежде всего, вокруг апсид; правда, в Среднем храме с фасадной стороны его не существовало, он есть лишь внутри центральной апсиды) и наличии квадратных в плане притворов с севера, юга и/или запада сооружения. Причем мы видим это родство уже на первом этапе строительства Среднего Зеленчукского храма (ступенчатые подпружные арки и «дополнительные» архивольты принадлежат уже к зоне сводов, т.е. относятся ко второму этапу).

Нижние части построек зачастую скрыты культурным слоем и о них не всегда легко судить, но очевидно, что такой импозантный ступенчатый цоколь характерен для широкого круга сооружений. Он встречается во многих достаточно ранних христианских храмах (например, Св. Рипсиме в Эчмиадзине и Джвари в Мцхете) и, вероятно, связан еще с античностью. Позже такой цоколь известен в очень многих малоазийских и закавказских памятниках (например, каппадокийская Чанлы Килисе и Челтыкдере в Вифинии[146], Ани, Мартвили, Хоби, Цаленджиха). К сожалению, многие аналогичные памятники не исследованы археологически и мы не знаем, был ли у них ступенчатый цоколь.

Если наличие ступенчатого цоколя нельзя считать абсолютно исключительными для названной группы храмов, то вышеописанные притворы — до-

[143 *Velmans T., Alapago Novello A.* Op. cit. P. 259, 261, 279, 284.

144 Ibid. P. 261, 283.

145 *Mongiello L.* Op. cit. P. 233, 285.

146 *Оустерхаут Р.* Указ. соч. С. 171. Рис. 117.]

вольно специфичный признак[147]. Их мы встречаем в Абхазии (Мокви, Новый Афон, Пицундский собор [148], Бзыбская крепость, Лоо, Лыхны, Гиенос) и в Трапезунде (храм Св. Евгения, Св. София, Панагия Хрисокефалос), где они всегда имеют открытую форму. В аланских же храмах отдельные притворы закрыты[149], что, возможно, связано с более суровым климатом, и их не обязательно три: так, в Шоанинском храме их два[150] — наличие лишь одного, западного, притвора в Среднем храме в этом смысле также не должно удивлять.

Итак, связь в области строительных приемов между крестовокупольными храмами Алании, Абхазии и Трапезунда несомненна, но что послужило образцом для столь устойчивого типа церкви? Его воспроизведение в Трапезунде XIII–XIV веков явно говорит о копировании, но все, что нам известно в самом Трапезунде IX–X столетий, — это лишь базилики, крупные (Панагия Хрисокефалос) или небольшие на четырех колоннах (Св. Анна, Накип Джами)[151]. Учитывая многовековую традицию возведения в Трапезунде храмов данного типа (с XIII по XIX века), можно предположить, что она восходит и к более раннему времени (X в.?), однако не исключено и то, что трапезундские мастера копировали храмы Абхазии (но никак не Алании, см. ниже): влияние Грузино-Абхазского царства на Трапезундскую империю в XIII веке хорошо известно[152]. Таким же абхазским влиянием объясняется, по всей видимости, и появление открытых притворов в храме Баграта в Кутаиси (ср. с распространением ступенчатых подпружных арок в западногрузинских храмах XI века, см. II.2.B.b).

[147 Вне данной группы памятников нам он известен до XI века только в западногрузинском храме X века в Ножохови (*Gengiuri N.* Op. cit. P. 293, 299), который, однако, сам мог находиться под влиянием абхазской архитектуры. Притворы были и в Дранде, но их датировки мы не знаем.

148 В этих трех памятниках притворы разрушены, но известны по старым описаниям (см., напр.: *Рчеулешвили Л.* Указ. соч. С. 34, 58; *Якобсон А.Л.* О дате Большого храма в Пицунде (Абхазия) // Краткие сообщения института археологии. М., 1972. Вып. 132. С. 41).

149 Оба притвора в Шоане и западный в Сентах. Открытые притворы имеются в Северном Зеленчукском храме и, видимо, в Сентинском (южный и северный, см. III.1.B). Перфильева, основываясь на натурных исследованиях, в исторической записке к проекту реставрации Северного Зеленчукского храма, высказала предположение, что притворы Северного храма первоначально также были закрытыми (Институт «Спецпроектреставрация». Ф. 43. *Д.* 3552. *Л.* 24), однако подтверждения этому нам не известно, а на самом памятнике никаких следов этого уже не видно. Кроме того, на фотографиях М. Астафьева видны торцы боковых стен притворов (южного и западного) без заплечиков (ИИМК РАН. РА. Р. I. *Д.* 315. *Л.* 15, 16).

150 Впрочем, это может быть связано с рельефом местности и с возможным существованием с запада деревянной галереи.

151 *Bryer A., Winfield D.* Op. cit. P. 182.

152 *Карпов С.П.* История Трапезундской империи. СПб., 2007. С. 84–96.]

II.2.B.d. Форма опор и упрощение плана. Таким образом, ничто не мешает нам счесть аланскую архитектуру сестрой, а точнее, дочерью абхазского зодчества. Однако в аланских крестовокупольных храмах существует одна особенность, которая отличает их от абхазских и трапезундских собратьев. Это отсутствие крещатых в плане столпов, столь характерных для Абхазии и Трапезунда[153]. В принципе, ничего удивительного в этом нет: квадратные или прямоугольные в сечении столпы, замещающие типичные для Константинополя колонны, часто присутствуют в средневизантийских провинциальных храмах Греции, Каппадокии, Болгарии, Киевской Руси и других областей. Но именно в Алании такая форма опор дает довольно варварский результат: в крупнейшем храме типа вписанного креста — Северном Зеленчукском, из-за разной ширины столпов и подпружных арок верхние части столпов превращаются в своеобразные параллелепипеды, на верхнюю плоскость которых опираются пятки арок подкупольного квадрата, а на боковые стороны — арки боковых нефов, причем ширина арок у́же сторон столпа. Впрочем, такое же странное устройство арок мы обнаруживаем и на крещатых западных столпах храма Св. Евгения в Трапезунде, который вряд ли напрямую связан с Аланией. Последнее наблюдение наталкивает на мысль о том, что мы имеем здесь дело с независимыми друг от друга проявлениями невысокой строительной техники мастеров.

Если аланские крестовокупольные храмы, судя по всем остальным признакам, построены мастерами той же школы, что и абхазские, то какое же обстоятельство могло спровоцировать в них такую трансформацию столпов из крещатых в прямоугольные в сечении? Одной из возможных причин может считаться материал: аланские церкви построены из грубо отесанных блоков местного песчаника, имеющих практически всегда прямоугольную форму, — в отличие от Абхазии с ее хорошо тесаным известняком. Таким образом, «вынуть» угол (что часто бывает необходимо при возведении крещатых столпов) и отесать камни идеального размера мастерам здесь было не под силу — скорее всего, они были местного происхождения и не обладали достаточной квалификацией. Подтверждением этому невысокому уровню мастерства служит неровность вертикальных линий в кладке храмов.

Проследить этот феномен аланской церковной архитектуры можно и на конструктивных особенностях Среднего Зеленчукского храма. Столпов в нем нет, однако вышеописанному явлению здесь подобно отсутствие пилястр на западных стенах боковых рукавов и на западных гранях восточных подкупольных опор, не отличающихся по своей функции от столпов храма типа вписанного креста.

Наше наблюдение над упрощением формы столпов можно перенести и на планы аланских храмов. Крестообразный Сентинский храм датируется 965 годом[154], а Средний Зеленчукский храм, являвшийся, судя по всему, кафедральным собором Аланской епархии (см. II.4), мог быть построен одним из

[153 Из известных нам крестово-купольных храмов Абхазии лишь в Лоо могли быть некрещатые столпы — судя по их основаниям, сохранившимся, видимо, выше пола (*Овчинникова Б.Б.* Указ. соч. С. 397, 399). У этого храма есть еще одна особенность, не известная в абхазской архитектуре, — лопатки на внешних фасадах.

154 Или, что на наш взгляд намного менее вероятно, 1-й половиной X века (см. III.1).]

[*Трапезунд. Церковь св. Евгения. Юго-восточный подкупольный столб. XIII в. Фото авторов. 2006 г.*]

первых, в то время как об остальных трех храмах мы знаем, что Северный храм в Нижнем Архызе был возведен, по всей вероятности, до 1012/3 года[155] и, точно до 1067 года[156]. Не исключено, что мастера, пришедшие в Аланию из Абхазии или с северо-востока Малой Азии и столкнувшиеся со сложностями в подборе материала и исполнителей, предпочли обратиться не к традиционному для них плану крестовокупольного храма с тремя притворами, а избрали более простую крестообразную форму, избежав, таким образом, необходимости возводить, например, столпы, тем более крещатые[157]. На упрощение стандартного крестовокупольного плана в крестообразный может косвенно указывать и вышеописанная форма угловых ячеек: открытых с запада и закрытых с боков.

Такое упрощение плана следует рассматривать не только в архитектурном, но и в функциональном аспекте. Переход византийской архитектуры от раннехристианской базилики с ее простой продольной направленностью к центрической купольной базилике VI–VII веков усложнил членение внутреннего пространства и сделал его многовекторным. Эта тенденция еще более усиливается в классическом крестовокупольном храме IX–X столетий: ядро здания обязательно окружается уже по всему периметру пристройками различного назначения[158]. Этот процесс идет рука об руку с изменением направления богослужебных шествий и каждений[159]. Ранние аланские храмы, Средний Зеленчукский и Сентинский, остаются максимально чужды этому феномену. Богослужение в них было, по всей видимости, динамически упрощено и приспособлено к местным условиям. На особенность их богослужебного устройства указывают, возможно, и большие притворы, которые могли использоваться еще не крещенными для того, чтобы наблюдать за богослужением и совершать свои обряды: в пользу этого говорит вероятное наличие в боковых притворах Северного храма второго этажа, выходившего на окно, и культовых ниш в их вос-

[155 Этим годом датирован крест, найденный рядом с храмом (см. I.5).

156 Этим годом датирован бронзовый крест из нартекса (см. I.5).

157 Приспособление византийской архитектуры к местным особенностям можно проследить на примере Восточной Грузии IX–X веков: в храме Богородицы в Вачнадзиани (Шрома) трехцерковная базилика с западным обоходом, типичная для Грузии, сочетается с византийскими парусами и выраженными снаружи апсидами, а характерные для константинопольской архитектуры X–XI веков биконхиальные поперечные компартименты и триконхиальные пастофории завершаются кавказскими тромпами; в Санагире (Вазисубани) классический план средневизантийского крестовокупольного храма использован для постройки базилики. Тот же феномен отчасти прослеживается и в более поздних памятниках XII–XIII веков: Гелати и Метехи (*илл.* см. в: Art and architecture in mediaeval Georgia. Louvain-la-Neuve, 1980. P. 329, 448, 463, 466).

158 См.: *Theis L.* Op. cit.

159 *Χατζιτρύφωνος Ε.* Το περίστωο στην υστεροβυζαντινή εκκλησιαστική αρχιτεκτονική. Θεσσαλονίκη, 2004. Σ. 69–90.]

точных стенах[160], хотя мы не беремся точно определить их функцию. И все же при всей своей простоте, два этих храма не остались лишены дополнительных помещений: кроме вышеуказанных притворов, это поминально-погребальные компартименты: мавзолей в Сентинском и южный придел в Среднем.

С течением времени «классические» крестовокупольные храмы в Алании все равно возникли. Впрочем, квалификации местных кадров не хватило, чтобы избежать несуразностей в устройстве столпов. Кроме того, крестовокупольные храмы Алании не являются точными копиями абхазских образцов: в них, например, вырабатывается такая специфическая черта, как соединение в один компартимент восточных ячеек и вим[161], подчеркнутое слепыми арками в боковых нефах. Этот прием, общий для Северного Зеленчукского и Шоанинского храма, не означает, однако, что последний был скопирован с первого. Исследователи не заметили, что мастерство зодчих в Шоане было выше, так что здесь, например, снивелирована та самая разница в ширине столпов и арок, а также применен нетипичный для Алании граненый барабан (см. IV.4.B). Напротив, вышеописанные «несообразности» в конструкции Северного храма генетически восходят во многом к Среднему, где проявляются, например, в несовпадении ширины арки и пилястр в западной части боковых приделов.

II.2.C. Происхождение мастеров. Могли ли мастера Среднего Зеленчукского храма прийти в Аланию не из Абхазии? Попробуем рассмотреть возможные варианты. В Крыму храмы такого плана, причем исключительно поминального характера и в совершенно другой технике, строили только в ранневизантийское время. Б.А. Рыбаков реконструировал крестообразный храм средневизантийского времени в Тамани-Таматархе (все равно не похожий на Средний Зеленчукский), однако изучение отчета о его раскопках заставляет в этом усомниться: скорее речь должна идти о стандартном крестовокупольном храме с квадратным притвором с севера[162], хотя С.А. Плетнева недавно вообще поставила под сомнение существование на этом месте храма как такового[163]. Епархия Зихии во главе с Никопсией исчезает из Нотиций Константинопольской Церкви до 901–907 годов[164], а ее куль-

[160 Кузнецов предположил, что там располагались «оглашенные» (новообращенные) и каящиеся (*Кузнецов В.А.* Зодчество… С. 30).

161 В византийской архитектуре данный прием встречается крайне редко. Мы можем назвать лишь один такой пример, к тому же более поднего происхождения — в кафоликоне Хиландара (нач. XIV в.).

162 Ср.: *Раппопорт П.А.* Русская архитектура X-XIII вв. // Свод археологических источников. Л., 1982. Вып. EI-47. С. 115-116; *Пищулина В.В.* Указ. соч. С. 253–254.

163 *Плетнева С.А.* Кочевники в Таматархе // РА. 2001. № 2. С. 97–107.

164 Notitiae episcopatuum Ecclesiae Constantinopolitanae / Ed. par J. Darrouzès. Paris, 1981. P. 273–274.]

турный уровень Епифаний Монах в IX веке характеризует как крайне низкий[165]. От константинопольского зодчества аланские архитектурные формы отличаются крайней провинциальностью. Теоретически можно было бы подумать о Каппадокии (см. II.2.A.b), однако в ее наземной архитектуре параллелей не находится[166]. В Трапезунде IX–X веков нам известны только базилики: большие, как ранняя Панагия Хрисокефалос, или маленькие, как Св. Анна и Накип Джами. Наконец, в Восточной Грузии весьма отдаленную параллель (да и то не Среднему Зеленчукскому и Сентинскому, а другим аланским храмам) могут представлять церкви в Икалто (VIII–IX вв.) и Армази[167] (864 г.), однако их отличает прямоугольное снаружи оформление восточной части, обилие каменной декорации, тромпы — всего этого нет в Алании.

Итак, остается Абхазия, Западная Грузия, Тао и Кларджети. Но здесь прежде следует разобраться, в каком политическом и церковно-историческом контексте могло происходить это заимствование. К концу VIII века Абхазия и Западная Грузия объединяются под властью династии абхазских царей. Как результат, в течении IX века Западная Грузия выходит из церковного подчинения Константинополю: в Notitia episcopatuum 7 (901–907 гг.) исчезает Фасисская кафедра с суффраганами, а титул митрополии Лазики переходит к Трапезунду[168]. Исчезновение сразу пяти кафедр говорит не об их гибели, а о переходе в другую юрисдикцию — вероятно, под омофор новой грузинской епархии Чкондиди-Мартвили[169]. При этом архиепископия Севастополя Великого (совр. Сухуми), т.е. кафедра собственно Абхазии, остается в Notitiae вплоть до 12-й (XII в.), однако теряет название Авасгской[170]. Последнее, по всей видимости, переходит к первосвятителю Западной Грузии, вероятно, в силу названия того царства, где находилась его епархия. Грузиноязычный Абхазский католикос фиксируется впервые в XI веке[171].

Такому разделению царства на две церковных области: подчиненную грекам и самостоятельную, соответствует и история архитектуры X века. В Запад-

[165 Греческие предания о св. ап. Андрее. Т. 1. Жития / Изд. А. Виноградов. СПб., 2005. С. 311.

166 См.: RBK III, 1021–1023.

167 *Velmans T., Alapago Novello A.* Op. cit. P. 260, 272.

168 Notitiae… P. 284.

169 *Khroushkova L.* Les monuments chrétiens de la côte orientale de la Mer Noire. Abkhazie. IVe–XIVe siécles (Bibliothèque de l'antiquité tardive, 9). Turnhout, 2006. P. 90.

170 Notitiae… P. 352.

171 *Силогава В.* Древнейшее письменное сведение об Абхазском католикосе // Грузинское источниковедение. 2006. Т. 11. С. 108–120 (на груз. яз.).]

ной Грузии строятся храмы кавказского типа, в то время как в Абхазии — византийского. Между двумя этими школами существовал взаимообмен: в обеих распространены, например, вышеописанные ступенчатые подпружные арки под куполом, которые существуют и южнее, в Тао и Кларджети. Церковное строительство в этих областях, расцветшее именно в X–XI веках, демонстрирует аналогии с планом Среднего Зеленчукского храма: прежде всего, простые латинские кресты, как Опиза, Эни-Рабати, Чанглы (вне Тао и Кларджети это лишь Кунтурис-сакдари в Кахетии), а также сложные варианты того же креста, как Ошки, Ишхан и Хахули. С другой стороны, очевидно, что эти храмы, равно как и здешние базилики (Отхта-Эклессиа и Пархали) и соседние с ними крестово-купольные церкви в Хандзте, Вале и Зарзме[172], принадлежат к другой по сравнению с аланскими, закавказской строительной культуре (см. выше, относительно Восточной Грузии).

Впрочем, как кажется, и искомый нами план можно найти в Абхазии. На первый взгляд, на эту роль мог бы лучше всего претендовать храм № 7 в Пицунде, который Л.Г. Хрушкова датирует VII веком[173], пусть апсиды здесь примыкают непосредственно к трансепту, без вимы, причем реконструкция центральной апсиды без вимы чисто гипотетическая. Но намного важнее другое обстоятельство: в пользу своей датировки Хрушкова не приводит ни одного археологического аргумента. Также и проведенный ею анализ архитектуры храма не указывает на VI–VII века, как на единственно возможную дату строительства: более того, автор не указала ни одной параллели для реконструированного ею необычного плана храма — Т-образного с тремя апсидами на одной линии (схожего больше с соборами Южной Италии XI–XII столетий). И если смешанный каменно-плинфяный характер кладки не может быть точным хронологическим репером, то оформление сохранившихся боковых апсид уступчатыми нишами характерно скорее для средне- и поздневизантийских памятников. В пользу такой датировки говорит и наличие в обеих апсидах ниши протесиса[174].

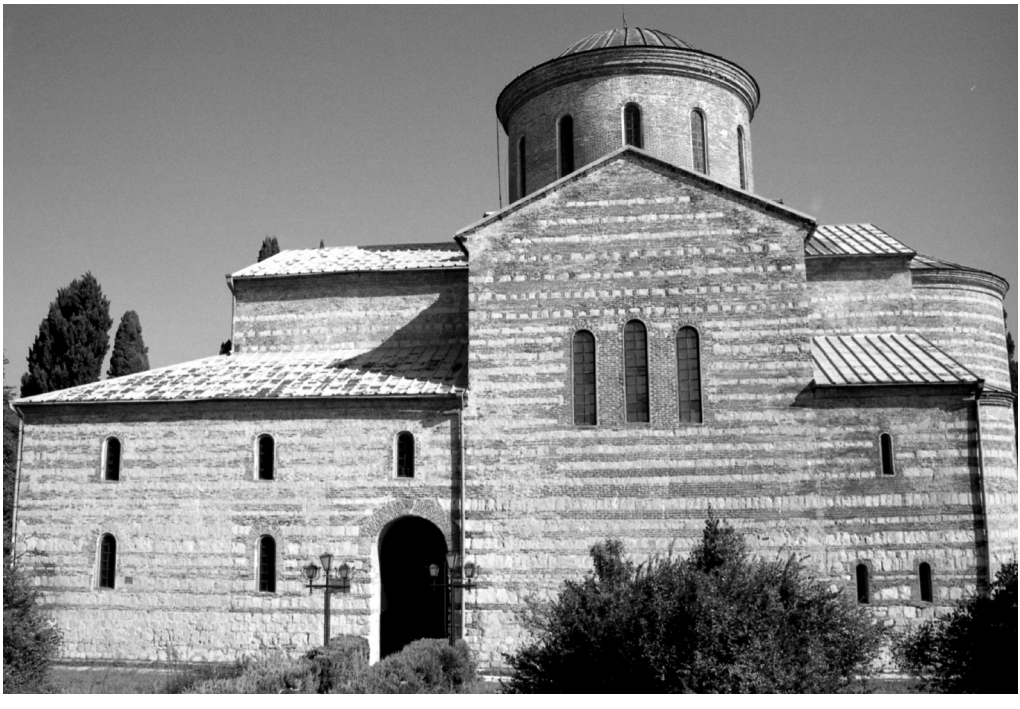
Но там же, в Пицунде, на наш взгляд, можно отыскать и другой прообраз крестообразного плана Среднего Зеленчукского храма: а именно в Пицундском соборе, стоящем особняком в архитектуре Закавказья и остающемся предметом споров (традиционная датировка — X век)[175]. В нынешнем варианте это большая трехнефная крестовокупольная постройка с нартексом, хорами и боковыми восточными приделами. Такие элементы, как круглый барабан, три выступающие полукруглые апсиды, из которых боковые — двухэтаж-

[172 *Velmans T., Alapago Novello A.* Op. cit. P. 290, 292.

173 *Хрушкова Л.Г.* Раннехристианские… С. 104–110.

174 Характерно, что этот храм не включен в число памятников IV–VII веков и вообще даже не упомянут в последней фундаментальной монографии: *Plontke-Lüning A.* Frühchristliche Architektur in Kaukasien. Wien, 2007.

175 См.: *Хрушкова Л.Г.* Указ. соч. С. 110; *Velmans T., Alpago Novello A.* Op. cit. P. 262.]



[*Пицунда. Собор. Вид с юга. Фото Гао-Бен-Чи. 2010 г.*]

ные[176], роднят его с византийским зодчеством. По нашим наблюдениям, после восьмого ряда плинфы (от современного пола) характер кладки (в частности, размер плинфы на столпах) меняется. Можно допустить, что верх храма был переложен. Это, кажется, подтверждает и слегка стрельчатая форма подпружных арок, характерная для грузинской архитектуры, начиная с XIII века (Сафара, Питарети), в том числе и в кирпичном варианте (Тимотесубани; арки в Алаверди сложены в XV веке[177]). Однако общий византийский характер первоначальной постройки (выраженные снаружи апсиды, плинфяная кладка) позволяет предполагать, что купол и изначально опирался на паруса. Впрочем, изменение формата плинфы в стене не обязательно означает разновременность ее частей. Существовал ли у нынешнего здания предшественник, как он выглядел и к какому он времени относится (может и к очень раннему), без раскопок сказать трудно. Поэтому остается открытым вопрос о дате как нынешней постройки в целом, так и отдельных ее элементов (например, хор).

[176 Такие имеются, например, в северном храме монастыря Липса в Константинополе (908 г.) и в Софии Охридской (X в.). В Ошки они более поздние по сравнению с приведенными выше примерами и представляют собой исключение в кавказской архитектуре до XI века.

177 *Чубинашвили Г.* Архитектура… С. 374, 395. Возможность армянского влияния на форму арок маловероятна, так как других следов данной традиции в Пицундском соборе не прослеживается.]

«Пространственная концепция» нынешнего Пицундского собора построена на противопоставлении в его плане (т.е. изначально) четко выделенного огромного латинского креста и существенно меньших, сильно зауженных двух изолированных приделов с востока и боковых компартиментов с запада. Эти последние компартименты объединены общей высотой с нартексом и снаружи смотрятся с ним единым объемом. Вполне возможно, что в своем изначальном варианте собор был сооружением «крестового» плана. Родство нынешней постройки с типом крестообразных церквей подтверждает такая черта, как опирание купола с востока не на отдельно стоящие столпы, а на концы стен восточного рукава[178] — так же, как и в Среднем Зеленчукском храме. Таким образом, собор в Пицунде, упрощенный удалением хор почти до типа храма № 7, мог бы послужить образцом для Среднего храма[179]. Размеры Пицундского собора говорят о важном значении этого здания. Поскольку в самом Севастополе Великом (совр. Сухуми) функционировавшие в средневизантийское время храмы неизвестны[180], то, вероятней всего, Севастопольским архиепископ именовался номинально, а реально кафедра его находилась именно в Пицунде[181]. Такой выбор образца для кафедрального собора новой Аланской епархии особенно понятен, учитывая церковную принадлежность Абхазии и Алании к Константинопольскому патриархату. Не исключено, что статус собора авторитетного Абхазского царства мог повлиять на архитектуру не только Алании, но и объединенной Грузии (храм Баграта в Кутаиси и Свети-Цховели в Мцхете)[182] и, позднее, Трапе-

[178 В принципе этот план можно было бы сравнивать с планом храма в Хандзте IX-X веков в том же Тао (см., например: *Беридзе В.В.* Архитектура Тао-Кларджети. Тбилиси, 1981. С. 51. Рис. 15; *Закарая П.Ф.* Зодчество Тао-Кларджети. Тбилиси, 1992. С. 58. Рис. 27), однако этому препятствуют несколько обстоятельств: бóльшая простота плана Хандзты, неясность первоначального этапа Пицундского собора, и, наконец, широкая распространенность такого плана в сирийской архитектуре.

179 Не исключено, что какой-то авторитетный образец стоит и за планом других кавказских построек такого типа: Чанглы, Экеки, Эни-Рабати, Кунтурис-сакдари, Икви.

180 См.: *Хрушкова Л.Г.* Указ. соч. С. 195–203.

181 Чисто теоретически можно, конечно, представить себе, что Севастопольским именовался архиерей греческой фемы Анакопия, которая существовала, однако, лишь несколько десятилетий в XI веке. Впрочем, в Анакопии мог быть свой архиерей с титулом «Анакопийский» (см.: *Khroushkova L.* Op. cit. P. 92). Относительно отождествления Пицунды с Сотириуполем см. I.6.

182 Как мы видели это выше на примере ступенчатых подпружных арок и притворов. Обратное влияние, т.е. появление П-образных хор в Пицунде в ходе перестройки около XIII века (см. выше) маловероятно по следующим причинам: 1) нетипичность такой конструкции для грузинской архитектуры XIII века; 2) сам план первоначального собора, с большой долей вероятности предполагающий наличие таких хор; 3) наличие П-образных хор в абхазской архитектуре X века (Мокви).]

зунда (Панагия Хрисокефалос; к этому моменту Пицунда, по всей вероятности, уже была грузиноязычной кафедрой Абхазского католикосата)[183]. Другим элементом его влияния могло быть распространение по Грузии, начиная с XI века, плана с опиранием купола на концы стен восточного рукава, изоляцией угловых восточных компартиментов и парусами, сопровождаемого иногда ступенчатыми подпружными арками (см. II.2.B.b)[184]: в более раннее время такой план известен здесь лишь с тромпами и в небольшом числе памятников: Варцана (IX в.?) и Озаани (IX–X вв. или XIII в.) в Кахетии и Артануджи (IX в.) и Хандзта (899–918 гг.) в Кларджети[185]. Между тем, в архитектуре конца X–XIV столетий он встречается именно в «пицундском» варианте: в Бедиа (основан ок. 998/9 г.), Вале (рубеж X–XI вв.), Самтавро в Мцхете (нач. XI в.), Гелати (1106–1125 гг.), Икорте (1172 г.), Кватахеви (XII–XIII вв.), Бетании (2-я пол. XII — нач. XIII в.), Ахтале, Карданахи, Кинцвиси, Питарети, Пудзнари, Тимотесубани и Цугругашени (1-я четв. XIII в.), Сачини (1-я четв. XIV в.), Земо Ходашени (1-я пол. XIV в.), Гергети, Зарзме и Сафаре (XIV в.)[186]. Характерно при этом, что именно такой план не встречается на территории Тао и Кларджети. Наконец, под влиянием Пицундского собора в храмах Грузии (Кутаиси, Свети-Цховели, Алаверди) могли появиться двухэтажные боковые апсиды[187] и хоры П-образной формы с двойными проемами, а также открытые притворы в Кутаиси[188]. Кстати, у Пицундского собора существовали и притворы, что лишний раз говорит об отмеченном нами сходстве[189].

Вне зависимости от датировки Пицундского собора, очевидно, что строительные приемы и пространственные решения Среднего храма связывают его с другими аланскими крестовокупольными постройками и, шире, с архи-

[183 Влияние на архитектуру Тао и Кларджети (прежде всего, на Хахули) представляется менее вероятным.

184 Впрочем, поскольку дата закладки Пицундского собора не ясна, то влияние это может быть и обратным, т.е. данный храм был построен в традициях грузинского зодчества XI-XIV веков, знакомого в т.ч. и с кирпично-каменным строительством, и с выраженными снаружи апсидами (Гелати, Метехи). Однако сочетания такого числа византийских элементов (см. выше) нет ни в одном памятнике Грузии данного периода.

185 Такой вариант возвращается в Грузию лишь с XVI века (см.: *Чубинашвили Г.Н.* Архитектура Кахетии… С. 439–461).

186 Art and architecture… P. 270, 296. Интересно, что в армянской архитектуре такой план появляется так же в X в. (см.: *Cuneo P.* Op. cit. P. 731)

187 Об их византийском происхождении см. прим. 176.

188 Неясна роль в этом процессе храмов Западной Грузии, Тао и Кларджети X века: Ошки с его двухэтажными боковыми апсидами и Кумурдо с его П-образными хорами.

189 *Якобсон А.Л.* О дате Большого храма в Пицунде (Абхазия) // Краткие сообщения института археологии. М., 1972. Вып. 132. С. 41.]

тектурой Абхазии. Абхазские мастера строили его, однако, видимо, с учетом форм знакомой им архитектуры Тао и Кларджети. Идея же построить крестообразный храм (если только это не было осознанной ориентацией на близкий и значимый образец) могла прийти в Аланию и из Каппадокии. Наконец, кроме утилитарных соображений, на выбор крестообразной формы храма могли повлиять как его посвящение (и здесь стоит вспомнить о занимающем центральное положение на его южной стене изображении четырехметрового креста с Константином и Еленой; см. II.3.C.f[190]), так и подражание константинопольскому храму Свв. Апостолов (особенно в том случае, если Средний храм задумывался как погребально-поминальная церковь аланских правителей), подобно Сан-Марко в Венеции, начатому в 1063 году.

Сам же Средний храм стоит на перекрестье путей аланского церковного зодчества. С одной стороны, он примыкает к направлению, вероятно, ранних крестообразных храмов (вместе с Сентинским) и мог повлиять на создание других подобных ему в плане храмов[191]. С другой, усложнение его форм (заметное даже при смене строительных этапов): три апсиды, хоры и пилястры, видимо, предвещает переход аланского зодчества к более пространному типу крестовокупольного храма. Архаичные для X века крестообразные церкви, появившиеся в Алании, скорее всего, как вынужденная мера, неизбежно уступают место классическому типу византийского крестовокупольного храма на четырех опорах в его провинциальном, восточно-анатолийском и абхазском, изводах.

II.3. Декорация

II.3.A. Сохранность. Уже один из «первооткрывателей» Нижнеархызского городища, майор Потемкин отметил в 1802 году в Зеленчукских храмах остатки живописи «в виде изображений святых»[192]. Значительные фрагменты фресок Северного и Среднего храмов существовали еще в конце XIX века. В Среднем храме при ремонте и частичной его перестройке монахами Зеленчукского монастыря стены были заново оштукатурены и побелены, причем самые ветхие куски древней штукатурки удалялись, а оставшиеся фрагменты забеливались. Таким образом, об этой росписи современные ученые судят, в основном, по уже упоминавшимся нами материалам Д. Струкова и описаниям П. Синайского.

[190 *Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю.* Роспись Среднего Зеленчукского храма // XXIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Нальчик, 2006. С. 14. Посвящение храма св. Николаю, определенное по направлению его оси, не может выходить за рамки гипотезы (*Демаков А.А., Чумак И.Л.* К вопросу об исторической интерпретации Верхнекубанской группы храмов X века // Методика исследования и интерпретации археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988. С. 94–96).

191 *Кузнецов В.А.* Зодчество… С. 161; см. IV.3.

192 Материалы для истории просвещения в России / Сост. Кёппен П. СПб., 1825. Т. V. С. 431.]

Струковские «копии» существуют в двух вариантах. Один из них выполнен черной линией (лишь фигуры всадников отмыты тушью)[193]. Другой раскрашен цветной акварелью[194]. В первом случае подписи к изображениям проставлены на листах; к цветным же рисункам приложено отдельное описание (см. Приложение 1)[195]. Оба варианта частично отличаются и по набору изображений, и по деталям, во многих случаях не совпадают и противоречат друг другу подписи, а иногда они перепутаны. Все образы переработаны в духе академической церковной живописи XIX века, в них велик процент домысла. На «копиях» присутствуют детали, характерные для позднего иконописания, но абсолютно немыслимые в искусстве византийского времени. Очевидны и анатомические нарушения, явно привнесенные при «копировании». Мы уже высказывали предположение (прим. 3 в данной главе), что эти рисунки делались позже по беглым записям и зарисовкам.

В книге «Древне-христианские храмы и св. Александро-Афонский Зеленчукский монастырь», с принадлежащим Синайскому тексту, были использованы «черно-белые» рисунки Струкова, но описание росписей при этом короче струковского и не во всем с ним совпадает (см. Приложение 2)[196]. Надо отметить, что оно ближе всего именно к «черно-белому» графическому варианту, чем к комментариям к цветным изображениям, вероятно еще менее достоверным.

В современной литературе указывается, что фрески Среднего храма «погибли, или скрыты штукатуркой XIX века»[197]. Вместе с тем, подлинные фрагменты этой росписи были выявлены еще в 1980-х годах, однако по разным причинам их укрепление и подробное исследование до сих пор не проведено[198]. В начале 2000-х годов, когда мы впервые побывали в Нижнем Архызе, часть их уже отсутствовала: по всей видимости, штукатурка была сбита при одном из ремонтов храма в 1990-х годах, когда были оштукатурены цементом своды в южном и западном рукавах и зачеканены швы между камнями на фасадах. В настоящее время остатки росписи сохранились лишь на северной и южной

[193 ИИМК РАН. РА. Р. I. Д. 273.

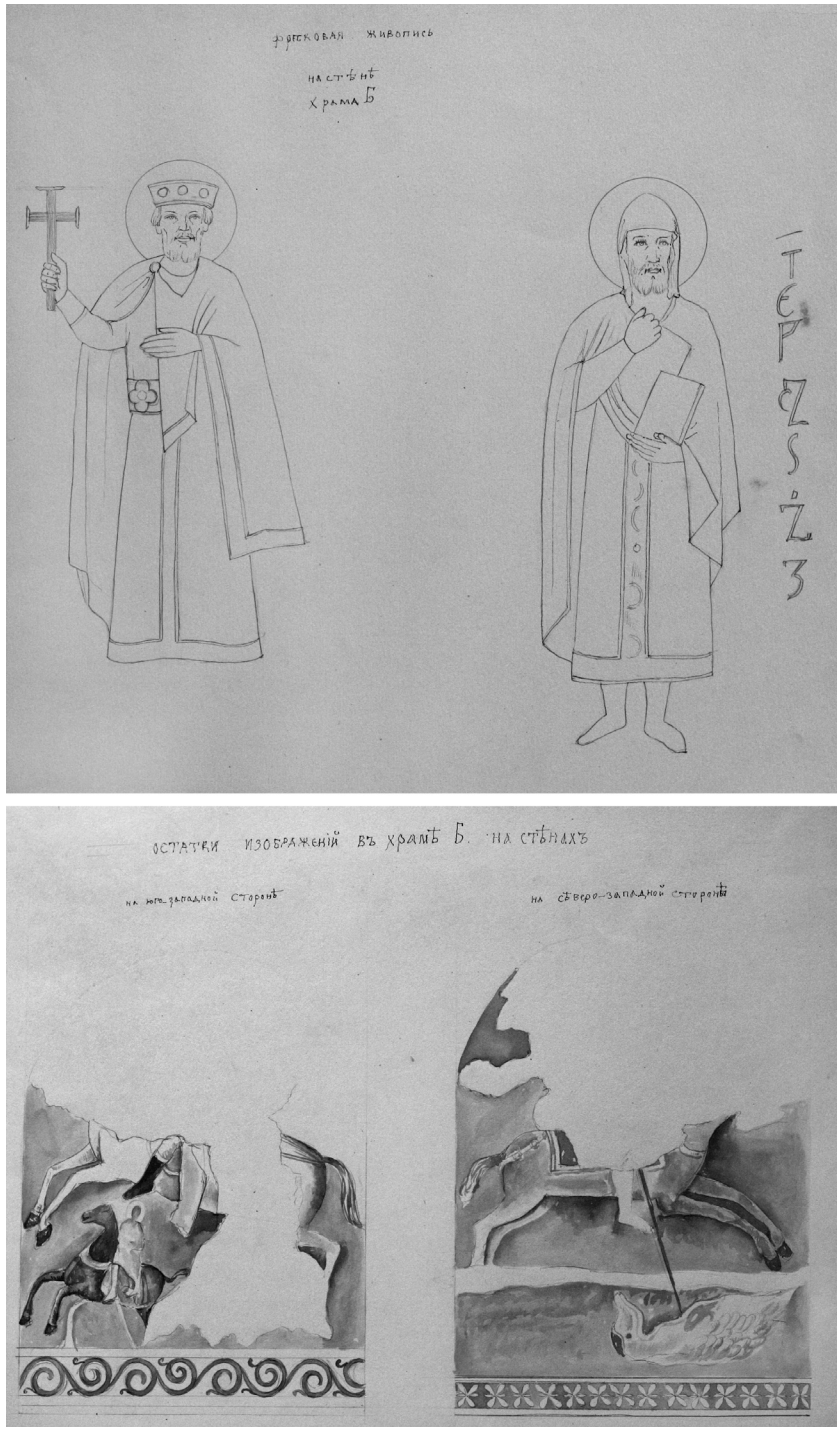
194 ИИМК РАН. РА. Р. I. Д. 339.

195 ИИМК РАН. РА. Ф. 1. 1889 г. Д. 87. Л. 56об.–57об. Нумерация Струкова в этом описании соответствует нумерации на цветных копиях, данной в архиве «Археологической комиссии» (не совпадает с современной архивной); в нашей книге в подписях под соответствующими иллюстрациями (рис. 17, 106. Цв. табл. 2–3, 5–13) эти номера приводятся после архивной ссылки.

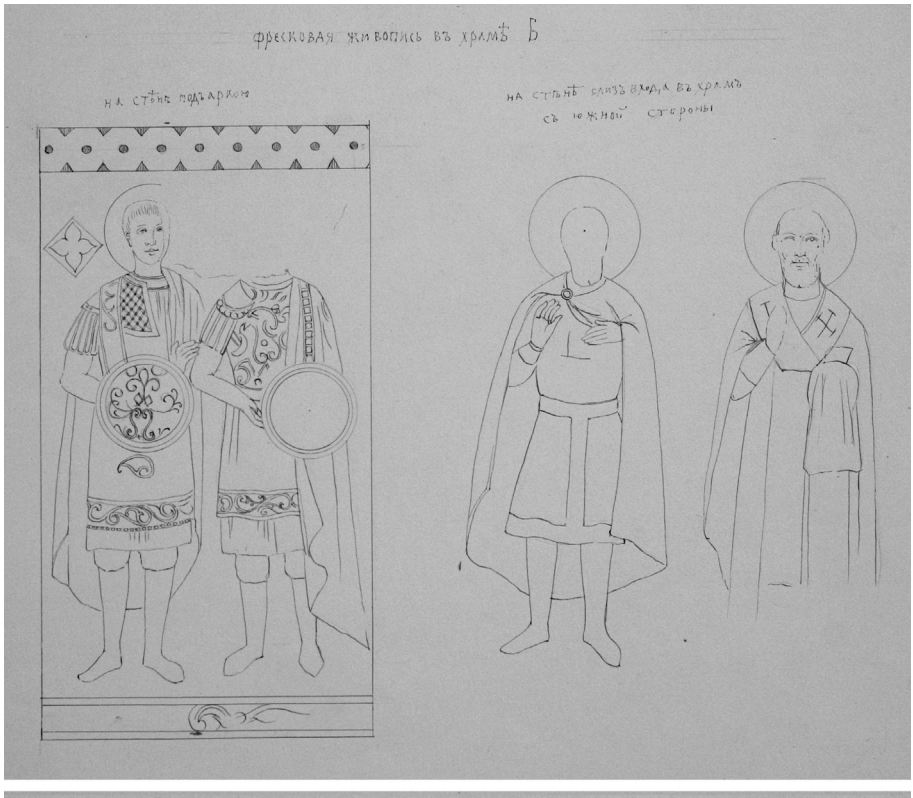
196 Древне-христианские храмы… С. 15–21.

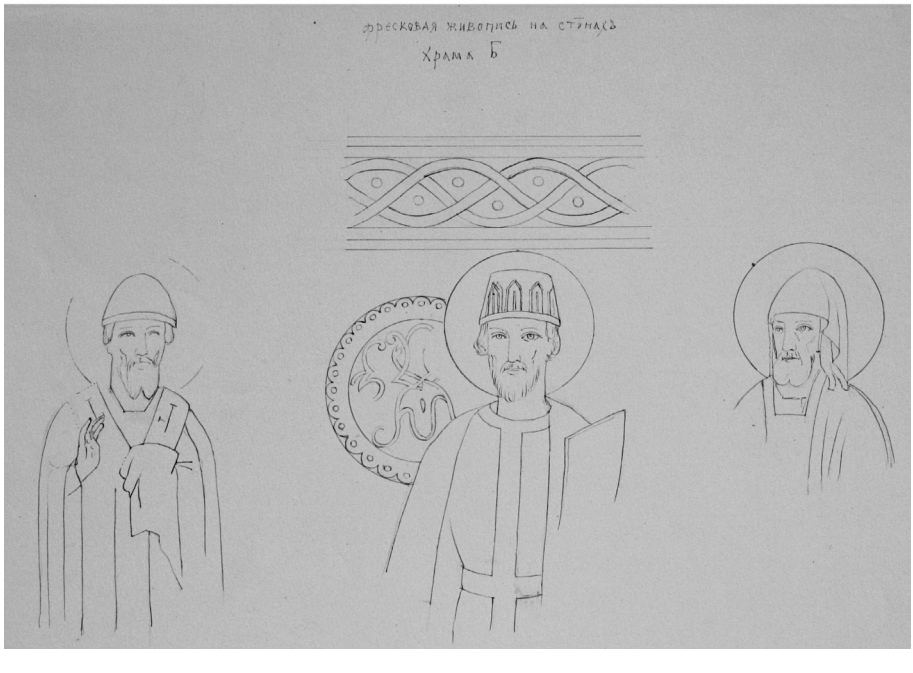
197 *Кузнецов В.А. Кузнецов В.А.* Христианство на Северном Кавказе до XV в. Владикавказ, 2002. С. 53.

198 Институт «Спецпроектреставрация». Ф. 43. Д. 5499.]

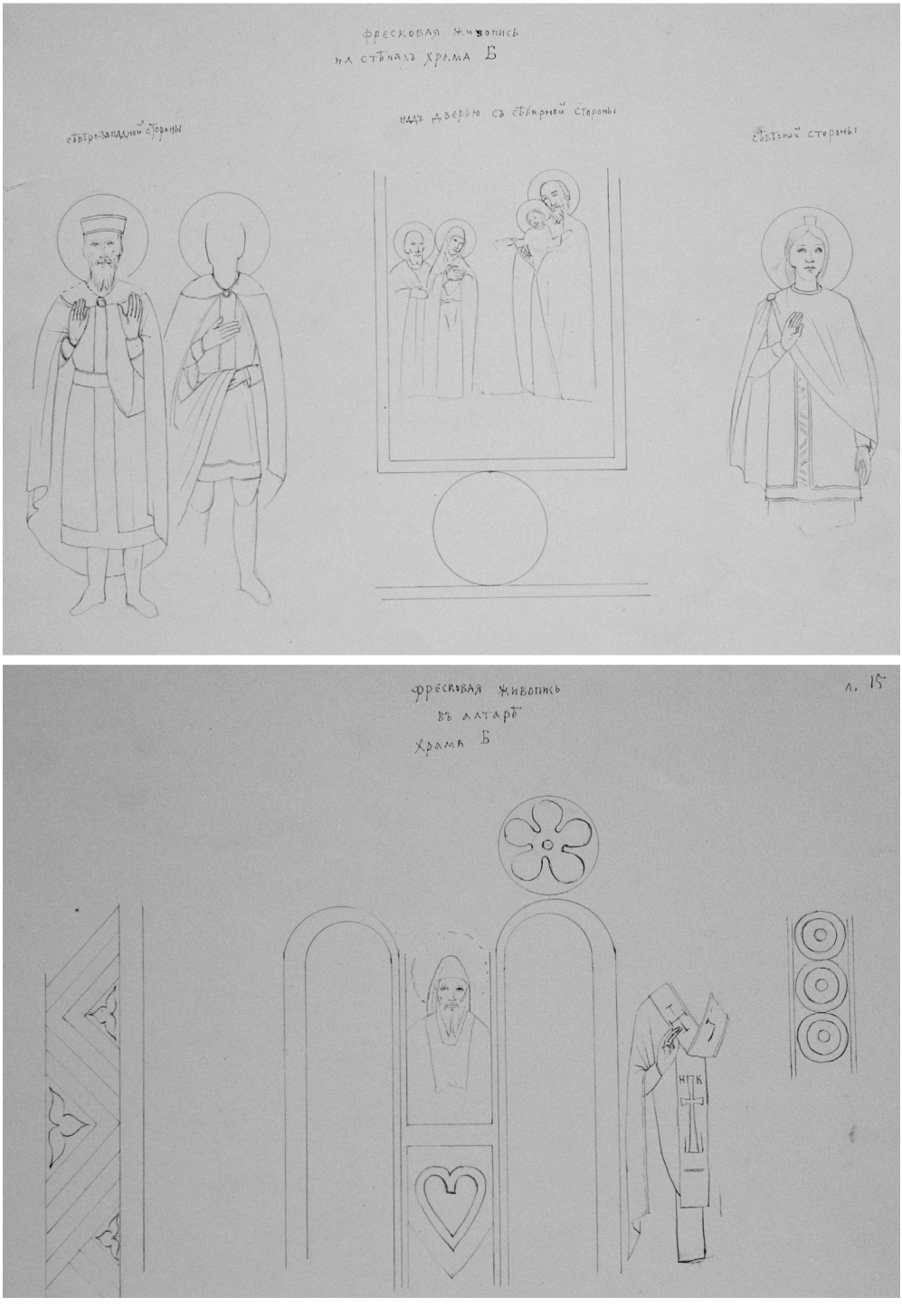


[*«Фресковая живопись на стене храма Б»; «Остатки изображений в храме Б на стенах. На юго-западной стороне. На северо-западной стороне». Рисунки Д.М. Струкова. 1889 гг. ИИМК РАН. Р. I. Д. 273. Л. 9; 10*]





[*«Фресковая живопись в храме Б. На стене под аркою. На стене близ входа в храм с южной стороны»; «Фресковая живопись на стенах храма Б». Рисунки Д.М. Струкова. 1889 гг. ИИМК РАН. Р. I. Д. 273. Л. 11; 12*]



[*«Фресковая живопись на стенах храма Б. Северо-западной стороны. Над дверью с северной стороны. Северной стороны»; «Фресковая живопись в алтаре храма Б». Рисунки Д.М. Струкова. 1889 гг. ИИМК РАН. Р. I. Д. 273. Л. 13; 14*]

стенах боковых ветвей креста (не считая очень небольших фрагментов штукатурки со следами красной охры — вероятно, разгранки — по углам в западном рукаве): других фресок в храме, судя по всему, не существует, в т.ч. и под поздней штукатуркой. Летом 2004 года при любезной помощи сотрудников музея мы смогли рассмотреть сохранившиеся фрагменты с близкого расстояния и составить о них некоторое представление.

II.3.B. Техника. Штукатурка на сохранившихся фрагментах однородна и нанесена на серый выравнивающий слой, аналогичный кладочному раствору. Ее толщина из-за неровностей кладки непостоянна (в среднем ок. 8 мм), поверхность грубая, со следами мастерка. Она желтоватого цвета, с большим количеством органических включений (рубленные растительные волокна) и аналогична штукатурным растворам Северного Зеленчукского, Сентинского и Шоанинского храмов[199]. В Сентинском храме такая штукатурка относится к раннему периоду существования памятника (т.е. к X в.) — на нее нанесены и строительная надпись, и все росписи. Интересно, что анализ известкового связующего в кладочном растворе и в штукатурке под живопись Среднего храма показал, что в них «использовалась известь различного состава: в первом случае — маломагнезиальная, приготовленная из местного сырья, а во втором — маломагнезиальная, чистая, тонкого помола, вероятно привозная»[200]. На фрагментах фресковой штукатурки, обнаруженных нами на полу у северной стены северной ветви креста и принадлежавших существующей здесь композиции с двумя святыми (II.3.C.e), прослеживается слой копоти (или, что менее вероятно, серой краски), на который нанесена очень тонкая известковая обмазка-левкас. На этом левкасе, собственно, и исполнена живопись, причем левкас наложен очень неравномерно — местами старая штукатурка осталась им не закрыта, и красочный слой лежит прямо на ней. В настоящее время трудно сказать, имеем ли мы дело с двумя этапами росписи, или обмазка под роспись нанесена на сильно закопченную штукатурку. Во всяком случае очевидно, что существующие фрески относятся к несколько более позднему периоду (30 и более лет), чем окончание строительства храма[201].

[199 Образец штукатурки под живопись был взят в средней апсиде в проеме окна. «Раствор приготовлен на маломагнезиальной жирной извести. Наполнитель практически отсутствует. В растворе присутствует до 8% длинных волокон соломы», «вяжущее тонкого помола, … солома грубая, длина частиц до 35 мм… Большое количество волокон оказывает хорошее армирующее укрепление раствора. Образец аналогичен образцу… [из] Северного храма» (Институт «Спецпроектреставрация». Ф. 43. Д. 2372. Л. 22, 27; см. также: *Кузнецов В.А.* Северный… С. 143; III.2). Кузнецов указывал, что в Среднем храме «в настоящее время можно видеть лишь жалкие остатки росписи у южного окна центральной апсиды» *(Кузнецов В.А.* Средний… С. 142). Однако сейчас никаких фрагментов живописи (как и древней штукатурки) в этом месте не заметно.

200 Институт «Спецпроектреставрация». Ф. 43. Д. 3906.

201 Благодарим за консультацию В.Д. Сарабьянова.]

[*«Изображения, оставшиеся в олтаре 2-й церкви на Зеленчуке». Рисунок Н.А. Нарышкина. 1867 г. ИИМК РАН. Р. I. Д. 315. Л. 21*]

II.3.C. Система росписи.

II.3.C.a Центральная апсида. Между центральным и южным проемом апсиды Струковым отмечено поясное изображение святого в монашеском облачении[202] (*илл.* на с. 155). Согласно Синайскому, этот святой был «в темном одеянии вроде мантии и с головным покровом, напоминающим древний монашеский клобук без камилавки. Поверх мантии надета епитрахиль, на которой нарисован крест, копье и череп»[203]. Некоторое сомнение вызывает «голгофа» на епитрахили, характерная для поздней «живоподобной» церковной живописи и, кажется, не встречающаяся на ранних памятниках. Тем не менее, достоверность монашеского образа взаимно подтверждают оба описания. Кроме того, на изображение «повидимому инока» между окон апсиды «одной из церквей» указывает Н.А. Нарышкин[204], и при этом в материалах его экспедиции есть зарисовка монашеской полуфигуры с четким указанием на Средний храм[205]. Интересно, что на рисунках Струкова ниже этого изображения показан орнамент в виде сердцеобразной ро- [*Табл. 12*]

[202 ИИМК РАН. РА. Р. I. *Д.* 273. *Л.* 14; *Д.* 339. *Л.* 29; ф. 1. 1889 г. *Д.* 87. *Л.* 57об.

203 Древне-христианские храмы... С. 19.

204 Отчет гг. Нарышкиных… С. 363.

205 ИИМК РАН. РА. Р. I. *Д.* 315. *Л.* 21.]

зетки. На узких простенках действительно часто изображали столпников (правда, примеров между алатрными окнами мы назвать не можем) и, возможно, Струков неправильно понял и нарисовал главный атрибут этого святого — столп.

Справа от южного окна Струковым также отмечена часть фронтального «изображения епископа в фелони и омофоре». На святителя «в древней фелони и с благословляющей рукой» указывает и Синайский[206]. Надо полагать, что это фрагмент традиционного святительского ряда, почти всегда располагавшегося в нижнем регистре алтаря. Причем, судя по указанной фигуре, в Среднем храме был именно фронтальный ряд святителей, а не служба Святых Отцов.

Синайский указывает, что «следы бывших изображений святых» были отмечены в «оконных нишах»[207], но, возможно, в виду имелись лишь откосы алтарных окон — у нас нет уверенности, что расписаны были все световые проемы.

Следует также отметить, что, говоря в «Отчете» об изображении «инока» в алтаре Среднего храма, Нарышкин прибавляет: «и тут же равноконечный крест». В материалах экспедиции этого исследователя справа от упомянутой выше зарисовки преподобного имеется и крест со слегка расширяющимися концами (*илл.* на с. 157). Несомненно, эти копии (равно как и копии фресок Сентинского храма, см. III.2.D.b) выполнил сам Нарышкин, указавший, что «так как … не было никакой возможности снять эту живопись фотографически, по недостатку освещения в церкви, то я набросал карандашом наиболее сохранившиеся из рисунков»[208]. Зарисовки Нарышкина выполнены очень старательно, но носят отпечаток академической церковной живописи XIX века, не передавая в полной мере стиль византийских фресок. Вместе с тем, в сравнении с материалами Струкова, они более правдоподобны, и, главное, сохранили для нас ряд утраченных ныне деталей.

На рисунке Нарышкина крест расположен явно не на своем месте: в Среднем храме здесь находится оконный проем. Мы можем предложить три варианта возможного местоположения этого креста. Во-первых, он мог быть написан на омофоре святителя — на рисунке Струкова, действительно, имеется крест на облачении Отца Церкви (и очень похожей формы). Крест мог находиться и на откосе окна, однако нам это кажется маловероятным. Но более похожей на истину нам кажется следующая версия: этот крест являлся частью более ранней декорации. Как уже говорилось, прослеживаемые сейчас в Среднем храме фрагменты живописи относятся не к самому раннему периоду существования памятника и сделаны на уже существовавшей штукатурке (II.3.B). Учитывая, что храм находился в самом центре аланской епархии и, вероятно, являлся собором митрополии, трудно сомневаться в том, что он, как и Сенты, был украшен живописью вскоре после завершения строительства. Поскольку на штукатурке следов ранней росписи не прослеживается, то можно предполагать, что первая декорация интерьера Среднего храма была «неполной», аналогично росписям Шоаны и первых двух этапов Сентов и располагалась, в основной своей части, в

[206 *Древне-христианские храмы...* С. 19.

207 Там же. С. 19.

208 Правда, речь шла о живописи Сентов (Отчет гг. Нарышкиных… С. 355).]

апсидах (III.2.A, III.2.B., IV.5.). Если отмеченный Нарышкиным крест относился именно к этой, ранней росписи Среднего храма, он мог находиться либо на промежутке между алтарными окнами (аналог чему мы видим на самом первом этапе декора Сентинской церкви, см. III.2.A), либо на одной из боковых стен апсиды (как это было сделано на втором этапе росписи Сентов и в Шоанинском храме, см. III.2.B, IV.5). Второй вариант нам кажется более вероятным.

II.3.C.b. Подпружные арки. На одной из подпружных арок под куполом (варианты Струкова разнятся) находилась фигура, которую, по Струкову, «можно признать за пророка Даниила»[209] (илл. на с. 155). Этого безбородого молодого святого принимали и за женщину: «Святой лик чистый и молодой, без бороды и усов; на голове покров вроде женского, из под него выступает на чело локон черных волос; платье длинное, правая рука опущена до пояса, и пальцы ее раздвинуты как бы для благословения. Но в расположении пальцев нельзя видеть благословляющего перстосложения и скорее можно думать, что описываемая картина изображает какую-либо святую женщину, как, напр., св. великомученицу Варвару…»[210]. Но о вероятной атрибуции этого святого именно как пророка Даниила говорит, прежде всего, своеобразный пророческий головной убор, названный Струковым «заповедями». Этот пророк изображался в короткой персидской тунике (иногда с обшивкой) и в плаще. Учитывая утраченную нижнюю часть фигуры в Среднем храме (сохранившаяся часть ног принята за платье?), струковскую фантазию и высокое расположение образа, мы допускаем такую атрибуцию. Обычно пророков помещали как раз в верхней части храма, чаще всего между окон барабана, но их изображения встречаются также и на подпружных арках. Кроме того, Даниила могли поместить ниже «основного» ряда пророков[211]. [*Табл. 8*]

II.3.C.c. Протесис. В северо-восточном компартименте («в отделении жертвенника»), отмечены фигуры епископа и воина, которые, видимо, были изображены рядом (на этом же листе двое святых с северной стены наоса). Имеется только цветной рисунок с описанием, согласно которому святые располагались «на стене»[212]. Более точное место их расположения не указано. Если святители изображаются в протесисе довольно часто (как в алтаре), то образы святых воинов в этом месте — скорее, исключение. М. Альтрипп[213] приводит [*Табл. 9*]

[209 ИИМК РАН. РА. Р. I. *Д.* 273. *Л.* 13; *Д.* 339. *Л.* 25; ф. 1. 1889 г. *Д.* 87. *Л.* 57.

210 *Древне-христианские храмы…* С. 18–19.

211 Изображение пророка Даниила в барабане находится, например, в Софии Новгородской, а в Атенском Сионе и церкви св. Георгия в Старой Ладоге оно помещено ниже «основного» пророческого ряда. На подкупольных арках пророки встречаются, в частности, в Каппадокии.

212 ИИМК РАН. РА. Р. I. *Д.* 339. *Л.* 26; ф. 1. 1889 г. *Д.* 87. *Л.* 57–57об.]

213 *Altripp M.* Die Prothesis und ihre Bildausstattung in Byzanz. Frankfurt am Main, 1998. S. 131–135.]

примеры свв. Мины, Виктора и Викентия и св. Димитрия, впрочем, не ранее XIV века. Кроме того, в протесисах помещаются житийные циклы свв. Феодоров и св. Георгия[214]. Однако общая программа живописи Среднего храма (см. II.3.D) делает возможным совмещение фигур разных чинов святости.

[*Табл. 10*]

II.3.C.d. Юго-восточный придел. Роспись юго-восточного компартимента с апсидой («диаконика» по Струкову) — вероятно, ктиторского мемориального придела (II.1.F; II.2.A.a) — поддается реконструкции очень гипотетично. Только об одной фигуре (святителя, «ликом похожего» на св. Николая) Струков пишет, что она находится в «диаконнике». Это сказано лишь в описании, приложенном к цветной «копии» — на «черно-белой» зарисовке тот же образ помещен более абстрактно «на стене близ входа в храм, с южной стороны»[215] (*илл.* на с. 154). Фронтальная фигура бородатого святого в фелони и епитрахили с крестами, с неким предметом (кодексом?) в покровеной руке могла относиться к святительскому ряду, традиционному для алтарных помещений. Вспомним, кстати, что и на стенах центральной апсиды Среднего храма были написаны Отцы Церкви (II.3.C.a).

К росписи ктиторского придела с определенной долей вероятности можно отнести и святого воина («подобие муч. воина, но очень плохо сохранилось изображение этого мученика»). Он располагался, согласно данным Струкова, на южной стене «близ входа в храм» и в обоих вариантах его рисунков помещен на одном листе с предыдущим святым[216].

[*Табл. 5*]

К поминальному приделу можно гипотетично относить еще две фигуры, цветные «копии» которых в материалах Струкова также находятся на одном листе. Местоположение этих фигур указывается в описании довольно абстрактно: «по сторонам окон»[217]. Одна из них показана в трехчетвертном повороте в молитвенной позе (не известно, имелся ли здесь нимб — голова не сохранилась). Судя по его развороту, образ размещался на южной стене (он изображен в молитвенной позе и, соответственно, должен быть обращен к алтарю). По сторонам фигуры зарисованы вертикально расположенные греческие надписи (к сожалению, не читаются). Это говорит, возможно, о том, что изображение находилось достаточно низко: вряд ли Струков мог рассмотреть буквы на высоте верхнего уровня окон. При этом в нижнем ярусе нашего памятника южное окно имеется только в восточном компартименте. Поза фигуры и ее одежда наводят на мысль, что перед нами ктиторское изображение. Правда, учитывая фантазийность струковских материалов, следует оговориться, что существование в поминальном приделе донаторских портретов остается не более чем недоказанной версией.

[214 Ibid. S. 80–86.

215 ИИМК РАН. РА. Р. I. *Д.* 273. *Л.* 11; *Д.* 339. *Л.* 27; ф. 1. 1889 г. *Д.* 87. *Л.* 57об.

216 ИИМК РАН. РА. Р. I. *Д.* 273. *Л.* 11; *Д.*339. *Л.* 29 (второй справа); ф. 1. 1889 г. *Д.* 87. *Л.* 57об.

217 ИИМК РАН. РА. Р. I. *Д.* 339. *Л.* 22 (слева); ф. 1. 1889 г. *Д.* 87. *Л.* 56об.]

Другая фигура на этом же листе («по сторонам окон») — фронтальная, с вертикальной греческой надписью справа (тоже нечитаемой), с нимбом и с книгой. Имеется и «черно-белый» вариант «копии», подписанный «на стене храма Б» (илл. на с. 153). Важно, что он помещен на одном листе с «царем с крестом в руке», который, согласно Струкову, находился на южной стене (II.3.C.f). Характер одежды, в сочетании с закрытым кодексом в левой руке, позволяет осторожно предположить, что перед нами еще одна фигура святительского ряда. [Табл. 5]

II.3.C.e. Северная стена. На том же листе, где представлены фигуры из северо-восточного компартимента (II.3.C.c), показаны двое святых, о которых лишь сказано, что они располагались «на северной стене к левой стороне двери» (их «черно-белой» «копии» нет)[218]. Судя по рисунку Струкова, это был епископ («в шапке и омофоре») и святой, который «одеждой и контуром руки похож на мученика Адриана». Опять мы сталкиваемся с совмещением святых из разных чинов. [Табл. 9]

Там же, на северной стене, находятся изображения двух святых «над дверьми меж окон» (в материалах Струкова имеется лишь цветной рисунок этой фрески). По мнению Струкова, они «напоминают по верхнему платью свв. Козьму и Дамиана»[219]. В XIX веке фигуры сохранялись почти целиком, но и сейчас на этом месте (на большой высоте, между окон) сохранился обширный фрагмент подлинной живописи. По нему мы можем судить о степени правдоподобности «копий» Струкова, которые лишь частично совпадают с тем, что мы видим на подлиннике. Изображения написаны на «рефтяном», сером фоне, имитирующем синий. В настоящее время от фигуры левого святого сохранилась правая (от зрителя) часть от плеча до колена, голова утрачена. Он был облачен в монашеское одеяние — мантия желто-коричневая с черной разделкой, ряса красная (как у Струкова), читается часть темного парамана (отмеченная «копиистом»). Святой представлен в жесте приятия благодати: с повернутыми к зрителю вертикально поставленными ладонями. Сохранилась его левая кисть. Святой справа, от фигуры которого сохранилась левая часть (также от шеи до колена), облачен в красный гиматий и темный (синий?) хитон. Читается кисть правой руки, поднятая на уровень груди и повернутая к ней ладонью (благословляет?). Сохранился край рукава хитона, имеющий отделку прямоугольными белильными «камнями» и орнаментом, проложенным желтой охрой по красной подкладке. В таких античных одеждах изображаются раннехристианские святые, подавляющее большинство которых пострадало во время гонений на христиан. Перед нами какой-то знатный мученик, а «богатая» отделка рукава говорит, что он не апостол. На рисунке Струкова жест правого святого абсолютно не соответствует действительности, а за книгу, видимо, принят край рукава. Личнóе, насколько можно судить по подлинной живописи рук, имеет желтую (охра) подкладку. Судя по размеру кисти преподобного (до 30 см), изображения были весьма крупные — возможно 2,2–2,5 м в высоту. Впрочем, судить об этом можно лишь предположительно: фигуры могли быть до- [Табл. 8] [Табл. 4]

[218 ИИМК РАН. РА. Р. I. Д. 339. Л. 26; ф. 1. 1889 г. Д. 87. Л. 57.

219 ИИМК РАН. РА. Р. I. Д. 339. Л. 25; ф. 1. 1889 г. Д. 87. Л. 57.]

статочно приземистыми. Своеобразна разделка одежды: «пробела» заменяют светлые, почти параллельные и непрерывные линии. Освещенная плоскость у обреза гиматия этого святого передана белильным «треугольником», а округлая форма локтя — «спиралью» из такой линии. Вероятно, «медальоны» на одежде в районе его левой ноги на рисунке Струкова додуманы автором, либо это неправильно понятые высветления одежды. Такой же фантазией является на «копии» и орнаментальная кайма на гиматии святого.

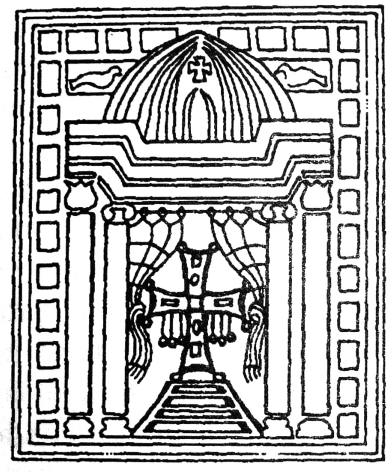
II.3.C.f. Южная стена. Судя по приложенному к цветным рисункам Струкова описанию, «на южной стене над дверью» находились «на левой стороне царь с крестом в руке, по костюму Давид, царь Грузии», а «на правой стороне двое святых, один в низкой грузинской короне, другой в плаще, оба напоминают княжеское одеяние» (в «черно-белом» исполнении про двух святых «на правой стороне» сказано по-другому: «с северо-западной стороны»)[220] (илл. на с. 153, 155). [*Табл. 11*] Настораживает отсутствие иконографических аналогий фронтальной фигуре царя, поднявшего в отставленной правой руке небольшой крест. Конечно, это может быть фигура ктитора, но обычно таковых помещали в нижнем регистре, в нашем же случае изображение расположено высоко, «над дверью». Портреты ктиторов (особенно правителей) могли поместить и в верхней части стены (как, например, в Софии Киевской), но обычно эти фигуры входят в более сложные композиции и изображены в обращении к Христу или Богоматери. У святого на «копии» Струкова необычно все — и отставленная рука с крестом, и жест левой руки, и одежда, больше похожая на русскую одежду XVII века. Весьма фантастично смотрится четырехлепестковая розетка на поясе и наклонный «ремень». Надо добавить и то, что два варианта этой фигуры в струковских зарисовках разнятся в деталях. Если к этому прибавить известное нам фантазерство автора, то становится ясно, что наше недоверие к этой «копии» вполне оправдано.

Мало того, в центральной части южной стены, между дверью и окнами, в настоящее время существует огромный образ «свв. Константина и Елены с крестом», и мы склонны считать, что Струков (у которого нет схожего рисунка), использовавший, возможно, для создания «копий» не рисунки, а записи (а, может, и вообще работал по памяти), так изобразил одного из святых царей из этой композиции.

Композиция «свв. Константин и Елена с крестом» сохранилась почти полностью — она весьма крупного размера, высотой не менее 3 м, с двухметровыми фигурами. Хотя изображение сильно загрязнено, силуэты, а в некоторых случаях и детали, вполне читаются. Оба святых облачены, судя по всему, в императорские одеяния. У фигуры справа угадывается сложная орнаментальная разделка многочисленными мелкими белильными «жемчужинами». Рисунок головы просматривается очень плохо — возможно, что и после очистки судить о личнóм письме будет невозможно. На голове имеется какой-то головной убор, заостряющийся кверху, похоже, что венец, под который, если мы не ошибаемся, поддет плат, закрывающий волосы. Кисть левой руки, если мы правильно поняли эту деталь, находится перед грудью, и развернута к ней ладонью, что, кстати, очень напоминает струковский рисунок. Правая рука от-

[220 ИИМК РАН. РА. Р. I. Д. 273. Л. 9, 13; Д. 339. Л. 28; ф. 1. 1889 г. Д. 87. Л. 57об.]

[*София Константинопольская. Крест. 537 г. Прорись. (По К.А. Щедриной)*]



ставлена в сторону. Рядом, кажется, угадываются остатки белильной подписи греческими буквами. Другая фигура сильно повреждена, улавливается лишь ее правая часть. Императоры держат между собой огромный (ок. 3 м) красный крест — на зарисовке Струкова он превратился в крохотный крестик, который Константин (стоящий у него к тому же на месте Елены) держит в руке.

Интересной особенностью иконографии в этой композиции являются красные велумы над ветвями креста (если, опять же, мы не ошибаемся в трактовке указанной детали). Изображения креста между откинутыми «шторами» есть на флорентийской мозаике в Софии Константинопольской (537 г.) и на диптихе из Милана (V в.), — быть может, ближайшие к рассматриваемой фреске[221]. Похожее изображение находилось в не существующей ныне апсиде римского храма Санти-Нерео-эд-Акиллео начала IX века, где крест был изображен на фоне висящей сзади ткани[222]: возможно, здесь воспроизведена древняя иконография. Известны также многочисленные кресты с велумом, наброшенным на горизонтальные ветви, либо с висящими на них «занавесями»[223]. Вероятно, эти изображения соответствуют описанию Евсе-

[*Табл. 4а*]

[221 См., напр.: *Щедрина К.А.* «Крест императора Константина Великого (к вопросу иконографии) // Ставрографический сборник. М., 2003. Кн. II. С. 57, рис. 1; *Volbach W. F.* Elfenbeinarbeiten der spätantike und frühen mittelalter. Mainz, 1976. № 119.

222 *Andaloro M., Romano S.* L'immagine nell'abside // Arte e iconografia a Roma: da Costantino a Cola di Rienzo. Milano, 2000. P. 193–132; P. 106. Ill.59.

223 Например, это хорошо известное мозаичное изображение Этимасии в куполе баптистерия ариан в Равенне, кон. V — нач. VI в. (*Bendazzi W., Ricci R.* Ravenna. Ravenna, 1988. P. 159), а также многочисленные триумфальные кресты в коптских церквах: Белый монастырь и монастырь св. Антония, XII в. (*Zibawi M.* Images de l'Égipte chrétienne. Iconologie copte. Milano; Paris, 2003. Ill. 258; *Idem.* Orienti cristiani. Milano, 1995. Ill. 136), монастырь Абу Фана (Св. Епифания) V в. (Illustrations from coptic manuscripts. Cairo-Egypt, 2000. P. 128; см. также: Coptic Art. Wall painting / Text Nabil Selim Atalla. Vol I. Cairo, s.l. P. 90, 106–107, 114.]

вием Кесарийским изготовленного Константином Великим по образу видения Креста лабарума, у которого «на поперечной рее… висел тонкий белый плат — царская ткань…»[224]. Судя по тому, что эти примеры относятся к разным периодам и отдалены географически, мотив украшения креста велумами был широко распространен.

К сожалению, в настоящее время судить о характере рисунка и качестве живописи в композиции с Константином и Еленой Среднего Зеленчукского храма практически не представляется возможным. Кажется, что несмотря на очень крупные размеры композиции (не менее трех метров в высоту), фигуры достаточно приземистые. Неясно также окончательно, какая из фигур принадлежит Константину, а какая — Елене. Впрочем, чаще всего именно справа относительно зрителя (т.е. по левую сторону от креста) помещали фигуру Елены.

Справа от свв. Константина и Елены, непосредственно под окном имеется небольшой фрагмент изображения воина. Эти фигура была значительно меньшей высоты, чем святые цари и отделена от них линией красной разгранки. Сохранился лишь небольшой фрагмент правой стороны торса и правой руки, изогнутой в локте. Кольчуга воина — желтая с белильной разделкой, под ней поддета красная с черной разделкой рубаха. Личнóе (сохранившаяся часть кисти руки) — светлоохристое. Нимб желтый, по краю имеет серый ободок с черными «точками». Слева от нимба над правым плечом святого просматривается, кажется, фрагмент красного полукруга, что может быть остатками нарисованной над фигурой арки обрамления. Судя по всему, у Струкова копии этого изображения нет, хотя, в принципе, с большой долей осторожности можно соотносить его с рисунком св. воина, помещенного нами в описании юго-восточного придела (II.3.C.d.).

II.3.C.g. Западные стены боковых ветвей креста, предалтарные столбы. Среди рисунков Струкова имеется ряд изображений, расположение которых неясно (о некоторых из них сказано совсем абстрактно: «на стенах», «на стене храма», «по сторонам окон», либо их локализация в разных вариантах «копий» разнится)[225]. Три такие фигуры мы гипотетично отнесли к росписи южного придела (II.3.C.d). Некоторых святых в струковских материалах можно предположительно помещать на западных стенах боковых ветвей креста в соответствии с указанием в книге на «два яруса групповых изображений», заметных «на западной стене против диаконника и жертвенника»[226].

[224 *Щедрина К.А.* Указ. соч. С. 56. Впрочем, откинутые занавеси могут присутствовать и на других священных изображениях. Таковые, например, имеются по сторонам от сидящей на троне Богородицы Одигитрии на плите алтарной преграды из абхазского храма в окрестностях Цебельды (см., напр.: *Уварова П.С.* Христианские памятники // МАК. Вып. IV. М., 1894. С. 22. Табл. VII; *Шервашидзе Л.А.* Резные камни церкви на холме Арасараху близ Цебельды // Известия абхазского института языка, литературы и истории. Т. IV. Тбилиси, 1975. С. 89, рис. 3).

225 ИИМК РАН. РА. Р. I. Д. 273. Л. 9, 12, 13; Д. 339. Л. 22, 24, 28; ф. 1. 1889 г. Д. 87. Л. 56об.–57об.

226 Древне-христианские храмы… С. 18.]

На акварели Струкова с перспективным видом интерьера Среднего храма, остатки фигур заметны и на западных гранях восточных подкупольных опор[227]. Хотя в описаниях об этом ничего не сказано, изображения там, несомненно, существовали: поверхность столпов в этой части была открыта, поскольку алтарная преграда была гораздо ниже. [*Табл. 3*]

II.3.C.h. Западный рукав. Согласно реставрационному отчету за 1986 год, в западной ветви креста фрагменты древней штукатурки с остатками росписи сохранялись на правом и левом пряслах южной и на левом прясле северной стены[228]. Красочный слой был покрыт побелкой, но достаточно уверенно можно сказать, что здесь размещались известные нам по описаниям Струкова и Синайского фигуры всадников и ростовые фигуры святых. Как уже говорилось (II.3.A), в настоящее время этой древней штукатурки уже не существует. Она, видимо, была сбита при последней попытке привести храм в «презентабельный» вид.

II.3.C.h.i. Св. всадники. На северной и южной стенах западного компартимента западной ветви креста (по Синайскому — «трапезы») в западных «слепых» арках были изображены, друг против друга, два святых всадника (*илл.* на с. 153). Композиции сохранялись в основном в нижних частях: «легко различаются две скачущие лошади…, изображения же всадников темны, заметны только ноги их»[229]. Рисунки с них есть в двух струковских вариантах. Один выполнен цветом, другой «отмыт» черной тушью, причем в последнем варианте имеется даже масштабная линейка. Изображение всадника на северной стене показано и на одном из разрезов храма, исполненных тем же автором[230]. [*Табл. 6*]

Струков указывает, что лошадь на южной стене была белого цвета, причем под ее «передними ногами малого размера черная лошадь, на ней всадник без бороды». На северной же стене просматривались «остатки лошади красного цвета» и «животное, покрытое чешуей», которое всадник попирал копьем. Кроме того,

[227 ИИМК РАН. РА. Р. I. *Д.* 339. *Л.* 20.

228 Институт «Спецпроектреставрация». Ф. 43. *Д.* 5499. *Л.* 9–10.

229 *Древне-христианские храмы…* С. 16. В двух разновременных публикациях Синайского, посвященных росписи Среднего храма, описания фигур всадников отличаются. Это, видимо, связано с тем, что вначале автор не был знаком с рисунками Струкова. В статье 1889 г. Синайский пишет, что «под копытами лошадей без труда можно различить изображения на южной стене змея, а на северной — многоголового и чешуйчатого животного, которых поражают копья всадников. На месте изображений копий видны только розовые линии в полвершка ширины» (*Синайский П.* Указ. соч. С. 11). Позже, в книге 1904 года он указывает, что «под копытами лошадей без труда можно рассмотреть изображения на северной стене змея, а на южной сарацина на коне, с круглым щитом в руке» (*Древне-христианские храмы…* С. 16). Возможно, последнее описание основано на данных Струкова, которые, как известно, часто не соответствовали истине.

230 ИИМК РАН. РА. Р. I. *Д.* 273. *Л.* 8, 10; *Д.* 339. *Л.* 23; ф. 1. 1889 г. *Д.* 87. *Л.* 56об.–57; *Древне-христианские храмы…* С. 16–17.]

согласно тексту Синайского, оба коня были покрыты красными чепраками. На копиях Струкова чепраков красного цвета не видно: вероятно, Синайский за край чепрака принял всегда изображавшиеся на фресках византийского времени седельные ремни.

Хотя выбор святых всадников ограничен (свв. Георгий, Феодор, Димитрий, Меркурий), уверенно атрибутировать конные фигуры Среднего храма вряд ли возможно. На рисунке Струкова фигура «малого всадника» на южной стене имеет нимб. Зная уровень струковских «копий», можно допустить, что нимб был «додуман» их автором (возможно, это был венец, не понятый исследователем), как и отсутствие бороды. Синайский назвал эту фигуру «сарацином с круглым щитом»[231]. Можно предложить три варианта атрибуции указанной композиции. Это может быть сцена со св. Георгием, попирающим копьем императора Диоклетиана, св. Дмитрий Солунский, попирающий язычника, или св. Меркурий, поражающий императора Юлиана Отступника. Правда, обычно попираемая фигура пешая, изображение же всадника на этом месте нам известно лишь по относительно поздним примерам[232]. Таким образом, если доверять рисунку Струкова, в Среднем Зеленчукском храме существовала самая ранняя из известных нам подобных композиций.

Соответственно, змееборца на противоположной стене можно интерпретировать как мученика: св. Георгия, св. Феодора или св. Димитрия, причем последний так изображался довольно редко. Аналогий подобным «геральдическим» изображениям воинов на Северном Кавказе известно еще две: в Сентах (XI в., см. III.2.D.d) и Нузале (XIV в.)[233], но по всей восточновизантийской пери-

[231 Древне-христианские храмы… С. 16; *Синайский П.* Указ. соч. С. 11.

232 Изображения мч. Меркурия были распространены в коптском искусстве XII–XIII вв. (см. например: *Zibawi M.* Orienti cristiani. Milano, 1995. Ill. 149; *Idem*. Images de l'Égipte chrétienne. Iconologie copte. Milano; Paris, 2003. Ill. 184). В грузинском искусстве нам известно изображение св. Георгия, попирающего конного Диоклетиана на Садгерском кресте середины XV века (*Чубинашвили Г.Н.* Грузинское чеканное искусство с VIII по XVIII век. Тбилиси, 1957. Табл. 173; *Velmans T., Alpago Novello A.* Op. cit. Tav. 49–50). Существуют русские иконы XVI в. св. Дмитрия Солунского, поражающего копьем всадника («богатыря Люя»: *Рыбаков А.А.* Вологодская икона. М., 1995. Табл. 185, 187). Сюжет попрания грешника святым всадником изначально, вероятно, имел символическое значение и, подобно сцене змееборчества, был общим для многих святых воинов. Затем змей закрепился за Георгием, а воин — за Димитрием, возникло литературное обоснование в виде легенды о Калояне. Отсюда происходит широкое распространение иконографии в палеологовское и особенно поствизантийское время (благодарим А.С. Преображенского за любезную консультацию). Кстати, в Сванетии есть изображения св. Георгия (сделанные по одной матрице и предположительно датируемые XIII в.), попирающего безбородую, как и на рисунке Струкова, фигуру, правда, не конную (*Чубинашвили Г.Н.* Грузинское чеканное искусство. Исследование по истории грузинского средневекового искусства. Тбилиси, 1959. С. 335; фото 435, 436, 443, 453).]

233 См.: *Белецкий Д.В.* Заметки о нузальской церкви // Историко-филологический архив, 2. Владикавказ, 2004. С. 41–42; там же см. библиографию.]

ферии (в т.ч. в Малой Азии, в Грузии и в Крыму) их огромное количество, на что исследователи не раз обращали внимание[234].

Вопрос расположения этих фигур непосредственно связан с проблемой существования хор в храме. Если хоры действительно были, то изображения святых всадников находились несколько выше их пола: от него до фигур почти обязательно должен был оставаться промежуток[235].

Размер этих композиций в общем вычисляется. Их ширина задана шириной плоских ниш. Мы знаем также, что внизу на боковых стенах существовали проемы (II.1.B), которые, в любом случае, были ниже показанной на струковских рисунках линии орнамента под фигурами. Высота шелыги арки южного проема, судя по старым фотографиям, находилась на высоте ок. 2,70 м от уровня пола, что примерно совпадает с верхом нынешнего проема на этом месте. Верх расположенной на этой стене слепой арки находится на высоте около 7,5 м. От верха позднего проема до ее шелыги ок. 4,9 м, ширина же перекрытой этой аркой плоской ниши ок. 3,7 м: на этом пространстве и располагалась фреска со всадником. Симметричное ей изображение конного святого по размерам должно быть идентично.

Масштаб же, показанный Струковым, не соответствует действительности: на его рисунках ширина фресок около 3 м, а в реальности, как уже говорилось, она равна 3,7 м. Очевидно, что и полукруглая форма верха фресок, показанная на струковских «копиях», также задана арочной формой этих ниш. Но на приводимом Струковым разрезе Среднего храма верхняя часть фрески расположена ниже арочного завершения, и над ней образуется странный и нелогичный промежуток[236] (*илл.* на с. 92). Эта «неувязка» лишний раз говорит о том, что рисунки делались без возможности проверки на натуре.

Вернемся к вопросу о деревянных хорах: если бы они существовали одновременно с изображением свв. всадников, то перерезáли бы их. Таким образом, когда эти всадники писались, хор уже не было (см. II.1.B,E). С этим вполне согласуется уже указанный нами факт, что сохранившиеся на данный момент в Среднем храме фрагменты живописи написаны на более ранней штукатурке (II.3.B).

II.3.C.h.ii. Святые. Согласно описанию Синайского, на западной стене «трапезы», т.е. у западного входа, сохранились «два изображения, на которых можно различить благословляющие руки святителей»[237]. Другое изображение в западной ветви на южной стене — две фигуры святых воинов, упоминаемых Струковым, на боковых стенах на «устоях свода» (т.е. на пилястрах, по другому [*Табл. 10*]

[234 См., например: *Velmans T., Alpago Novello A.* Miroir de l'invisible. Peintures murales et architecture de la Géorgie (VIe–XVe s.). Paris, 1996. P. 113–118.

235 Это обычно было пустое поле (как, кстати, и в Сентах, см. III.2.D), «полилития» (имитация каменной отделки), или «полотенца».

236 ИИМК РАН. РА. Р. I. *Д.* 273. *Л.* 8.

237 *Синайский П.* Указ. соч. С. 10; Древне-христианские храмы… С. 16.]

варианту «на стене под аркою»)[238]. Согласно описанию Синайского, эти фигуры были «в натуральный рост, … одеты в платье красного цвета, наподобие подризников, испещеренных белыми маленькими крестиками; в левой руке оба держат по круглому щиту». Там же автор указывает, что «соответствовавшее этому изображение было и на северной стене, но оно не сохранилось»[239]. Изображение какого-то святого имеется на струковском разрезе храма, на восточной пилястре северной стены[240]. Видимо, это отмеченный Струковым воин-средовек («не старых лет на северной стене на устое свода»)[241] (*илл.* на с. 92, 154).

[*Табл. 7*]

На одном из струковских рисунков также имеются фрагменты фигур, находившихся «на стене юго-западной стороны», то есть, по всей видимости, на южной стене этой же ветви. Однако они незначительны и никакой информации практически не несут.

[*Табл. 13*]

II.3.C.i. Орнаменты. Вероятно, в росписи Среднего храма весьма значительную роль играли орнаменты. Ими были заполнены промежутки между композициями (иногда довольно широкие) и откосы окон (как и в Северном храме)[242]. Декоративные розетки были в зените подпружных арок и, видимо, над некоторыми проемами. На одном из рисунков Струкова показано орнаментальное обрамление вокруг северной двери (расстояние между этим проемом и расположенными выше фигурами святых автором явно преуменьшено, см. II.3.C.e)[243]. Судя по этим зарисовкам, орнаментальные мотивы были достаточно простыми и чем-то напоминали орнаменты Северного храма[244].

[*Табл. 6–8, 10, 12, 13*]

II.3.C.j. Сцены. В «графическом» варианте струковских рисунков есть изображение сцены Сретения, находившейся, якобы, «над дверью с северной

[238 ИИМК РАН. РА. Р. I. *Д.* 273. *Л.* 11; *Д.* 339. *Л.* 27; ф. 1. 1889 г. *Д.* 87. *Л.* 57, 57об.

239 *Древне-христианские храмы…* С. 16.

240 ИИМК РАН. РА. Р. I. *Д.* 273. *Л.* 8.

241 ИИМК РАН. РА. Р. I. *Д.* 273. *Л.* 12; *Д.* 339. *Л.* 24 (в центре); ф. 1. 1889 г. *Д.* 87. *Л.* 57об.

242 ИИМК РАН. РА. Р. I. *Д.* 273. *Л.* 10, 11, 12, 14; *Д.* 339. *Л.* 23, 24, 27, 29, 30; ф. 1. 1889 г. *Д.* 87. *Л.* 57об. *Синайский П.* Указ. соч. С. 11–12; Древне-христианские храмы... С. 16–19. В окнах центральной апсиды Среднего храма действительно прослеживаются остатки штукатурки со следами красочного слоя. В Сентах и в Шоане на откосах окон никаких изображений не было.

243 ИИМК РАН. РА. Р. I. *Д.* 339. *Л.* 25 (слева).

244 Геометрические и незамысловатые мотивы Струков передавал вполне адекватно, о чем мы можем судить при сравнении сохранившихся подлинных фрагментов в Северном храме с их копиями (см.: ИИМК РАН. РА. Р. I. *Д.* 273. *Л.* 5; *Д.* 339. *Л.* 14). О росписи Северного Зеленчукского храма см. IV.5.]

стороны»[245] (*илл.* на с. 155). Эту неопределенную фразу можно понимать поразному, но, скорее всего, имеется в виду дверь в западной стене. В любом случае, эта композиция смотрится несколько чужеродно среди фресок Среднего храма, где полностью отсутствуют (по крайней мере, среди известных) многофигурные сцены. Возможно, что мы имеем дело с обычной ошибкой Струкова, случайно поместившего эту композицию в описание Среднего храма из какого-то другого комплекса (крымского?), что подтверждается и тем, что она не упомянута в описании Синайского. Впрочем, не исключено, что Сретение все же находилось где-то в другом месте, например, в зоне сводов (см. II.3.D).

II.3.D. Программа росписи. Из приведенных выше материалов можно сделать несколько выводов. Размещение изображений создает следующую картину. В нижнем регистре апсиды традиционно изображались святые Отцы Церкви — и в Среднем храме именно там мы видим епископа «в фелони и омофоре» (правда, между окон здесь помещены монахи — вероятно, столпники, часто изображавшиеся на узких пространствах, в частности, на откосах окон в апсидах: например, в Атени). В наосе нижний регистр был занят фигурами святых, а на подпружных арках были изображены пророки.

На стенах храма не представлено ничего, кроме отдельных образов святых (если не считать Сретения, происхождение которого среди рисунков Струкова неясно). Если мы правы, то в храме неизвестно изображений сюжетных сцен и праздников (которые теоретически могли бы располагаться на сводах рукавов креста). Такая система декорации средневизантийских храмов изучена, к сожалению, недостаточно. Ее распространение можно свести к двум культурным кругам. Древнейшим свидетельством существования такой «агиографической», бессюжетной схемы декорации принято считать храм в Большом императорском дворце Константинополя, описываемый св. патр. Фотием в его 10-й гомилии: вероятно, это Фаросская церковь, освященная в 864 году[246]. Здесь, помимо Пантократора с ангелами в куполе и Богородицы в апсиде, был изображен «лик апостолов, мучеников, пророков и праотцев».

Ввиду отсутствия (кроме Каппадокии) полных византийских ансамблей X века[247], невозможно сказать, является ли наличие такой же декорации в первой половине XI столетия, отмеченное О. Демусом[248], продолжением постиконоборческой тенденции или нет. Наиболее выражено «агиографическое» начало в декорации кафоликона монастыря Осиос Лукас в Фокиде (1030–1040-е гг.), где

[245 ИИМК РАН. РА. Р. I. *Д.* 273. *Л.* 13.

246 *Лидов А.М.* Церковь Богоматери Фаросской. Императорской храм-реликварий как константинопольский Гроб Господень // Византийский мир: искусство Константинополя и национальные традиции. М., 2005. С. 101–104.

247 См.: *Der Nersessian S.* Le décor des églises du Xe siècle (Actes du VIe Congrès international des études byzantins). Paris, 1950. P. 315.

248 *Демус О.* Мозаики византийских храмов. М., 2001. С. 91.]

в наосе наличествуют лишь четыре сцены в тромпах. В следующей по времени Софии Киевской (после 1037 г.) около 800 отдельных святых и всего 16 сцен (расположенных на торцовых стенах креста): этот храм иногда даже считают репликой храма, описанного св. патр. Фотием[249]. В дальнейшем, начиная с Неа Мони на Хиосе (1040-е гг.), число сцен только возрастает.

Теоретически, тип «агиографической» декорации мог существовать еще в X веке, между Фаросской церковью и ансамблями XI столетия. Однако если обратиться к византийским ансамблям X века, сохранившимся почти исключительно в Каппадокии, то такое предположение придется поставить под сомнение. Декорации этого столетия там никогда не «агиографичны», а, напротив, наполнены сценами из Евангелия и апокрифов. Святые начинают доминировать в Каппадокии, как и в остальной Византии, лишь с самого конца X — начала XI века. Первый памятник такого типа — Дирекли Килисе в Белисырме (975–1025 гг.). В Мерьемане (1-я четв. XI в.) сцены заполняют только один свод, а в храме Юсуф-Коч (2-я четв. XI в.)[250] вообще присутствует лишь одна сцена Благовещения. Во второй половине XI столетия эта тенденция, опять же, сходит на нет.

Из-за плохой сохранности росписей Среднего Зеленчукского храма об их программе можно сказать совсем немного. В центральной апсиде, на уровне окон, видимо, помещались фронтальные изображения святителей (и, вероятно, столпников между окнами). Скорее всего, здесь была представлена сформировавшаяся византийская схема росписи апсиды со святителями в нижнем ярусе и центральным образом (Спаситель или Богоматерь, иногда, в сопровождении ангелов) наверху, в конхе. В Среднем храме между конхой и регистром окон, где находились святители, находился еще один регистр такой же высоты. Обычно этот регистр посвящался апостолам (или их ряд, или причащение). В Сентах такой же ярус скорее всего тоже был посвящен апостолам, сохранившиеся нижние части фигур которых зафиксированы И.А. Владимировым (см. III.2.D.b).

В южном приделе церкви можно очень гипотетично помещать в апсиде ряд святителей и, на южной стене, портрет донатора (а может и несколько таких портретов). Поскольку, как уже говорилось, здесь располагался, скорее всего, мемориий ктиторов, то именно тема, связанная со святыми покровителями заказчиков, здесь наиболее вероятна. Однако вряд ли когда-либо представится возможность это уточнить.

На северной стене северной ветви рядом изображены святые из разных чинов святости: преподобный и мученик. Впрочем, это могут быть свв. Кир и Иоанн, которых могли изобразить как среди свв. врачей, так и в мученическом ряду. Они стоят рядом и, в целом, подтверждают частичную достоверность акварелей Струкова. Другие святые также не распределены по чинам. В конце XI века в Сентах различные категории святых: воины, преподобные, мученики, уже были разведены по разным группам. Центральное место на северной стене Среднего храма, которое занимают два вышеописанных святых, возможно, указывает на их значение: они вполне могли быть, например, патронами храма или ктиторов.

[249 Там же. С. 98–99.

250 *Jolivet-Lévy C.* Op. cit. Tav. 4, 5, 59–68, 100–101.]

Еще более интересна расположенная напротив них, по центру южной стены, огромная фреска с изображением свв. Константина и Елены, держащих крест, — ее можно было бы даже при желании назвать сценой. Образ этих святых крайне важен для каппадокийских храмовых декораций X–XI веков. К. Жоливе-Леви выделяет две зоны их изображения: стены нефа (где оно может быть связано с погребениями и темой Воскресения) и проходные зоны: вход в храм и проход в алтарь, а также их уникальное местоположение среди святых отцов в апсиде Чавушина[251]. Эту типологии можно, на наш взгляд, несколько развить и скорректировать.

Среди других святых свв. Константин и Елена изображаются на южной (храм № 9 в Гёреме) или северной (Каранлык Килисе в Гёреме), а также, как вариант, на западной стене южного рукава (Чарикли Килисе в Гёреме). У входа в храм они помещаются в Саклы Килисе (?) и Эль Назаре в Гёреме, причем в последнем эти святые, изображенные на своде западного рукава, оказываются уже среди праздников, напротив Крещения, так что вся программа росписи выглядит здесь следующим образом: северный рукав — история детства, южный — Страсти, а западный — средняя часть христологического цикла, где представлены (по ходу повествования) Крещение, Преображение и, парадоксальным образом, свв. Константин и Елена. Поэтому некорректно сопоставлять такой вариант с изображением этих святых у входа в алтарь: по сторонам от прохода (?), как в храме св. Иоанна в Гюллю Дере, или, что чаще, на самой арке, как в храме св. Апостолов в Мустафапашакёе (Синасе) и в Новой Токалы Килисе (причем здесь св. Елена изображена в позе оранты). Но свв. Константин и Елена попадают даже в роспись самого алтаря, зарезервированную, казалось бы, за святыми священнослужителями, причем неоднократно. Впрочем, в Бахаттин Саманлиги Килисе в Белисырме в ряд со святыми отцами, под Христом на троне, архангелами и апостолами, встает только Константин, а Елена отнесена в нишу в юго-восточном аркосолии, где помещена среди жен-мироносиц, — еще один вариант вписывания святых императоров в евангельский контекст. А вот в храме Никифора Фоки в Чавушине среди святых отцов стоят уже оба, причем они явно соотнесены с изображением самого Никифора и его жены Феофано в соседней, южной апсиде: Жоливе-Леви видит за этим попытку легитимизации своей власти императором-узурпатором[252]. Святые почти всегда изображаются с крестом между ними, иногда даже там, где их фигуры разделяет арка или окно, как, например, в Йыланлы Килисе в Ихларе. Причем в последнем храме крест приобрел весьма стилизованную форму с двумя капельками на концах, характерную для X–XI веков.

Местоположение фрески с Константином и Еленой в Среднем Зеленчукском храме, а именно на южной стене южного рукава, вероятно, также неслучайно. Точно в таком же месте (только ниже, к западу от входного проема в галерею) изображены они в Софии Киевской (в ориентирующейся на нее Софии Новгородской святые цари написаны в 1140-х годах с обратной стороны южной

[251 Ibid. P. 386–387.

252 Ibid. P. 386.]

стены). Возможно, эта иконография восходит к какому-то авторитетному константинопольскому образцу — вспомним, что именно с южной стороны в Софии Константинопольской находился императорский митаторий.

Обращает на себя внимание и явное выделение масштабом (в сравнении, например, с соседней фигурой воина) этого изображения свв. Константина и Елены. Пространство южной ветви, в которой находится описываемый образ, является не только частью наоса собственно храма, но и наосом южного придела. Такие приделы обычно связаны с мемориальным культом или чтимыми святынями, здесь часто совершались захоронения. Можно осторожно предположить, что образы легендарных правителей Нового Рима, сыгравших в становлении византийского христианства ключевую роль, также могут быть как-то связаны с погребальными или поминальными функциями придела, который возможно является усыпальницей правящей аланской династии. Тут возможна некая аллюзия на правителей Алании, крестивших страну в начале X века, или даже на упомянутых в Сентинской надписи Давида и Марию, при которых, судя по всему, христианство было восстановлено (см. I.4).

Итак, какое же значение было придано образу свв. Константина и Елены в Нижнем Архызе? В грандиозности и центральном положении креста возможен миссионерский подтекст — пафос христианизации Алании. Несомненно, что образы святых императоров в центре южной стены соотносились с реальным аланским правителем, особенно учитывая их расположение в предполагаемой царской усыпальнице. Надо полагать, что Алания перенимает византийскую схему сопоставления первых христианских, так сказать, идеальных императоров с реальными правителями, которая была реализована, например, в Чавушине (см. выше). И тут нам опять приходится вспоминать о связи Алании с именем Никифора Фоки (см. I.4; II.2.A.b). Кроме того, нельзя не соотнести со значением этой сцены с крестом и крестообразную форму самого Среднего Зеленчукского храма.

II.3.E. Стиль и датировка. Обращаясь, наконец, к вопросу о датировке росписей и их стилистической принадлежности, следует напомнить, что на сохранившихся фрагментах красочный слой положен на тонкий неравномерный слой обмазки, нанесенный на штукатурку, существовавшую до этого, как минимум, несколько десятилетий (см. II.3.B). Вряд ли церковь после постройки долго стояла неоштукатуренной — мы даже предположили, что существовал и более ранний слой декорации (см. II.3.C.a). Следовательно, нижнюю датировку существующей росписи можно отнести к самому концу X века. Но иконографическая программа росписи характерна скорее для 1-й половины XI века (см. II.3.D). Просматривающиеся детали также встречают аналоги среди памятников XI столетия. Так, поруч святого на северной стене похож на поруч мученицы из Земо-Крихи (Т.Б. Вирсаладзе датирует этот памятник 2-й четвертью XI века)[253] или на поруч одного из святых отцов на южной стороне апсиды Сентов (2-я пол. XI — нач. XII в., см. III.2.E). Аналог разделке гиматия святого

[253 *Вирсаладзе Т.Б.* Фресковая роспись в церкви архангелов села Земо-Крихи // Ars Georgica. Т. 6. Тбилиси, 1963. С. 156.]

на северной стене Среднего храма можно найти, например, во фресках Атени (относящихся к кон. XI века)[254].

Приземистые пропорции фигур и их преувеличенный масштаб указывают на близость фресок Среднего храма к росписям восточной периферии византийского мира. Об этом же говорят и парные фигуры святых всадников, существовавшие в западной ветви: эта так называемая геральдическая композиция в разных вариантах широко распространена на территориях от Египта и Сирии до Малой Азии и Кавказа, в других же регионах христианского мира встречается значительно реже (см. II.3.C.h.i). Иконография росписей в Среднем храме (как и в Сентинском, см. III.2) характерна для византийской живописи в широком смысле этого слова. Струков видел во фресках грузинские прототипы[255], однако, учитывая уровень его описания, это нельзя считать серьезным указанием. Важно отметить, что на территории Алании мы не встречаем и надписей, сделанных грузинскими буквами. Не отрицая возможности работы в храме мастеров из Грузии, до расчистки росписи мы не беремся делать более глубокие заключения.

II.4. Функция

Средний и Северный Зеленчукский храмы — две крупнейшие церкви не только в Нижнем Архызе, но и во всей Алании. Кузнецов (правда, постоянно модифицируя свои гипотезы) предполагал, что первый был монастырским, служившим и городским собором, а второй, возможно более ранний, кафедральным в митрополичьем поселке[256]. На наш взгляд, соотношение здесь как раз обратное. Об этом говорят хотя бы их размеры: ширина (без притворов) Северного храма — 10,5 м, в то время как Среднего — 13,25 м. Кроме того, Средний Зеленчукский храм находится на территории городища, что логично для собора, в то время как Северный вынесен на 800 м за пределы основной городской застройки[257].

[254 Ср. изображение пророка Иезекииля (Росписи Атенского Сиона. Альбом / Текст Т. Вирсаладзе. Тбилиси, 1984. Илл. 135, 136).

255 «В шапке грузинских князей», «щит круглый покрытый орнаментами грузинского стиля», «судя по орнаментам … можно предположить характер грузинский», «по костюму Давид, царь Грузии», «один в низкой грузинской короне» (ИИМК РАН. РА. Ф. 1. 1889 г. Д. 87. Л. 57–57об.; см. Приложение 1).

256 *Кузнецов В.А.* Христианство на Северном Кавказе до XV в. Владикавказ, 2002. С. 45–56.

257 В Нижнем Архызе между Средним и Северным храмами находится ровный «как стол» участок, не имеющий ни следов застройки, ни культурных отложений. Это дало основание Кузнецову назвать его «вторым сельскохозяйственным участком» (*Кузнецов В.А.* Нижний… С. 17–18). Показанные на рисунках Струкова остатки застройки в этом месте (см., напр.: Древне-христианские… С. 7) лишний раз указывают на низкий уровень его материалов.]

Последнее обстоятельство показывает, по крайней мере, несовместимость двух идей: чисто церковного характера Нижнего Архыза и соборной функции Северного храма, — иначе получится, что кафедральный митрополичий храм был вынесен за пределы уникального церковного города, специально созданного, по Кузнецову, для этого самого митрополита. Намного ближе к Среднему храму, чем к Северному, и те руины, которые могли бы быть остатками епископского дворца[258]. В принципе, мы не первые, кто высказывает мысль о «главенствующей» роли Среднего храма. Так, Б. Скитский предположил, что «храм был кафедральным храмом Аланской митрополии»[259]. Правда, этот вывод был сделан на основе сведений о существовании в нем синтрона — последующие исследования показали, что синтрон сохранился и в Северном храме.

В этой связи следует вернуться к вопросу о датировке Среднего храма. Если он, действительно, был кафедральным, то вероятность его более раннего, по сравнению с другими крупными храмами Алании, возникновения повышается: архиепископ или митрополит должен был быть заинтересован в строительстве, прежде всего, собственного храма. Неизвестно, когда Средний храм был заложен (может быть, и до 932 года), но достроено это огромное для Алании здание было, скорее всего, в эпоху расцвета местного христианства, т.е. во второй половине X века. И тут мы вынуждены еще раз вспомнить о его архитектурном и отчасти иконографическом сходстве с Токалы Килисе (см. II.2.A.b) и связи аланского митрополита с ее ктитором — Никифором Фокой. Поэтому нет ничего невозможного в том, что Средний Зеленчукский храм был достроен в 950–960-е годы, вскоре после возвращении Алании к христианству[260].

А вот удаленное местоположение Северного храма более согласуется с функциями монастыря, который в Византии каким-то образом (дистанцией или стеной) должен был отделяться от внешнего мира. В пользу этого говорят и пристенные скамьи, делавшиеся, прежде всего, в монастырских церквах, где проводились длительные службы. Логично и наличие при храме большого кладбища: с одной стороны, это соответствует греко-римской традиции погребения вне городской черты, а с другой, характерно для монастыря, как места поминовения усопших вкладчиков. Еще более утверждают в этой мысли погребения знатных алан (возможно, правителя и его жены) в самом Северном храме, причем в именно южном, поминальном (как и в Среднем храме)

[258 *Кузнецов В.А.* Христианство на Северном Кавказе до XV в. Владикавказ, 2002. С. 48.

259 *Скитский Б.В.* Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 года // Изв. СОНИИ. Т. XI. Дзауджикау, 1947. С. 61.

260 Предложение С.Н. Малахова датировать Средний храм 945–950-ми годами (*Малахов С.Н.* О датировке христианских памятников Нижнего Архыза // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения 1971-2006. М., Ставрополь, 2008. С. 757) зиждется лишь на недоказанной (и в подобном виде недоказуемой) гипотезе А.А. Демакова и И.Л. Чумака о посвящении данной церкви Спасу Нерукотворному. Как мы видели выше (**I.4), исторический контекст такой даты** довольно неоднозначен.]

нефе-приделе. Как раз в середине X — XI веках, с ослаблением Македонской династии, византийские императоры отказываются от своего традиционного некрополя в храме Свв. Апостолов, и пришедшие к власти знатные семьи начинают строить свои погребально-поминальные монастыри (например, Комнины — монастырь Пантократора)[261]. Характерно, что первая акция такого рода происходит именно в момент христианизации Алании: в 920-922 годах Роман Лекапин, император, не принадлежавший к традиционной Македонской династии, строит свой храм-усыпальницу — Мирелеон. Таким образом, вполне возможно, что константинопольские тенденции повлияли и на Аланию: ее правители создали подобный семейный монастырь (в X веке таким местом погребения мог служить Сентинский храм с его мавзолеем).

Однако вероятный поминальный придел и наличие погребений у Среднего храма заставляют нас вернуться к предложенной выше параллели с тем самым храмом Свв. Апостолов в Константинополе, возникшей в связи с планом Среднего храма. Известно, что при создании новых государств, подражавших Константинополю, при строительстве кафедрального собора или другого важного храма часто ориентировались на столичный образец: чаще всего это была Св. София (Киев XI века, Трапезунд XIII века). Но Венеция, например, избрала таковым Апостолейон. В случае Алании это подражание могло быть вызвано как миссионерским, т.е. апостольским характером новой Церкви (а к этому моменту уже сложилось предание о посещении Алании ап. Андреем, который лежал в Апостолейоне; см. I.1), так и первоначальной погребально-поминальной функцией Среднего храма, которая затем (кон. X — нач. XI в.) перешла к Северному. Неизвестно, насколько в стесненных условиях строительства первого Среднего храма зодчие заботились о концептуальном его решении, однако сохранение общего плана на втором этапе говорит о том, что замысел в целом был воспринят (а ведь мастера вполне могли построить и крестовокупольный храм).

В этом контексте следует, как кажется, рассматривать и такой факт, как наличие в Северном храме трехступенчатого синтрона с горним местом. Хотя синтроны были и в других аланских храмах (Среднем Зеленчукском, Сентинском), однако устройство здесь высокого синтрона с горним местом говорит не только о другой строительной традиции, но и о явном епископском присутствии[262]. Такая конструкция синтрона выглядит несколько архаично для большинства храмов средневизантийского времени, однако встречается в кафедральных соборах этой эпохи (например, Софии Киевской и Новгородской[263]).

[261 Относительно погребений в храмах средневизантийского времени см.: *Laskaris N.* Monuments funéraires paléochrétiens (et byzantins) de Grèce. Athènes, 2003; *Weissbrod U.* «Hier liegt der Knecht Gottes» (Mainzer Veröffentlichungen zur Byzantinistik. Bd. 5). Wiesbaden, 2003.

262 Интересно, что этот единственный серьезный аргумент в пользу кафедрального характера Северного храма был упущен Кузнецовым.

263 *Чукова Т.А.* Алтарь древнерусского храма конца X — первой трети XIII в. СПб., 2004. С. 84–86, 89–90.]

Итак, наличие епископского места в Северном храме несомненно, но в каком отношении к иерарху он мог находиться? Ведь существование в храме погребений аланской знати ясно говорит о причастности к нему и светской власти. Как кажется, решением этой дилеммы могло бы стать предположение о том, что, будучи ктиторским монастырем аланского правителя, обитель у Северного храма была одновременно и резиденцией митрополита Аланского. Однако нерешенность вопроса о характере связи синтрона с иерархом: постоянное его присутствие, некий епископский характер или просто освящение владыкой[264], не заставляет нас отвечать на данный вопрос.

Косвенным подтверждением монастырского характера Северного храма может служить и найденный в его нартексе бронзовый крест 1066/7 годов с надписью: «Иисус Христос побеждает. Матерь Божья. Освящен честной крест боголюбивейшим монахом Фомой в 6575 году, в 5 индикт» (см. **I.5). Такие кресты**, прикреплявшиеся гвоздями к стене или колонне храма, хорошо известны в Византии[265] и являются своеобразной формой донаторства. Поэтому вполне возможно, что упомянутый в надписи Фома был клириком Северного храма и монахом здешней обители.

Решающим аргументом против монастырской функции Северного храма могло бы быть наличие в его нартексе крещальни[266]: чин крещения в православных монастырях не совершался. Однако здесь нет даже нужды обходить этот контраргумент ссылками на миссионерский характер Аланской Церкви. Дело в том, что в реконструкции Кузнецова содержится неразрешимое противоречие: получается, что крещальня находилась прямо под ведущей на хоры лестницей (о форме которой можно судить по остаткам ступеней к западу от крещальни[267]), так что стоять в этой купели невозможно — и это при том, что противоположная, южная сторона нартекса ничем не занята. Очевидно, что крещальня и лестница на хоры не могли функционировать одновременно — следовательно, либо лестница на хоры была построена после упразднения крещальни (но никаких следов другой, первоначальной лестницы не сохранилось), либо, наоборот, крещальня была построена после разбора лестницы (тогда непонятно, почему были разобраны не все ступени). Это почти нераз-

[264 Там же. С. 83–103.

265 Ближайшая аналогия — точно такой же формы крест, вырезанный на мраморной колонне в Херсонесе, со следами крепления металлического креста (*Юргевич В.* Эллинские надписи, найденные в Херсонисе // ЗООИД. Т. 11. Одесса, 1879. С. 9. № 5. С. 10. № 6. С. 313; *Латышев В.В.* Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896. № 10–11; *Матанцева Т.А.* Византийские граффитти на колонне из Херсонеса // ВВ. Т. 52. М., 1991. С. 251–254).

266 *Кузнецов В.А.* Христианство на Северном Кавказе до XV в. Владикавказ, 2002. С. 46.

267 Точно такая же лестница сохранилась, например, в храме св. Стефана в Касторье X века (*Μουτζόπουλος Ν.Κ.* Εκκλησίες της Καστορίας. 9ος-11ος αιώνας. Θεσσαλονίκη, 1992. Σ. 235. Εικ. 209) и в Лыхнах.]

решимое противоречие ставит под вопрос отождествление открытого Кузнецовым резервуара с крещальней, хотя альтернативного истолкования предложено пока не было[268].

И здесь следует поставить вопрос: а не связаны ли архитектурные различия между Средним и Северным храмами с разницей в их богослужении? На примере Киевской Руси XI века мы видим, что и крупнейшие монастыри (Киево-Печерская Лавра), и соборные храмы (София Новгородская, копирующая, по-видимому, Софию Киевскую) перенимают именно монастырский студийский устав, а не Типикон Великой церкви. Однако в соборах при этом существует ряд отличий, связанных, прежде всего, с архиерейским богослужением[269]. Таким образом, характерная для Константинополя и некоторых других крупных центров (например, Фессалоники) разница между соборной и монастырской литургической практикой сохраняется и на новой почве, пусть и в меньшем объеме.

Учитывая тот факт, что создание Аланской епархии было инициативой константинопольского патриарха, вполне вероятной кажется такая же картина и в Нижнем Архызе. К начатому в стесненных условиях крестообразному Среднему храму добавляется северо-восточный компартимент, который по своей функции соответствует, по-видимому, скевофилакию Св. Софии. Северный же храм подражает в своей архитектуре сложившемуся типу крестовокупольного храма, типичному для византийских монастырей (ср. тот же собор Киево-Печерской лавры).

Итак, церковная структура Нижнеархызского городища представляется нам следующим образом. Кафедральным собором митрополии был Средний

[268 Вероятным представляется возникновение лестницы после упразднения крещальни. Первоначально же на хоры могли подниматься снаружи (в храмах Абхазии и Алании внутристенные лестницы не известны; в зодчестве Кавказа они вообще встречаются довольно редко). Подобные примеры имеются в Абхазии, где существующие всходы в нартексах Мокви и Лыхны не первоначальны. В Лыхнах с северной стороны западного притвора существуют остатки внешней лестницы, по которой поднимались к дверному проему на хоры (ныне он заложен и снаружи залицован, но хорошо читается в интерьере). В соборе в Мокви, являвшемся частью большого комплекса (дворцового или монастырского), на второй ярус галерей попадали с примыкавших к храму построек через проемы во втором ярусе южной, северной и западной стен (сейчас переделаны в окна). В огромном Пицундском кафедрале (его датировка, как уже говорилось, спорна; см. II.2.С) лестница в нартексе, ведущая на хоры, тоже относится к позднему времени. Не беремся утверждать, что изначально ее там не было, однако на хоры можно было попасть и снаружи через проем во втором ярусе северного фасада. В Лоо наличие хор сомнительно: на сохранившихся остатках стен следов их перекрытий не прослеживается. Впрочем, можно осторожно допустить существование там деревянного настила. К северо-востоку от храма было открыто основание башни, предположительно отнесенной Овчинниковой к позднему времени, когда руины храма использовались в оборонных целях (*Овчинникова Б.Б.* Лооский храм Большого Сочи // Диалог культур и народов средневековой Европы. СПб., 2010. С. 401). Не остатки ли это первоначальной лестничной конструкции?

269 Любезно сообщено свящ. Михаилом Желтовым.]

храм, построенный (возможно, по образцу константинопольского Апостолейона) в X веке в два этапа: вероятно, в 920-х и в 950–960-х годах. Первоначально он, вероятно, был одновременно кафедральным собором и храмом-усыпальницей аланских правителей (и епископов). Где-то рядом, в городе, должен был находиться и епископский дворец. К северу от города находился монастырь с Северным храмом, в котором с конца X — начала XI века стали хоронить представителей аланской знати и вокруг которого возник большой городской некрополь (IV.4.A). Кроме них, в городе и его округе находилось еще несколько небольших зальных храмиков (от 11 до 14[270]). К усадьбе какого-то представителя знати принадлежал, возможно, и Южный храм. Эта маленькая церковь пытается подражать в своей архитектуре большому зеленчукскому крестово-купольному храму — Северному (IV.4.C).

Жизнь на Архызском городище продолжалась до XIII века. Все это время Средний храм, видимо, оставался кафедральным собором города и Алании. Вокруг него продолжались погребения[271], однако никаких существенных реконструкций он не испытал. Видимо, это связано с общим замиранием строительной активности в Аланской митрополии: последние ее всплески приходятся, вероятно, на 2-ю половину XI — начало XII века, когда в четвертый раз расписали Сентинский храм (см. III.2.E).

[270 *Кузнецов В.А.* Христианство на Северном Кавказе до XV в. Владикавказ, 2002. С. 58.

271 Раскопаны У.Ю. Элькановым.]

III Сентинский храм[1]

III.1. Архитектура

Сентинский (Тебердинский) храм[2] получил свое название по аулу Сенты (или Сынты, современное название — Нижняя Теберда), в долине реки Теберда[3]. По ущелью издревле проходила дорога через Клухорский перевал, выводившая к абхазскому побережью Черного моря. Видимо благодаря этому выгодному положению Тебердинское ущелье, как и Зеленчукское, было плотно заселено. В районе его выхода на равнину находится крупное Хумаринское городище, а напротив — Шоанинский храм (IV.4.B)[4].

Сентинский храм стоит на скальном уступе (видимо, слегка подтесанном) над долиной. Вокруг него нет следов сколь-либо значительного поселения, лишь множество различных погребений (в ящиках, мавзолеях, пе-

[1 В работе использованы обмерные чертежи Сентинского храма, хранящиеся в архиве Проектного института по реставрации памятников истории и культуры «Спецпроектреставрация» (ф. 41. Обмер выполнен в 1976 г. Руководитель проекта — А. Окунев).

2 Общие данные о памятнике и обширную библиографию см.: *Марковин В.И.* Сентинский храм и его изучение // Вопросы средневековой археологии Северного Кавказа. Черкесск, 1988. С. 8–2.

3 Как указывает Лавров, «урочище Сенты получило свое название от тюркотатарского слова “сын”, означающего памятник, а в более широком смысле слова — вообще всякое старинное сооружение» (*Лавров Л.И.* О происхождении народов Северо-Западного Кавказа // *он же.* Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев, балкарцев. Нальчик, 2009. С. 79-80). Аналогичный вывод делает и С.Н. Малахов, видимо не знакомый с работой Л.И. Лаврова (*Малахов С.Н.* Этимология топонима Сенты // Из истории народов Северного Кавказа. Вып. 6. Ставрополь, 2004. С. 76–80). В конце XIX в. А.Н. Дьячков-Тарасов считал, что это «испорченное грузинское „свети“ — аксаутские греки и в настоящее время называют сентинский храм „свето“», что «означает… столб, колонну» (*Дьячков-Тарасов А.Н.* Сентинский храм и его фрески // Кубанский сборник. Т. V. Екатеринодар, 1899. С. 4).

4 Правда, сам аул Сенты был основан, видимо, только в 60-х гг. XIX в. переселенцами с гор «против старой церкви Сонты» (*Волкова Н.Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX века. М., 1974. С. 229).]

щерах и проч.) и намогильные кресты[5], но на соединяющем его с массивом горы отроге видны следы стен и подрубки скалы — возможно, здесь находилось небольшое укрепление. На склонах поблизости было несколько различных сооружений, причем жизнь здесь не прекращалась и во времена господства Золотой Орды[6]. На глазомерном плане И.А. Владимирова, сделанном при его посещении Сентов в 1899 году, остатки построек отмечены западнее, южнее и восточнее храма, в том числе и внизу, под горой на террасе, там, где сейчас находятся сооружения основанного в 1897 году женского Преображенского монастыря[7]. Вероятно, при их строительстве активно

[5 К северо-западу от храма находились два прямоугольных мавзолея, на которые в 1829 г. обратил внимание И. Бернадацци, первый побывавший в Сентах европеец (Христианские древности за Кубанью // Журнал министерства внутренних дел. Ч. III. 1830. Кн. 4. СПб., 1830. С. 189). Одно из этих сооружений, с лазом в восточной стене, сохранилось и хорошо известно в литературе (см., например: *Кузнецов В.А.* Зодчество… С. 80–84. Рис. 16). Видимо, оно относится ко времени, близкому постройке храма. Другой, разрушенный ныне мавзолей находился рядом. Согласно описанию Владимирова, он был значительно более низким (около 170 см в высоту), был перекрыт каменными плитами и не имел никакого входного проема. Его внутреннее помещение было почти квадратным в плане, с длиной стороны чуть менее двух с половиной метров. Это сооружение просматривается на фотографии Сентинского храма 70–80-х гг. XIX в. (ИИМК РАН. ФА. 0.556. Л. 12. Инв. № 2630). Еще одну такую постройку (тоже прямоугольную) Владимиров отметил в некотором отдалении, к западу от храма, на том же отроге горы. Этот мавзолей был немногим более полутора метров в высоту, имел лаз высотой ок. 35 см и ступенчатое перекрытие (видимо, ложный свод). Его внутреннее помещение было довольно небольших размеров: примерно 180 на 85 см (ИИМК РАН. РА. Ф. 1. 1899 г. Д. 102. Л. 31–32). Интересной особенностью этих сооружений являются лазы, что связывает их (а также дольменообразные склепы) с более поздней склеповой традицией, особо распространенной в Чечне, Ингушетии и Осетии, но известной и в Балкарии и Карачае. Среди многочисленных обработанных блоков, встречающихся по склону южнее монастырского комплекса XIX века и принадлежащих как сооружениям аланского времени, так и более поздним, имеется ступенчатый по форме блок с верхом арочного проема. Он аналогичен входным плитам подземных склепов Дардонского могильника IX–XII веков около г. Карачаевска и склепа на р. Кривая (*Алексеева Е.П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971. С. 89, 339. Табл. 31. Рис. 1, 2). Возможно, это часть «четырехугольного с небольшим отверстием памятника, сложенного из каменных плит», отмеченного Фирковичем «при подошве горы», на которой стоит Сентинский храм (*Фиркович А.С.* Археологические разведки на Кавказе // ЗИАО. СПб., 1857. Т. IX. С. 388). Подобный блок, происходящий, как утверждают, из окрестностей г. Карачаевска, хранится ныне в Свято-Успенском монастыре в с. Хидикус (Северная Осетия, Куртатинское ущелье). Таким образом, у Сентинского храма существовал еще один тип погребальных сооружений, имевший местные «тебердинские» особенности.

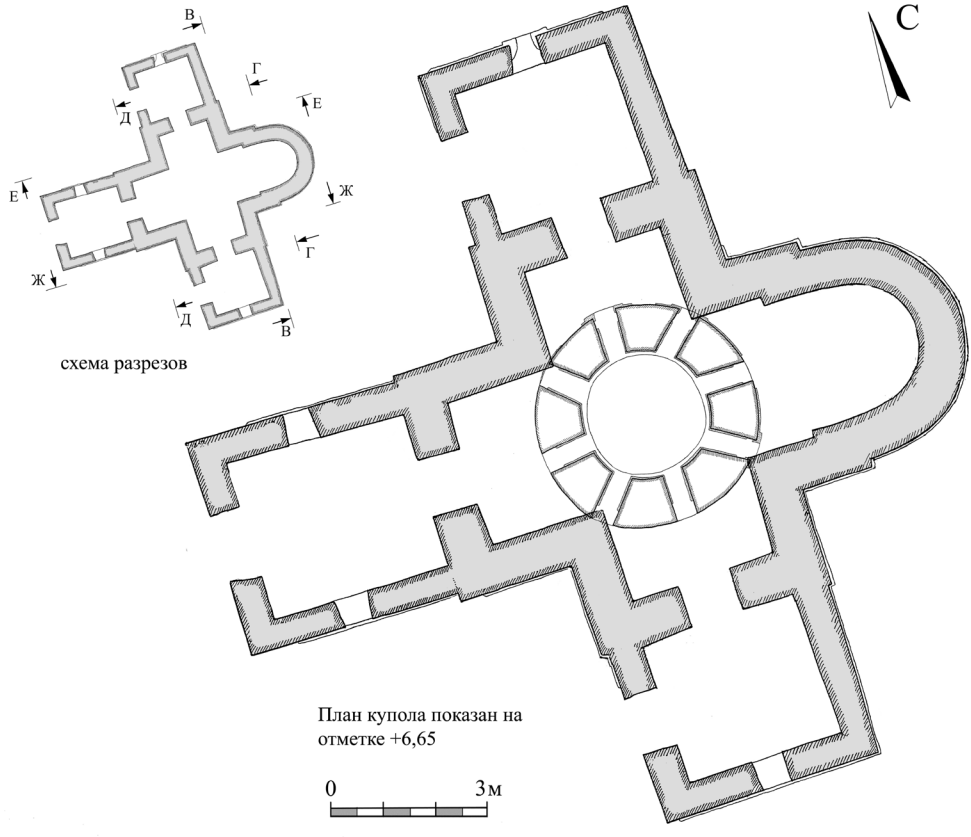
6 *Алексеева Е.П.* Археологические памятники Карачаево-Черкессии. М., 1992. С. 85.

7 ИИМК РАН. РА. Ф. 1. 1899 г. Д. 102. Л. 30.]

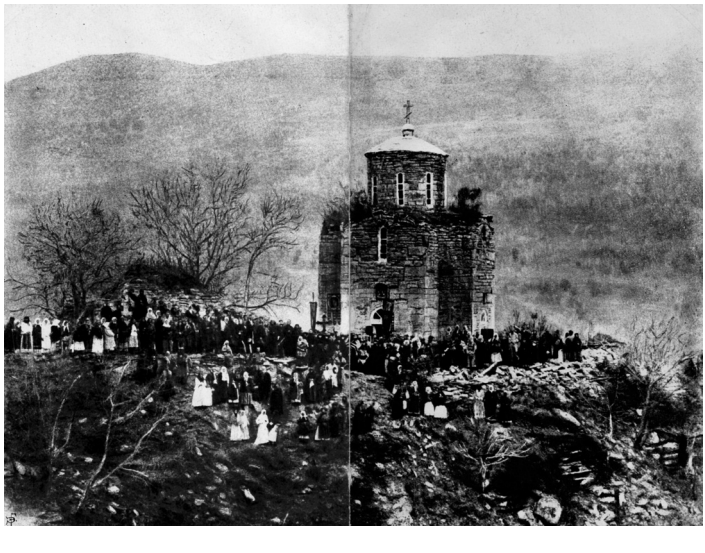
[*Сентинский храм и мавзолей. Вид с северо-запада*]

использовались камни из древних сооружений: архитектурные детали во вторичном использовании иногда встречаются в новой кладке (например, блоки с орнаментами в кладке притворов Сентинского храма). Сам Сентинский храм был отремонтирован монахинями, но эти поновления меньше, чем в Среднем Зеленчукском: заново сложены притворы, восстановлена кровля и незначительно поврежденные верхние части стен, сделаны ныне не существующие иконостас и деревянные полы. Видимо, был усилен ступенчатый цоколь-«стилобат» у апсиды, но это только предположение, требующее археологической проверки[8]. Вокруг храма сооружено несколько новых построек (кельи, сторожка и звонница), цистерна для сбора воды (не исключено, что она в своей основе древняя) и подпорная стенка под храмовой площадкой (видимо, на месте старой). Монахини как-то использовали и здание стоящего рядом древнего мавзолея — в его южной стене пробит вход, которого нет еще на плане Владимирова.

[8 Подобные цоколи обычны для архитектуры Абхазии. В.И. Марковин отметил, что под него уходит яма погребения (*Марковин В.И.* Исследования Сентинского храма и некрополя у реки Теберды в Карачаево-Черкессии // Историко-археологический альманах. Армавир; М., 1996. Т. 2. С. 183, 198). То, что это погребение не параллельно стене, говорит, вероятно, о том, что оно более раннее.]

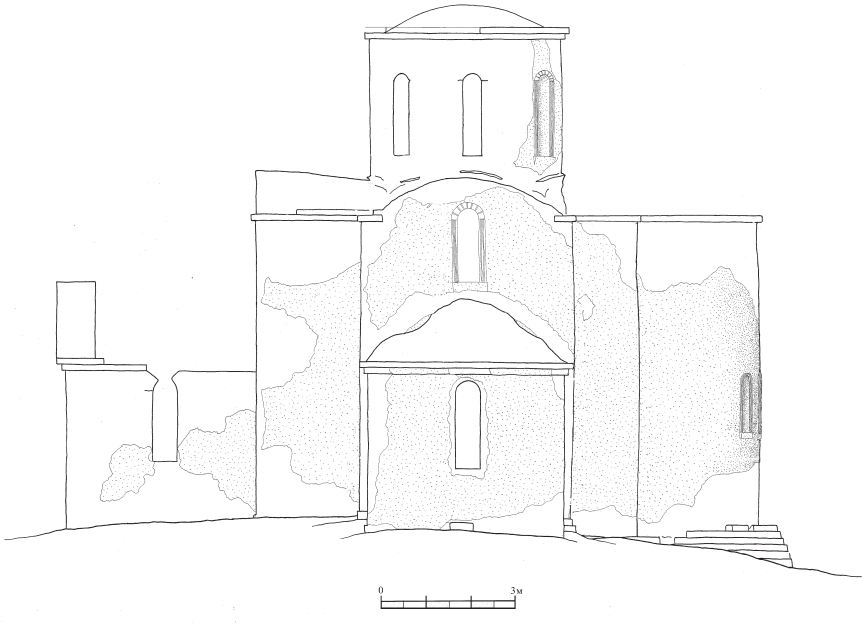


[*Сентинский храм. План и схема разрезов*]



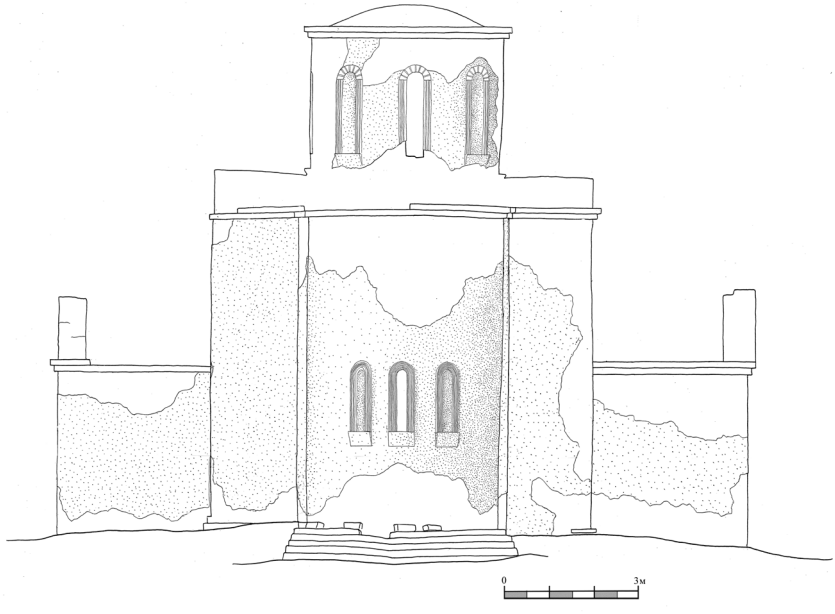
[*Сентинский храм. Вид с юго-запада. Фото 1898 г. По А.Н. Дьячкову-Тарасову*]

[*Сентинский храм. Вид с севера*]



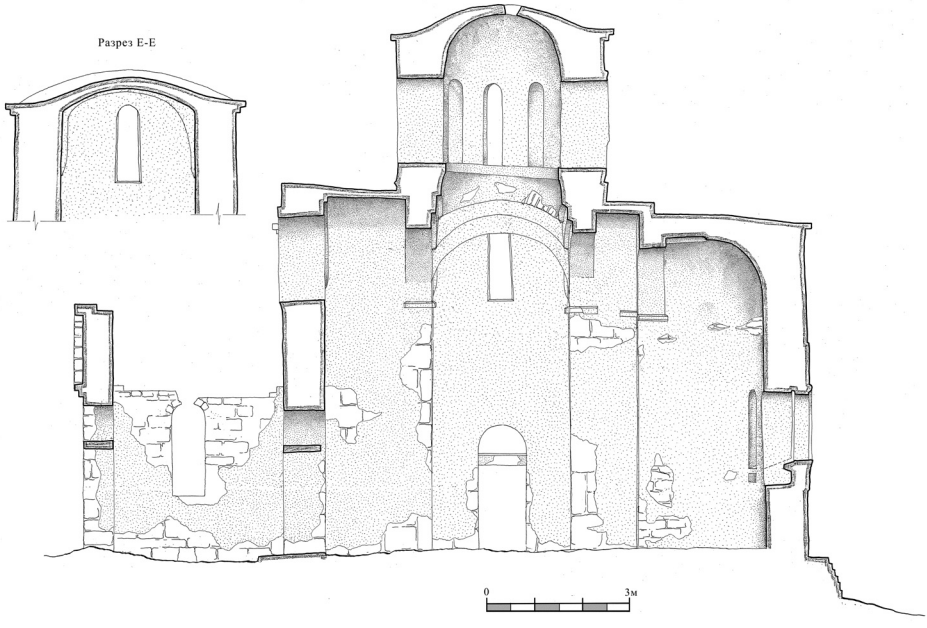
[*Сентинский храм. Южный фасад*]

[*Сентинский храм. Северный фасад*]

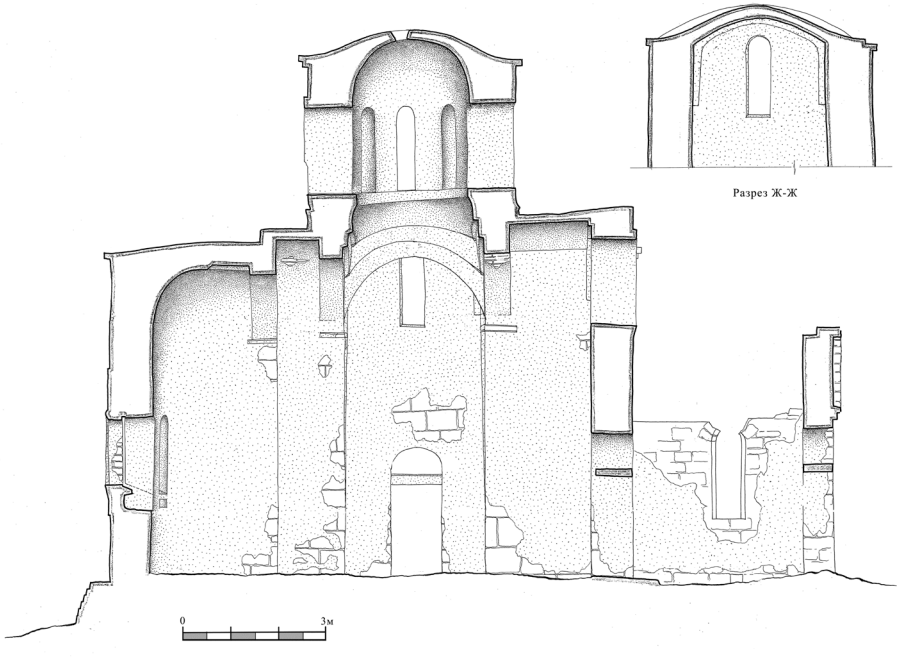


[*Сентинский храм. Восточный фасад*]

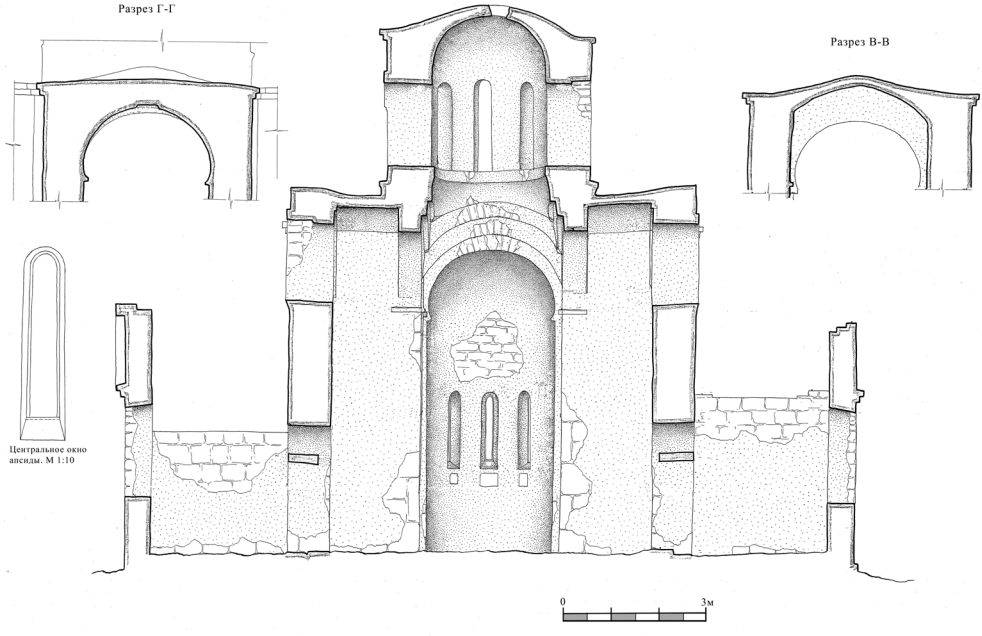
[*Сентинский храм. Западный фасад*]



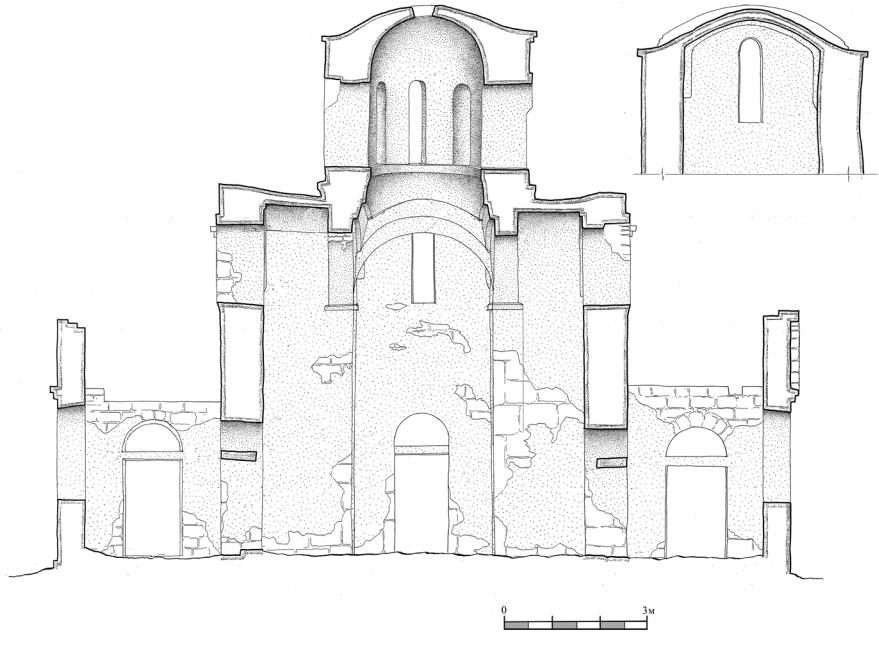
[*Сентинский храм. Продольный разрез. Вид на север*]



[*Сентинский храм. Продольный разрез. Вид на юг*]



[*Сентинский храм. Поперечный разрез. Вид на восток*]



[*Сентинский храм. Поперечный разрез. Вид на запад*]

[*Сентинский храм. Вид с юго-востока. Фото 1895 г. По В.М. Сысоеву*]

[*Сентинский храм. Вид на апсиду с севера. Виден ступенчатый цоколь и «энтазис»*]

III.1.А План и конструкция. Однокупольный Сентинский храм представляет собой в плане т.н. свободный крест с примыкающей с востока апсидой, перекрытой конхой: ширина (без притворов) — 8,2 м, длина — 10,6 м, высота — ок. 12,5 м; толщина стен — ок. 0,95 м, а в апсиде — ок. 0,75 м. Стены сложены из хорошо отесанного песчаника, на известковом растворе. В кладке подкупольных подпружных арок, в арке между коробовым сводом восточной ветви креста и сводом апсиды, а также в перекрытии оконных проемов (кроме апсиды) использована плинфа (так же, как и в других крестовокупольных аланских храмах). В данном случае плинфа перемежается плоскими каменными плитками, а в одном месте (в восточной подкупольной арке) вместо плитки вставлена деревянная планка. Надо, кстати, отметить, что подпружная арка перед апсидой имеет слегка подковообразную форму (если только эта форма не «создана» покрывающей кладку монашеской штукатуркой). Три

окна в алтаре перекрыты блоками с выточенными в них арочными выемками-архивольтами — такое же перекрытие световых проемов мы встречаем в Шоанинском храме и, кажется, в барабане Южного[9].

Стены фасадов завершаются простым карнизом из одной или двух полочек, который был восстановлен при последней реставрации по фотографиям XIX века. В древности храм был побелен, а крыша была покрыта черепицей[10]. Сейчас памятник имеет двускатные кровли. Однако верхние ряды кладки в щипцах идут не горизонтальными рядами, а «дугой». В.А. Кузнецов считает, что это результат монашеской перекладки[11]. Но на старых фотографиях, сделанных до восстановления храма в конце XIX века, эта «дуга» хорошо видна[12]. Вместе с тем, на чертеже И. Бернадацци 1829 года показано покрытие прямоугольными плитами по прямым скатам[13]. Г.М. Штендер, обследовавший аланские памятники в начале 1980-х годов, высказал аргументированное мнение, что у Сентинского храма изначально было криволинейное покрытие, переделанное в прямолинейное позже, но еще в аланское время. Исследователь указал на ясно читаемую на старых фотографиях «накладку двухскатного покрытия над криволинейной формой тимпана» (II.1.B.). Кроме того, он обнаружил с востока в основании барабана низко расположенную выдру с положенной на известковом растворе древней черепицей в ней, что «не оставляет сомнения в криволинейной форме покрытия»[14]. Многочисленные обломки

[9 Марковин указывает на скос-отлив внизу оконных проемов Сентинского храма (*Марковин В.И.* Указ. соч. С. 181). Такой скос, направленный внутрь интерьера, действительно существует, но только в окнах южной, западной и северной ветви, при этом он весьма незначительный. В Среднем храме малозаметный скос наружу есть в верхних окнах боковых ветвей. Возможно, эти скосы делались не целенаправленно, а являются простой нечеткостью разметки.]

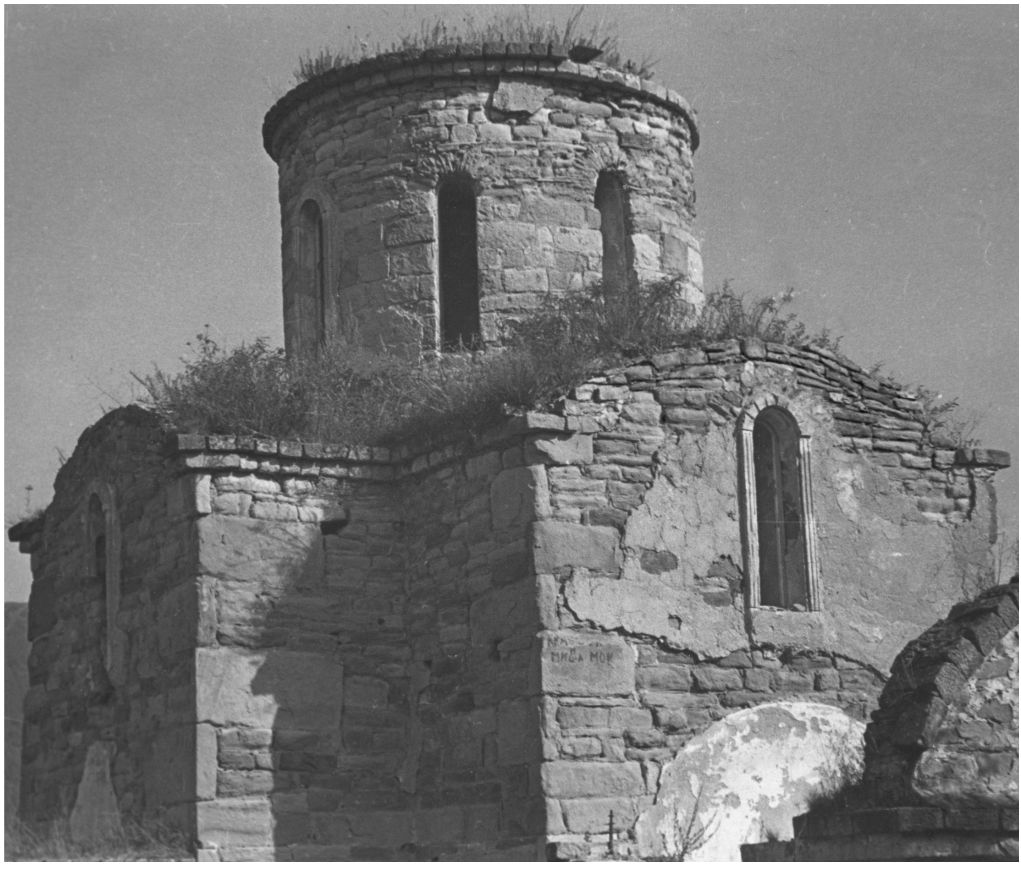
10 *Марковин В.И.* Указ. соч. С. 183; НСНРПМ. Ш-43. *Д.* 2231. *Л.* 18. Судя по старым материалам, перед монашеским ремонтом храм имел остатки покрытия каменными плитами (см., например: *Владимиров И.А.* Указ. соч. С. 7).

11 *Кузнецов В.А.* Зодчество… С. 75-76.

12 См., напр.: *Сысоев В.М.* Поездка на реки: Зеленчук, Кубань и Теберду летом 1895 года // МАК. М., 1898. Вып. VII. Табл. XVII (фотография дана зеркально). Эта же неровность кладки хорошо видна на снимках 1976 года, но после реставрационных работ 1980-х годов она стала не столь заметна (Институт «Спецпроектреставрация». Ф. 41. *Д.* 180. Фото 9, 10, 13).

13 ИИМК РАН. РА. Р. I. *Д.* 323. *Л.* 2.

14 Восстановление двускатного покрытия при реставрации Сентинского храма в 1970-х годах Г.М. Штендер считал «принципиальной ошибкой». Исследователь предположил, что стены этого памятника, как на Северном храме, первоначально могли завершаться сложным карнизом (НСНРПМ. Ш-43. *Д.* 2231. *Л.* 6, 17–18. См. также: Институт «Спецпроектреставрация». Ф. 41. *Д.* 376. С. 6–7).]



[*Сентинский храм. Вид с северо-запада. Фото 1976 гг. Институт «Спецпроектреставрация» Ф. 41. Д. 180. Фото 9*]

плоской черепицы с бортиками по бокам имеются в поздней кладке подпорных стен, в древних арочных перекрытиях верхних окон и просто на земле около храма. Интересно, что в отличие от других сохранившихся крестовокупольных храмов Алании, снаружи под барабаном Сентов нет прямоугольного пьедестала (если только это не результат поздних реставраций).

Простота плана Сентинского храма выражается и в отсутствии каких бы то ни было пилястр: подпружные арки опираются непосредственно на стены. Из строительных особенностей следует обратить внимание на традиционные для Алании ступенчатые подпружные арки (на этот раз сильно развитые) и загадочную «плоскую нишу» в шелыге коробового свода восточного рукава (илл. на с. 195). Надо также отметить уникальную для аланского зодчества «лучковую» форму сводов с ярко выраженным переломом в районе пят, которые выше пят подпружных арок. При этом, как и в Среднем храме, торцы рукавов креста завершаются тонкими, ни на что не опирающимися архивольтами, в данном случае повторяющими «лучковую» форму сводов. В исполнении мелких деталей Сентинский храм вообще сильно отличается от других аланских храмов.

[*Сентинский храм. Интерьер. Вид на южную стену апсиды*]

[*Сентинский храм. Интерьер. Вид на юго-запад*]

[*Сентинский храм. Вид на южный рукав*]

[*Сентинский храм. «Плоская ниша» в своде восточного рукава. Фото авторов 2007 г.*]

[*Сентинский храм. Вид на купол. Фото Сергеева А.Ю. 2010 г.*]

[*Сентинский храм. Юго-восточный подкупольный парус. Фото авторов. 2007 г.*]

[*Сентинский храм. Свод южного рукава. Фото авторов. 2007 г.*]

III.1.В. Проемы и притворы. В храм ведут три дверных проема: с запада, севера и юга. Все они имеют одинаковую форму со световым люнетом полукруглой формы наверху. Свет в интерьер попадал через эти люнеты и четырнадцать узких окон: три над дверями, три в апсиде и восемь в круглом барабане.

В Сентинском храме был отмечены следы оконных заполнений и дверных колод. «В окнах следы представляют собой выдавленную в сырой штукатурке полосу шириной 5 см, обходящую все окно на расстоянии 10 см от наружнего края. В дверях эта полоса также отстает на 10 см от наружного края, но ширина ее составляет 27 см… При тщательном осмотре территории и других сооружений, расположенных рядом с храмом, были замечены каменные брусья длиной до 2,5 м с четвертями. Некоторые из них действительно имеют ширину 27 см. Поэтому возникло предположение о существовании каменных коробок для дверей. Арочные проемы над дверьми также имеют 27-и сантиметровый след заполнения». Однако поскольку были прослежены остатки фрески, примыкающие к этому следу, авторы проекта реставрации Сентинского храма предположили, что «проемы были заложены кладкой и представляли собой тимпаны, заполненные живописью»[15]. В настоящее время след от оконного заполнения хорошо читается только в западном тимпане (илл. на с. 208). Внутренняя его поверхность полностью покрыта штукатуркой с органическим наполнителем (той же, что и весь интерьер храма — на которой лежит роспись первого этапа — кресты между окон апсиды). На этой штукатурке лежит тонкий слой побелки — вероятно, она та же, что покрывает и кресты между окон апсиды (см. III.2.А). Побелка не доходит до внешнего края тимпана и обрывается по прямой линии, отмечая край заполнения. На побелке прослеживаются следы красной охры, относящиеся к одному из трех последующих этапов росписи храма. Таким образом, заполнения были вставлены после оштукатуривания храма. На наш взгляд, это была явно не кладка — скорее всего, здесь стояли деревянные рамы. По всему Сентинскому храму были найдены остатки круглых стекол[16], вставлявшихся, видимо, в эти самые рамы. Кстати, следы оконных рам, весьма похожих по своему характеру на указанные отпечатки в Сентах, прослежены нами и в световых проемах Шоаны (II.1.В, прим. 17).

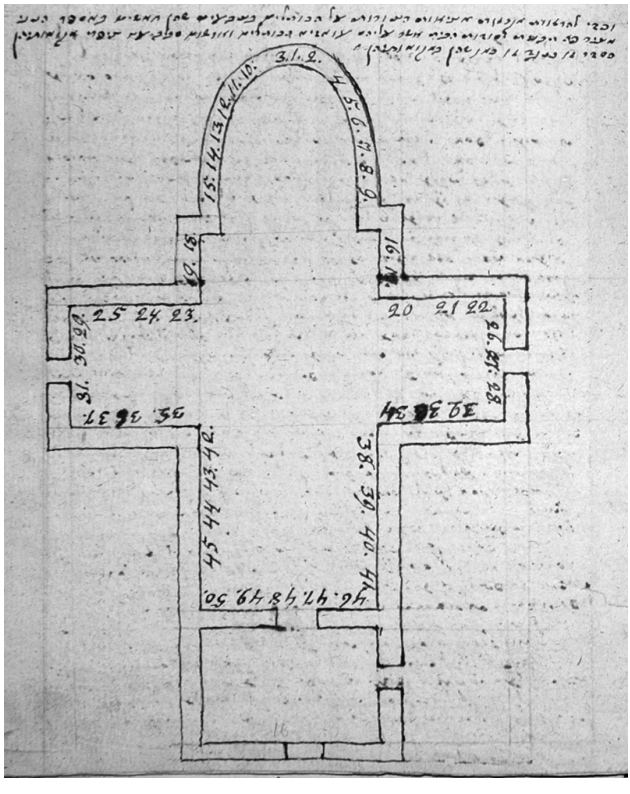
С трех сторон (с запада, севера и юга) к храму примыкают притворы, равные по ширине рукавам креста; сюда выходят все три двери. В настоящем виде притворы являются сооружениями 1897 года, построенными на старом основании. Судя по чертежам И. Бернадацци, А. Фирковича и М. Астафьева (илл. на с.

[*Табл. 16*]

[15 Институт «Спецпроектреставрация». Ф. 41. Д. 376. Л. 10–11; НСНРПМ. Ш-43. Д. 2231. Л. 9. Несколько ранее был предложен другой вариант реконструкции первоначального дверного заполнения: поскольку перемычки над дверями в интерьере заглублены по отношению к поверхности стены, то заполнение дверного проема могло приставляться с внутренней стороны на всю высоту вместе с фрамугой (Институт «Спецпроектреставрация». Ф. 41. Д. 180. Л. 17). Описывая южный притвор, Сысоев отметил, что «в двери и окна заложены сверху толстые дубовые доски» (*Сысоев В.М.* Карачай... С. 99).

16 *Владимиров И.А.* Указ. соч. С. 182.]

[*Сентинский храм. Западный входной проем*]



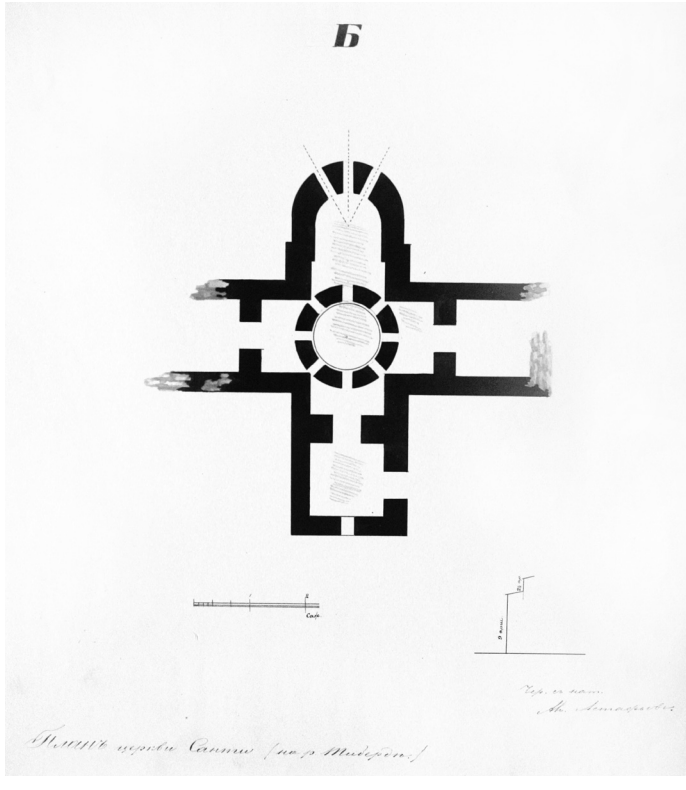
[*План Сентинского храма. Рисунок А. Фирковича. 1848–1849 гг. РНБ им. Салтыкова-Щедрина. Ф. 946 (фонд Авр. Фирковича). Оп.1. Д. 80. Л. 16*]

202, 203), а также описанию В.М. Сысоева[17], изначально западный притвор был закрытым, с входом с юга, с окном над ним и еще с одним узким окном «с круглым верхом, высеченным в камне» в западной стене (своей формой он, кстати, напоминает северный притвор Шоанинского храма (*илл.* на с. 295)). Боковые же притворы были сильно разрушены, но, скорее всего, они, как и в Северном Зеленчукском храме, были открытыми: на некоторых старых фотографиях видна восточная стена южного притвора, не имеющая, кажется, заплечика, как без заплечика показана она и на планах И. Бернадацци и Г.И. Куликовского[18]. Владимиров указывает, что притворы были сложены, в отличие от основного объема храма, на глине или плохой извести[19]. Однако Сысоев отметил, что в западной «пристройке» на глине были сооружены только часть западной и

[17 ИИМК РАН. РА. Р. I. *Д.* 323. *Л.* 2; РНБ. ОР. Ф. 946. *Д.* 80. *Л.* 11об., 16; ИИМК РАН. РА. Р. I. *Д.* 315. *Л.* 26; *Сысоев В.М.* Поездка... С. 129, рис. 30; *он же.* Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении // СМОМПК. Вып. 43. Тифлис, 1913. С. 98–99.

18 См., например: ИИМК РАН. РА. Р. I. *Д.* 315. *Л.* 11; ФА. О. 285. *Л.* 79; Древнехристианские храмы... С. 20; *Сысоев В.М.* Поездка… С. 129, рис. 30. Табл. XVII (фотография дана зеркально); МАК. Вып. IV. М., 1894. Табл. V.

19 *Владимиров И.А.* Указ. соч. С. 6.]



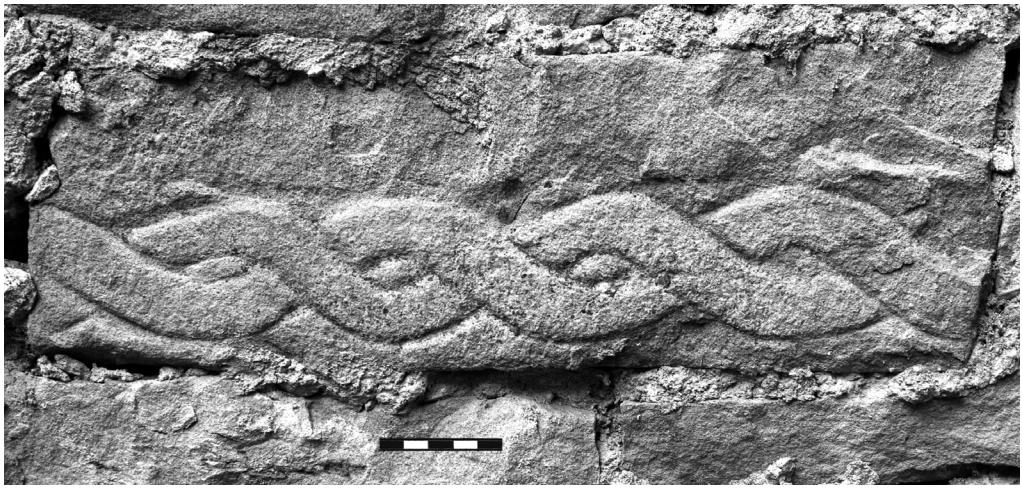
[*«План церкви Санти». Чертеж М. Астафьева. 1867 г. ИИМК РАН. Р. I. Д. 315. Л. 26*]

южная стены, северная же стена и другая часть западной имели кладку на известковом растворе[20]. Исходя из этого, исследователь предположил, что притворы могли существовать изначально, но были когда-то частично разрушены, а потом восстановлены. Поэтому их датировка спорна. Но притворы эти, скорее всего, появились спустя какое-то время после окончания строительства основной части храма — в месте их примыкания к стенам прослеживаются следы обмазки (что отметил еще Владимиров[21]). Предполагались ли они изначально — не ясно. Возможно, что их ремонт с применением глиняного раствора совпадает по времени с последним этапом росписи храма (т.е. не ранее конца XI века), когда известь, видимо, была в дефиците (см. III.2.D).

III.1.C. Декорация и литургические устройства. Храм снаружи был обмазан, причем при исследовании памятника обнаружилось, что внешняя штукатурная обмазка при смыкании с внутренней штукатуркой, просле-

[20 *Сысоев В.М.* Карачай... С. 98.

21 *Владимиров И.А.* Указ. соч. С. 7. При исследовании храма в 1970-х годах «на западной стене южного рукава креста обнаружен кусок более ранней штукатурки. По штукатурке можно установить 3 слоя последующей побелки» (Институт «Спецпроектреставрация». Ф. 41. *Д.* 180. *Л.* 18).]



[*Сентинский храм. Плетеный орнамент. Блок вторичного использования в северной стене южного притвора*]

женной в одном из апсидных окон, подходила под нее, то есть была нанесена раньше внутренней. На внешней обмазке были обнаружены и следы окраски желтой охрой[22]. Кроме того, согласно сведениям А. Фирковича, на фасаде, по крайней мере в одном месте, имелись росписи[23] (подр. см. III.2.D.f).

Несколько украшенных неглубокой резьбой камней использовано вторично в кладке притворов. Происхождение этих блоков остается неясным. Вполне возможно, что изначально к зданию храма они не имели никакого отношения[24]. Сысоевым был также найден «шишкообразный камень высотою около ½ арш., с отверстием в верхушке; это, вероятно, подкрестовое яблоко с верхушки церкви» (ныне утрачен)[25]. Такой камень, кстати, существует на куполе Лыхненского храма — возможно, он относится к X веку.

[22 Институт «Спецпроектреставрация». Ф. 41. *Д*. 376. С. 9.

23 РНБ. ОР. Ф. 946. *Д*. 80. *Л*. 11об.-12.

24 Блоки с волнообразным орнаментом и рядами треугольников (см.: *Марковин В.И.* Указ. соч. С. 185). В 2008 г. под штукатуркой внутри западного притвора открыт блок с плетенкой. Марковин предположил, что зигзагообразный орнамент — это изображения змей, а сами блоки являются остатками языческого святилища (Там же. С. 184-185). Высказывалась также гипотеза, что это фрагменты надгробий (Институт «Спецпроектреставрация». Ф. 41. *Д*. 376. *Л*. 15). Обе версии недоказуемы, а сходство со змеями умозрительно и вызывает большие сомнения. Описывая Сентинский храм, Нарышкин отметил, что «валяющиеся кругом камни носят следы высеченных на них орнаментов» (Отчет гг. Нарышкиных… С. 356). Видимо к этой же группе относились найденные В.М. Сысоевым «два камня, длиною более ½ арш., с насечками в виде зигзагов и треугольников» (*Сысоев В.М.* Карачай... С. 102).

25 *Сысоев В.М.* Карачай... С. 102.]

[*Сентинский храм. Следы ниш на откосах окон алтаря*]

Кроме перечисленных блоков с резьбой, следов окраски на фасадах и остатков фресок (см. III.2), каких-либо других элементов оформления нашего памятника, в том числе литургических устройств, до нас не дошло. Пол в Сентах был цемяночным[26], видимо, как в Среднем и Северном храмах. Согласно раскопкам В.И. Марковина, в алтарной части имелась выступавшая на 0,6 м в пространство восточного рукава закругленная солея (так он называет ступень перед алтарной преградой), «от которой сохранились отдельные камни», — на самом деле это остатки ступени (или ступеней) вимы, известной и в других аланских храмах (см. II.1.В)[27].

В нижних частях окон апсиды были устроены нишеобразные выгородки. Надо полагать, именно на них указывали епископ Владимир («под нижними оконными плитами как бы печурки, углубления, в которые будто бы кладут богомольцы угли или ладан») и Марковин[28]. Сейчас эти ниши полно-

[26 В апсиде, по всей видимости, пол несколько раз переделывался (Институт «Спецпроектреставрация». Ф. 41. *Д.* 376. *Л.* 13–14). На уровне пола наоса лежит слой известково-песчаной затирки, являющейся, возможно, «черновым» полом. Поверх нее «уложена бутовая кладка на известковом растворе, аналогичном по составу (по лабораторным данным) раствору кладки расположенного рядом древнего мавзолея» (Там же. *Л.* 13). Возможно, она была покрыта плитками «с плотной структурой, толщ. до 2 см», обломки которых находил при раскопках Марковин (*Марковин В.И.* Указ. соч. С. 182).

27 *Марковин В.И.* Указ. соч. С. 161.

28 Священные достопримечательности по рр. Теберде, Кубани и Большого Зеленчука. Из дневника преосвященного Владимира, епископа Ставропольского и Екатеринодарского, виденного Его Преосвященством при обозрении епархии в 1886 году // Ставропольские епархиальные ведомости за 1887 год. Отдел неофициальный. Ставрополь, 1888. С. 916; *Марковин В.И.* Указ. соч. С. 181; *он же*. Сентинский храм X в. на реке Теберде // АН. М., 1996. Вып. 41. С. 139.]

стью разрушены — на откосах окон читаются лишь их отпечатки[29]. Поэтому мы приводим описание этих конструкций, данное реставраторами в 1970-х годах. «Ниши образованы путем установки двух вертикально поставленных вплотную к оконным откосам плит, перекрытых горизонтальной плитой и закрытых с наружней стороны вставленным в проем камнем. Вся конструкция исполнена грубо и в смысле техники выполнения резко отличается от тщательной кладки и тески самого проема. Однако ниши оштукатурены изнутри штукатуркой того же вида и качества, что штукатурка под фреску и, следовательно, исполнены в древности. Поэтому возникает подозрение, что здание существовало какое-то время и без этого слоя штукатурки и в начале своего существования не требовало ритуальных ниш»[30]. Поскольку надпись 965 г., лежащая на самом первом слое штукатурки, свидетельствует, на наш взгляд, о строительстве храма, а не о реставрации уже существовавшей постройки (см. III.3.А), то, видимо, эти ниши были устроены уже в процессе возведения памятника и являются следствием небольшой коррекции «проекта».

В храме имелся синтрон: он показан на плане 1902 года (в статье Владимирова), а его остатки, как указывал Марковин, существовали еще в 1977 году[31]. Ныне синтрон полностью разрушен, но отпечаток его хорошо прослеживается на штукатурке. Он упоминается в описаниях памятника[32]: Сысоев, например, писал, что «алтарная стена имеет внизу три выступающих пояса (в роде ступенек), по 4 вершка высотою каждый». Судя по тому, что часть штукатурки, доходившей до известково-песчаной обмазки пола[33], была закрыта кладкой синтрона, он не был первоначальным: верхний его край был в древности от-

[29 Фотографии этих ниш есть в реставрационном отчете 1976 года (Институт «Спецпроектреставрация». Ф. 41. *Д*. 180. *Л*. 18). В южном проеме апсиды вертикальная плитка от ниши существовала еще в 2002 году. В настоящее же время от этих конструкций остались лишь отпечатки на откосах окон

30 Институт «Спецпроектреставрация». Ф. 41. *Д*. 376. *Л*. 11–12. Так считает и В.Б. Бесолов, но никакой аргументации в своей работе не приводит (*Бесолов В.Б.* Архитектура храма Сенты и многоаспектное сравнение его с памятниками христианского Восток и Византии (IV Международный симпозиум по грузинскому искусству). Тбилиси, 1983. С. 6). Видимо, исследователь пришел к такому выводу, основываясь на хорошей отделке блоков внутренних стен. Однако это свидетельствует лишь о легкости обработки песчаника, из которого построен Сентинский храм.

31 *Владимиров И.А.* Указ. соч. С. 4. Рис. 1; *Марковин В.И.* Исследования... С. 181; *он же*. Сентинский... С. 139.

32 *Сысоев В.М.* Карачай... С. 98; *Владимиров И.А.* Указ. соч. С. 7; *Марковин В.И.* Исследование... С. 181. Согласно указанию Марковина, синтрон был сложен из мелких камней, его ширина 30 см, высота 22–25 см, «но она могла быть и немного выше».

33 Институт «Спецпроектреставрация». Ф. 41. *Д*. 376. *Л*. 13–14.]

[*Сентинский храм. След от синтрона в южной части апсиды*]

мечен проведенной по штукатурке линией красной охры[34]. На западе синтрон доходил до заплечиков апсиды: здесь, вероятно, находилась алтарная преграда, имевшая, скорее всего, лишь один проход — Святые врата (монашеский иконостас располагался еще западнее, у основания восточного рукава)[35].

Отсутствие каких бы то ни было ниш в стенах храма на высоте ок. 1–1,5 м заставляет предполагать, что протесис представлял собой прислоненный к стене столик, располагавшийся, вероятно, у восточной стены северного рукава.

Сентинский храм имел также (а, возможно, и в первую очередь) погребальную функцию. При раскопках в его интерьере (включая притворы) было найдено шесть погребений, а снаружи у стен — четырнадцать. Причем погре-

[34 Более позднее появление синтрона отмечалось и в других храмах на Кавказе. Так было, например, в церкви в Лоо. Синтрон, судя по всему, появился там одновременно с притвором у южной стены, не имеющим с ней перевязки и отличающимся более низким качеством раствора (*Овчинникова Б.Б.* Лооский храм Большого Сочи // Диалог культур и народов средневековой Европы. СПб., 2010. С. 400).

35 По мнению Бесолова, алтарная преграда находилась «в одной плоскости со стенами, ограничивающими северный и южный рукава креста с восточной стороны» (*Бесолов В.Б.* Указ. соч. С. 8). Однако иконографическая программа декорации интерьера Сентинского храма ясно свидетельствует о том, что преграда располагалась восточнее, у «заплечиков» апсиды: фигуры росписи алтаря могут «выходить» в наос, но обратных примеров, когда композиции из иконографического цикла наоса (в данном случае, евангельские сцены: Рождество и Сретение, см. III.2.D.c) находятся полностью в алтарном пространстве, мы назвать не можем.]

[*Сентинский храм. Тимпан западного входа со следом заполнения. Фото авторов. 2009 г.*]

бение в южной ветви креста отличалось большим богатством и принадлежало знатной особе[36]. Кроме того, в нескольких метрах к северо-западу от храма стоит мавзолей (по Марковину «костница») с лазом в восточной стене, который Кузнецовым датируется X, а Марковиным XII веком[37]. Как уже указывалось, Владимировым отмечено еще множество других погребений вокруг.

III.1.D. Объемно-пространственная композиция. Объемно-пространственная композиция Сентинского храма поражает своей ясной простотой и одновременно монументальностью. Здание венчает собой выступ скалы и имеет пирамидальную форму, типичную для средневизантийской архитектуры[38]: надо всем возвышается купол, следующий ярус образуют крыши равноконечных (кроме чуть укороченного восточного) рукавов креста, к которым ниже примыкают притворы (но, как уже указывалось, они, возможно, и не задумывались с самого начала), и, наконец, еще один ярус, при взгляде снизу (см. ниже), образует площадка выступа горы, частично укрепленная искусственно и подчеркнутая ступенчатым цоколем апсиды. С запада, со стороны входа, посетитель, проходя по гребню выступа, видит храм сверху, в то время как со всех остальных сторон он просматривается преимущественно

[36 *Марковин В.И.* Указ. соч. С. 187–195.

37 *Кузнецов В.А.* Зодчество… С. 80–84; *Марковин В.И.* Указ. соч. С. 199.

38 См.: *Theis L.* Op. cit. S. 189.]

снизу. Подобное же соотношение, только с поворотом на 180°, наблюдается и в самой форме здания: с востока к рукаву креста примыкает апсида (стены которой имеют легкое искривление-«энтазис»), а с остальных сторон — притворы, причем небольшая укороченность восточного рукава компенсируется приподнятостью апсиды по сравнению с притворами (хотя мы не знаем их оригинальной высоты, они были явно ниже апсиды). В отличие от Среднего храма, апсида здесь такой же высоты, что и рукав креста, и объединена с ним общей крышей, но не слита полностью благодаря небольшим заплечикам.

Сходное архитектурное решение трех сторон храма не делает, однако, его облик однообразным. Ни один фасад не выглядит, на самом деле, одинаково, во-первых, благодаря апсиде, придающей асимметрию видам с севера и с юга, а во-вторых, благодаря мавзолею у северо-западного угла храма (хотя, построены ли они одновременно, неизвестно). Первоначальное завершение притворов не сохранилось, в остальном же в экстерьере округлые линии купола и апсиды и прямые — стен и кровли рукавов (которые, впрочем, могли быть также первоначально округлыми, см. III.1.A) уравновешивают друг друга, в отличие от Среднего храма, где вторые преобладают. Весь архитектурный декор сведен в Сентах к карнизам под крышей и под куполом. Неясно, где изначально располагались уже упоминавшиеся блоки с орнаментом, использованные в кладке стен современных притворов. Возможно, они украшали притворы и первоначально (т.к. кладка основного объема храма полностью сохранилась), но мы это уже вряд ли узнаем. Как уже указывалось, храм не был белым: на остатках фасадной обмазки отмечены следы охристой окраски, кроме того, существовали и фасадные росписи (см. III.2).

Интерьер Сентинского храма также прост. Восточнохристианская архитектура знала два типа устройства подкупольного квадрата без пилястр в крестообразных церквах: в виде чистого креста, где подпружные арки опираются на углы в местах соединения стен, и с «вынутым углом», где они покоятся на концах этих самых стен, — в Сентах был выбран первый, более лаконичный вариант. Подпружные арки опираются прямо на стены — под ними нет пилястр, лишь полочки-импосты в местах их сочленения. Стены по всей высоте вообще никак не расчленены (в отличие от Среднего храма), и лишь наверху в торцах рукавов они завершаются архивольтами. Эти элементы вкупе с четко выраженными тремя ступенями подпружных арок придают интерьеру церкви ту же пирамидальность, что и в экстерьере. Вообще, благодаря удачным вертикальным пропорциям, при совсем небольших размерах храма внутри нет ощущения тесноты и зажатости. Свет в Сентинский храм, как и в Средний, попадал через люнеты над входами и три окна апсиды внизу, одиночные окна в торцах рукавов (а не тройные, как в большем по размеру Среднем) на середине высоты и, наконец, через те же восемь окон барабана наверху — благодаря архитектурной планировке и вышеописанному расположению окон Сентинский храм был освещен равномернее, чем Средний (см. II.1.G). Мы можем довольно полно реконструировать интерьер храма 965 года: хорошо освещенные стены и своды были покрыты белой штукатуркой, и лишь между окон алтаря виднелись синие изображения крестов; апсиду с синтроном (приложенным, впрочем, к оштукатуренным стенам) отгораживала алтарная преграда.

III.1.E. Генезис форм. План и конструкция храма настолько просты, что трудно установить их происхождение. План такого типа широко распространен в византийской архитектуре[39]. Однако храмы типа croix libre в средневизантийской архитектуре значительно уступают в числе другим вариантам купольного храма. Объяснить это можно отчасти тем, что данный тип храма уже мало подходил для изменившегося богослужения средневизантийской эпохи[40]: возводя технически сложное сооружение из 12 (!) стен, 4 (а в нашем случае — 12!) подпружных арок, 4 парусов и 4 сводов, заказчик получал пространство лишь с одним алтарем и с наосом без места для развернутых литургических процессий.

Выраженная снаружи апсида и практически полное отсутствие наружного резного декора служит аргументом против влияния закавказской архитектуры, где у всех крестообразных храмов апсида «вписанная»[41]. Наличие ступенчатых подпружных арок показывает генетическую связь с другими крестовокупольными храмами Алании и, учитывая дату постройки (см. III.3.A), заставляет искать строителей Сентинской церкви также в Абхазии (см. II.2.C), где, однако, храмы такого плана также неизвестны. С другой стороны, простой греческий croix libre — самый легкий для строительства вариант, отменяющий необходимость возводить столпы и снижающий до минимума число подпружных арок, — такое решение также хорошо укладывается в контекст аланского храмоздания середины X века (см. I.4). Наконец, Кузнецов[42] обратил внимание на маленькую апсиду, выступающую из-под восточной стены соседнего мавзолея: план этого возможного храмика неизвестен, но он мог быть и крестообразным, — тогда нынешний большой Сентинский храм — а, согласно строительной надписи (см. III.3.A), он был в 965 году «возобновлен» — может подражать в своем плане старому храмику, вероятно, разрушенному ок. 932 года. Если последнее верно, то мы имеем дело с каким-то важным для аланской знати и известным еще с языческих времен (VIII–IX вв.)[43] местом погребения (или культо-

[39 Ср., напр., RBK II, 1182–1183; III, 703, 1019; IV, 26, 946, 955. Из географически близких примеров назовем также два крымских храма того же времени: на Мангупе и на Бакле (Археология. Крым, Северо-восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М., 2003. С. 138–139. Табл. 52–53).

40 См. II.2.B.d.

41 Вопреки Бесолову (*Бесолов В.Б.* Указ. соч. С. 18–19). По мнению исследователя, храм построен в середине или во второй половине IX века, «скорее всего в третьей четверти», и при этом он считает, что «такая датировка… не противоречит историческому контексту и вполне убедительна» (Там же. С. 17). Однако автор демонстрирует весьма плохое понимание исторических процессов этого периода на Кавказе, поскольку общая ситуация в Алании в то время и начало массовой христианизации алан лишь в начале следующего столетия практически полностью исключает возможность строительства в IX веке столь сложного сооружения, как Сентинский храм, тем более в стороне от центра.

42 *Кузнецов В.А.* Зодчество… С. 83; *он же.* В верховьях… С. 64

43 *Марковин В.И.* Указ. соч. С. 184, 199–200.]

вым местом[44]), где храм был построен вскоре после христианизации (между 915 и 932 годами), а затем возобновлен в 965 году[45]. Судя по предполагаемой ктиторской фреске (см. I.5), этим заказчиком мог быть сам правитель алан. Находки, сделанные при раскопках В.И. Марковина, позволяют утверждать, что Сентинский храм функционировал до конца XIV века, т.е. до похода Тимура[46].

III.2. Фрески[47]

Фрагменты настенной живописи Сентинского храма являются самым обширным сохранившимся фресковым комплексом на территории Алании. В XIX веке при организации монастыря усилиями Императорской Археологической

[44 Примеров возведения христианских церквей на месте языческих святилищ огромное количество. Из ближайших — Мцхетский Джвари, Никози и Мартвили, возможно, Тхаба-Ерды и Зругский храм.

45 Радио-углеродный анализ бруска, вставленного на место плинфы в восточной подпружной арке Сентинского храма (III.1.A), дал дату 1244±18 лет, т.е. с 694–777 по 688–857 гг. и (анализ выполнен К.-У. Хойснером (DAI, Berlin)). Таким образом, в храме использован, вероятно, более древний строительный материал. Впрочем, отношение археологов к подобным анализам весьма осторожное: полученные так датировки часто не совпадают с археологическим материалом.

46 *Марковин В.И.* Указ. соч. С. 200. Вообще, древние аланские храмы почитались и в дальнейшем. Косвенным тому свидетельством может являться армянское граффити XVI в., найденное нами в Шоанинском храме (IV.5, прим. 129). После трагических событий XIII — начала XV в. и вплоть до конца XVIII столетия по всей горной зоне Кавказа от Ингушетии и Пшав-Хевсуретии до Черноморского побережья христианство довольно устойчиво сохраняло свои позиции. Оно лишь, в силу отсутствия образованного духовенства и прочих объективных причин, приобрело «этнизированную» окраску, усвоив множество народных, возможно дохристианских культов и суеверий, часто удивительно схожих у разноязычных племен по всей территории Кавказа (см.: *Белецкий Д. В.* Материалы к изучению позднесредневекового зодчества Северного Кавказа // Историко-филологический архив. Вып. 7. Владикавказ, 2011 (в печати)). В ряде областей такое христианство мирно сосуществовало с исламом до самого конца XVIII в., когда мусульманская проповедь активизировалась в связи с обострением русско-турецких отношений. По свидетельству Фирковича, совсем недалеко отсюда, в Чегемском ущелье пиетет к средневековым церквам сошел на нет лишь в начале XIX века (*Фиркович А.* Указ. соч. С. 397–398; см., также: Дополнительная заметка к статье А.Н. Дьячкова-Тарасова «Сентинский храм и его фрески» // Кубанский сборник. Т. V. Екатеринодар, 1899. С. 5). В этнографии же исповедующих ислам народов Северо-Западного Кавказа (в том числе карачаевцев) рудименты народного «этнизированного» христианства сохранялись до последнего времени.

47 Данный раздел представляет собой переработанный и дополненный вариант нашей статьи: *Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю.* Фрески Сентинского храма и проблемы истории аланского христианства в X в. // РА. 2005. № 1. С. 130–142.]

комиссии они были в основной своей части сохранены, копировались и были опубликованы.

Их относительно подробное описание содержится лишь в работах двух дореволюционных авторов: А.Н. Дьячкова-Тарасова и И.А. Владимирова[48]. Росписи тогда были в несравненно лучшем состоянии, и материалы этих авторов передают многие ныне утраченные детали. Хотя Дьячков-Тарасов не был профессиональным художником, в своей статье он привел несколько сравнительно неплохих зарисовок, хотя в целом эта работа не может претендовать на научный уровень. Художник Владимиров, посетивший Сенты в 1899 году и составивший подробный отчет, сделал ряд живописных копий и рисунков с фресок. Его материалы отличаются высоким для своего времени качеством[49]. Для всех последующих исследователей работы Владимирова были и остаются основным источником, поскольку в литературе сложилось мнение, что фрески, «хорошие рисунки» с которых опубликовал исследователь, «не сохранились»[50]. Вместе с тем, большинство композиций, упоминаемых в статьях указанных исследователей, несмотря на значительно худшее состояние, можно увидеть до сих пор, и они вполне доступны для изучения. Мало того, к настоящему моменту из-за осыпи последнего слоя росписи открылись новые фрагменты более ранних фресок.

Многослойность Сентинских росписей отметил еще Владимиров: нам удалось выделить четыре этапа декорации.

III.2.А Первый этап. Самая ранняя штукатурка в храме идентична кладочному раствору — темного, серого цвета. На нее была нанесена насечка в виде широкой сетки, а сверху положен желтоватый хрупкий известковый слой

[48 *Дьячков-Тарасов А.Н.* Сентинский храм и его фрески. // Кубанский сборник. Т. V. Екатеринодар, 1899, или: *он же.* В горах Большого и Малого Карачая // СМОМПК. Тифлис, 1900. Вып. XXVIII. С. 51–53; *Владимиров И.А.* Указ. соч.

49 Материалы Владимирова по обследованию Сентинского храма хранятся в архиве Санкт-Петербургской Археологической комиссии. Это кальки с некоторых подлинных фрагментов фресок и исполненные акварелью уменьшенные цветные копии (ИИМК РАН. РА. Р. I. Д. 201), а также рукописный дневник, входящий в состав дела, включающего, кроме того, материалы по обследованию других памятников Терской и Кубанской области и черновые материалы подготовки статьи по Сентам (ИИМК РАН. РА. Ф. 1. 1899 г. Д. 102). Кальки с фресок, часть из которых отличается большими размерами, исполнены масляной краской и по объективным причинам не передают многих мелких деталей, но, в общем, являются точным повторением того, что на тот момент сохранилось. Хорошие фотокопии с них хранятся в одном деле с упомянутым выше рукописным дневником и были в черно-белом виде частично опубликованы (*Владимиров И.А.* Древний христианский храм близ аула Сенты в Кубанской области // ИАК. СПб., 1904. Вып. 4. Рис. 6, 9. Табл. 6). В нашей же книге публикуются только уменьшенные акварельные рисунки Владимирова — полная публикация всех известных материалов по росписи Сентов выходит за рамки нашей работы.

50 *Кузнецов В.А.* Христианство… С. 71.]

[*Сентинский храм. Роспись алтаря. I–III этапы. Реконструкция авторов*]

с большим содержанием рубленых растительных волокон. Этот штукатурный слой, возможно, наносился с расчетом на будущую живопись.

Вначале храм стоял побеленным изнутри, и только между окон апсиды имелись два больших четырехконечных креста на ступенчатых возвышениях — «голгофах». Ветви крестов слегка расширяются к концам и украшены «драгоценными камнями». Использовано было три пигмента: синий (единственный случай во всех росписях храма), сажа и красная охра. Владимиров отмечал, что кресты «были несколько раз подновляемы». На самом деле, их частично перекрывает побелка с росписью следующего этапа. Исследователь опубликовал прориси крестов, отличающихся друг от друга по форме и декорации[51]. Очевидно, это ошибка: судя по сохранившимся фрагментам, оба изображения совершенно идентичны. Подобные богато украшенные «триумфальные» кресты (т.н. cruces gemmatae) на характерном трехступенчатом монументальном основании являются распространенным мотивом в византийском искусстве, начиная с доиконоборческих времен[52]. [*Табл. 17*]

Мы допускаем, что на первом этапе росписи имелись еще изображения: в апсиде под позднейшими наслоениями прослеживаются следы красной охры, лежащей на той же поверхности штукатурки, но до более основательных исследований сказать что-либо определенное невозможно. К первому этапу де-

[51 *Владимиров И.А.* Указ. соч. С. 11. Рис. 8. Слой последнего этапа (см. III.2.D) в простенках между окон не сохранился.

52 См.: RBK V, 17–18.]

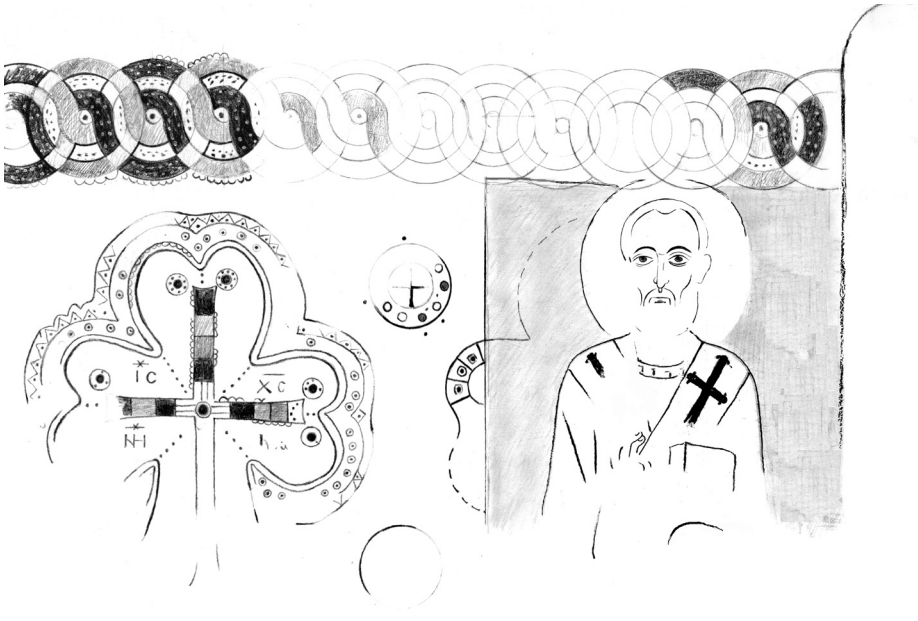
корации относится и строительная надпись (см. III.3.А), датирующая как сам храм, так и первый слой росписи. Забегая вперед, укажем, что кресты между окон следует датировать 965 годом (см. III.3.А), либо незначительно более поздним временем, о чем свидетельствует насечка на серой штукатурке (см. выше).

III.2.В. Второй этап. На следующем, втором этапе изображения первого слоя были забелены. Затем в апсиде было написано четыре крупных и своеобразно оформленных креста, а также линия орнамента над ними. Изображения этого периода просматриваются только частично (они либо утрачены, либо перекрыты последующими слоями росписи). Лучше всего виден западный крест на северной стороне апсиды. Его основной контур прочерчен графьей. Крест имеет слегка расширяющиеся концы. Ветви разделены на «сегменты», окрашенные в белый, красный и серый цвета. На пересечении ветвей прочерчен круг, от которого во все стороны отходят по паре параллельных линий. На концах ветвей, по углам, находятся по две окружности. Эта форма, по всей видимости, восходит к «капелькам» на концах ветвей крестов, множество аналогий чему имеется в искусстве византийского мира, в том числе Закавказья и Малой Азии. Под крестом просматриваются традиционные надписи с титлами: «IC XC NHKA». Крест вписан в своеобразный и довольно сложный абрис из параллельных линий, в промежуток между которыми помещены круги с «точками», треугольники и т.п. Правее креста, в промежутке перед следующим, просматриваются две аналогично декорированные окружности. Надо отметить, что все окружности этого этапа имеют глубокую циркульную графью. Другие три креста, судя по угадывающимся фрагментам, аналогичны по форме.

Над крестами расположена полоса орнамента («бордюра», по Владимирову), которая прослеживается по всему пространству храма. Это плетенка, также построенная на основе циркульной графьи. Элементы орнамента окрашены в красный, серый, черный и белый тона и «декорированы» белыми и красными «точками». С внешней стороны плетенка «украшена» мелкими «лепестками» красного и серого цвета. Промежутки между окнами алтаря, как и пространство над ними, также были заполнены орнаментом. Владимиров, зарисовывая «межоконные» кресты, не разобрался в наслоениях. Малопонятные дугообразные линии и странно выглядящие «зубчатые» края ветвей крестов, показанные на его прорисях, — это следы орнамента второго этапа росписи.

Надо сказать, что рисунок этого слоя довольно небрежен: при всей геометричности орнамента, построенного с помощью циркуля и восходящего к изысканным византийским образцам, здесь сквозит «народный» вкус, линия не имеет четкости, симметрия сбита. Говорить о том, что тут работал профессионал, не приходится.

Ко второму этапу относится также несколько крупных надписей красной охрой (см. III.3), частично просматривающихся из-под позднейших слоев. Одна из них находилась вокруг креста у южного окна апсиды. Другая, довольно обширная — высоко на южной стене восточного рукава, рядом с ранней строительной. На восточной стене южного рукава из-под образа всадника четвертого этапа проступает еще одна надпись, ниже которой видна часть какой-то сильно поврежденной и не очень вразумительной геометрической фигуры, написанной красной охрой. Кажется, следы надписи просматриваются и под



[*Сентинский храм. Северная стена алтаря. Роспись II–III этапов. Калька-реконструкция авторов*]

другим всадником. Возможно, аналогичные изображения были по всей церкви, но основная декорация была сконцентрирована в алтарной части.

III.2.C. Третий этап. К третьему этапу мы относим только два изображения: Богоматерь над окнами апсиды и святитель слева от алтарных окон. Богоматерь написана поверх проходившего над окнами орнамента-плетенки второго этапа (его края видны справа и слева). Она представлена по пояс, в иконографии Знамения-Влахернитиссы (илл. на с. 213). В настоящее время верхняя часть этого изображения утрачена, но была зафиксирована дореволюционными исследователями[53]. На уровне груди Богородицы сохранился и прекрасно просматривается представленный в медальоне образ Спасителя Эммануила. Судя по всему, в начале XX века обмазка с более поздней живописью четвертого этапа осыпалась еще не полностью, и Младенец не был виден. На рисунках Дьячкова-Тарасова и Владимирова Младенец не показан, поэтому Сентинский образ Богородицы иногда называют Орантой[54]. [*Табл. 18*]

[53 *Дьячков-Тарасов А.Н.* Указ. соч. С. 9. *Илл.* 8; *Владимиров И.А.* Указ. соч. С. 11–12. Табл. 7.

54 Например: *Кузнецов В.А.* Христианство на Северном Кавказе до XV в. Владикавказ, 2002. С. 72. На печати эксусиократора Гавриила (1130–1140-е гг.) помещена Богоматерь Никопея (*Seibt W.* Metropoliten... С. 54.), иконографически очень близкая Знамению и очень популярная именно в это время (*Смирнова Э.С.* Новгородская икона «Богоматерь Знамение»: некоторые вопросы богородичной иконографии XII в. // Древнерусское искусство. Балканы. Русь. СПб., 1995. С. 290).]

Фигура Богоматери Знамение сохранилась плохо, но в целом силуэт читается. Видны расставленные руки Богородицы и красная одежда. Лик младенца Христа, к сожалению, сильно стерт, черты лица, прорисованные красной охрой, лишь угадываются. Хорошо виден контур головы и правое ухо. Гиматий Спасителя проработан довольно сложно: он серого цвета, с черными складками и белильными высветлениями. Розовый хитон с клавом прорисован красным контуром. Медальон обозначен белым контуром и, возможно, сужался кверху, т.е. имел форму мандорлы (на эту мысль наводит форма его нижней, сохранившейся части, однако утраты слишком велики, чтоб делать окончательные выводы). Нимба у Спасителя не было — традиционное перекрестие написано белильным контуром, залито серым цветом и упирается в края медальона. Перед нами символическое изображение «щита веры», когда круг нимба Христа и абрис медальона становятся одним целым.

[*Табл. 29*] Образ святителя расположен к северу от алтарных окон и вписан в прямоугольное поле красного цвета. Подпись не сохранилась, но ее следы, сделанные белилами, просматриваются, кажется, на фоне справа. Образ смотрелся как своего рода большая икона. Предыдущий этап росписи (кресты) не был ни забелен, ни стерт, а лишь частично перекрыт живописью третьего периода и стал как бы частью новой декорации (как и линия орнамента над окнами, см. выше). Сквозь образ святителя ясно проступает графья второго этапа: например, хорошо видна прочерченная по левкасу окружность на правой щеке, а абрис левой ветви креста выступает слева из-под края красного поля. Как известно, в нижнем регистре апсиды традиционно помещали святительский чин. Однако, как ни странно, с юга от окон апсиды следов симметричного изображения отца Церкви не прослеживается. Оно не утрачено — его действительно не было, в этом месте видны и фрагменты креста, и часть надписи второго этапа, перекрытые лишь росписью четвертого этапа. Добавим, что под изображением святителя имеется процарапанное по штукатурке граффито, являющееся подписью к изображению с именем святого Николая (см. **III.3.C.c). Видимо, перед нами образ свт. Николая** Мирликийского, что подтверждает и его иконография[55].

Нижняя часть фигуры св. Николая не сохранилась. Сказать уверенно, было ли это изображение ростовым или поясным, не представляется возможным — до верха синтрона, уровень которого определяется точно, достаточно места для помещения там изображения стоящего человека. Видна верхняя часть розоватой фелони с воротом, украшенным простейшим Г-образным орнаментом, и омофор с черными крестами. Просматривается также контур закрытого Евангелия и благословляющая правая рука. Святитель исполнен плоскостно и довольно графично: основу изображения создает линейный рисунок (в основном красный, только омофор с крестами прорисован черными линиями). На лике лишь в некоторых местах (например, под бровями) даны легкие притенения прозрачной охрой. Волосы и борода прокрыты прозрачным серым пигментом, по которому дана белильная разделка.

Изображения третьего этапа, насколько об этом можно судить, написаны вполне профессионально, но очень просто, с минимальной тоно-

[55 Вспомним, что по указанию Струкова, святой, «ликом похожий» на св. Николая, был написан в ктиторском приделе Среднего Зеленчукского храма (II.3.C.d).]

вой разделкой. Использовано всего три пигмента: сажа, белила и красная охра[56].

III.2.D. Четвертый этап. Спустя определенное время изображения второго и третьего этапов были перекрыты новой обмазкой, причем старая штукатурка к тому времени местами имела крупные выпады (например, на южной стене восточной ветви креста, выше строительной надписи). Новая обмазка представляет собой раствор желтого цвета, напоминающий нежирный суглинок, с добавлением мелко рубленой соломы. По всей видимости, она сделана на основе глины и напоминает ганчевые штукатурки, популярные на Востоке[57]. Слой настолько хрупок (например, легко размывается водой), что нельзя не удивляться, как на нем еще сохранился красочный слой, причем кое-где сравнительно неплохо. Вероятно, довольствоваться нежирной глиной пришлось за неимением извести. Местами изображения второго этапа (орнамент-плетенка) покрыты глубокими параллельными царапинами: по-видимому, они сделаны для лучшего сцепления с новым слоем (надо сказать, что по «священным» изображениям Богородицы и Николы третьего этапа таких царапин не сделали). Желтая обмазка полностью покрывает стены апсиды, местами нанесена в восточной ветви креста, а пятнами — и в других частях храма, там, где, кажется, особой нужды в этой обмазке не было. Основная же часть последнего слоя живописи в наосе лежит на старой первоначальной штукатурке, где изображений ранее не имелось.

На этом последнем этапе стены храма были расписаны полностью, в традиционной технике «по сухому» (al secco). При этом у художников был крайне ограниченный набор пигментов: как и на двух предыдущих этапах росписи Сентов, были использованы только красная охра, сажа и белила. Желтая краска полностью отсутствует.

Сейчас от изображений четвертого периода сохранился один регистр в апсиде, и два регистра на стенах наоса — местами до уровня окон. Нижний регистр начинался на высоте более метра и, судя по всему, от него до пола было оставлено пустое поле. Композиции разделены орнаментальной горизонтальной разгранкой и вертикальными красно-коричневыми полосами (см. III.2.D.e).

III.2.D.a. Барабан. Известно, что в простенках между окон барабана (их восемь) прослеживались нижние части фигур[58]. Имеется цветной рисунок

[56 В нашей статье (*Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю.* Фрески…) мы ошибочно написали, что также применена желтая охра, и теперь пользуемся случаем исправить ошибку.

57 В принципе, сделанные с использованием глиняной обмазки турлучные постройки, по понятным причинам не дошедшие до нашего времени, были широко распространены на Северном Кавказе до самого последнего времени. Их остатки неоднократно находили и при раскопках аланских поселений (см., напр.: *Биджиев Х.Х.* Исследования средневековых поселений Карачаево-Черкесии и степного Предкавказья в 1985–1986 гг. // Вопросы археологии и средневековой истории Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1989. С. 26, 32–38).

58 *Владимиров И.А.* Указ. соч. С. 8.]

[*Табл. 19*] Владимирова одной из них «на северной стороне», на котором видны ноги в обуви и длинная одежда[59]. В барабане храма могли изобразить архангелов и пророков, но на рисунке Владимирова одежда не похожа ни на ангельскую, ни на пророческую. Вместе с тем, на зарисовке эта фигура сходна с фигурами второго регистра в алтаре, где, видимо, были изображены апостолы (см. III.2.D.b). Фронтальные изображения апостолов в барабанах встречаются (напр., в Софийском соборе и Кирилловской церкви в Киеве, в Софии Трапезундской), но во всех известных нам примерах апостолов 12, в нашем же случае простенков между окнами лишь восемь. Против подобной атрибуции фигур в барабане говорит и то, что апостольский ряд находился (предположительно) в апсиде (III.2.D.b)[60]. Таким образом, программа росписи купольной части Сентинского храма остается под вопросом.

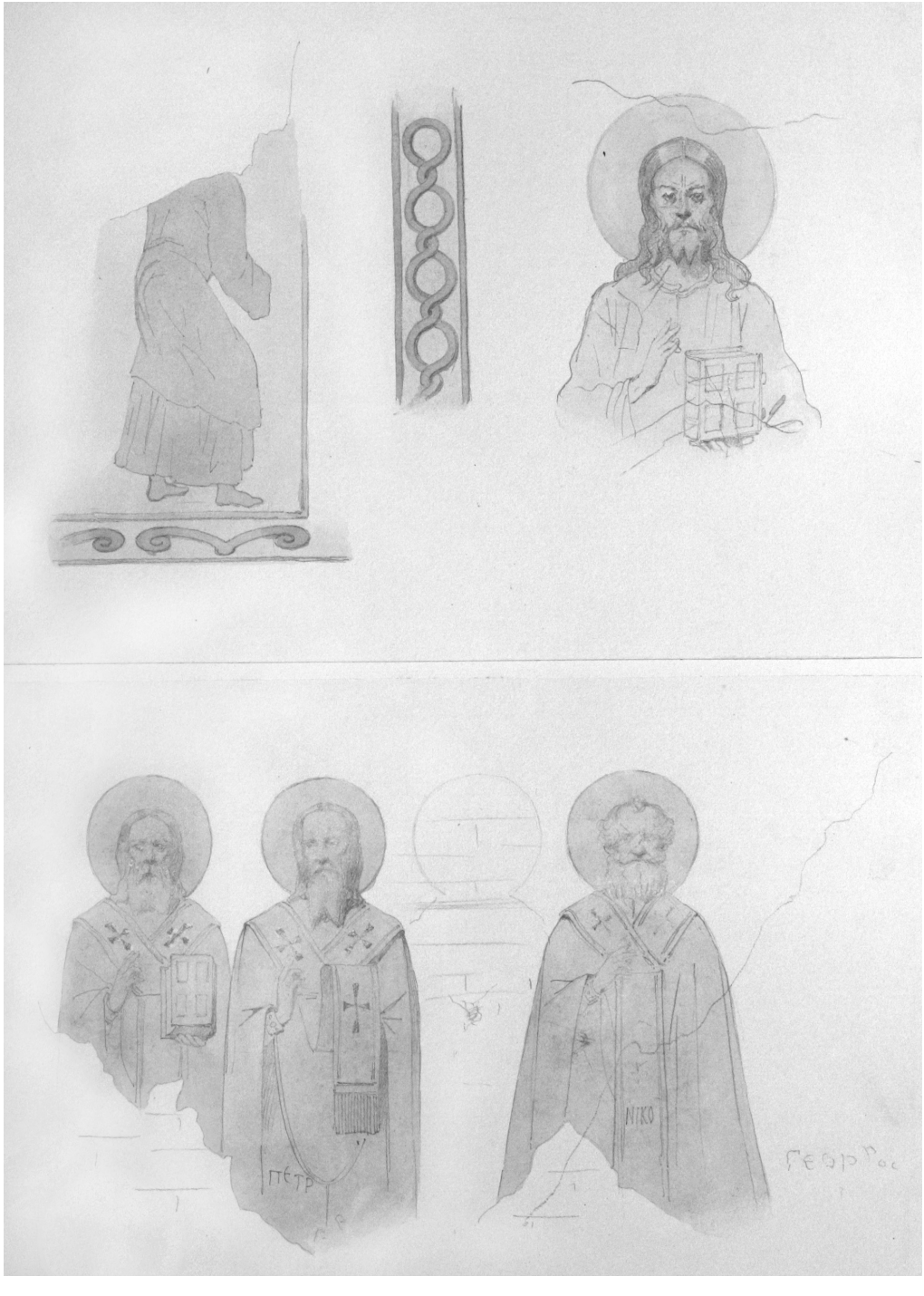
III.2.D.b. Апсида. В апсиде размещены восемь фронтальных фигур святи-
[*Табл. 21–23, 30*] телей[61]. С северной стороны они сильно осыпались, благодаря чему хорошо читаются ранние слои. С юга сохранность лучше: можно даже судить о личнóм письме. Местами видны части вполне традиционных святительских облачений (фелони, омофоры, палицы и т.д.), закрытые книги, руки в благословляющих жестах. Интересно, что нет ни одной крещатой фелони-полиставрионa.

У фигуры святителя на южной стене апсиды, у окна справа, верхняя часть не сохранилась, но, вероятнее всего, это было изображение свт. Иоанна Златоуста. Далее, судя по остаткам подписи и иконографии святого, располагается
[*Табл. 31*] образ свт. Василия Великого. Следующий святитель не опознается: от надписи сохранились лишь незначительные следы. Лик этого отца Церкви тоже практически утрачен, но читается длинная заостренная борода коричневого цвета (*илл.* на с. 222). У четвертого (крайнего) слева святителя на южной стороне апси-

[59 ИИМК РАН. РА. Р. I. Д. 201. Л. 11. Абрис барабана и окон на рисунке даны в ракурсе — Владимиров находился ниже, видимо в южной ветви, где снимал кальку с фигуры Спасителя из Воскрешения Лазаря, для чего наверняка были сооружены леса. Таким образом, до изображений в барабане было около четырех метров. Это необходимо учитывать, анализируя зарисовку Владимирова — какие-то детали могли быть поняты им неверно.

60 Почти такое повторение сюжета имеется в огромном соборе Софии в Киеве: Причащение апостолов в апсиде и отдельно стоящие апостольские фигуры в барабане. Причем «замена пророческих фигур на изображения апостолов была предопределена уже при строительстве храма, поскольку в центральном барабане было сделано не 8, как обычно, а именно 12 окон» (*Сарабьянов В.Д., Смирнова Э.С.* История Древнерусской живописи. М., 2007. С. 29–30, 33–36). Вместе с тем, в столь некрупном по масштабу ансамбле росписей, как сентинский, аналогичный повтор отдельно стоящих фигур кажется маловероятным.

61 В атрибуцию некоторых святых в нашей прежней публикации (*Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю.* Фрески...) после дополнительних натурных обследований внесены коррективы.]



[*«Изображения на стенах Тебердинской церкви». Рисунок Н.А. Нарышкина. 1867 г. ИИМК РАН. Р. I. Д. 315. Л. 13*]

[*«Изображения на стенах Тебердинской церкви». Рисунок Н.А. Нарышкина. 1867 г. ИИМК РАН. Р. I. Д. 315. Л. 14*]

[*Сентинский храм. Северная стена алтаря. Лик Григория Богослова. IV этап. Сверху прослеживается часть орнаментального пояса II этапа*]

ды сохранилась подпись — «святой Елевферий» (ὁ ἅ(γιος) Ἐλεφθέρ[ιος] — sic!). Этому соответствует и иконография представленного здесь святого, особенно его характерная рыжая борода[62].

На противоположной, северной стене апсиды, справа у окна располагался, скорее всего, ныне утраченный образ Николая Мирликийского. Он попал на первенствующее место, вероятно, в силу его особого почитания в храме (см.

[62 Образ св. Елевферия относительно распространен в византийской иконографии XI-XII веков, например, его изображения имеются в Осиос Лукас и Дафни в Греции, в Бетаниа в Грузии, однако из приведенных примеров лишь в последнем случае изображение находится, как и в Сентах, в алтаре. Причину подобного размещения образа Елевферия еще предстоит разъяснить.]

[*Сентинский храм. Южная стена алтаря. Неизвестный святитель. IV этап*]

III.2.C) и потому, что здесь находилось более раннее, третьего этапа, изображение этого же святого. Такой его атрибуции не противоречат и иконография святого на копии Владимирова (где святитель изображен с недлинной округлой бородой)[63], и остатки надписи (.НК.ЛА..). Кроме того, в фонде кавказской экспедиции Нарышкина хранится рисунок святых отцов (*илл.* на с. 219) на левой стороне апсиды Сентов, и самая правая фигура действительно очень похожа на образ свт. Николая Мирликийского. Мало того, в этой копии на его омофоре имеется надпись «NIKO», вероятно являющаяся граффито (ср. III.3.C.p)[64].

Далее, второй слева находилась, видимо, фигура Григория Богослова: хотя от его лика сохранился только фрагмент, характерная форма бороды свойственна изображениям именно этого святого епископа (*илл.* на с. 221). Следующий, третий справа (второй слева) святой точно не опознается: от его имени сохранились только фрагменты (Валерий?). У этого святого длинная, заостренная и седая борода. Кстати, на упомянутом рисунке из материалов экспедиции Нарышкина, на облачении этого святого написано имя «Петр», также, вероятно, являющееся граффито (см.: III.3.D). Слева от него, у края апсиды, стоит, судя по подписи, свт. Власий Севастийский, популярный в Малой Азии (и Византии вообще) святой.

Выше располагался ряд фронтальных фигур, который уже в XIX веке был сильно разрушен. В настоящее время от него сохранились лишь незначительные фрагменты ног, не позволяющие даже уверенно судить, обувь это или босые ступни. Бернадацци пишет, что «в алтаре, над тремя окнами, видно большое изображение Божией Матери, а над оным Тайная Вечеря»[65]. Вероятно, изображение Оранты третьего этапа просматривалось уже тогда, а «Тайной Вечерей» исследователь назвал тот самый фронтальный ряд святых, от которого, по данным Сысоева и Владимирова (см. далее), сохранялись под самым сводом апсиды головы с нимбами. Так, Сысоев указывал, что «в купольной части над алтарем… в южном углу заметны 6 голов, расположенных рядом»[66]. По свидетельству Владимирова, во втором регистре алтаря были «написаны… ряды святых, от которых… заметны слабые контуры подолов одежд, окаймленных узорами и несколько ног, обутых в красные сапоги. Средние и верхние части этих фигур написаны на полусферическом куполе апсиды; здесь местами штукатурка обвалилась, и лишь на своде заметны головы фигур, окруженные сияниями желтого цвета с черными линиями вокруг»[67]. Мы не беремся говорить уверенно, ряд каких святых был здесь изображен. Обычно в алтаре над святителями изображались, в том или ином изводе, апостолы. Это соответствовало общепринятому канону и символически изображало

[*Табл. 20*]

[63 ИИМК РАН. РА. Р. I. *Д.* 201. *Л.* 8; *Владимиров И.А.* Указ. соч. Табл. 9.

64 ИИМК РАН. РА. Р. I. *Д.* 315. *Л.* 13.

65 Христианские древности за Кубанью // Журнал министерства внутренних дел. СПб., 1830. Ч. III. 1830. Кн. 4. С. 188.

66 *Сысоев В.М.* Карачай... С. 101.

67 *Владимиров И.А.* Указ. соч. С. 11, 13.]

преемственность церковных традиций от учеников Христа к их последователям «Отцам Церкви». Так понял этот ряд и Бернадацци («Тайная Вечеря»). Но, судя по рисунку Владимирова, одежды этих святых не похожи на гиматии и хитоны, их подолы были окаймлены узорами, а на ногах святых, по указанию того же автора, были «красные сапоги», т.е. их одежды не были апостольскими[68]. Надо отметить, что, судя по рисункам Владимирова, фрагменты этих фигур напоминали изображение в барабане, причем обе композиции были в очень плохом состоянии («едва заметны», «слабые контуры»).

III.2.D.c. Верхний регистр наоса. В наосе верхний регистр занят изображениями евангельских сцен, в т.ч. и страстного цикла. Повествование начиналось с восточной стены северного рукава, где располагается сцена Благовещения. Хорошо сохранилась нижняя часть фигуры архангела, обутого в красные сапожки, украшенные жемчугом. Видны края белого, покрытого мелкими складками хитона и красно-коричневого гиматия. Архангел ступает по розовому, расчерченному прямоугольниками полу. Видимо, рисунок именно этой фигуры есть в исполнении Нарышкина, однако здесь ее силуэт несколько «облагорожен» и трудно узнаваем, край «трона» Богоматери принят за разгранку между композициями, а орнамент передан неправильно и обобщенно[69] (*илл.* на с. 219).

Фигура Богородицы на этой фреске сейчас только угадывается: не удается даже определить, стоит Она или сидит. От «трона» остались лишь незначительные фрагменты, по которым, однако, понятно, что он был покрыт белой тканью и украшен орнаментом и жемчугом.

Далее, за углом, на северной стене восточной ветви креста находится сильно утраченное изображение Рождества Христова. По всей видимости, именно об этих четырех фигурах пишут Нарышкин и Сысоев[70]. Эта сцена, в отличие от остальных сохранившихся в Сентах композиций христологического цикла, занимала оба регистра и доходила почти до низа. В верхней ее части читается край ложа Богородицы с постеленной на нем белой тканью и фрагмент изображения барашка[71]. Ниже видна часть купели, в которой омывают Младенца, и силуэт служанки слева. На рисунках Дьячкова-Тарасова и Нарышкина виден также младенец Христос и фрагмент фигуры служанки справа от купели, с кувшином в руках. На копии Нарышкина в левой части композиции имеется также изображение старца с поднятой кверху левой рукой. Вероятно, это один из пастухов, указывающий на Рождественскую звезду[72] (*илл.* на с. 220).

[68 ИИМК РАН. РА. Р. I. *Д.* 201. *Л.* 9.

69 ИИМК РАН. РА. Р. I. *Д.* 315. *Л.* 13.

70 Отчет гг. Нарышкиных... С. 356; Сы*соев В.М.* Карачай... С. 100.

71 Сысоев отметил в этом месте «полулежащую фигуру и около несколько (2?) овец» (*Сысоев В.М.* Карачай... С. 101).

72 *Дьячков-Тарасов А.Н.* Указ. соч. Табл. 12; ИИМК РАН. РА. Р. I. *Д.* 315. *Л.* 14.]

[*Сентинский храм. Нога Спасителя. Деталь композиции «Преображение». Южная стена южного рукава. IV этап*]

Напротив, на южной стене, во втором регистре композиция почти утрачена. В соответствии с последовательностью изображений, там могла быть сцена Сретения, с чем вполне согласуются небольшие фрагменты архитектуры, сохранившиеся в верхней части. Далее, за углом, видимо находилось Крещение. Ныне эта композиция практически утрачена, но Владимиров видел еще здесь «следы каких-то фантастических рыб и два лика святых», а Сысоев отмечал «часть ног человеческой фигуры и две рыбы»[73].

Над южным входом неплохо сохранились сцены Преображения и Воскрешения Лазаря (они разделены слабо просматривающейся коричневой вертикальной линией). В сцене Преображения полностью утрачена только правая фигура упавшего апостола (она есть на копии Владимирова). Остальные фигуры вполне читаются. В центре стоит Спаситель в розоватой одежде, с Евангелием в левой руке. Хорошо сохранилась также Его благословляющая правая рука и покрытый орнаментом «поруч». Мандорлы вокруг Христа нет — от фигуры расходятся написанные белилами лучи. По сторонам от Спасителя видны Моисей (слева от зрителя) и Илия. Над головой последнего сохранилось [*Табл. 24, 32*]

[73 *Владимиров И.А.* Указ. соч. С. 9; *Сысоев В.М.* Карачай... С. 101.]

[*Сентинский храм. Моисей. Фрагмент композиции «Преображение». Южная стена южного рукава. IV этап. Фото авторов. 2009 г.*]

изображение горки. Вероятно, рисунок в материалах экспедиции Нарышкина, изображающий поясного благословляющего Спасителя с книгой, является копией части центральной фигуры этой композиции[74] (*илл.* на с. 219).

В Воскрешении Лазаря неплохо сохранилась часть фигуры Спасителя: с нее Владимиров не только сделал акварельный рисунок, но и снял кальку, которая была опубликована[75]. Угадывается силуэт стоящего позади Христа апостола (видимо, Петра), а также фигура человека, прикрывающего рукавом нос от смрада. Хорошо видна гробница Лазаря (прорисована кладка) и отваленная крышка гроба. Коленопреклоненная женская фигура в нижней части композиции утрачена полностью, но представление о ней мы можем составить по рисункам Владимирова и Дьячкова-Тарасова[76]. [*Табл. 24, 33*]

Далее, на западной стене, Вход Господень в Иерусалим (*илл.* на с. 220). Хорошо сохранилась фигура коленопреклоненного юноши. На рисунках XIX века видна одежда, которую он постилает на дорогу, голова осла, а также ноги встречающих Христа жителей Иерусалима[77]. В левой части композиции сохранились также пальцы ног одного из апостолов. Хорошо виден волнистый позем. [*Табл. 25*]

Следом, за углом, видимо на всю ширину южной стены западной ветви, располагалась композиция, от которой хорошо сохранилась коленопреклоненная мужская фигура с мечом, а левее, в центре, просматривается ступня правой ноги в сандалии и, немного ниже, щит. Владимиров указывает на три стоящие в центре фигуры, хотя на его копии видны ступни только двух[78]. Художник предположил, что здесь изображено Воскресение: средняя фигура, «по-видимому, должна изображать Спасителя», а фигура с мечом, вероятно, была интерпретирована как спящий воин у гроба Христа[79]. Но подобная иконография совершенно не характерна для византийского искусства. Вероятнее, на самом деле, что перед нами Взятие Христа под стражу, где обычно в центре помещали фронтальную фигуру Спасителя. Фигура слева от Спасителя, которую Владимиров принял за ангела, может быть изображением Иуды, которого в этой композиции изображали в три четверти. Изображения ступней, частично сохранившиеся до сих пор, а частично известные нам по копии Владимирова, вполне этому соответствуют. Тогда человек слева с мечом — это один из воинов и служителей, которые, «когда [Христос] сказал им: это Я, … [*Табл. 26, 34*]

[74 ИИМК РАН. РА. Р. I. *Д.* 315. *Л.* 13 (справа вверху).

75 *Владимиров И.А.* Указ. соч. Табл. 6.

76 ИИМК РАН. РА. Р. I. *Д.* 201. *Л.* 5; *Владимиров И.А.* Указ. соч. Табл. 5; *Дьячков-Тарасов А.Н.* Указ. соч. Табл. 3.

77 ИИМК РАН. РА. Р. I. *Д.* 315. *Л.* 14; *Д.* 201. *Л.* 4; *Владимиров И.А.* Указ. соч. Табл. 4; *Дьячков-Тарасов А.Н.* Указ. соч. Табл. 2.

78 ИИМК РАН. РА. Р. I. *Д.* 201. *Л.* 3.

79 *Владимиров И.А.* Указ. соч. С. 8.]

отступили назад и пали на землю» (Ин 18, 6). Впрочем, прямых аналогий этой сентинской композиции мы указать не можем[80].

Предлагаемая нами атрибуция основана и на хронологической последовательности сцен: далее, над западным входом, сохранились две композиции: Христос перед первосвященниками и Христос перед Пилатом. В первой из них просматривается нижняя часть одежды (коричневый хитон и серый гиматий) и левая ступня Спасителя, ноги фигуры стражника (на рисунке Владимирова он держит меч)[81] и сидящий перед ними первосвященник. Изображение последнего сохранилось почти полностью: хорошо видна его голова со светлой бородой, повязанная белым орнаментированным платком, и длинная одежда. Сохранился также стул с перекрещивающимися ножками и белой орнаментированной подушкой, край подножья и фрагмент «палат» сзади. [*Табл. 27*]

Хотя следующая сцена, Христос перед Пилатом, сохранилась частично, по-другому ее вряд ли можно толковать: хорошо просматривается край одежды Христа (аналогичной одеянию в предыдущей сцене) и силуэт (почти полностью) охраняющего его воина.

В других местах живопись второго регистра почти полностью пропала, но, согласно описанию Сысоева, на северной стене северной ветви над входом было «изображение церкви или здания и 4 фигуры»[82]. Древняя штукатурка на этом месте сохранилась, но от красочного слоя остались лишь незначительные фрагменты, и определить, что это была за композиция, уже нельзя. Можно лишь предположить, что здесь находилось Успение Богоматери. Обычно именно Успением замыкался христологический цикл. Если наше предположение верно, то эта обширная композиция должна была занимать весь второй регистр торцовой стены. О значимости Успения для кавказских храмов с «абстрактным» богородичным посвящением говорит, например, тот факт, что престольный праздник в Зругском храме в Двалетии («Хозиты-Майрам»; см. IV.1.B) до сих пор отмечается именно на Успение, 28 августа. Да и вообще по всему Северному Кавказу (не только у осетин, но и у давно принявших ислам адыгов и «горских татар») день «Майрам» («Мейрем», «Байрым» и т.д.) приходится как раз на Успение[83], что указывает на древность этой традиции.

III.2.D.d. Нижний регистр наоса. По низу в наосе идет ряд сильно поврежденных изображений святых. Около многих из них сохранились подписи. Алтарь фланкируют два конных мученика: это светлый курчавый Меркурий (или

[80 Описывая эту композицию, Сысоев указывает еще на некую «голову на полу». К сожалению, что́ исследователь имел в виду, теперь приходится только догадываться: возможно, это была голова коленопреклоненного воина (*Сысоев В.М.* Карачай... С. 101).

81 ИИМК РАН. РА. Р. I. *Д.* 201. *Л.* 13; *Владимиров И.А.* Указ. соч. Табл. 2. См. также: *Дьячков-Тарасов А.Н.* Указ. соч. Табл. 16.

82 *Сысоев В.М.* Карачай... С. 101.

83 См., напр.: *Шортанов А.Т.* Адыгская мифология. Нальчик, 1982. С. 170.]

Димитрий) и темноволосый бородатый Феодор (на восточных стенах, соответственно, северной и южной ветвей креста)[84]. Оба мученика одеты в доспехи, видны развевающиеся сзади плащи характерной «грибовидной» формы. Угадываются голова коня Феодора, щит за спиной Димитрия и копья.

Остальные святые изображены фронтально во весь рост. К сожалению, многие надписи утрачены. Одна читается у мученика Мины, слева от северной двери. Этот святой представлен в позе оранта. В соответствии с традицией, на его груди был написан образ Христа Эммануила: просматриваются слабые следы личнóго Спасителя. Фигура справа от двери не сохранилась, есть лишь неразборчивые остатки подписи.

Правая фигура на южной стене восточной ветви — архангел (Михаил?), судя по описанию Владимирова, с крыльями, копьем в руке и в панцире[85]. Левая — мужской образ с высоким лбом, коричневыми бородой и волосами (мученик?)[86]. [*Табл. 28*]

От фигуры слева от южной двери сохранился абрис головы и венец, украшенный «жемчугом». Судя по иконографии и остаткам надписи, это мученик Никита. Описание воина справа, ныне сильно попорченное, дает Дьячков-Тарасов: «молодое лицо опушено вьющейся бородою, в правой приподнятой руке копье»[87]. По сохранившемуся началу надписи можно предполагать здесь какое-то имя, начинающееся на Христо-, типа Христофор. Видимо, воинскими были обе фигуры, фланкировавшие вход. [*Табл. 24*]

Далее, на западной стене южного рукава, были изображены трое преподобных[88]. Подписи читаются у Антония и Иосифа (второй и третий слева). На южной стене западного рукава, были четыре фигуры преподобных[89]. По надписям опознаются Савва и Онуфрий Великий (первый и третий слева), причем иконография Онуфрия соответствует традиционной: полуобнаженный длин- [*Табл. 25, 26*]

[84 Подпись у св. Феодора утрачена, но этот мученик по иконографии атрибутируется бесспорно. Надпись около фигуры другого всадника сохранилась столь плохо, что возможно ее прочтение как «Георгий». Но мы склоняемся именно к варианту «Дмитрий», хотя пара мучеников Феодора и Дмитрия необычна.

85 *Владимиров И.А.* Указ. соч. С. 10. Рис. 7. Видимо эту фигуру Сысоев посчитал женской (*Сысоев В.М.* Карачай... С. 100). К сожалению, атрибуция этого образа по надписи невозможна: фон утрачен полностью. Ее рисунки см. также в: ИИМК РАН. РА. Р. I. *Д.* 201. *Л.* 12; *Дьячков-Тарасов А.Н.* Указ. соч. Табл. 6.

86 *Дьячков-Тарасов А.Н.* Указ. соч. Табл. 5.

87 Там же. С. 9. Табл. 4. Рисунок этой фигуры см. также в: ИИМК РАН. РА. Р. I. *Д.* 201. *Л.* 5; *Владимиров И.А.* Указ. соч. Табл. 5.

88 См. рисунок: ИИМК РАН. РА. Р. I. *Д.* 201. *Л.* 4; *Владимиров И.А.* Указ. соч. Табл. 4; *Дьячков-Тарасов А.Н.* Указ. соч. Табл. 2.

89 См. рисунок: ИИМК РАН. РА. Р. I. *Д.* 201. *Л.* 3; *Дьячков-Тарасов А.Н.* Указ. соч. Табл. 1.]

нобородый старец. Второй слева святой на этой же стене по незначительным остаткам надписи уверенно не атрибуируется (ясно читается лишь начальная «А» — Арсений?). Это чернобородый старец с пышной шевелюрой. Интересно, что Владимиров, описывая изображения этого регистра, указывает на «святых мужей с крестами и образами в руках»[90]. На его копии в руках у этой фигуры, действительно, показана икона-складень — возможно, это изображение кого-то из святых иконопочитателей: так изображался, например, Стефан Новый. На этой же стене самая крайняя фигура справа имела длинную подпись, в которой разборчивы лишь слова τοῦ ἁγίου μοναχ... «святого монах…»)[91]. Таким образом, на западной стене южной ветви креста, а также на южной стене западного рукава все сохранившиеся святые — это преподобные.

Красочный слой на западной стене северной ветви креста полностью утрачен, но, судя по описаниям Дьячкова-Тарасова, Сысоева и епископа Владимира[92], в нижнем регистре было три женских изображения (мученицы?). Изображения, фланкировавшие западную дверь, также погибли полностью. Возможно, что святых там и не было: слева от проема сохранился незначительный фрагмент орнамента (видимый, кстати, и на копии Владимирова[93]), не позволяющий там разместить человеческую фигуру.

Самая интересная, на наш взгляд, композиция нижнего регистра, к сожалению, также почти полностью утрачена. Она располагалась на северной стене западной ветви креста. У Дьячкова-Тарасова и Владимирова имеются ее зарисовки, на которых слева видна фронтальная голова в венце и с нимбом (сейчас там просматриваются лишь слабые следы санкиря и белильная «бусина») и справа обращенная к алтарю Богоматерь (в настоящее время по очень незначительным остаткам коричневого мафория примерно угадывается Ее силуэт)[94] (илл. на с. 231). Перед Богородицей, по всей видимости, был сегмент неба: на неопубликованной копии Владимирова в верхнем правом углу видны пальцы благословляющей руки. Венец на голове левой фигуры указывает на царское достоинство, но для ее точной атрибуции данных не достаточно: неясно даже, мужская это фигура, или женская. В венцах изображали, например, святых царей Константина и Елену, а также мучениц Екатерину или Варвару. Дьячков-Тарасов, например, предположил, что это было изображение царицы. Однако,

[*Табл. 28*]

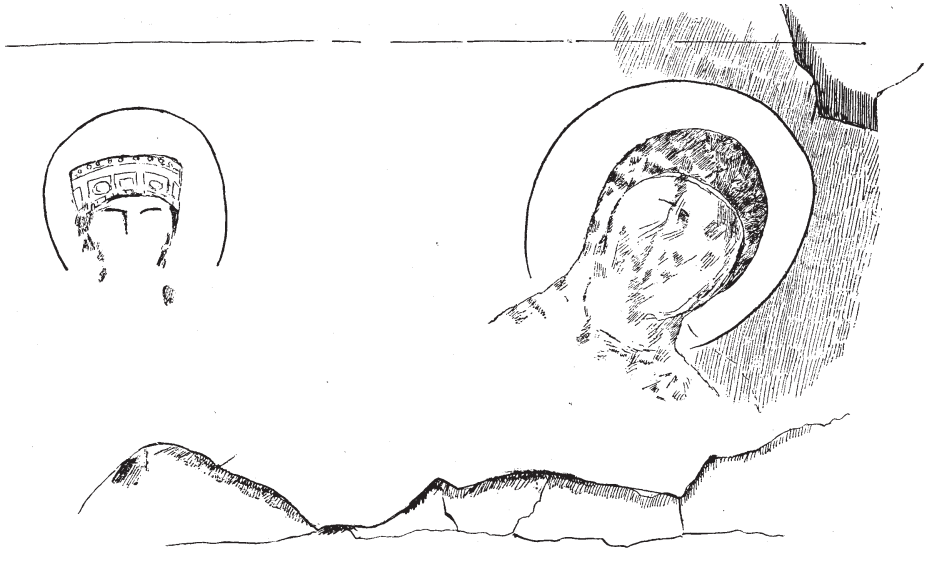
[90 *Владимиров И.А.* Указ. соч. С. 10.

91 Сысоев говорит про 4 фигуры, из которых 3 мужские (*Сысоев В.М.* Карачай... С. 100). По всей видимости, исследователь не был уверен в атрибуции самого правого святого, который, судя по остаткам личнóго, не имеет бороды. Однако, скорее всего, это тоже мужское изображение.

92 *Дьячков-Тарасов А.Н.* Указ. соч. Табл. 13, 14; *Сысоев В.М.* Карачай... С. 100; Священные... С. 915.

93 ИИМК РАН. РА. Р. I. Д. 201. Л. 13; *Владимиров И.А.* Указ. соч. Табл. 2.

94 ИИМК РАН. РА. Р. I. Д. 201. Л. 12; *Дьячков-Тарасов А.Н.* Указ. соч. Табл. 15.]



[*Сентинский храм. Фреска на северной стене западного рукава. Рисунок. По А.Н. Дьячкову-Тарасову. 1898 г.*]

по мнению Владимирова, это император или князь. Вполне возможно, что это был портрет правителя Алании: либо строителя церкви, либо заказчика последнего слоя росписи (см. I.5). В пользу того, что перед нами ктиторская композиция, говорит и изображение Богородицы, в позе моления предстоящей Христу (т.е. в иконографии Агиосоритиссы). Интересно, что эта иконография Богоматери встречается на печати аланского митрополита Евстратия, которую Зайбт датирует серединой XI века[95]. Не исключено, что роспись Сентинского храма была осуществлена именно при Евстратии (он, кстати, мог быть изображен на данной фреске слева от царя, где достаточно места для еще одной фигуры). Таким образом, утраченная ныне композиция являлась, возможно, вторым известным нам портретом аланского правителя (см. I.5).

III.2.D.e. Орнаменты. Обращает на себя внимание красивый орнаментальный пояс, проходящий между регистрами горизонтальной лентой, а на южной стене западной ветви слева — также поднимающийся вертикально. Существует два вида этих орнаментов. Один из них разделяет регистры в алтаре — от него сохранились только фрагменты, и полностью его структура еще не реконструирована. Видимо, это был так называемый «S-образный» орнамент, повторяющиеся звенья которого соединялись между собой парными кольцевидными перемычками (сохранилось один такой промежуток между звеньями). При этом «S-образно» изогнутые элементы орнамента заканчиваются семилепестковыми пальметтами, включенными в образованные стеблями незамкнутые кольца. Владимиров описал его, как «составленный из [*Табл. 21*]

[95 *Seibt W.* Metropoliten... C. 52–54.]

повторяющихся по очереди крестов и кружков, переплетенных листьями и фантастическими завитками»[96]. Однако это описание не очень точное, как и его рисунок[97], поскольку возможности рассмотреть «бордюр» с близкого расстояния, видимо, не было.

[*Табл. 34, 35*] Пояс, разделяющий регистры в наосе, а в одном месте и поднимающийся вертикально (на южной стене западной ветви), представляет собой извивающуюся ветвь с листьями, которая также разделена на отдельные звенья. Эти орнаменты смотрятся довольно элегантно и находят параллели в закавказских и восточновизантийских памятниках, хотя прямых аналогов мы назвать не можем.

Орнамент, приведенный в работе Дьячкова-Тарасова и отмеченный Кузнецовым, является, видимо, ныне утраченным украшением облачения одного из Отцов (края епитрахили самого левого святителя?).

Зарисовка еще одного орнамента имеется в материалах экспедиции Нарышкина[98]. Это вертикальная линия плетенки. Однако ее расположение не ясно, как и не ясно, с какой точностью этот орнамент передан — сохранившийся по сей день «бордюр» под фигурой архангела Гавриила в Благовещении изображен на этом же листе весьма неточно (III.2.D.c) (илл. на с. 219).

III.2.D.f. Фасадная роспись. Существовала роспись и на фасаде Сентинского храма. Единственное свидетельство об этом содержится в материалах Фирковича, побывавшего здесь, согласно указанию в его статье, в 1848–1849 годах. На фотографиях Астафьева, сделанных на 18 лет позже, внешние стены храма уже практически полностью свободны от штукатурки и никаких следов фасадной росписи не видно. Текст путевого дневника Фирковича, где содержатся натурные зарисовки, написан на иврите и еще не переведен. Поэтому у нас не было возможности прочесть комментарии к ним, но в целом смысл изображений понятен. И хотя рисунки этого внимательного, но абсолютно не умевшего рисовать исследователя до смешного примитивны, они несут уникальную информацию и заслуживают пристального внимания[99] (илл. на с. 234, 235).

Фирковичем зафиксированы изображения трех полуфигур с нимбами, находившихся над окнами на одном из фасадных щипцов Сентинского храма. На том же развороте дан более крупный рисунок этой же живописной композиции, доказывающий, что перед нами не просто фантазия Фирковича. Ве-

[96 *Владимиров И.А.* Указ. соч. С. 13.

97 ИИМК РАН. РА. Р. I. Д. 201. Л. 6; *Владимиров И.А.* Указ. соч. Табл. 8.

98 ИИМК РАН. РА. Р. I. Д. 315. Л. 13 (верхний ряд, в центре).

99 РНБ. ОР. Ф. 946. Д. 80. Л. 11об.–12, 23. В фонде А. Фирковича имеется также альбом рисунков (прилагавшийся к рукописной «Краткой записке об археологической поездке на Кавказ»), основанный на материалах полевого дневника и поэтому вторичный (РНБ. ОР. Ф. 946. Д. 318). Об этом см.: *Виноградов А.Ю.* Сентинский храм в дневнике Авраама Фирковича // Проблемы хронологии и периодизации памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Магас, 2010. С. 85–88.]

роятно, фреска находилась на южной или северной стене — во всяком случае, не на восточной (на рисунке не показана апсида, но есть окна и дверь), и, возможно, не на западной — в этом ракурсе вход в храм был бы не виден. Трудно сказать уверенно, кто изображен на рисунке Фирковича, но, вероятно, в центре расположен Христос: странную форму Его нимба можно объяснить тем, что исследователь не понял традиционного перекрестия, но старательно зарисовал то, что видел. Тогда всю композицию надо трактовать как Деисус.

Можно лишь предполагать датировку этих изображений. Они, вероятно, относятся к самому последнему, четвертому этапу декорации Сентинского храма, то есть ко 2-й половине XI — началу XII века. Если вначале роспись интерьера нашего памятника была ограничена только пространством апсиды и живописный декор на фасаде маловероятен, то на последнем этапе, когда был расписан весь интерьер и, возможно, отремонтированы притворы, появление наружных изображений выглядит вполне логично. Надо сказать, что в христианском искусстве фасадные росписи были широко распространены с самого раннего времени, хотя, по вполне понятным причинам, они в основном уже утрачены[100]. Из географически ближайших примеров можно привести свидетельства о таких изображениях на стенах небольшой церкви в Верхнем Чегеме (см. IV.5) и дошедшие до нашего времени фасадные росписи многочисленных зальных храмов в Сванетии[101].

III.2.D.g. Стиль и иконография. Сохранность росписей, к сожалению, не позволяет ныне уверенно судить об их живописных качествах — они представляют скорее археологический, чем искусствоведческий интерес. Однако некоторые заключения о стилевых особенностях живописи Сентов все же сделать можно. Восстанавливается, что очень важно, и значительная часть иконографической программы.

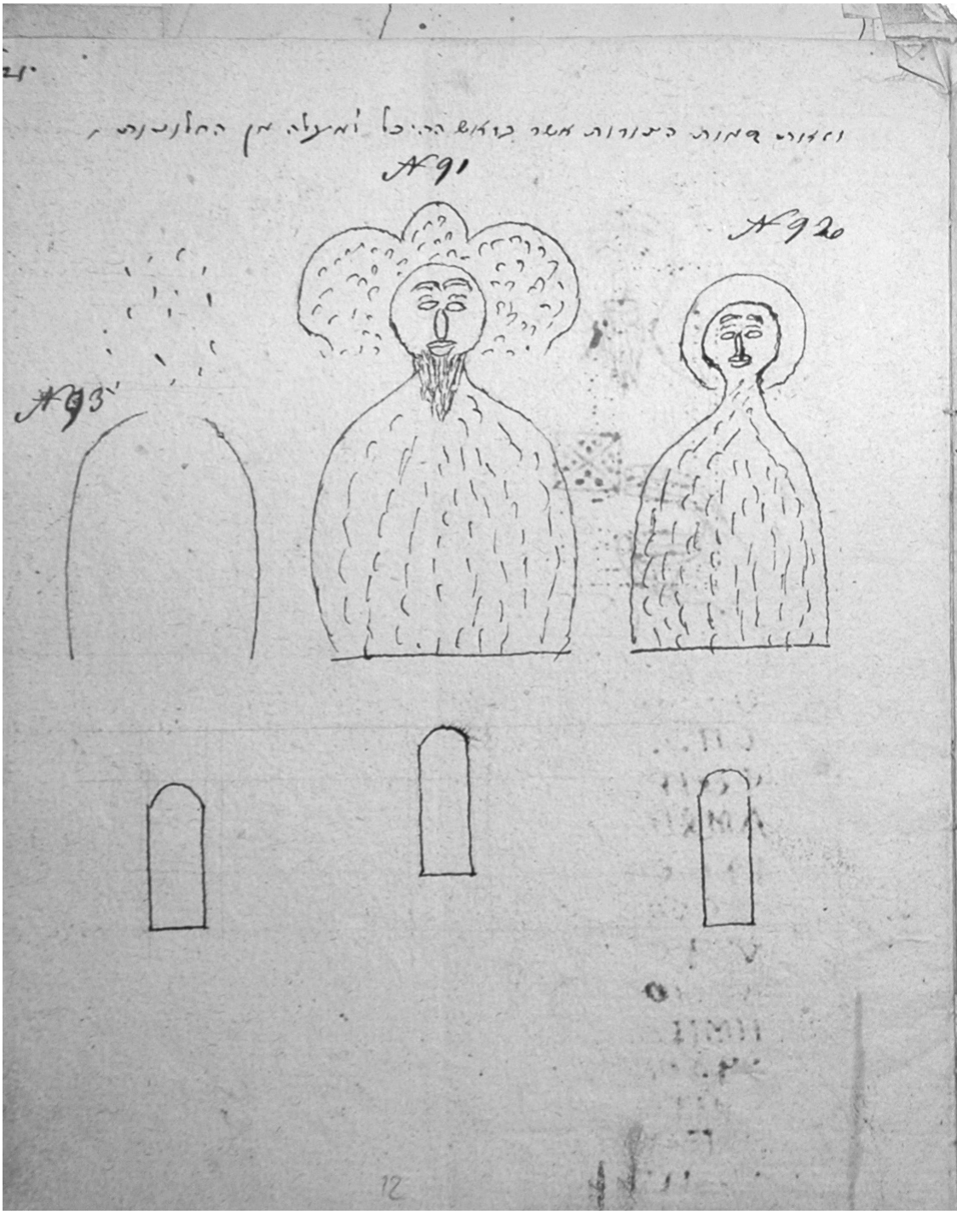
Кузнецов обратил внимание на некоторые «соприкосновения» сентинских фресок с росписями Атенского Сиона (в частности, сходство некоторых орнаментальных мотивов)[102]. Этот знаменитый грузинский памятник датируется последними десятилетиями XI века на основании атрибуции ктиторских портретов[103]. С этим же направлением видимо следует связывать росписи Бочормы, трапезной в Удабно в Гаредже и ряд фресок в Каппадокии (например, Каранлык-килисе в Гёреме). Впрочем, живопись указанных памятников более изыскана, иконография сцен в деталях отличается от фресок Сентинского храма, да и его орнаменты, как уже указывалось, имеют лишь отдаленное сходство с орнаментами названных грузинских и малоазийских памятников. Нельзя не

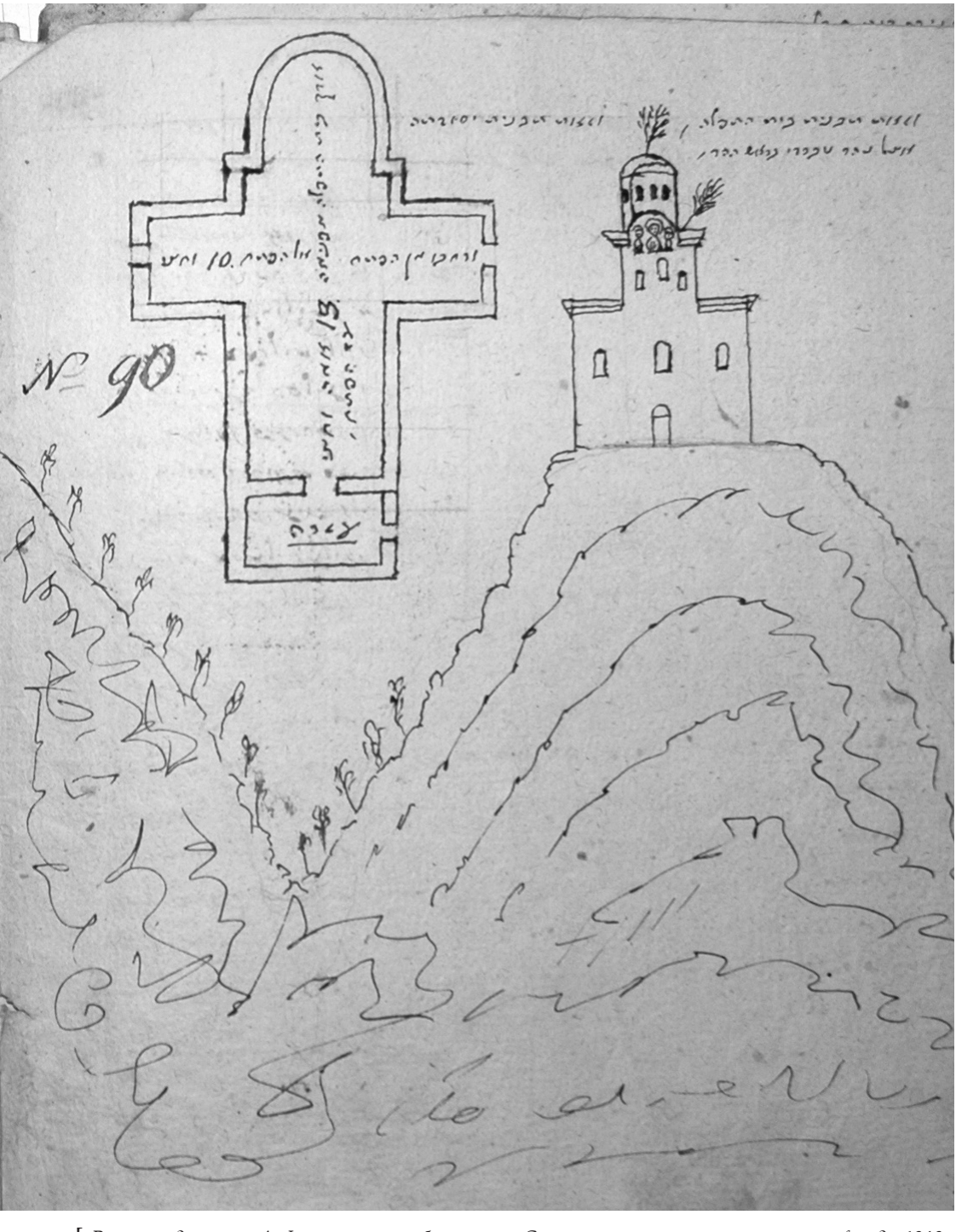
[100 О фасадных росписях храмов византийской и поствизантийской эпохи см.: *Орлова М.А.* Наружные росписи средневековых храмов. М., 2002.

101 *Аладашвили Н., Вольская А.* Фасадные росписи Верхней Сванети (X–XVII вв.) // Ars Georgica. Тбилиси, 1987. Т. 9. С. 94–120.

102 *Кузнецов В.А.* Зодчество... С. 77, 79.

103 Росписи Атенского… С. 13–14.]


№91
№92
№93



[*Разворот дневника А. Фирковича с изображением Сентинского храма и росписи на его фасаде. 1848–1849 гг. РНБ им. Салтыкова-Щедрина. Ф. 946 (фонд Авр. Фирковича), оп.1. Д. 80. Л. 11 об.–12*]

отметить, что в целом сентинские росписи последнего этапа следуют схеме, сложившейся в Константинополе, хотя отдельные элементы указывают на восточную традицию (например, парные святые всадники).

Но само качество сентинской живописи последнего этапа довольно неровное. Например, весьма неуклюже (судя по сохранившейся нижней части) смотрелась фигура архангела Гавриила в композиции Благовещения. Вместе с тем, фигуры в Преображении и Воскрешении Лазаря, а также ряд Святых Отцов в апсиде, написаны довольно качественно, хотя схематизация и упрощение очевидны. Личнóе во фресках Сентинского храма написано сдержано, с минимальной объемной разделкой (насколько об этом можно судить по сохранившимся фрагментам). У крупных фигур (Спаситель и Илия в Преображении, Спаситель в Воскрешении Лазаря, святители в алтаре) по розовой прокладке сделан коричневый рисунок, белильные «охрения» и высветления белков глаз. У более мелких по масштабу фигур (апостолы в Преображении, юноша во Входе в Иерусалим) черты лица прорисованы по прокладке только коричневой линией. Также несложно написаны их руки и ноги. Собственно о живописи говорить не приходится, автор росписи выступает скорее рисовальщиком, чем живописцем. Простотой техники личнóе последнего слоя росписи Сентов напоминает личнóе же в расчищенном фрагменте росписи Михайловского собора Выдубицкого монастыря в Киеве (ок. 1089 г.)[104], хотя, конечно, прямая связь между этими памятниками маловероятна. Но, по всей видимости, можно говорить о некоторых стилистических соприкосновениях, что указывает на временную близость.

Фоны фресок Сентинского храма — серого цвета (видимо, имитация традиционного голубого), нимбы написаны розоватой краской и обведены коричневой линией. Позем (волнистые горки) — разбеленная красная охра. Надписи у святых сделаны белилами и на сером фоне плохо заметны. Интересны некоторые детали, не находящие, кажется, прямых параллелей. Так, например, Спаситель в Преображении в руках держит не свиток, как обычно, а книгу. Единственные аналоги, которые мы можем привести, находятся в Верхней Сванетии и относятся к гораздо более позднему времени (до сих пор, кажется, не опубликованы). Это фрески 2-й половины XIV — нач. XV века в храмах Спасителя в селении Лагами (общ. Местиа), Архангелов в Лаштхвери (общ. Ленджери) и Св. Георгия в Сюпи (Свипи, общ. Пари). Необычен рукав нижней одежды, выступающий из-под коричневого хитона Христа на Его правой благословляющей руке в композиции Воскрешения Лазаря. Рукав написан тонкими белильными линиями. В принципе, этот мотив встречается довольно часто, но обычно в облачении младенца Христа на иконах Богородицы. Не смогли мы найти аналогии и для фигуры упавшего воина из предполагаемой сцены Взятия Христа под стражу. Нижняя часть серого фона между святителями в алтаре (судя по незначительному фрагменту на южной стороне) была покрыта черными знаками, напоминающими греческие буквы, что отметили еще Владимиров и Сысоев[105]. Возможно, это «шрифтовой» (но не куфический)

[104 *Сарабьянов В.Д., Смирнова Э.С.* указ. соч. С. 69. Илл. 61.

105 *Владимиров И.А.* Указ. соч. С. 12; *Сысоев В.М.* Карачай... С. 101–102.]

орнамент, только имитирующий литеры, но параллелей этому тоже, кажется, нет.

III.2.E. Датировка. Учитывая глубокую провинциальность нашего памятника, последний этап его живописи по стилю следует датировать достаточно широко: 2-й половиной XI — началом XII века, а по историческим и иконографическим соображениям у́же — 1050–1070-ми годами (I.5). Происхождение мастеров, исполнивших эту роспись, не совсем ясно. Вероятную связь сентинских мастеров с грузинской школой допускал не только Кузнецов, но и другие авторы. Например, по мнению З.Ш. Дидебулидзе, «дальнейшие изыскания… помогут обнаружить [в росписях аланских храмов. — *Д.Б., А.В.*] и следы грузинской живописи»[106]. Но, предполагая наличие «ощутимой грузинской струи в сентинских фресках»[107] и основываясь при этом на сходстве мотивов с росписью Атени, нельзя забывать, что атенские фрески и роспись Земо-Крихи[108] — это фактически единственные хорошо сохранившийся памятники XI века на территории центральной части Грузии[109], причем мастера Атени могли быть как местными, так и происходящими из какого-либо византийского центра.

В любом случае, в росписи Сентов не прослеживается «местных» самобытных черт. Одежда некоторых ее персонажей (как и фресок Среднего Зеленчукского храма), рассматриваемая отдельными исследователями как «национальная аланская»[110], на самом деле является типичным иконописным вариантом позднеантичной одежды, а источником этих изображений были византийские образцы.

Поскольку время создания самой ранней настенной декорации нам известно (ок. 965 г.), то второй и третий этапы росписи Сентинского храма укладываются в рамки 2-й половины X — середины XI века.

Несомненно, что монументальные кресты первых двух этапов с иконоборчеством никак не связаны, а возникли из-за отсутствия квалифицированных

[106 *Дидебулидзе З.Ш.* Культурные взаимоотношения народов Грузии и Центрального Предкавказья в X–XII веках. Тбилиси, 1983. С. 96.

107 *Кузнецов В.А.* Зодчество… С. 79

108 *Вирсаладзе Т.Б.* Фресковая роспись в церкви архангелов села Земо-Крихи // Ars Georgica. Тбилиси, 1963. Т. 6.

109 Еще к этим памятникам относится роспись Бочормы (исполненная, видимо, той же артелью, что и живописная декорация Атенского Сиона), хорошей публикации которой нам не известно и с которой мы знакомы лишь по фотоснимкам, группа сильно провинциальных фресок в сванских церквах и высококачественные фрески Тао и Кларджети, представляющие особую школу. Остальные же грузинские памятники настенной живописи указанного периода плохой сохранности и сильно фрагментированы.

110 См., напр.: *Равдоникас Т.Д.* Очерки по истории одежды населения северо-западного Кавказа (V в. до н.э. — конец XVII в.). Л., 1990. С. 94-95.]

художников. Известен целый ряд храмовых росписей, не имеющих изображений святых, но относящихся к постиконоборческому времени[111]. Есть много примеров и того, когда над синтроном (в том числе на горнем месте) изображали кресты. Вполне вероятно, что первые два этапа декорации Сентинского храма исполнены местными мастерами, возможно, по книжным образцам. Вообще, плетеный орнамент и рисунок крестов в «абрисах» находят очень близкие аналогии в каппадокийских росписях XI века[112] и вообще в искусстве Византии. Впрочем, чем-то схожие мотивы, например «развитый» вариант процветшего креста, распространены в грузинском искусстве[113]. Интересно, что в Шоанинском храме также была аналогичная ограниченная «безфигурная» роспись (см. IV.4.B), а также, возможно, и в Среднем Зеленчукском (II.3.C.a).

Изображения святителя и Богоматери третьего этапа, вероятно, отражают формирование традиционной системы алтарных росписей, в общих чертах завершившейся к середине XI века. Единственное изображение святителя, не имеющее парного образа, расположенное ассиметрично относительно алтаря и смотревшееся своеобразной иконой, вызывает некоторое удивление. Можно с осторожностью предположить, что образ святителя Николая отражал второе посвящение храма. Мы, кстати, допускаем, что Богоматерь и святитель были написаны не одновременно и разными художниками, хотя до промывки росписи и более подробного обследования об этом судить сложно. В любом случае, эти изображения близки по времени и написаны не ранее 1-й половины — середины XI века (см. IV.5).

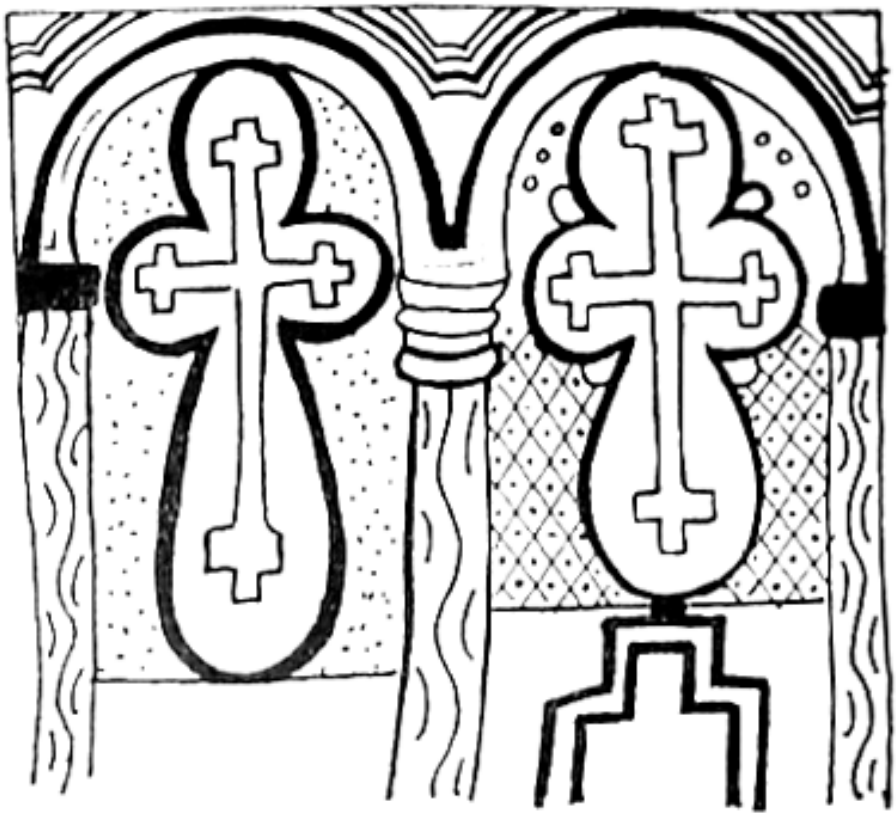
Как уже говорилось, система «ограниченной» росписи с располагающимися только в отдельных местах храма изображениями, прежде всего в апсидах, хорошо известна. Из географически близких к Алании примеров можно назвать первый этап декорации Атенского Сиона (процветшие кресты на пилонах, разделка стен «блоками», различные надписи), мозаики и росписи в алтарной части Цроми, Малого Джвари, Додос-Рка, Отхта-эклессиа, Старой Шаумты, Армази Ксанского, Несгуна и проч.[114] На территории Абхазии нам известен только один такой памятник: храм в Цкелкари (Ацкар), датируемый

[111 *Brubaker L.* On the margins of Bizantine Iconoclasm // XXe congrès international des études Byzantines. Pré-actes. Séances plénières. Paris. P. 209–216.

112 Например, Пюренли Секи Килисе и Йыланлы Килисе в Ихларе (*Thierry N.M.* Nouvelles èglises rupestres de Cappadoce. Paris, 1963. P. 214. Fig. 50, b, d, g. Pl. 53; *Jolivet-Lévy C.* L'arte della Cappadocia. Milano, 2001. Fig. 11); храм Св. Евстафия в Гёреме (*Jerphanion G. de.* Les églises rupestres de Cappadoce. Vol. I.1. Paris, 1925. P. 170. Fig. 19).

113 Напр., крест первого этапа росписи Атенского Сиона (Росписи Атенского… *Илл.* 8.1, 61) или розетка на дверной створке из Саване (*Чубинашвили Н.Г.* Грузинская средневековая художественная резьба по дереву. Тбилиси, 1958. Табл. 64).

114 Различные примеры «частичной» росписи на территории Грузии: *Шевякова Т.С.* Монументальная живопись раннего средневековья Грузии. Тбилиси, 1983. С. 6–18; *Шмерлинг Р.О.* Малые формы в архитектуре средневековой Грузии. Тбилиси, 1962. С. 234–235.



[*Изображения крестов. Пюренли Секи Килисе и Йыланлы Килисе в Ихларе (По N.M.Thierry); ц. св. Анны, Трапезунд (фото авторов. 2006 г.)*]

Л.А. Шервашидзе XI веком[115]. Известно, что в храме в Лоо стены интерьера не имели сплошной росписи[116], однако нельзя исключать существование там ограниченной красочной декорации, как в Сентах, в Шоане, и, предположительно, в Среднем Зеленчукском храме (III.2.A-B; II.3.C.a; IV.4.B).

Даже без углубленного анализа стилевых особенностей и поиска аналогий очевидна принадлежность всех четырех этапов сентинских росписей восточновизантийской традиции. Все это вполне соответствует документально известным связям Алании с Трапезундом. Учитывая географическую близость и некоторые аналогии, нельзя отрицать и влияния Грузии. Однако обилие греческих надписей самого разного характера в Сентинском храме (да и вообще на территории Алании), при полном отсутствии грузинской эпиграфики, говорит, скорее, о византийском происхождении мастеров (и вообще о греческом присутствии, на что указывают также многочисленные вещи византийского происхождения). Хотя вряд ли удастся указать на какой-то конкретный центр или школу. Описываемые фрески следует рассматривать более широко — в рамках искусства восточной византийской провинции от коптского Египта, Ближнего Востока и Кипра до Закавказья и Крыма, и, несомненно, связывать с греческим присутствием в Абхазии.

III.3. Надписи

Многочисленные надписи Сентинского храма — исключительно греческие, в том числе и граффити. Их отмечали почти все побывавшие там исследователи[117]. Однако они практически не привлекали внимания ученых-эпиграфистов, хотя составляют крупнейший памятник греческой эпиграфики на территории России. Хочется надеяться, что после расчистки росписи откроются новые надписи и будет уточнено чтение старых.

[115 *Шервашидзе Л.А.* Цкелкари (Ацкар) // Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси, 1967. С. 42, 47–48, 55; *он же.* Средневековая монументальная живопись Абхазии. Тбилиси, 1980. С. 194, 206.

116 *Овчинникова Б.Б.* Лооский храм Большого Сочи // Диалог культур и народов средневековой Европы. СПб., 2010. С. 401. Правда, по мнению Б.Б. Овчинниковой, существующее здание церкви могло быть выстроено в XIV в. на месте сооружения XI–XII веков. Не вдаваясь в дискуссию о датировки памятника, заметим, что купольные храмы Абхазии и Алании, имеющие какие-либо точки отсчета для датировки, были построены не позже сер. XI в. Аргументов для того, чтобы говорить о возведении на этих территориях крупных церквей в последующее время, недостаточно. Храм в Лоо, кстати, часто ошибочно относят к Зихии (см. напр.: *Хрушкова Л.Г.* Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья. М., 2002. С. 370; *Овчинникова Б.Б.* Указ. соч. С. 409), граница которой, на самом деле, проходила севернее (см.: *Виноградов А.Ю.* Зихия // ПЭ. Т. 20. С. 186).

117 *Павлов Д.М.* Искусство и старина Карачая // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 45. Тифлис, 1926. С. 255–256.]

Если оставить в стороне подписи к изображениям на фресках, то эпиграфические памятники Сентинского храма, расположенные исключительно в восточной его половине и, прежде всего, в апсиде, распадаются на три группы: строительная надпись 965 года, выполненная черной краской; надписи с крупным шрифтом, выполненные охрой; мелкие граффити. Их датировку позволяет уточнить установление этапов появления штукатурки и росписей.

III.3.A. Строительная надпись 965 года. Особняком стоит строительная надпись, о которой уже неоднократно говорилось выше (см. I.3, I.4, III.1.C). Не совсем традиционно и несколько загадочно ее местоположение: на высоте более 2 м от пола в правой половине южной стены восточного рукава креста. Наиболее вероятно, что такое необычное расположение объясняется соседством с храмовой иконой, которая могла находиться на аналое-проскинитарии под надписью[118]. Это тем более понятно, если принять во внимание, что наша надпись не только сообщает о строительстве храма, но и имеет характер официального документа, свидетельствующего о законном освящении церкви (подобно современной записи на антиминсе).

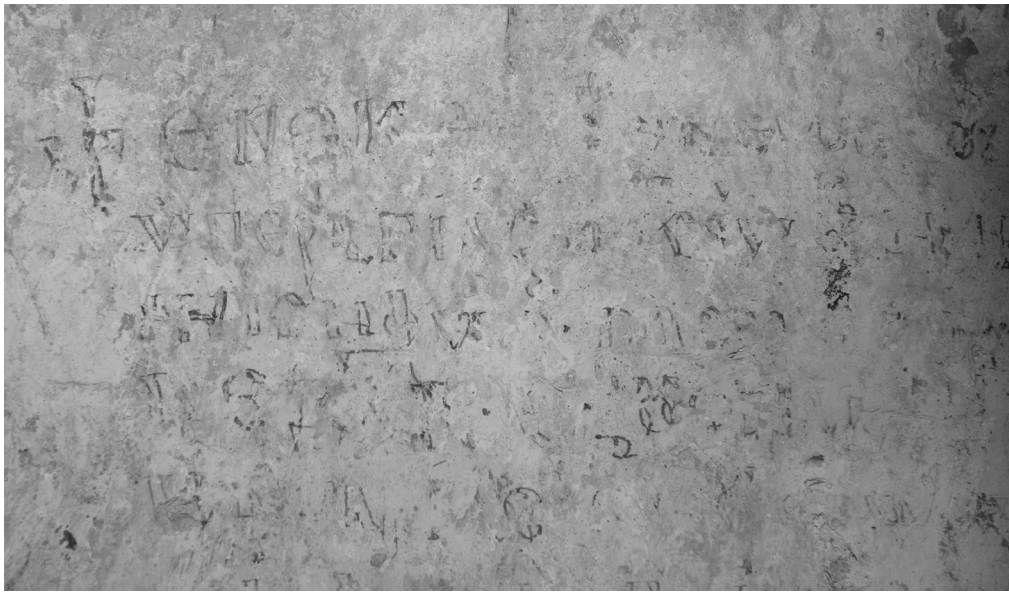
Надпись выполнена черной краской на белой лощеной штукатурке первого этапа декорации. Уже на втором этапе она была перекрыта тонким слоем побелки, сквозь который, тем не менее, неплохо просматривается, а на четвертом — желтой обмазкой и фреской (предположительно, со сценой Сретения и с изображением архангела). Наконец, при монашеской реставрации по правой стороне надписи была проведена вертикальная полоса синей краской, видимо, отмечавшая расположение нового иконостаса. Все наслоения, перекрывавшие надпись, за исключением побелки, в настоящее время практически полностью осыпались.

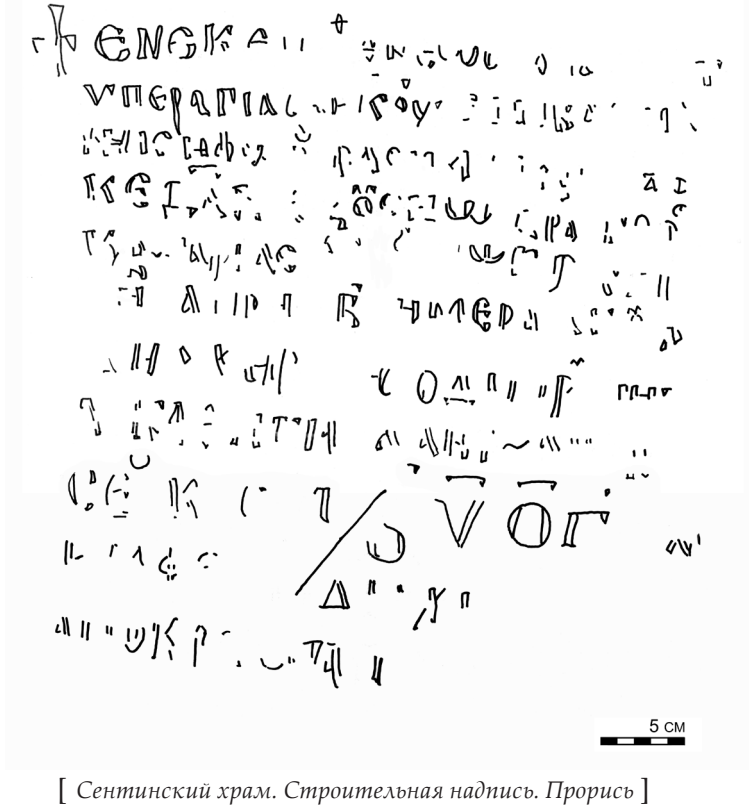
Шрифт, которым она выполнена, характерен, как ни странно, для византийских надписей на металле IX–X веков: одна или несколько апицированных гаст каждой буквы нарисованы двойной линией. Отсутствие аналогий этому феномену во фресковой и лапидарной эпиграфике невольно наталкивает на мысль о том, что писец подражал или даже копировал надпись на металлическом предмете: вспомним, например, что при основании храма туда всегда жертвуется комплект литургических сосудов. Почерк выдает руку опытного мастера (к его личности мы еще вернемся): буквы написаны свободно и изящно, хотя и не всегда ровно, крупно выделена дата. Высота букв колеблется от 1,3 до 2, 8 см, а в числах — от 2 до 6,8 см.

+ Ἐνεκεν[ίσ]θ(η), ἐνεώσ[θ(η)] ὁ να[ὸς] τ(ῆς)
ὑπεραγίας θ(εοτόκ)ου ἐπὶ βασηλ[είας
Νηκηφώρου βασηλ[(έως)] καὶ αὐγ(ούστου) (?) ΑΣ[...
κὲ Δα(υὶ)δ ἐξουσηωκράτορ(ος) [Ἀλανίας
κ(αὶ) Μαρίας ἐξουσ[η]ωκράτ[ορίσσης
μ]ην(ὶ) Ἀπρη(λίου) β΄, ἡμέρᾳ ἁγ[ή]ου Α[ντιπάσχα (?)
δηὰ χηρὸς Θεοδώρου, μητ[ροπο-
λ(ίτου) καθηγη(ασμένου) Ἀλανί(ας), ἀπ[ὸ] κ[τί-
σε(ως) κό(σμου) ἔτ(ους) ϛυογ΄. Ἀν[ε-

[118 См.: *Пряхин Д.В.* Аналой // ПЭ. Т. 2. С. 215–216.]

[*Сентинский храм. Строительная надпись. Южная стена восточного рукава*]





[*Сентинский храм. Строительная надпись. Прорись*]

γράφε[το] δηὰ χειρὸς [τοῦ δεῖνος
ἀποκρησ(ιαρίου) πατρ(ικίου).

+ Освящен, обновлен храм
пресвятой Богородицы в царствование
Никифора, императора и августа (?) АС…
и Давида, эксусиократора Алании,
и Марии эксусиократориссы
2 апреля, в день святой Антипасхи (?),
рукою Феодора, митропо-
лита освященного Алании, от сотво-
рения мира в 6473 г. На-
писано рукой такого-то,
апокрисиария патрикия.

Текст вполне типичен для средневизантийских строительных надписей: указаны посвящение храма, датировка по правителям, по числу месяца, по церковному празднику и, наконец, по году, а также имя архиерея. Несколько неожиданной выглядит лишь постановка указания на год освящения после упоминания иерарха. Интересно, но не уникально, и прибавление имени писавшего в конце текста.

Стк. 1: Глагол ἐγκαινίζω (букв. «обновлять») имел в византийской литургической практике значение «освящать храм»[119]. Между тем, второй глагол — νεόω (отметим отсутствие между ними союза καί) действительно значит «обновлять». В чем же заключалось обновление Сентинского храма? Ни в экстерьере, ни в интерьере церкви до второго этапа росписи (а наша надпись, напомним, относится к первому этапу) не прослеживается следов каких-либо перестроек. Между тем изменения должны были быть настолько существенными, что потребовалось новое освящение храма. Здесь стоит вспомнить предположение Кузнецова (см. III.1) о существовании здесь более древнего храмика, чья апсида видна из-под стоящего рядом с храмом мавзолея и который мог быть разрушен при изгнании христиан ок. 932 года.

Стк. 2: Данная надпись подтверждает сложившееся мнение ученых о посвящении Сентинского храма Богородице, порожденное образом Богоматери-Знамение над центральным окном апсиды[120]. На самом деле, подобное изображение в «зените» алтарной апсиды вовсе не является указанием на богородичное посвящение храма, а имеет более глубокий символический смысл (вспомним, напр., изображения Божьей Матери в конхах апсид Софийских соборов в Киеве и Охриде, церквей Св. Николая в Кинцвиси, Спаса на Нередице и т.п.). В надписи отсутствует указание на какой-либо богородичный праздник, так что церковь, по-видимому, была посвящена просто Богоматери или какому-то Ее образу (напр., Знамению-Влахернитиссе или Агиосоритиссе, см. III.2.E).

[119 *Lampe G.W.H.* Op. cit. P. 399.

120 См., напр.: *Бесолов В.Б.* Указ. соч. С. 2.]

Стк. 3: «Никифор император» — это, несомненно, византийский император Никифор II Фока (963–969). Конец строки читается плохо: вероятно, что за титулом «император» следовал «август».

Стк. 4: Эксусиократор — устойчивое византийское наименование правителя Алании от Константина Багрянородного (De adm. imp. 10, 11; De cer. 48) до Анны Комниной (Alexias 13, 6, 2). Поскольку у Порфирогенета, наиболее близкого по времени автора, такой титул прилагается только к правителю Алании и всегда соединяется с обозначением Ἀλανίας, то разумно предположить, что именно оно находилось в утраченном конце строки. Отметим дипломатичную тонкость формулировки: Давид, конечно же, не назван василевсом, но он царствует, подобно Никифору: «в царствование Никифора императора... и Давида эксусиократора». Имя Давид впоследствии по крайней мере однажды повторилось в семье аланских правителей — у Давида-Сослана (см. I.6).

Стк. 5: Мария, так же как и Давид, не известна по письменным источникам. Скорее всего, эта эксусиократорисса была его женой. Косвенным подтверждением этому могут служить неизданные карачаевские предания, собранные Р. Баташевым (который любезно предоставил нам информацию о них), где речь идет об аланском правителе Даут-хане (т.е. Давиде) и его супруге Мариам (т.е. Марии), живших в эпоху рассвета Алании и занимавшихся в т.ч. активным строительством.

Стк. 6: Обычно словом ἡμέρᾳ «в день» в византийской эпиграфике вводится обозначение дня недели, но добавление ἁγίου «святого» здесь явно указывает на праздник. От последнего слова строки сохранились остатки одной буквы — альфы либо лямбды. Никаких святых на «Л» 2 апреля не празднуется, а вот с альфы начинаются два святых этого дня — братья Анфимиан (Ἀμφιανός) и Эдессий (Αἰδέσσιος): отметим, что только их память из всех святых 2 апреля сопровождается проложным житием во всех рукописях константинопольского синаксаря, кроме **Mc**[121]. Но более вероятным нам представляется другой вариант: на 2 апреля в 965 году приходился праздник Антипасхи (Ἀντιπάσχα, т.е. первое воскресенье после Пасхи), имевший в Византии не только праздничный характер, но и миссионерский аспект[122].

Стк. 7–8: Относительно митрополита Феодора см. I.4.

Стк. 8–9: Несомненно, что речь идет о византийской эре от сотворения мира, т.е. год нашей надписи — это 5473—5508=965. Вряд ли на греческой почве может иметь какое-либо основание недавнее предложение С.М. Саканиа вычислять даты в надписях из Алании по некоему абхазскому летоисчислению[123]. Попутно отметим, что к середине X века относится

[121 Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae / Ed. H. Delehaye (AASS. Nov. Propylaea). Bruxelles, 1902. Col. 579–580.

122 *Пономарев А.В.* Антипасха // ПЭ. Т. 2. С. 544–548.

123 *Саканиа С.М.* Хронологические параллели Лыхненского и Зеленчукского храмов // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Е.И. Крупнова. Тезисы докладов. Москва, 2004. С. 178.]

и найденная в южном притворе Сентинского храма золотая византийская монета[124].

Стк. 9–10: Слово «патрикий» дано в сокращении (πατρ(ικίου)), а следовательно, оно обозначает здесь не имя собственное, но высокий византийский титул, который в VIII–X веках носили наиболее важные правители фем и военачальники. Светский характер этого титула заставляет считать и апокрисиария нашей надписи не церковным чиновником, но государственным посланником[125]. Маловероятно, чтобы в аланском государстве была столь развитая чиновничья система. Следовательно, наш аноним был высокопоставленным посланцем императора Никифора Фоки, который, кстати, зимой—весной 965 года находился на зимних квартирах в Каппадокии[126].

III.3.B. Надписи охрой. Во-первых, это надписи красной охрой, выполненные довольно крупным и неровным шрифтом. Они соответствуют второму этапу декорации (см. III.2.B). Имеются нетрадиционные лигатуры и сокращения.

III.3.B.a. Перечень имен. На северной стороне апсиды, ниже фигур святителей. 4 строки. Высота букв 3-4 см.

Ἀναστασύα, Ὑσαάκηος, | Σοφύα, Βαρβάρα, Γεώρ|γυος, Μαρ[ία], | Βαρβάρ[α, Γ]εόργυ(ος) τοῦ Νικολάου «Анастасия, Исаакий, София, Варвара, Георгий, Мария, Варвара, Георгий, сын Николая».

Надпись нами не найдена, но была скопирована и издана Владимировым. О ней исследователь пишет так: «Под слоем желтоватой штукатурки, на которой написаны фрески, находился слой белой штукатурки, также со следами рисунков и надписей, а под этим слоем еще слой, на котором я с помощью ножа очистил несколько сохранившихся букв, написанных темнокоричневой краской»[127]. Судя по местоположению надписи, она могла бы представлять собой синодик для поминания при проскомидии на расположенном ниже жертвеннике (аналогии этому известны в домонгольском Киеве — напр., граффити храма в Зверинецких пещерах). Однако наличие таких списков в других местах храма (см. III.3.B.d, III.3.C.j, III.3.C.m) делает это предположение достаточно гипотетичным. По-видимому, это та же «небрежная скорописная надпись черной краской», которую обнаружил Сысоев на северной стороне апсиды «ниже

[124 *Дьячков-Тарасов А.Н.* Указ. соч. С. 83.

125 Oxford Dictionary of Byzantium / Ed. by A. Kazhdan. New York, Oxford, 1991. P. 75, 136, 1600.

126 *Leo Diaconus.* Historia, III, 11; IV, 1.

127 *Владимиров И.А.* Указ. соч. С. 13. Рис. 9. В фонде Санкт-Петербургской Археологической комиссии имеется калька с этой надписи, исполненная Владимировым масляной краской (ИИМК РАН. РА. Р. I. Д. 201).]

первого яруса фресок под пояском, который ограничивает внизу фрески», где исследователь смог разобрать лишь «Γεο», «Γεοργ» и «Βαρβας»[128].

III.3.B.b. Прошение Герасима, Евдокии и Марии. На южной стене восточного рукава, слева от III.3.A.a. 6 строк. Высота букв — 3-7,5 см.

Κ(ύρι)ε, βο(ήθη) τῶ δ[ούλῳ σου] | Γεράσυμος, Ἐβδο|κή(α)ς, Μαρύ|α[ς]...|...τε... «**Господи, помоги рабу Твоему Герасиму, Евдокии, Марие…**».

III.3.B.c. Прошение неизвестных. На южной стене апсиды. 6 строк. Высота букв — 2,3–4 см.

Κ(ύρι)ε, βο(ήθη) | Κ... | Μ... «Господи, помоги К…».

III.3.B.d. Перечень имен. На северной стороне апсиды, слева от левого окна. 2 строки. Высота букв — 0,9-2,3 см.

Ἰω(άννης) | Γε[ώ]ργη(ος), Γεό[ργ]η[ος], Ἐλένη. «Иоанн, Георгий, Георгий, Елена».

Надпись выполнена красно-серой краской, что позволяет отнести ее к данной группе. Речь может идти о семейном коммеморативном списке.

III.3.C. Граффити. Последняя группа надписей — это граффити, выполненные поверх изображений второго, третьего и четвертого этапов декорации и сконцентрированные преимущественно в апсиде. Надо отметить, что они часто расположены выше человеческого роста. Интересно, что пара граффити вписана в ветви креста второго этапа. Надписи обеих групп имеют в основном инвокативный характер: призываются Христос и святые. Их ономастикон чисто христианский. Они частично или полностью выполнены минускулом. Некоторые их них по хронологии можно отнести к трем этапам: на втором слое росписи (III.3.C.e-h), на третьем слое росписи (III.3.C.c), на четвертом слое росписи (III.3.C.j-l), причем все последние (и исключительно они) расположены на южной стороне апсиды, в то время как первые и вторые — на северной.

III.3.C.a. Прошения неизвестных. В восточной части апсиды, между левым и центральным окнами. 4 строки. Высота букв — 0,8-3,2 см.

ΣΤΟΥ | Θ(εοτό)κε, β[ο]ύθ[ει] ....του. | [...] βοίθι Η[... .| Κ(ύρι)ε, βο[ήθει]. «…Богородице, помоги …ту. …, помоги И… Господи, помоги».

Последняя инвокация написана значительно ниже первых двух.

III.3.C.b. Прошение Николая и Михаила. На северной стороне апсиды, слева от левого окна. 7 строк. Высота букв — 1,5-2,1 см.

[128 *Сысоев В.М.* Карачай... С. 102.]

Κ(ύρι)ε, βοήθη | τὸν σὸν δοῦλ(ον) | Νηκόλα[ο]ν, | Μηχαήλ τ[ε ?] | καὶ παν(τὸ)ς | τοῦ οἴκου σο|η (?). «Господи помоги Николаю, Михаилу и всему Твоему (?) дому».

В стандартной формуле ожидалось бы «его дому» или «их дому». Впрочем, под «Твоим домом» может подразумеваться храм.

III.3.C.c. Подпись к изображению. На северной стороне апсиды, справа от фигуры свт. Николая третьего этапа росписи. 1 строка. Высота букв — 0,8–1,5 см.

Ν[ι]κόλα[ος] ἅγιος. «Николай святой».

Форма первой альфы аналогична первой альфе в надписи Андрея и Иакова (см. III.3.C.i). Вероятно, граффито служило для идентификации образа и относится ко времени между третьим и четвертым этапом росписи — хотя сохранились следы сделанной белилами подписи у образа Николы (см. III.2.C), она, возможно, плохо читалась. Граффити, дублировавшие «основную» подпись, которая могла, например, стереться, имеются в Софии Киевской[129].

III.3.C.d. Прошение анонима. На северной стороне апсиды, справа от правого рукава левого креста второго слоя росписи. 5 строк. Высота букв — 0,7-1,8 см.

Οὐ|ρανι|οῦ | κ(ύρι)ε, βο|ίθι. «Небесный Господи, помоги».

С таким добавлением данная формула уникальна в христианской эпиграфике.

III.3.C.e. Прошение Марка (?) и Феодора. На северной стороне апсиды, под концом правого рукава левого креста второго слоя росписи. 4 строки. Высота букв — 0,6–3,4 см.

Κ(ύρι)ε, β[ο]ήθι τὸν | δοῦλο[ν τ]οῦ θε(οῦ) | [Μ]άρκον (?), Θεό|δ[ο]ρο[ν] ἁμαρτολό[ν]. «Господи, помоги рабу Божьему Марку (?), Феодору грешнику».

Судя по эпитетам, не исключено, что Марк и Феодор были монахами или клириками.

III.3.C.f. Прошение Марии и Елизаветы. На северной стороне апсиды, на левом и правом рукавах креста второго слоя росписи. 4 строки. Высота букв — 0,5–2 см.

Лев.: Κ(ύρι)ε, βο[ήθ]η | Μαρύ[α]. Прав.: Ἐλισά|βετ. «Господи, помоги Марии. Елизавета».

III.3.C.g. Прошения Марии, Леонтия и других. На северной стороне апсиды, под концом левого рукава креста второго слоя росписи. 5 строк. Высота букв — 0,6–3,8 см.

[129 Благодарим за это указание В.Д. Сарабьянова.]

[К(ύρι)ε, βοή]θ(ει) Μαρίᾳ (?). | К(ύρι)ε, β(οήθει) Λεωντίῳ. | К(ύρι)ε, [β(οήθει)] Θεωδ(όρου), Γεοργίου, [Ἀν]ασ|[τ]ασί(ου ?), Τιμ(οθέου ?) κα[ὶ] Μακαρήου, | Γεωργ(ίου). «Господи, помоги Марии. Господи, помоги Леонтию. Господи, помоги Феодору, Георгию, Анастасию (?), Тимофею (?) и Макарию, Георгию».

Надпись состоит из трех частей, начинающихся с инвокации и написанных, по всей видимости, разными людьми. Последнее имя в третьей части, вероятно, дописано чуть позже. Судя по характеру трех предыдущих имен, носившие их могли быть монахами. По месту своего расположения надпись относится, скорее всего, ко времени между вторым и третьим этапом росписи.

III.3.C.h. Прошение анонима. На северной стороне апсиды, слева от конца нижнего рукава креста второго слоя росписи. 2 строки. Высота букв — 0,7–2 см.

К(ύρι)ε, βο|ύθυ. «Господи помоги».

III.3.C.i. Памятная (поминальная?) надпись пресвитеров Андрея и Иакова. На южной стороне апсиды, у правого окна. 4 строки. Высота букв — 0,8-1,8 см.

Ἀνδρέ(ας) πρ<εσ>(βύτερος ?) πρ(εσβύτερος). | + Πρεσβύ[τε|ρος | Ἰάκ[ο]βος. «Андрей пресвитер (?). Пресвитер Иаков».

Судя по кресту, вторая часть надписи была выполнена раньше, а первая добавлена к ней с вынужденным использованием сокращений: видя, что ему не хватает места дописать слово «пресвитер», ее автор написал чуть ниже его в сокращении. Надпись может относиться ко времени между третьим и четвертым этапом росписи (см. III.3.C.c).

III.3.C.j. Перечень имен. На южной стороне апсиды, около первого слева святителя, на четвертом слое росписи. 8 строк. Высота букв — 0,7–1,9 см.

Δ[η]μίτρι(ος) Λάζ(ος) | + ἔγ[ραψα ?]. | ...Z.|Ω..Σ...| Γεόργι[ο]ς, | Πέ|τρος, | [Μα]ρύα. «Димитрий Лаз написал (?). … Георгий, Петр, Мария».

Написание имени Димитрий в форме *Димитри* может отражать грузинский его вариант. Упоминание лаза свидетельствует о связях Алании с Западной Грузией. Вторая часть надписи может быть семейным коммеморативным списком.

III.3.C.k. Прошение неизвестного клирика. На южной стороне апсиды, под вторым слева святителем, на четвертом слое росписи. 4 строки. Высота букв — 0,5–1 см.

Μνήστι(θι), κ(ύρι)ε, πν|[ευ]μα{ν}τη[κοῦ]|...ΤΟ...|... «Помяни, Господи, клирика, такого-то…».

Μνήσθητι с перепутанными местами тетой и тау встречается в двух синайских надписях[130].

III.3.C.l. Incertum. На южной стороне апсиды, под вторым слева святителем, на четвертом слое росписи. 5 строк. Высота букв — 1,2–2,5 см.

...|...Λ...|ΛΕΝ.ΤΟΚ| ἁγία .|ΠΥ.ΝΑΡΟ «… святая …».

III.3.C.m. Перечень имен. На северном заплечике апсиды, у правого края. 4 строки. Высота букв — 0,4–2 см.

Γεόργιο[ς], | Πέτρος, Μαρ[ί]α, | [δού]λη θ(εο)ῦ Μαρία, | [Θεο]δόρα. «Георгий, Петр, Мария, раба Божья Мария, Феодора».

Прибавление слов «раба Божья» может указывать на то, что вторая Мария была монахиней. Порядок имен (сначала мужские, затем женские) говорит в пользу семейного коммеморативного списка.

III.3.C.n. Прошение анонима. На северном заплечике апсиды, ближе к левому краю. 1 строка. Высота букв — 0,7–1,8 см.

Θ(εοτό)κε, βούθυ. «Богородице, помоги».

Адресат обращения связан, скорее всего, с посвящением храма.

III.3.C.o Перечень имен. На восточной стороне южного рукава, в нижней части композиции «Крещение». 6 строк. Высота букв — 0,3–1,9 см.

Ἰοάνις, [Ἰω]ά[ν]ης, | Ἰοάνις, Νικόλαο[ς, | Ἰ]οά[ν]ης, | Θεόδωρος, | [Ἰ]οάνας (sic!), | [Γ]εόρ[γ]ης. «Иоанн, Иоанн, Иоанн, Николай, Иоанн, Феодор, Иоанн, Георгий».

В данной надписи обращает на себя внимание присутствие исключительно мужских имен и частое употребление не встречающегося в других надписях Сентов имени Иоанн (ср. эксусиократора Иоанна Хотеситана середины XII века, см. I.6).

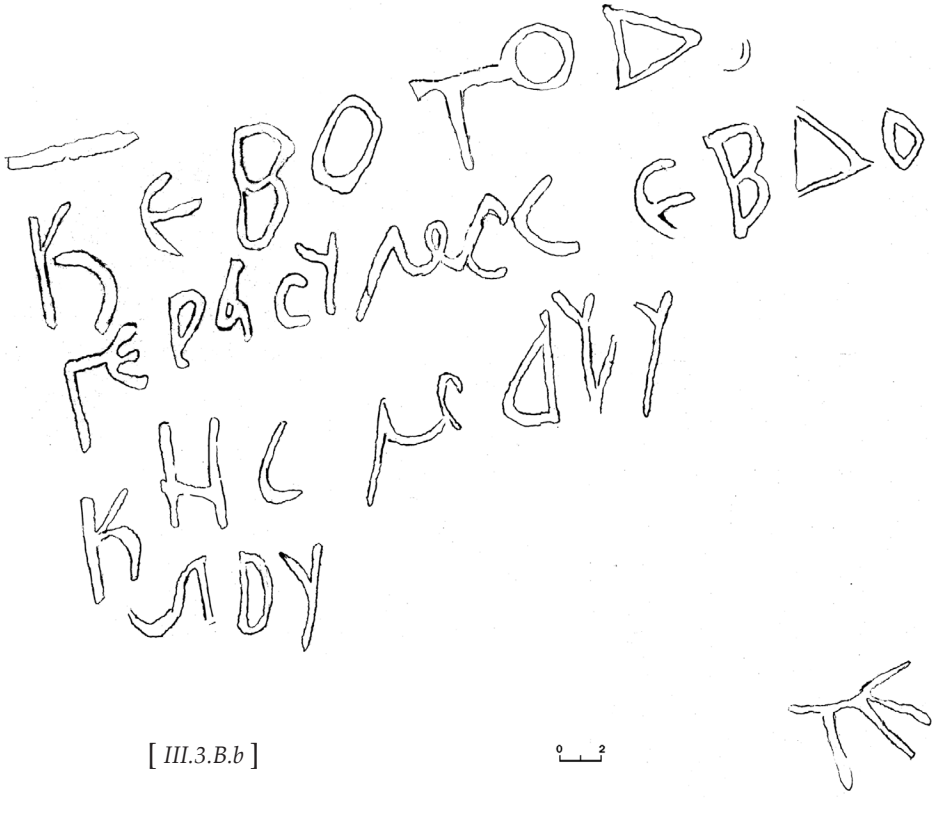
III.3.C.p. Подпись к изображению. Под северным окном апсиды. 2 строки. Высота букв — 0,6-2 см.

Νηκόλα[ος | ἅ]γιος. «Николай святой».

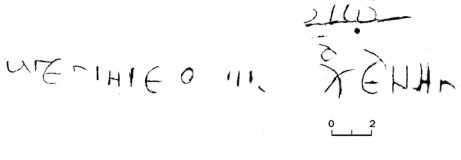
Надпись полностью аналогична граффито III.3.C.c.

[130 *Ševčenko I.* The Early Period of the Sinai Monastery in the Light of Its Inscriptions // Dumbarton Oaks Papers, 20, 1966. P. 264. № 13, 14.

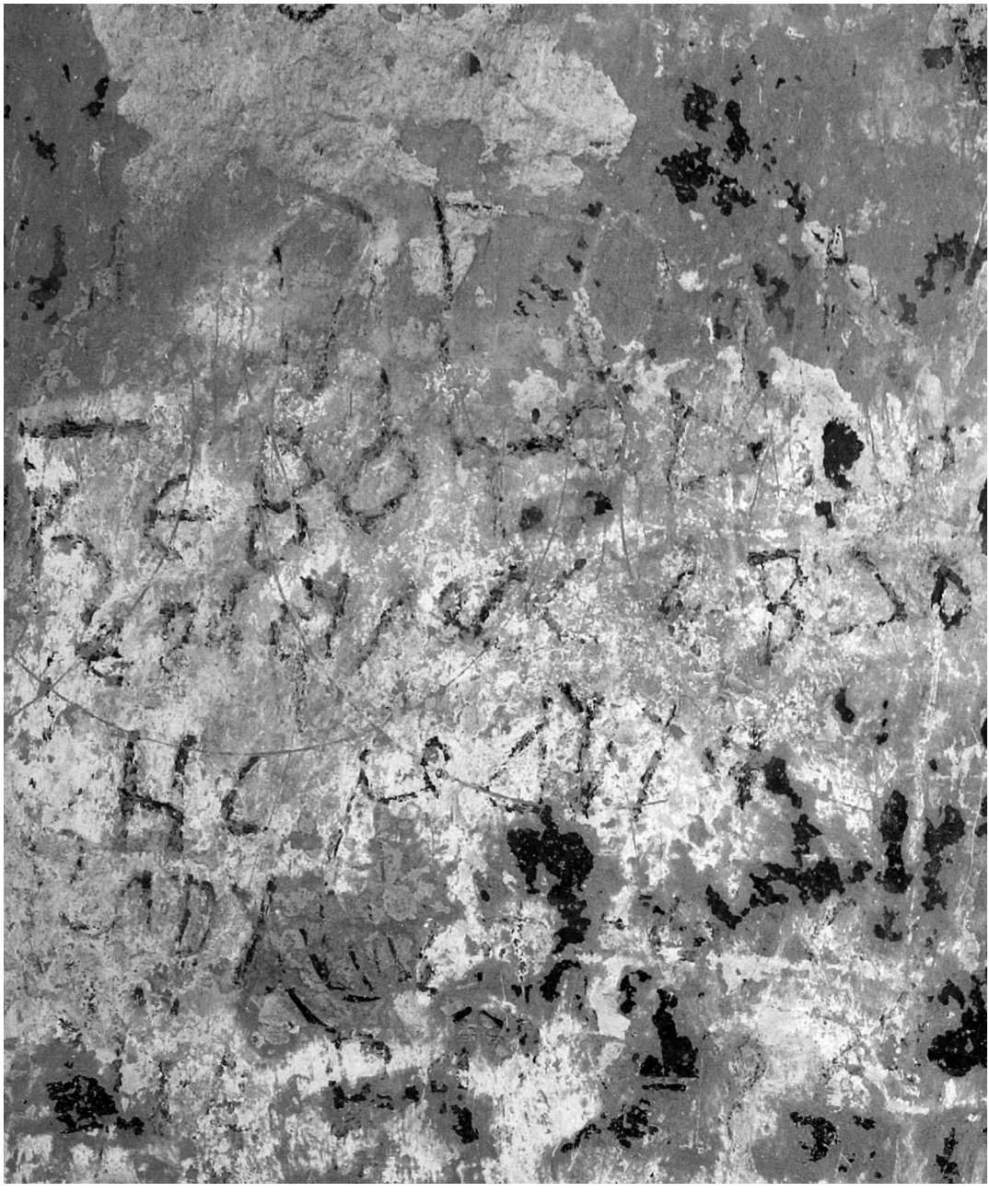
[*III.3.B*]



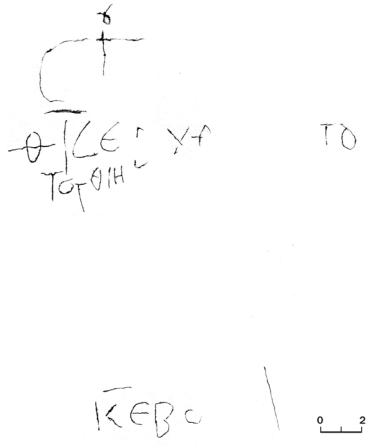
[*III.3.B.b*]



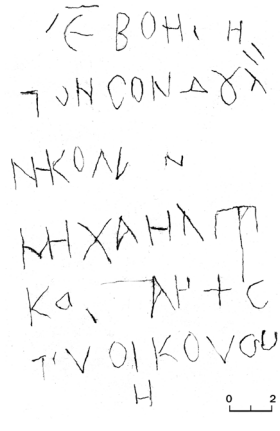
[*III.3.B.d*]



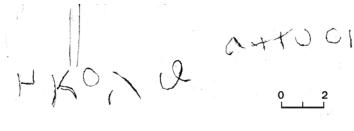
[*III.3.B.b*]



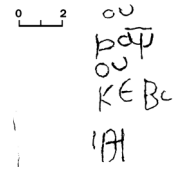
[*III.3.C.a*]



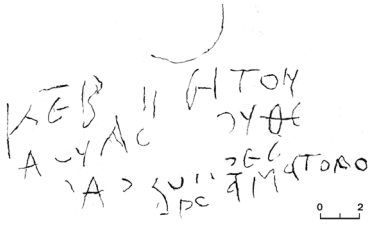
[*III.3.C.b*]



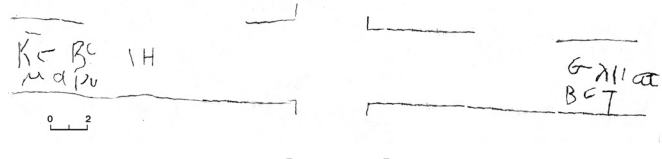
[*III.3.C.c*]



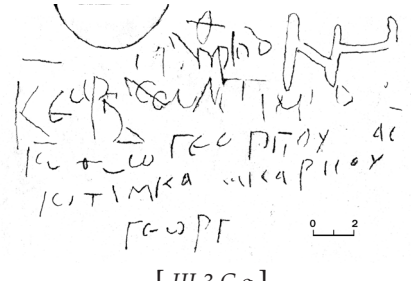
[*III.3.C.d*]



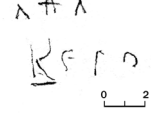
[*III.3.C.e*]



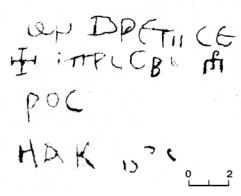
[*III.3.C.f*]



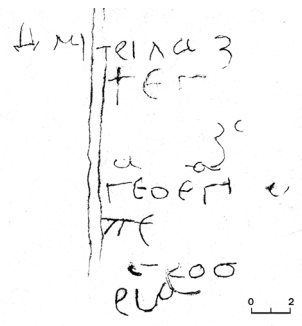
[*III.3.C.g*]



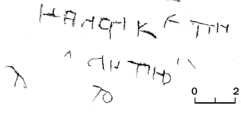
[*III.3.C.h*]



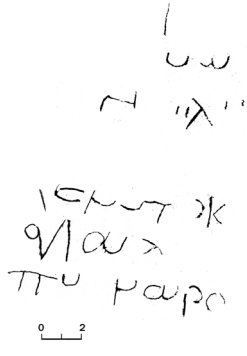
[*III.3.C.i*]



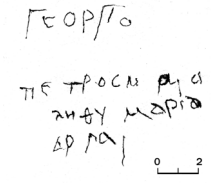
[*III.3.C.j*]



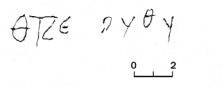
[*III.3.C.k*]



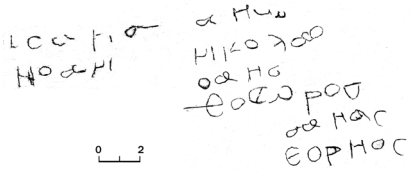
[*III.3.C.d*]



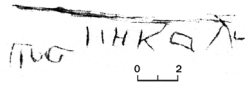
[*III.3.C.m*]



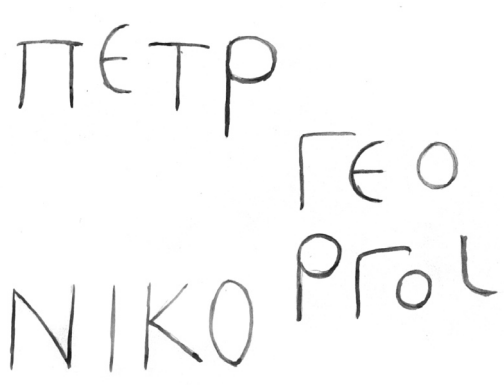
[*III.3.C.n*]



[*III.3.C.o*]



[*III.3.C.p*]



[*«Надписи в Сантийской церкви на р. Теберде». Рисунок Н.А. Нарышкина. 1867 г. ИИМК РАН. Р. I. Д. 315. Л. 21*]

III.3.D. Другие надписи. Нарышкин в своем «Отчете» указал на «полустертые имена святых Петра, Николая, Георгия и других», исполненные «греческими буквами величиною приблизительно в один вершок». Эти надписи находились в алтаре внизу изображений «святителей церкви» и, по мнению исследователя, «не имели особенного значения»[131]. К «Отчету» была приложена их прорись, подлинник которой хранится в материалах экспедиции. Эта прорись является повторением надписей на находящейся в том же фонде карандашной зарисовке росписи северной части апсиды[132]. На самом деле, это, вероятно, граффити. О двух из них мы уже упоминали: «Петр» и «Нико» (III.2.D.b). На этой же зарисовке справа от св. Николая имеется еще одна надпись Γεοργος, однако, по всей видимости, ее масштаб нарушен — совсем близко от края фигуры находится оконный проем. Неясно, граффити ли это или надписи охрой.

Неизвестно, к какой группе относятся и две надписи, которые скопировал архитектор Бернадацци «между двумя фигурами» (какими не ясно). Их чтение, предложенное проф. Дестунисом («Спасе, помоги» и «Богородице Дево, помоги»[133]), нам кажется сомнительным.

[131 Отчет гг. Нарышкиных... С. 355–356. Табл. VII.]

132 ИИМК РАН. РА. Р. I. Д. 315. Л. 13, 21.

133 *Сысоев В.М.* Карачай... С. 102–103. Прим. **.]

IV Искусство христианской Алании[1]

Как в начале книги мы дали очерк истории аланского христианства, так и в ее заключении следует представить читателю краткий обзор истории церковного искусства в Алании. Здесь мы и резюмируем сказанное выше, и добавляем другие памятники, не вошедшие в настоящую книгу.

Впрочем, здесь, опять же, надо сразу сделать несколько оговорок. Во-первых, точные границы аланского государства нам не известны, тем более что в течение веков они изменялись. Не совсем ясно и отношение к Алании некоторых территорий Северного Кавказа: предметом таких споров являются, например, отдельные горные районы Ингушетии, Северной Осетии (Двалетия-Туалгом) и Балкарии. Поэтому для максимально полного охвата материала мы предпочли рассмотреть памятники в наиболее широких возможных пределах Алании, т.е. на территории современных Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Ингушетии, юго-востока Краснодарского и юга Ставропольского края.

Во-вторых, часть рассматриваемых нами памятников относится к периоду уже после уничтожения на рубеже XIV и XV веков Алании Тамерланом (IV.1.C), датировка же некоторых еще очень спорна — они могли быть построены как до гибели этого государства, так и после (напр., Дзивгис и Тхаба-Ерды после последней перестройки (IV.1.A.a; IV.1.C)). Однако поскольку такая архитектура зародилась еще во время существования аланской государственности, мы сочли возможным, с большими, конечно, оговорками, рассмотреть эти сооружения единым кругом, включив сюда и постройки значительно более позднего времени.

В-третьих, об отдельных, ныне разрушенных памятниках, которые обычно считаются церквами, мы имеем только общие, поверхностные сведения, поэтому не беремся относить их к какому-либо типу. Мало того, нет даже уверенности в том, что они действительно являлись храмами. Так, на территории нынешней Кабарды и Балкарии в разное время отмечались церкви и «часовни» (видимо, названные так из-за небольших размеров)[2],

[1 **Часть этой главы, посвященная архитектуре, является переработанным и дополненным вариантом нашей статьи:** *Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю.* Христианская архитектура Алании. Типология, география, хронология // Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII веков. Труды Государственного Эрмитажа. LIII. СПб., 2010. Работа выполнена при поддержке РГНФ (номер проекта: 10-04-00581а/А).

2 *Чеченов И.М.* Древности Кабардино-Балкарии. (Материалы к археологической карте). Нальчик, 1969. С. 85–87, № 313, 314, 320.]

своими формами («пирамидальными») напоминающие склепы-мавзолеи XVII–XVIII веков. Однако известно, что у некоторых сооружений этой группы («часовен», находившихся около Нальчика) «стены с наружной стороны были украшены крестами, высеченными в камне, а внутри живописью, от которой остались неясные следы»[3], что все же позволяет предполагать их «сакральную» функцию. В конце XIX века в Балкарии, в долине реки Ксанты, Тепцов видел «развалины шестиугольной, внутри круглой древней церкви»[4]. Вполне допустимо предполагать, что в ее атрибуции В. Тепцов был прав: судя по описанию, она была крупнее обычных погребальных построек, поскольку мавзолеи некрополя Фардык (в том числе и октогональные) указанный автор назвал уже не церквами, а часовнями[5]. Церковью может оказаться до сих пор почти не изученное круглоплановое святилище-дзуар в Барзикау в Куртатинском ущелье в Осетии, которое В.Х. Тменов и М.Б. Мужухоев почему-то считают поздним сооружением[6]. Таким образом, хотя центричных, круглых или граненых в плане церквей на Северном Кавказе в настоящее время не известно, существование их в прошлом исключить нельзя.

Точная функция многих сохранившихся храмоподобных зданий не ясна. Это особенно касается построек, возникших после XIV века, когда церковная иерархия на Северном Кавказе была разрушена. Многие такие сооружения изучены лишь поверхностно — для некоторых типов построек (см., напр., IV.1.C) не существует даже более или менее полной «сводки». Вместе с тем, не подлежит никакому сомнению, что необходима их общая каталогизация, содержащая профессиональные обмеры и описания и не зависящая от созданных в советское время территориально-этнических образований. До этого же всякие рассуждения о генезисе данных памятников во многом носят умозрительный характер. Для качественного составления подобного каталога необходима проработка огромного количества материала самого разного характера, что является весьма объемным и сложным исследованием, требующим, к тому же, больших временных затрат. Мы не пытаемся представить здесь свод всех известных памятников архитектуры

[3 Изв. ИАК. Прибавление к вып. 37. СПб., 1910. С. 144. Постройку этих сооружений приписывали «грекам, распространителям христианства в Кабарде» См. также: *Фирковичъ А.* Археологические разведки на Кавказе // ЗИАО. СПб, 1857. Т. IX. С. 392 (переизд. в: Балкария. Страницы прошлого. Нальчик, 2006. Вып. III. С. 61).

4 *Тепцов В. Я.* По истокам Кубани и Терека // СМОМПК. Вып. XIV. Тифлис, 1892. С. 148.

5 Там же. С 161.

6 *Тменов В.Х.* Средневековые историко-архитектурные памятники Северной Осетии. Орджоникидзе, 1984. С. 88 (№ 477–478), 269; *он же.* Зодчество средневековой Осетии. Владикавказ, 1996. С. 168; ИА РАН. Научный архив. Р1/8388; 8388а: *Мужухоев М. Б.* Отчет о результатах полевых изысканий за 1981 год. *Л.* 13–14. Табл. 56–59).

и живописи на территории Алании — задача эта лежит вне пределов настоящего издания[7].

Христианство проникало к аланам и в Аланию и до X века, однако четких археологических следов церковной архитектуры для этого времени нет. Возможно и даже вероятно, что какие-то храмы здесь строились, однако вряд ли это были сколько-либо масштабные постройки.

К сожалению, подавляющее большинство аланских храмов X–XII веков дошло до нас в археологическом состоянии (кроме пяти) и не имеет точных датировок (кроме одного). Поэтому, в частности, затруднительно сказать, сколько церквей было построено в первый период христианизации Алании: от учреждения архиепископии в 914 году до изгнания византийцев ок. 932. Судя по описанной в источниках ситуации 2-й половины 910-х годов (см. I.2), о масштабном строительстве говорить сложно. Впрочем, мы знаем несколько церквей этого периода: храм № 6 на Ильичевском городище (возможно, даже чуть более ранний), видимо, Средний Зеленчукский храм первого этапа и, возможно, храмик под Сентинским мавзолеем: все они были либо разрушены, либо недостроены.

[7 Самая «обширная» подборка материала представлена в книге: *Пищулина В.В.* Христианское храмовое зодчество Северного Кавказа периода средневековья. Ростов-на-Дону, 2006. Но содержащиеся в ней в огромном количестве неточности, усугубляющие к тому же перекочевавшие сюда недочеты, допущенные предшественниками, а также произвольные интерпретации практически обесценивают собранную информацию, делая книгу непригодной для серьезной работы. Особенно много ошибок содержится в иллюстрациях: так, на рис. 5.2.а храм № 5 в Нижнем Архызе показан без «заплечиков» снаружи и внутри; на рис. 5.2.б храм № 1 там же назван храмом № 4, а на рис. 5.2.г. план храма № 11 отличается от археологического обмера этого памятника, имеющегося в публикации В.А. Кузнецова; на рис. 6.2.а храм № 3 у хут. Ильич назван храмом № 4; на рис. 6.2.в храм на «Первом окне» там же назван храмом № 3 у хут. Ильич и показан без подковообразности в апсиде; храм № 4 там же назван храмом № 5; на рис. 6.2.г храм № 1 в Урупе дан без удлинения апсиды; на рис. 6.2.а и 6.2.г дважды дан план храма № 2 там же; на рис. 5.9 вместо храма № 9 в Нижнем Архызе воспроизведен храм на поляне «Три сосны»; на рис. 2.13 и 2.16 даны изображения одной постройки (храм Делите у селения Карт), как двух разных памятников; на рис. 4.4-4.14 хорошо известные мусульманские надгробные сооружения XVII–XVIII веков у Верхнего Чегема датируются XI–XIII веками; на рис. 5.26, *б* приводится фотография проема притвора конца XIX века в Сентах как древнего окна. Странные тройные выступы на плане храма в Тли (рис. 3.2) — это не понятые исследовательницей остатки лопаток — при том, что качественный обмер памятника давно опубликован (*Долидзе В.О.* Архитектурный памятник Тли — новый документ культурных взаимоотношений Грузии с Двалети // Сообщения Академии наук Грузинской ССР. Тбилиси, 1956. Т. XXI. № 6. С. 769). На рис. 3.38 под названием «Храм Таранжелос в селении Суатиси. XI в.» со ссылкой на В.Ф. Миллера и с датой «1890-е гг.» приводятся низкокачественные выкопировки иллюстраций из первого тома «Материалов по археологии Кавказа» с изображениями двух разных сооружений Куртатинского ущелья: Гули-дзуара и церкви в Лаце (*Миллер В.Ф.* Терская область. Археологические экскурсии // МАК. Вып. I. М., 1888. Табл. IX, X). Подобных ошибок, откровенно дезинформирующих читателя, в книге множество. Это лишний раз показывает, как рискованно браться за обобщающие работы, не поняв каждый памятник в отдельности.]

Однако важно отметить, что уже в это время появляется большинство тех типов церковных зданий, которые получают распространение после возвращения Алании к христианству в середине X века: кроме простых зальных храмиков, это трехнефные базилики и крестовокупольные храмы.

IV.1. Зальные (однонефные) храмы

Не входя в детальный анализ архитектуры зальных храмов[8], в число которых мы включаем церкви с не расчленным столпами наосом и без купола, отметим, что они представлены тремя основными типами: с выраженной снаружи полукруглой апсидой, с не выраженной снаружи полукруглой апсидой и с прямоугольной, внутри и снаружи, алтарной (т.е. восточной) частью. Географическое распределение этих типов крайне интересно.

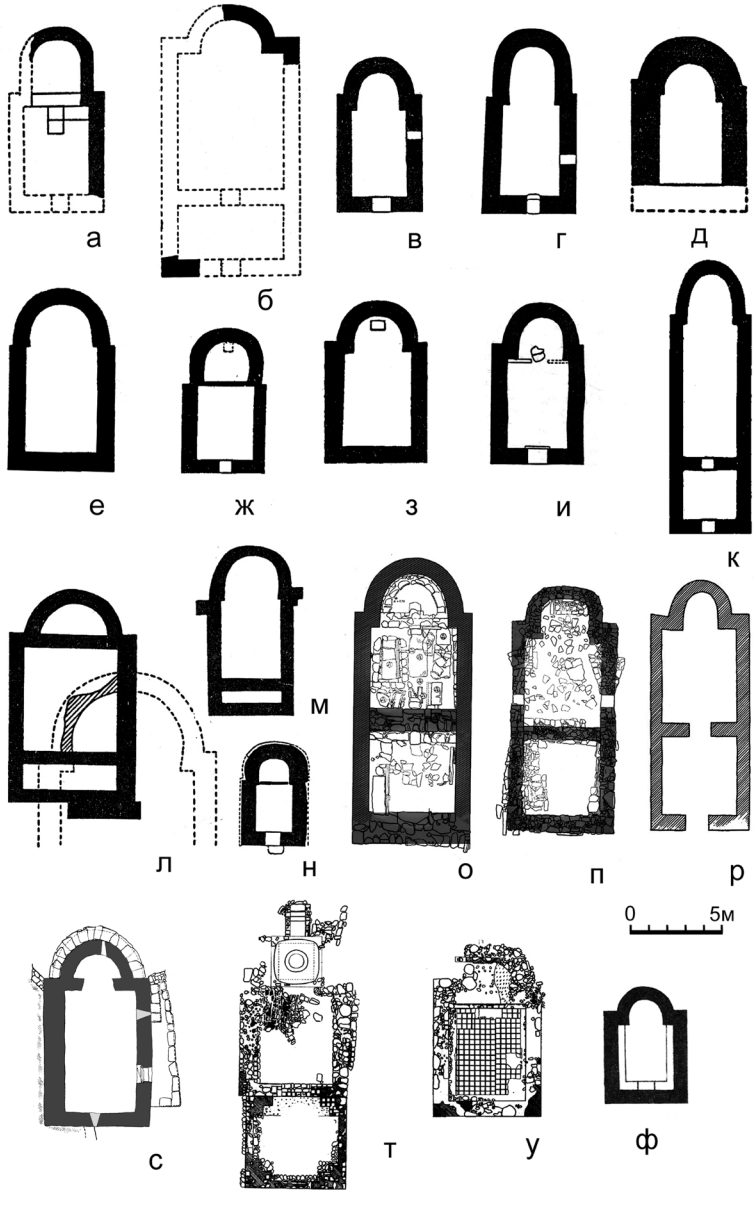
IV.1.А. Зальные храмы с полукруглой апсидой, выраженной снаружи. Данный тип полностью доминирует в Карачаево-Черкесии и на сопредельном ей юго-востоке Краснодарского края (всего лишь 3 исключения). Это храмы в Кала-Сырте, Адиюхе, Гиляче, на городище Амгата, на левом берегу р. Теберда, в Нижнем Архызе (№ 1–11), в Урупе (№ 1–3), на Ильичевском (церковь на летней поляне МТФ, «Первое окно», № 2, 5[9]) и Первомайском (№ 2) городищах и Куньше[10]. При всей их многочисленности, они дошли до нас исключительно в археологическом состоянии, так что мы можем говорить здесь больше об их плане, чем о конструктивных особенностях: некоторые из них, вероятно, не имели сводов, а были перекрыты деревянными стропилами.

Примеры таких построек есть и на территории горной части Кабардино-Балкарии (Верхний и Нижний Чегем, Актопрак), в горах Северной Осетии (Дзивгис) и храмы № 2, 3, 4 в золотоордынском городе Верхний Джу-

[8 Понятие «зальные храмы» введено в историю кавказской архитектуры Г.Н. Чубинашвили, считавшим, что оно «несравненно вернее определяет тектоническую структуру сооружения, … чем термин "однонефная базилика"» (*Чубинашвили Н.Г.* Зедазени, Киликис-джвари, Гвиара // Ars Georgica. Тбилиси, 1971. Т. 7. С. 39). Термин «однонефная базилика» довольно часто встречается в русскоязычной литературе, однако он неверен в принципе. Базиликами (а этот тип построек возник еще в дохристианскую эпоху и был лишь использован и модифицирован при строительстве первых христианских храмов) называются сооружения, обязательно разделенные внутри рядами колонн. Поэтому зальные храмы мы рассматриваем отдельно от базиликальных.

9 В указанной работе В.В. Пищулиной приводится план храма № 8 (рис. 6.2.б), однако его описания в тексте нет.

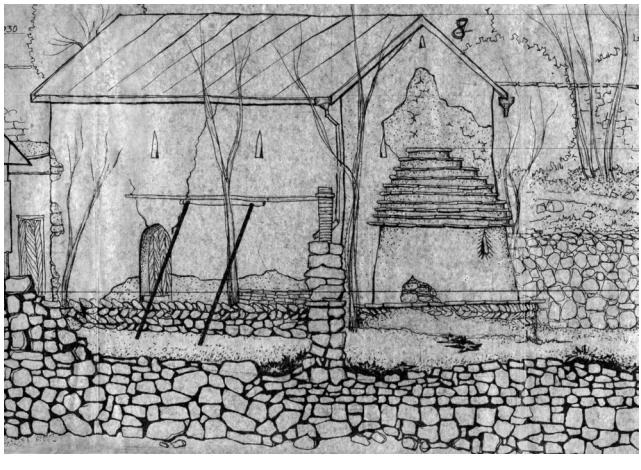
10 Материал по зальным и базиликальным церквам западной части Алании основан на обобщающей статье: *Каминский В.Н., Каминская И.В.* Новые исследования христианских храмов малых форм в Западной Алании // Историко-археологический альманах. Т. 2. Армавир, 1996 (там же см. и литературу).]



[*Зальные храмы с полукруглой апсидой, выраженной снаружи: а - Гиляч; б - Первомайское гор., храм № 2; в - Агамта; г - Урупское гор., храм № 1; д - Урупское гор., храм № 2; е - Ильичевское гор., ц. на летней поляне МТФ; ж - Ильичевское гор., «Первое окно»; з - Ильичевское гор., ц. № 2; и - Ильичевское гор., ц. № 5; к - гор. Куньша; л - Нижне-Архызское гор., ц. № 1; м - Нижне-Архызское гор., ц. № 2; н - Нижне-Архызское гор., ц. № 5; о - Нижне-Архызское гор., ц. № 6; п - Нижне-Архызское гор., ц. № 9; р - Нижне-Архызское гор., ц. № 11; с – Дзивгис; т – Верхний Джулат, ц. № 3; у – Верхний Джулат, ц. № 4; ф – Верхний Джулат, ц. № 2 (по В.Н. и И.В. Каминским, М.Н. Ложкину, В.А. Кузнецову и обмерам Северо-Кавказского филиала инст. «Спецпроектреставрация»)*]

лат в равнинной части Северного Кавказа у современной границы Осетии и Кабардино-Балкарии. Из них храмы, находящиеся в горной зоне, изучены довольно плохо и в основном находятся в археологическом состоянии.

Еще восточнее и юго-восточнее (в Ингушетии и далее) зальные храмы с выступающими апсидами полностью отсутствуют. Таким образом, этот тип построек находится в непосредственной близости с западноаланскими купольными храмами. Внутри него храмы различаются лишь заплечиками апсиды, точнее их наличием (таковы все храмы в Северной Осетии и Краснодарском крае) или отсутствием (таковы все храмы в Балкарии; в Карачае представлены оба типа), а также наличием или отсутствием притвора. Зальные церкви исключительно такого подтипа представлены и на побережье Краснодарского края (древняя Зихия и территория санигов), что позволяет говорить о византийско-абхазском архитектурном влиянии, проявившемся в выраженности апсиды снаружи. Хронологически данный тип известен с X века и существует до начала позднего Средневековья.



[*Дзивгисский храм. Вид на южный и восточный фасады. Архитектурно-археологические обмеры 1985 г. Институт «Спецпроектреставация». Северо-Кавказский филиал. Шифр: 140-2-84. Арх. № 330*]

IV.1.А.а. Дзивгис. Единственный относительно по́лно сохранившийся памятник данного типа — это Дзивгисский храм («Дзивгисы-дзуар»)[11]. В посвященных ему работах (по крайней мере, в известных нам), вопрос об изначальных формах этого сооружения освящен весьма поверхностно.

В 1995 г. в результате реставрации его облик был частично изменен. Ранее кровля наоса «Дзивгисы-дзуара» была с двумя прямыми скатами и представляла собой деревянные балки, покрытые сланцевыми плитами. Ниже был подшит плоский дощатый потолок. Лишь полукруглая апсида памятника, соединенная с наосом аркой стрельчатой формы (в ней существуют пазы от распорной балки, служившей, возможно, темплоном), имела ступенчатое

[11 Об этом памятнике см., напр.: *Baddeley John F.* The rugged flanks of Caucasus. London, 1940. Vol. II. P. 110–112; *Уарзиатти В. С.* Дзивгисы-дзуар // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1984. С. 139–160; *Кузнецов В.А.* Христианство на Северном Кавказе до XV в. Владикавказ, 2002. С. 109–112; рис. 29; *он же.* Путешествие в древний Иристон. Пятигорск, 2010. *Илл.* на с. 198–199.]

ложносводчатое покрытие[12]. Надо отметить характерное для закавказских церквей расположение входа в здание в западной части южной стены (II.1.B) и треугольную форму узких световых проемов.

Имеются основания для предположения, что изначально основной объем храма был сводчатым[13]. Однако если такое перекрытие действительно существовало, оно было давно утрачено. Соответственно, его точная форма и высота, как и кровельная конструкция, остаются неизвестными. Во время реставрации над наосом был возведен двускатный свод (из монолитного бетона?), но по недостатку данных сделано это было гипотетично, на основе спорных аналогий. В результате у постройки появилось практически не встречающееся у осетинских церквей ступенчатое завершение. В нынешнем виде храм внешне напоминает святилища Ингушетии. Однако у вайнахских примеров, соизмеримых по масштабу с нашим храмом (Тхаба-Ерды, Делите, Маги-Ерды и т.п. (IV.1.C)) иная конструктивная схема: в отличие от Дзивгисы-дзуара, где наос никак не расчленен, их интерьер всегда разделен подпружными арками.

[12 Ложный свод «образуется при постепенном напуске внутрь горизонтальных рядов кладки; является древнейшим типом свода» (Малая архитектурная энциклопедия. СПб., 2010. С. 401). На Северном Кавказе самые ранние надземные сооружения с ложными арками и сводами не старше, судя по всему, XIV–XV веков (см. IV.1.C; в подземных склепах такие перекрытия известны и раньше). Основная же масса строений с подобными конструкциями относится к XVII–XVIII векам, хотя эпизодически они возникали даже в XIX столетии (кирпичный «склеповидный» мавзолей в Даргавсе; минарет в чеченском селении Эткали). Ступенчатым покрытием в горской архитектуре Кавказа мы называем кровли ложносводчатых построек, состоящие из выступающих между рядов кладки плит-полочек, служащих «водосливами» или «капельниками» и защищающих кладку от намокания. Это вариант лещадного кровельного покрытия, порожденный крутизной ложных сводов. Для их сильно покатой поверхности нашли остроумный способ закрепления плоских плит лещади между рядами кладки, что и породило экзотичный облик памятников. Такое завершение (не только у построек со сводчатым помещением внутри, но и у «глухих» сооружений) распространено в позднесредневековой архитектуре Чечни, Ингушетии, Осетии и горных районов Восточной Грузии (Пшав-Хевсуретии, Хеви и проч.). Единичные примеры, не известные, кажется, по публикациям, имеются в горных районах Северного Дагестана (надгробия в селах Верхнее Годобери и Карата: *Мовчан Г.Я.* Древняя архитектура Аварии (Горный Дагестан). Диссертация на соискание ученой степени доктора архитектуры. Московский ордена Трудового красного знамени Архитектурный институт. Т. I. Ч. I. М., 1970. *Л.* 96об., 97, 98).

13 Институт «Спецпроектреставация». Северо-Кавказский филиал. Шифр: 140-2-84. Арх. № 330: Культовый комплекс «Дзивгис Дзуар». Проект реставрации. Предварительные работы, натурные исследования. Т. I. Таганрог, 1985. Историческая записка. *Л.* 7. (Нами использованы экземпляры материалов обследований и проектов архитектурной реставрации Дзивгисскоо храма, хранящиеся в научном архиве РГУ «Наследие Алании» (г. Владикавказ) и любезно предоставленные Л.Р. Габоевой).]

Датировка церкви Дзивгиса не определена. В.А. Кузнецов, раскопавший у стен памятника погребения XIV–XV вв., полагает, что поскольку «в этот период храм уже функционировал», то «построен он был не позже XIII в., скорее всего в XI–XII в.». Ученый видит грузинское происхождение сооружения, ставит его «в один типологический и хронологический ряд с храмами Зруга, Тли и Регаха, «Нузальской часовней», но при этом считает, что «здание претерпело длительную эволюцию»[14]. Тменов, основываясь, видимо, на том же очень относительном «репере» — исследованных Кузнецовым захоронениях, ориентировочно датирует храм Дзивгиса XIII–XIV веками[15]. Существует мнение, впервые, кажется, прозвучавшее в работах ингушского археолога Мужухоева, что апсида пристроена позже, поскольку в месте ее примыкания к стене основного объема есть шов. Однако эта точка зрения основана лишь на беглом осмотре кладки в местах утраты штукатурки[16]. Для окончательных выводов были бы необходимы дополнительные зондажи, чего сделано не было. На самом же деле, с северной стороны апсиды ее конструктивная перевязка с восточной стеной храма хорошо прослеживается. К тому же, как мы уже говорили выше (II.1.E), строительный шов не обязательно является показателем разновременности частей здания. Возможно, Дзивгисская церковь до недавней перестройки сохраняла все свои изначальные формы и подлинные конструкции.

Важный показатель — использованные здесь ложные арка и свод конхи. Это свидетельство того, что сооружение было возведено местными мастерами и к грузинскому зодчеству имеет лишь опосредованное отношение, хотя определенная связь с ним прослеживается довольно четко.

Надо сказать, что приводимые Кузнецовым памятники Алагирского ущелья, принадлежащие, по мнению исследователя, к единому «типологическому и хронологическому ряду», на самом деле архитектурного единства не со-

[14 *Кузнецов В.А.* Указ. соч. С. 111.

15 Тменов В.Х. Средневековые историко-архитектурные памятники Северной Осетии. Орджоникидзе, 1984. С. 111.

16 Мужухоев М.Б. Средневековые культовые памятники центрального Кавказа (К истории религиозных верований в X–XIX веках). Грозный, 1981. С. 42. Мнение, высказанное Мужухоевым, недавно снова прозвучало в претендующем на научность труде С. Джанаева «Три слезы Бога» (как указано в выходных данных, книга издана Северо-Осетинским институтом гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-Алания). Автор этого «опуса» объявил апсиду дзивгисского храма пристроенной во 2-й пол. XIX века при попытке «*огрузинивания — охристианивания*» Осетии, сохранявшей к XIX веку, якобы, свою уникальную «*нарто-скифо-сармато-аланскую*» религию (*Джанайты С.Х.* Три слезы бога. Владикавказ, 2007. С. 115). При этом, ради доказательства своей идеи, Джанаев прошел на фальсификацию, приведя с подписью «Рисунок святилища Дзывгъисы Уастырджи» уже упоминавшееся изображение Гули-дзуара из знаменитой работы В. Миллера (Там же. С 115. Ср.: *Миллер В.Ф.* Терская область. Археологические экскурсии // МАК. М., 1888. Вып. I. Табл. IX).]

ставляют. Если церкви в Зруге, Тли и Регахе, датируемые X–XII веками, — это достаточно «рафинированные» памятники грузинской школы, имеющие множество аналогий в Закавказье (IV.1.B), то храм в Нузале относится к XIV веку и принадлежит местной, довольно «варварской» (не в плохом смысле слова) традиции (см. IV.1.C). Церковь в Дзивгисе представляет собой некое обособленное, промежуточное явление, не имеющее прямых аналогов и воплотившее в себе черты как восточнохристианского (в закавказском «изводе»), так и горского зодчества.

IV.1.A.б. Верхний Джулат. Храмы на городище Верхний Джулат (Татартуп) относятся к монгольскому времени и датируются XIII-XIV веками[17]. Они соседствовали с мечетями, что отражало веротерпимость Золотой Орды[18]. Если датировка этих церквей вряд ли подлежит сомнению, то происхождение их форм спорно. Все четыре христианских постройки в Татартупе построены из плоского золотоордынского кирпича и имеют выступающие полукруглые апсиды. Три из них почти наверняка были бескупольными (храмы 2, 3, 4), храм же № 1, возможно, имел купол и рассматривается нами в соответствующем разделе (см. IV.3). В двух храмах (№ 1 и 2) под алтарными апсидами находятся перекрытые купольными сводами очень низкие (всего ок. 1,5 м до щелыги свода) погребальные помещения-склепы с «дромосами» и небольшими (до 1 м высотой) входами-лазами. Свод одного из указанных склепов (церковь 2) завершается круглым отверстием, хотя нет уверенности в том, что «это был люк из алтаря внутрь склепа», а не простой пролом[19]. Отмечая в технике строительства этих церквей много общего с находившимися рядом мечетями, Кузнецов делает следующее заключение: «Мы вправе полагать, что в строительстве верхнеджулатских памятников культового и погребального назначения активно участвовали азербайджанские и грузинские мастера, скорее всего, приведенные татаро-монголами при вторжении хана Узбека в Закавказье в 1319 г. или хана Джанибека в 1356 г.»[20]. Следует признать, что форма верхнеджулатских памятников (а

[17 *Кузнецов В.А.* Эльхотовские ворота в X–XV веках. Владикавказ, 2003. С. 131-157.

18 Руины христианского храма были отмечены и в крупном золотоодынском городе Маджары (в 1837 году), расположенном относительно недалеко (на месте современного г. Буденовска) и, несомненно, имевшем с Верхним Джулатом прямые контакты (Древние христианские памятники на Северном Кавказе // Терские ведомости. 21 июля 1903 г. № 160. С. 2–3). Хотя формы этой постройки неизвестны, можно осторожно предположить, что храм был подобен верхнеджулатским. Есть вероятность его принадлежности существовавшей здесь армянской общине (*Волков И.В.* Хачкар с городища Маджары // Историко-археологический альманах. Армавир; М., 1996. Т. 2. С. 213–214).

19 *Кузнецов В. А.* Эльхотовские… С. 139. См. также: *он же.* Путешествие… 2010. Рис. на с. 95–96.

20 *Кузнецов В. А.* Эльхотовские… С. 148.]

наличие здесь нескольких схожих зданий позволяет нам говорить если не о местной школе, то о длительно работавшей здесь артели) не находит, кажется, аналогов в зодчестве центральной Грузии того времени. Вместе с тем, эти храмы имеют некоторые параллели в Западной Алании, Абхазии, в Крыму, на Балканах. И хотя Кузнецов не пришел к однозначному выводу о генезисе архитектуры этих церковных сооружений, он связывает их с провинциально-византийскими памятниками зодчества.

Вместе с тем, в появлении склепов под апсидами (сам принцип их расположения в храме № 2 и рассматриваемом нами ниже купольном храме № 1, см. IV.3) данный исследователь видит «отдаленные конструктивные соприкосновения» (но, как сам замечает, не «знак равенства») с криптами в европейских католических храмах и возможную связь с присутствием на Северном Кавказе западноевропейцев (прежде всего, генуэзских и венецианских купцов и итальянских миссионеров). При этом сама форма верхнеджулатских «крипт» — это «вполне обычные золотоордынские склепы, встроенные в алтарную часть. Есть основания думать, что они сформировались под воздействием среднеазиатской или азербайджанской мусульманской архитектуры»[21]. Надо отметить, что абсолютно такой же по конструкции склеп был найден рядом с храмом № 4 и «пролил свет на спорный вопрос о генезисе подалтарных крипт в церквах 1 и 2»[22].

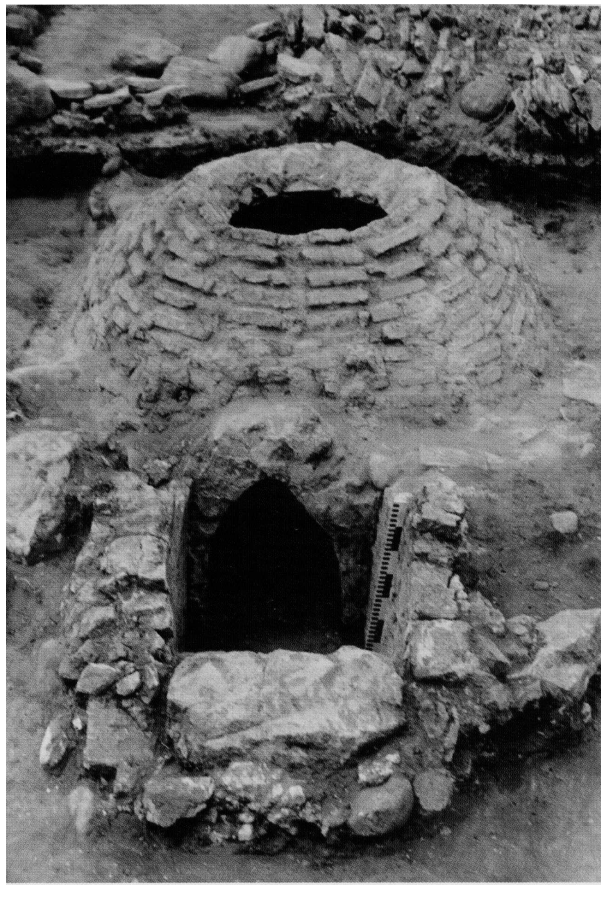
В действительности, называть подалтарные усыпальницы верхнеджулатских церквей «криптами» неверно. В данном случае эти тесные сводчатые склепы служили, скорее всего, фамильными усыпальницами владельцев храмов. Крипты же под католическими церквами (а также ранневизантийскими и древнеармянскими[23]) — помещения совсем иного назначения и времени. Это достаточно обширные пространства, где могли совершаться богослужебные чинопоследования, связанные, прежде всего, с почитанием

[21 Там же. С. 150–152.

22 Там же. С. 146. В своде также имеется отверстие, хотя и в этом случае нет уверенности в его изначальности. Мы присоединяемся к выводу Кузнецова, что верхнеджулатский склеп является «погребальным сооружением, принятым в ордынской мусульманской среде», помещенным на христианском кладбище. Вместе с тем, как нам кажется, он может являться нижней частью разрушенного двухъярусного мавзолея, как, кстати, и приводимый исследователем аналог из Сарая-Бату.

23 Подалтарные крипты Византии и Армении относятся к значительно более раннему времени, нежели верхнеджулатские постройки (см., например: *Казарян А.* Реликвии в архитектуре средневековой Армении // Восточнохристианские реликвии / Под ред. А.М. Лидова. М., 2003. С. 97–104). Вероятно, с этой традицией связано и погребение в монастыре Бодбе в Кахетии, приписываемое св. Нине, изначально располагавшееся в очень низком склепе под алтарем южного придела, причем в этот склеп-крипту вело отверстие в полу алтаря. Несомненно, это погребение во многих случаях могло браться как образец, тем более что расположение могилы под алтарем было особо почетно.]

[*Верхний Джулат.*
Склеп под апсидой церкви № 2.
Фото 1962 г.
(по В.А. Кузнецову)]



мощей, и они четко отличаются от сводчатых погребальных склепов (хотя бы своими размерами).

Склепы Верхнего Джулата наиболее близки к склепам под помещениями для поминальных ритуалов в определенном типе мусульманских мавзолеев. Их роднит целый ряд деталей, в том числе отдельные входы и отверстия-«окулусы» в купольных сводах[24]. Но в мавзолеях могилы располагались в грунте, причем сами помещения имели достаточно большу́ю высоту. В верхнеджулатских же склепах захоронения, похоже, располагались прямо на полу, т.е. были открытыми[25]. При этом входы были очень небольшие (почти «лазы»), а высота свода — крайне невелика. Кажется, тут прямая связь и с

[24 **Впрочем, эти отверстия, действительно похожие на круглые отверстия и встречающиеся** в сводах погребальных камер восточных мавзолеев (нам известны азербайджанские примеры), в данном случае могут являться обычными проломами.

25 Впрочем, в золотоордынских погребальных сооружениях, относимых обычно к мавзолеям, встречаются погребения, совершенные не в грунте (любезная консультация Э.Д. Зиливинской).]

катакомбными погребениями с их дромосами, лазами, длительной «утилизацией» и семейной принадлежностью.

Однако очень сходные с катакомбами подземные склепы (дромосы, наличие нескольких погребений головами на запад на специальных «ложах» без гробов и т.д.), но сложенные из камня и перекрытые клинчатыми («истинными») коробовыми сводами, известны и на христианских кладбищах Грузии (например, склепы около села Сиони в бассейне реки Иори, в Когото, в Мцхете[26]). Они, кстати, окружены погребениями в ящиках (иногда «коллективными»). Считается, что склепы в Сиони и Когото построены в VI веке и продолжают античные традиции, но поскольку они использовались неоднократно на протяжении многих веков (как указывает Р.М. Рамишвили), то не исключено, что их знали и в золотоордынское время.

Кроме того, небольшие входы-лазы сближают верхнеджулатские «крипты» с горскими погребальными храмами XV века, такими как Сатайи-Обау и Авд-Дзуар в Галиате (IV.1.C), а более широко — с известной от Карачая до горной Ингушетии склеповой погребальной традицией. Но несомненно, что само размещение склепов под храмами «тождественно» простым грунтовым погребениям в интерьерах церквей.

Вообще же, сводчатые пространства под храмами, предназначенные для захоронений, — достаточно распространенное явление и на Западе, и в византийском мире на протяжении всего Средневековья[27]. Часто такие склепы устраивали и в Грузии: они имеются, к примеру, под малой церковью Джвари (в одном было погребено не менее четырех человек, причем входы сюда замуровывались), или под северным нефом базилики в Некреси[28]. В грузинских храмах встречаются и погребальные помещения только под алтарной частью, причем со входом с восточной стороны (северный придел Болнисского Сиона[29], Касагина, Сохта и Биети[30]). Известен склеп под апсидой северного

[26 *Рамишвили Р.М.* Археологические памятники Иорского ущелья. Сиони. Тбилиси, 1970. С. 19. Рис. 1.20, 2.21, 3, 4. Табл. I, III–XI (на груз. языке); Мцхета. Итоги археологических исследований. Тбилиси, 1982–1983. Т. VI. Илл. 1551–1556 (на груз. языке).

27 См., напр.: *Laskaris N.* Monuments funéraires paléochrétiens (et byzantins) de Grèce. Athènes, 2003.

28 *Чубинашвили Г.Н.* Памятники типа Джвари. Тбилиси, 1948. С. 7, 14, 43; *он же.* Архитектура Кахетии. Тбилиси, 1959. С. 38, 41-43.

29 *Чубинашвили Г.Н.* Болнисский Сион // Известия института языка, истории и материальной культуры им. акад. Марра. Тбилиси, 1940. Вып. IX. С. 59, 105–107, 109.

30 *Меписашвили Р., Цинцадзе В.* Архитектура нагорной части исторической провинции Грузии — Шида-Картли. Тбилиси, 1975. С. 81, 88; *Меписашвили Р.С.* Полупещерный памятник IX в. в сел. Биети // Ars Georgica. Т. 6. Тбилиси, 1963. С. 34–39.]

придела церкви в Цкелкари (Южная Абхазия)[31]. Есть подобные склепы и в грузинских постройках на Северном Кавказе. Таковой, например, находится под Таргимским храмом в Ингушетии (захоронение двух человек в каменном ящике в грунте)[32], а также целых три — под южным приделом Тхаба-Ерды, причем один из них — под алтарем (IV.1.B)[33]. Помещение под апсидой отмечено и в храме «Байрым» в Верхнем Чегеме (см. IV.1.C). Думается, что таких примеров на Кавказе существовало гораздо больше.

Таким образом, описанные верхнеджулатские склепы вполне соответствуют общехристианской традиции. Однако их возводили мастера, принадлежавшие к одной из восточных строительных школ и повторившие привычные им формы, обычные для мусульманского зодчества. Но, вероятно, сказалось местное происхождение заказчиков: этим можно объяснить существование в этих погребальных сооружениях черт, присущих аланским катакомбам и более поздним горским склепам.

Надо отметить, что рядом с одним из храмов в Верхнем Джулате нашли фрагменты кровельной черепицы с грузинской надписью[34]. Из этого следует, что в генезисе форм здешних построек полное отрицание грузинского элемента не имеет оснований. Довольно сомнительным нам кажется здесь западноевропейское католическое влияние — хотя имеются упоминания о латинских проповедниках (и даже кафедрах) на Северном Кавказе в эпоху Золотой Орды, материальных следов его нам не известно абсолютно. Приводимые же Кузнецовым примеры не убедительны. Так, например, «статуя католического

[31 *Шервашидзе Л.А.* Цкелкари (Ацкар) // Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси, 1967. С. 40. Склеп глубиной до 1,6 м перекрыт коробовым сводом. Проникали сюда сверху из апсиды через люк (ср.: прим. 22 в данной главе). Шервашидзе относит сооружение к XIII–XIV векам. На абхазском побережье Черного моря, на мысу Бомбора близ Гудауты, существуют руины комплекса «Серая Баба» (видимо, монастырского), включающего три церкви (купольный зал и две зальные без купола), которые построены вплотную в ряд (типа мон. Пантократора в Константинополе). Под миниатюрной южной церковью на всю ее длину находится полуподземная сводчатая галерея с проемом на восток, вероятно предназначенная для погребений. Датировка комплекса не ясна, публикаций о нем нам не известно (упомянут графиней Уваровой, которая посчитала его бескупольным: *Уварова П. С.* Христианские памятники… С. 32).

32 Мужухоев М.Б. Таргимский храм // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980. С. 179, 181.

33 Он покрыт плоскими плитами. Другой склеп — в «наосе» этого же придела, с клинчатым коробовым сводом, в него ведет лаз с востока, из галереи. Третий — западнее, уже в галерее, он с плоским перекрытием.

34 Кузнецов В.А. Эльхотовские… С. 136–137. Несомненно, эта черепица изготавливалась на месте, что, скорее всего, указывает на грузинское происхождение одного из инициаторов строительства, возможно — церковного иерарха. Надпись на ней сохранилась фрагментарно: согласно А.Г. Шанидзе, здесь читается «по повелению». Там же найден фрагмент сосуда, на котором надпись сделана, предположительно, грузинскими буквами.]

монаха» является, на самом деле, хорошо известным скифским (или, скорее, меотским) изваянием. Весьма спорно и происхождение крестов, найденных на Северном Кавказе и считающихся Кузнецовым европейскими[35].

IV.1.В. Зальные храмы с полукруглой апсидой, не выраженной снаружи. Второй тип, с не выраженной снаружи полукруглой апсидой, представлен единичными примерами на территории Карачаево-Черкессии и на сопредельном ей юго-востоке Краснодарского края: простые храмы № 2 в Курджиново[36] и № 4 на Ильичевском городище, а также более сложные храмы № 1 и 7 там же (с заплечиками апсиды, пилястрами посередине наоса и притвором). Вероятно, к этому же типу относится храм № 1 Первомайского городища: по типу плана он близок и к следующему типу, но, судя по наличию заплечиков, его алтарь мог быть перекрыт конхой на тромпах[37].

В Кабардино-Балкарии постройки данного типа в настоящее время не сохранились, но в дневнике А. Фирковича имеется рисунок плана и фасадов находившегося в Чегемском ущелье храма с «вписанной» апсидой и с полукруглым тимпаном над входом с изображением креста[38]. Если исследователь верно передал формы постройки, то перед нами типичный зальный храм, каких множество в граничащей с Балкарией Сванетии (да и вообще по всей Грузии и Армении). Пока лишь очень предположительно эту постройку можно относить к XI–XII векам[39].

Тот же тип храмов представлен несколькими примерами в Северной Осетии и Ингушетии. В Осетии это Зругский храм («Хозиты-Майрæм», «Мария фамилии Хозиевых»[40]) и храм в селе Тли. Оба они находятся в исторической

[35 *Кузнецов В.А.* Христианство на Северном Кавказе до XV в. Владикавказ, 2002. Рис. 35.3, 35.5–10. Об этом изваянии см., напр.: *Ольховский В.С.* Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. М., 2005. С. 95. Илл. 83.2.

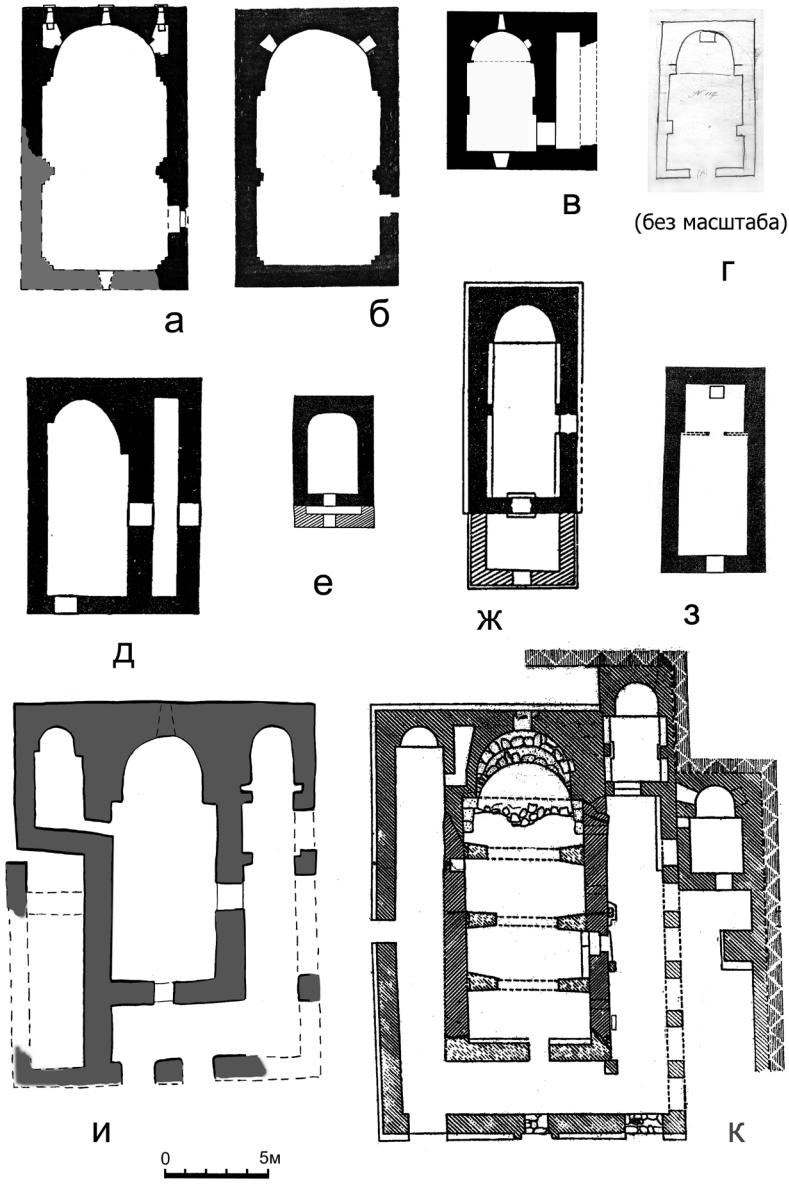
36 Планы двух храмов в Курджиново (зального № 1 и базиликального № 2, см. IV.2.) известны нам только по публикации Пищульной (*Пищулина В.В.* Указ. соч. Рис. 5.2.б), где они даны без указания на источник и нуждаются в дополнительной проверке.

37 *Каминский В.Н., Каминская И.В.* Новые исследования христианских храмов малых форм в Западной Алании // Историко-археологический альманах. Армавир, 1996. Т. 2. С. 172–180.

38 РНБ. Ф. 946. Оп. 1. Д. 80. Л. 31об.–32.

39 Высказывалось предположение, что «немногочисленные христианские церкви, сохранившиеся в разных местах Балкарии», могут относиться к XI–XV векам (*Иессен А.А.* Археологические памятники Кабардино-Балкарии // Материалы по археологии Кабардино-Балкарии / МИА СССР. М.; Л., 1941. № 3. С. 31) То есть самые ранние из них построены в тот же период, что и храмы Двалетии (см. ниже). Однако с последними относительно уверенно мы можем сравнивать лишь этот храм.

40 В литературе также встречаются названия «Зруджи Мады-Майрам» и «Зруджи Зарин Майрам» («Золотая Майрам Зруга»), а также грамматически неправильное «Хозита-Майрам».]



[*Зальные храмы с полукруглой апсидой, не выраженной снаружи: а – Зруг; б – Тли (по В.А. Кузнецову); в – Таргимский храм (по М.Б. Мужухоеву); г – храм в Чегемском ущелье (рисунок А. Фирковича); д – Ильичевское гор., ц. № 7; е - Ильичевское гор., ц. № 4; ж – Ильичевское гор., ц. № 1; з - Первомайское гор., ц № 1 (по В.Н. и И.В. Каминским); и – Алби-Ерды (схематический обмер Д.В. Белецкого); к - Тхаба-Ерды, современное состояние (по Л. Химшиашвили)*]

области Двалетия-Туалгом, в верховьях Алагирского ущелья и датируются XI веком[41]. Но мало сомнений в том, что подобных храмов в этом районе было больше[42]. В Ингушетии таких храмов известно три: Алби-Ерды, Таргимский и знаменитый Тхаба-Ерды. Их датировка спорна, но ясно, что первые два памятника сооружены не ранее XI века.

Алби-Ерды — это зальная церковь с двумя более короткими приделами и галереей-обходом. Возможно, приделом была и южная галерея Таргимского храма, стены которой почему-то принимают за ограду, хотя имеются остатки ее сводчатого перекрытия[43].

Тхаба-Ерды, по мнению многих исследователей, имел три разделенные стенами нефа с отдельными алтарями — этот тип построек, считающийся «феноменом грузинской архитектуры», обычно называется «трехцерковной базиликой». Однако самый первый капитальный храм, существовавший на этом месте, неоднократно в течение столетий разрушался, отстраивался заново и затем снова переделывался — в нынешнем виде перед нами сооружение, практически полностью возведенное в позднее Средневековье, включившее лишь отдельные части более раннего времени. Археологические раскопки в северной галерее Тхаба-Ерды, в которых участвовал один из авторов данной работы, показали, что под полом располагаются основания стен придела, более короткого с запада и востока, нежели нынешний центральный

[41 *Долидзе В.О.* Хозита-Майрам — документ культурных связей Грузии с народами Северного Кавказа // Сообщения АН ГССР. Т. XV. № 2. Тбилиси, 1954. С. 119–126; *он же.* Архитектурный памятник Тли — новый документ культурных взаимоотношений Грузии с Двалетией // Сообщения АН ГССР. Т. XXI. № 6. Тбилиси, 1958. С. 767–774.

42 Есть ряд свидетельств о существовании в находящейся на территории современной Северо-Осетинской части Двалетии еще нескольких подобных храмов (в Наре, Верхнем Зарамаге, Тапанкау, Кесатыкау, Регахе, Калаки). Об их формах сейчас можно только догадываться, но, по всей видимости, это были зальные постройки типа «Хозиты-Майрам» (о храмах в Наре и Регахе см., например: *Кузнецов В.А.* Зодчество… С. 167–170; *он же*. Христианство на Северном Кавказе до XV в. Владикавказ, 2002. С. 103–105 (там же см. и литературу).

43 Об этих памятниках см.: *Белецкий Д.В., Казарян А.Ю.* Тхаба-Ерды. Предварительные результаты нового исследования храма в Ингушетии // АН. М., 2008. Вып. 50 (там же и обширная библиография); *Мужухоев М.Б.* Храм Алби-Ерды // СА. № 1. 1979. С. 275–280; *он же* Изучение храма Алби-Ерды в горной Ингушетии // Новое в археологии и этнографии Ингушетии. Нальчик, 1998. С. 5–14; *Семенов Л.П.* К вопросу о культурных связях Грузии и народов Северного Кавказа // МИАСК. М.; Л., 1951. № 23. С. 302–306; *Мужухоев М.Б.* Таргимский храм // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980. С. 177–183. Есть все основания считать, что в эпоху развитого Средневековья территория Ассинского ущелья находилась под юрисдикцией кахетинского епископа Кветерского (*Гамбашидзе Г.Г.* Три лапидарные надписи епископа Георгия (X в.) из христианского храма Ткобя-Ерда (Ингушетия) // Археология, этнология, фольклористика Кавказа. Тбилиси, 2004. С. 47–48).]

неф. В главном алтаре храма также просматривается основание более ранней апсиды, сдвинутой к западу. То есть существующее здание лишь частично повторяет план предыдущей постройки, датировка которого не совсем ясна. Но, в любом случае, построена она не позднее начала XI в. и, возможно, не являлась «трехцерковной базиликой»[44]. Вероятно, кстати, что к ней относились древнейшие резные детали, вторично использованные при последующих реконструкциях. Открытая раскопками часть сооружения находит параллель в Алби-Ерды (зальный храм с обходом и боковыми приделами), хотя есть основания для предположений, что Тхаба-Ерды изначально мог быть и купольным[45].

Возможно, что в Ингушетии (а может, и в прилегающей к ней Чечне) были еще подобные храмы, но они не сохранились — все остальные существующие «сакральные» памятники на этих территориях относятся к другому типу и иному времени (IV.1.С)[46].

Как уже говорилось, указанные памятники Ингушетии, Северной Осетии и Балкарии несомненно принадлежат к грузинской архитектурной школе и

[44 Термин «трехцерковная базилика» многими учеными ныне признан устаревшим. Г.Н. Чубинашвили, признавая его условным, относил к этому типу и храмы, боковые части которых не являются нефами в чистом виде, а разделены поперечными перегородками на разнофункциональные помещения (см. напр.: *Чубинашвили Г.Н.* Архитектура Кахетии. Тбилиси, 1959. С. 147 и далее). Результаты исследований Тхаба-Ерды, проводимых с 2008 г. археологом У.Б. Гадиевым и архитекторами Д.В. Белецким и Л.Д. Мазур, еще ждут своей публикации. См.: ИА РАН. Научный архив: *Гадиев У.Б.* Отчеты археологических исследований на храме Тхаба-Ерды в 2008 и 2009 гг. На датировку Тхаба-Ерды существуют различные взгляды, рассмотрение которых выходит за рамки нашей темы (см. напр.: *Белецкий Д.В., Казарян А.Ю.* Указ. соч. С. 82 и далее; *Белецкий Д.В., Мазур Л.Д.* Резные блоки Тхаба-Ерды // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Магас, 2010. С. 58; *Гадиев У.Б.* К вопросу о хронологии храма Тхаба-Ерды // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Магас, 2010. С. 107).

45 *Белецкий Д.В., Мазур Л.Д.* Резные блоки Тхаба-Ерды // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Магас, 2010. С. 58.

46 Есть сведения, что грузинская церковь находилась и в ауле Памет в Джейрахском ущелье (*Семенов Л.П.* Археологические и этнографические разыскания в Ингушии в 1925–27 гг. Владикавказ, 1928. С. 19; *он же.* Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925–1932 годах. Грозный, 1963. С. 23). Имеется указание на существование христианских храмов и у «народа Нахче», то есть у чеченцев: *Джанашвили М.* Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России // СМОМПК. Тифлис, 1897. Вып. XXII. С. 50; см. также: *Миллер В.Ф.* Терская область. Археологические экскурсии // МАК. М., 1888. Вып. I. С. 21–22.]

имеют множество аналогий в Закавказье. Все они находятся в зоне контактов с южным соседом и в определенные периоды имели церковное и политическое подчинение Грузии[47]. Соответственно, оттуда же, независимо от западной Алании, шла христианизация этих областей. Возведение здесь храмов совпадает по времени с интенсивным строительством культовых памятников в отдаленных горных областях южной части Центрального Кавказа: Кударо, Хеви, Раче и др., а также в Дагестане (например, храм Датуна)[48], и к архитектуре Алании имеет весьма опосредованное отношение.

Тем не менее присутствие храмов с не выраженной снаружи апсидой на территории Западной Алании заставляет все же считать данный подтип частью аланского зодчества. Пик строительства таких храмов приходится на XI–XIII века. Не исключено, что на северо-запад этот тип стал продвигаться в XII–XIII веках, после ослабления Аланского государства.

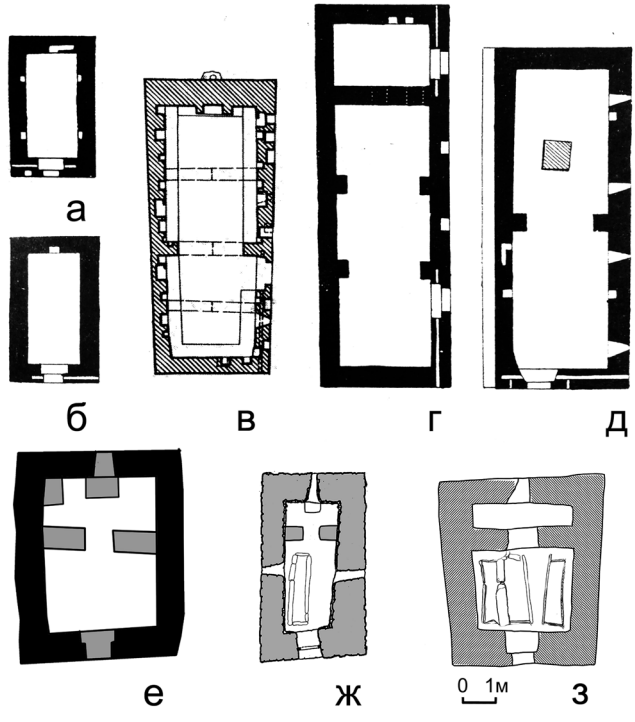
IV.1.C. Зальные храмы с прямоугольной внутри и снаружи алтарной частью. Наконец, третий тип, с прямоугольной внутри и снаружи алтарной частью, доминирует на территории современных Балкарии, горной части Северной Осетии и Ингушетии, но совершенно неизвестен западнее. Подобные храмы распространены и в областях, которые, надо думать, не входили в Аланию (например, Ассинское ущелье в Ингушетии). Но все эти памятники имеют объединяющие их черты и поэтому рассматриваются нами вместе. Кроме того, уже говорилось, что значительную часть сооружений этого типа мы относим к аланской архитектуре лишь условно, поскольку они были построены в более (иногда значительно) позднее время, когда «каноничное» христианство на Северном Кавказе находилось уже в сильном упадке.

Очевидно, что указанные храмы представляют собой совершенно особое художественное явление — самобытную горскую традицию, развивавшуюся в довольно изолированных условиях. Из всех храмов на территории Алании в этих постройках в наименьшей степени ощущается связь с классической византийской традицией. Нет сомнения, что их строили те же мастера, что возводили на этой же территории башни и склепы.

Специфической особенностью памятников этого круга является полное отсутствие в них клинчатых, работающих на распор арок и сводов. Судя по сохранившимся примерам, эти храмы перекрывались деревянными стропилами либо ложными сводами и в последнем случае часто имеют характерные ступенчатые кровли с рядами полочек-«водосливов» (такая конструкция

[47 О грузинском влиянии в центральной и восточной части Северного Кавказа писалось неоднократно (см., например: *Ванеев З.Н.* Избранные работы по истории осетинского народа. Цхинвали, 1989. Т. I. С. 266–267; *Кузнецов В.А.* Христианство на Северном Кавказе до XV в. Владикавказ, 2002. С. 98-124).

48 Об этом см.: *Гамбашидзе Г.Г.* К вопросу о культурно-исторических связях средневековой Грузии с народами Северного Кавказа (II международный симпозиум по грузинскому искусству). Тбилиси, 1977. С. 5, 13–16.]



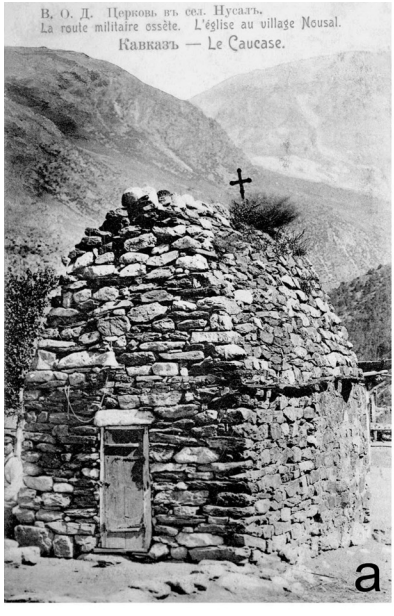
[*Зальные храмы с прямоугольной внутри и снаружи алтарной частью: а –Эрзели; б – Мекал (по И.П. Щеблыкину); в - Делите в Карте (по Л. Хуцишвили и А. Калдани); г - Дзорах-Дела; д - Маги-Ерда (по И.П. Щеблыкину), е – ц. Хустос в Верхнем Чегеме (по М.Б. Мужухоеву); ж – Нузал (реконструкция по обмеру «Спецпроектреставрации» и материалам Е.Г. Пчелиной); з – Сатайи-Обау (обмер Д.В. Белецкого)*]

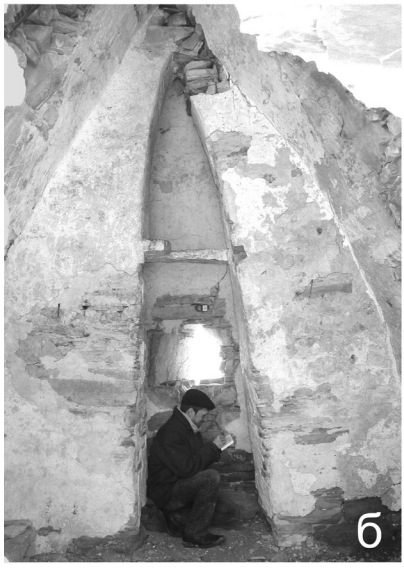
кровли нам уже встречалась на апсиде храма в Дзивгисе (IV.1.А.а)). За сходство с определенным типом склепов их часто называют «склепообразными святилищами»[49]. В некоторых случаях внутреннее пространство этих храмов расчленено поперечными арками, опирающимися на сильно выступающие лопатки (лишь изредка на сами стены). Таким способом, во многих случаях, отделяется и алтарное пространство (если его вообще можно в этих случаях выделить)[50]. Многие из этих памятников абсолютно неправильно ориентированы, — зачастую алтарем они направлены в противоположную от востока сторону.

На территории Осетии церкви этой группы в основном перекрыты деревянными стропилами, лишь отдельные постройки («Нузальская часовня», Сатайи-

[49 Хотя, видимо, именно склепы подобного типа (наземные двускатные) возникли, как подражание таким храмам (об этом см.: *Белецкий Д.В.* Материалы к изучению позднесредневекового зодчества Северного Кавказа // Историко-филологический архив. Владикавказ, 2011. Вып. 7. (в печати)).

50 **Спорным представляется встречающееся во многих работах мнение, что зальные** храмы делятся поперечными арками на притвор, наос и алтарь. На самом деле подпружные арки носят исключительно конструктивный характер и не разделяют помещение на обособленные части, тем более что притвор обычно является отдельным помещением.]





[*Зальные храмы с прямоугольной внутри и снаружи алтарной частью: а - нузальская церковь (фото кон. XIX в.); б - Сатайи-Обау, интерьер. Фото А.П. Мошинского. 2005 г.; в – Бархин; г - Делите в Карте; д – Фараската. Фото Д.В. Белецкого. 2009 г.*]

Обау, Авд-дзуар в Галиате, храм в Фараската, Мады-Майрам в Архоне[51]) имеют каменные своды. В Балкарии (и в Кабарде?) храмов было много[52], но основная их масса ныне разрушена и наши знания о них сильно ограничены. Судя по всему, перекрытия этих памятников также, в зависимости от возможностей заказчика, могли делать и из камня, и из дерева. Среди же церквей Ингушетии ложносводчатые перекрытия по своему количеству не уступают деревянным. Эта тенденция, кстати, проявляется и в «гражданском» зодчестве: каменные своды в башенных постройках наиболее распространены в Ассинском и Джейрахском ущельях, западнее они встречаются лишь эпизодично. Интересно, что в сводчатых перекрытиях ингушских святилищ часто использовались деревянные распорные балки, в Осетии и Балкарии знакомые нам лишь по склеповой архитектуре.

Датировка большинства из этих памятников «плавает» в пределах нескольких столетий. Нам неизвестны особенности службы в подобных храмах на раннем этапе[53]. Их церковное подчинение, скорее всего, было грузинским, хотя, по объективным причинам — довольно номинальным, особенно в позднее время[54].

[51 Т. н. храмы дигорской группы: Сатайи-Обау, Авд-дзуар и храм в Фараската, имеют алтарное пространство, отделенное простенком со стрельчатой аркой. Мады-Майрам в селении Архон представляет собой небольшую четырехугольную постройку, перекрытую ложным сводом, с двускатной кровлей, с лазом и с узким оконцем в противоположной стене. Внутреннее пространство этого храма ничем не разделено. В принципе, памятник сходен с мавзолеями, известными на территории Балкарии (Шканты, Курноят, «склеп Камгута», о них см. ниже), но почитается как святилище-«дзуар». Возможно, имело ложный свод и святилище Уациллы над селением Камунта (около Галиата) — судя по внутреннему уклону поверхности стен в интерьере его «основного» помещения.

52 Об этом см., напр.: *Лавров Л.И.* Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. // *Лавров Л.И.* Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев, балкарцев. Нальчик, 2009. С. 406–410 (переиздание статьи, опубликованной в: Кавказский этнографический сборник. М., 1969. Вып. 4).

53 По данным археологии и этнографии нам известно о некоторых обрядах в храмах Осетии, Ингушетии и Балкарии в поздний период. К «каноничному» богослужению они имели весьма опосредованное отношение, сформировавшись за время отсутствия там образованного духовенства (об этом см.: *Белецкий Д.В.* Материалы к изучению позднесредневекового зодчества Северного Кавказа // Историко-филологический архив. Владикавказ, 2011. Вып. 7. (в печати)). О ритуалах более раннего времени судить по ним можно лишь приблизительно.

54 Вплоть до позднего Средневековья язык богослужения в горных районах восточнее Эльбруса, вероятно, тоже был грузинским, хотя есть отдельные указания на существование там греческой эпиграфики (*Чеченов И.М.* Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969. С. 95, № 351; *Иессен А.А.* Указ. соч. С. 34). На территории Кабарды известна как греческая, так и грузинская эпиграфика, при преобладании первой. Т.е. четкой границы между территориями Северного Кавказа, испытывавшими греческое либо грузинское влияние, не прослеживается.]

Появление таких построек связано, скорее всего, с ослаблением внешнего влияния (прежде всего византийского и грузинского) после захвата Кавказа монголами в XIII в. Одним из самых ранних памятников этого типа является церковь в Нузале, построенная в XIV веке, когда грузинское влияние в этом районе еще было очень ощутимо[55]. Большинство же таких сооружений, известных нам, относится, скорее всего, к эпохе, последовавшей за уничтожением аланской государственности в самом конце XIV столетия (например, Авд-Дзуар в Галиате, Сатайи-Обау, Фараската, Делите, Мятцил, Бархин).

Многие из этих зданий, видимо, являлись не приходскими церквами, а фамильными храмами-усыпальницами, в них совершались лишь поминальные богослужения над захоронениями. Они, кстати, и расположены часто в стороне от селений. К таким сооружениям относятся нузальский храм в Уалладжире и Сатайи-Обау в Дигории[56], где погребения исследованы археологически. Все рассуждения о том, что оба эти памятника изначально являлись «языческими святилищами» и лишь потом были основательно перестроены и стали использоваться для христианских служб, умозрительны и связаны с традициями советской атеистической науки[57]. Никаких следов их якобы более поздней переделки нет. Обычай строительства храмов-мавзолеев, являвшихся частной собственностью и показывавших значимость и «благочестие» их владельцев, был очень распространен по всему христианскому миру, и на Западе и на Востоке, чему существует множество параллелей в близлежащей Грузии («кому принадлежит усыпальница в церкви, тому же подобает иметь церковь и весь ее приход»[58]). «Нузальская часовня» и Сатайи-Обау абсолютно соответствуют этой традиции, а их чисто внешнее сходство с надземны-

[55 *Белецкий Д.В.* Заметки… (там же и библиография).

56 Сатайи-Обау построен, видимо, в XV веке (*Белецкий Д.В.* Сатайи-Обау и северокавказские родовые храмы // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий (Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Кавказа). Тезисы докладов. Владикавказ, 2008. С. 48; *он же.* Сатайи-Обау. К вопросу о датировке позднесредневековых «горских» построек // Международная конференция «Археология, этнология, фольклористика Кавказа». Сборник кратких содержаний докладов. Тбилиси, 2010. С. 80–81 (на сайте: fundofcaucasus.org см. электронную версию)).

57 Подобную версию неоднократно излагал Мужухоев (см., напр.: *Мужухоев М.Б.* Средневековые культовые памятники центрального Кавказа. (К истории религиозных верований в X–XIX веках). Грозный, 1981. С. 35–36, 46–48; о*н же.* К вопросу об интерпретации некоторых культурных памятников Северной Осетии эпохи средневековья // Вопросы историко-культурных связей на Северном Кавказе. Орджоникидзе, 1985. С. 72–75, 78–80). О реальных причинах подобных рассуждений в работах Мужухоева см.: *Шнирельман В.А.* Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М., 2007. С. 322–323.

58 Памятник эриставов / Перев. С.С. Какабадзе. Тбилиси, 1979. С. 23.]

ми двускатными склепами (которые, судя по всему, возникли в более позднее время) определяется их конструкцией. Это, прежде всего, ложный свод и отсутствие кровельного покрытия (если не считать таковым полочки-капельники на Сатайи-Обау). Но, например, нет никакого кровель у многих храмов в Средиземноморье, что, видимо, связано с небольшим количеством там осадков. В этих случаях мы видим внешнюю поверхность свода, покрытую слоем обмазки. Такую же обмазку-побелку на камнях купола (видимо, с самого начала, с XV в.) имеет мавзолей Борга-Каш (равнинная часть нынешней Ингушетии), что при внешнем различии памятников говорит о распространенности таких покрытий в Кавказском регионе.

То, что храмы в Нузале и Сатайи-Обау возводились специально для проведения богослужений, говорят существовавшие в их интерьере сосуды-голосники, которые могли быть установлены *только* в процессе строительства. Бесспорно наличие ранее в нузальском храме невысокой алтарной преграды, отделявшей алтарную часть от «наоса» (и, несомненно, существовавшей изначально), — сохранились ее четкие следы[59]. Очевидно и то, что погребение в нузальском храме было совершено с учетом этой преграды и поэтому «сдвинуто» к западной стене.

Сатайи-Обау построен на столетие-полтора позже, в период ослабления связей с «официальной» церковью. Этим можно объяснить элементы «нехристианской» обрядности в находившихся в нем захоронениях (например, присутствие в ящиках угля) и некоторые «неканоничные» особенности его архитектуры. Однако связь с общехристианской традицией возведения частных погребальных храмиков тут очевидна.

Вероятно, к этому же типу принадлежат и многие другие небольшие храмы-святилища в Северной Осетии: погребения могут быть, например, в церкви в Фараската, Авд-дзуаре и Мады-Майрам в Архоне.

На территории Балкарии и Кабарды многие постройки, которые можно относить к христианским церквам, ныне либо полностью разрушены, либо сильно повреждены, и судить о них можно лишь по поверхностным описаниям[60] (одна из них отнесена нами к храмам другой группы (см. IV.1.В)). Из прежних исследователей наиболее подробно эти сооружения попытался рассмотреть Кузнецов[61]. Он учел восемь построек, при этом из них относительно хорошо сохранились только Шканты и Курноят. До недавнего времени существовала одна из стен памятника в Кашкатау: нам она известна по фотографиям. Шканты, по всей видимости, из числа христианских храмов все же следует исключить. Этот памятник, известный как «кешене Акуловых», аналогичен известному склепу-мавзолею Камгута: оба они имеют лазы, окна и грунтовые

[59 *Белецкий Д.В.* Заметки… С. 27–29.

60 Общие сведения о храмах на территории Кабардино-Балкарии см. в: *Чеченов И.М.* Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969. С. 76, 80, 82–89, 95. № 264, 283, 293, 295, 298–299, 306–307, 313–314, 320, 325, 329, 351.

61 *Кузнецов В.А.* Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977. С. 121–129 (там же см. библиографию).]

погребения. Возможно, не является храмом и «Курноятская часовня». О форме ее входного проема мы ничего не знаем: эта сторона сооружения разрушена полностью, а в противоположной входу стене имеется, как в кешене Акуловых и Камгута, небольшое окно. Отнесение же И.М. Мизиевым находившегося под этим сооружением захоронения к XIV–XV векам не достаточно обосновано, поскольку оно было разграблено. Назначение постройки в Кашкатау также неясно: хотя она сходна со склепами-мавзолеями, сохранившийся в стене проем выглядит несколько крупнее лаза, а о наличии здесь погребений ничего не известно. Есть определенная вероятность, что она строилась как церковь, однако настаивать на этом мы не беремся. Вообще, вопрос атрибуции и конфессиональной принадлежности многих балкарских сооружений данного типа требует дополнительной проработки, что выходит за рамки нашей книги[62].

Тем не менее, о некоторых балкарских постройках, учтенных Кузнецовым, можно с уверенностью сказать, что они являлись церквами, имевшие при этом погребальные функции. Так, например, грунтовое захоронение отмечено в алтаре церкви селения Актопрак в Чегемском ущелье[63]. «Склеп или погреб, в котором вход сделан с восточной стороны» отмечен под церковью, виденной А. Фирковичем в балкарском Верхнем Чегеме (аул Искильты)[64]. Вероятно, это помещение первоначально было предназначено именно для погребений (в XIX веке в нем хранились «книги и церковная утварь»). Исследователь отметил в указанном храме «с левой стороны двери, обращенной к западу… вроде бараньей головы, высеченной из камня». В дневнике Фирковича имеется рисунок этого фасада — он завершается треугольным щипцом и имеет один оконный проем. В тимпане над дверью изображен крест. Голова «барана» располагалась, если судить по

62 Эта проблема практически не разработана. Много неясностей и в вопросе датировки балкарских и карачаевских склепообразных построек с грунтовыми погребениями. Очевидна лишь верхняя граница их бытования — XVIII век, когда эти сооружения строились как мусульманские мавзолеи (например, Карт-Журт). Но когда они появились, истоки их форм и отношение к христианским храмам — это еще тема для споров. К подобным памятникам принадлежит и хорошо известный «склеп Камгута». А.А. Иессен высказал предположение, что он сооружен в XV в., И.М. Мизиев отнес его к группе склепов XVI–XVIII вв. (*Мизиев И.М.* Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая (XIII–XVIII вв.). Нальчик, 1970. С. 75-76). Но если мавзолей действительно принадлежал Камгуту Крымшамхалову (который является историческим лицом), то, вероятно, прав В.М. Батчаев, по мнению которого, «рассмотренный памятник можно датировать приблизительно 20-ми годами XVII века» (*Батчаев В.М.* Балкария в XV — начале XIX в. М., 2006. С. 51). «Склеп Камгута» может являться аналогом дзуара Мады-Майрам в Архоне (тот же лаз и окно на противоположной стене), однако если вопрос о конфессиональной принадлежности первого еще находится на стадии обсуждения, то второй, несомненно, является образцом постройки, созданной в условиях горского «этнизированного» христианства.

63 *Чеченов И.М.* Указ. соч. № 306. С. 84.

64 *Фиркович А.С.* Археологические разведки на Кавказе // ЗИАО. Т. IX. СПб, 1857. С. 397 (переизд. в: Балкария. Страницы прошлого. Нальчик, 2006. Вып. III).

рисунку, выше двери, но ниже светового проема. Аналогичные резные изображения на фасадах храмов известны в грузинских памятниках, в частности в Сванетии, связанной с Балкарией перевалами[65]. Мы снова на территории Балкарии встречаем архитектурный памятник, имеющий прямые аналогии в Закавказье (см. IV.1.B). Эти параллели дополняются и характером существовавших в Чегемском ущелье росписей, о чем будет сказано ниже (см. IV.5)[66].

Описанный Фирковичем храм в Искильты Кузнецов отождествляет (и, повидимому, справедливо) с церковью «Байрым» в Верхнем Чегеме, где в 1959 году под алтарной частью был обнаружен и исследован склеп, перекрытый ложным (по Кузнецову «двускатным») сводом «высотой до верхней точки свода 2,0 м». Это помещение имеет вход-лаз высотой 85 см (что немногим больше «обычных» лазов в горских погребальных постройках). Ученый отмечает, что «в конструктивном отношении склеп очень близок к хорошо известным средневековым и поздним склеповым сооружениям горного Кавказа (особенно к полуподземным склепам)», и «местные строительные традиции в нем выражены достаточно ясно»[67]. Но форма храма (прежде всего, апсиды) окончательно не ясна. Судя по тому, что здесь использован ложный свод, характерный, прежде всего, для храмов с прямоугольной восточной частью, церковь «Байрым» могла

[65 Рельефные головы животных присутствуют на фасадах сванских церквей Св. Георгия в Накипари (общество Ипрари, нач. XII в.) и Ипхи, но вообще подобные изображения в разных вариантах известны в грузинской архитектуре самых разных периодов (Светицховели, Болниси, Мгвимеви, Монастери, Акапа, Цкелкари, Тхаба-Ерды и др.).

66 Грузинское, и, конкретно, сванское влияние в Балкарии и Карачае прослеживается в архитектурных памятниках вплоть до позднего Средневековья. Хорошо известна, например, башня в Верхнем Чегеме, построенная в XVII в. по сванскому образцу (см., напр.: *Мизиев И.М.* Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая (XIII–XVIII вв.). Нальчик, 1970. С. 42–43. Табл. 11). Это проявляется и в эпизодическом использовании в Карачае и Балкарии строительных конструкций, не известных в прочих районах Северного Кавказа, но распространенных в Закавказье (см.: *Батчаев В.М.* Из истории традиционной культуры балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1986. С. 21; *он же.* Балкария в XV — начале XIX в. М., 2006. С. 54). Сванетия связана с Карачаем и Балкарией перевалами, через которые до последнего времени совершались довольно активные контакты. Известны и свидетельства о проживании сванов в нач. XIX века в Карачае (в Хуламе и «в соседних горах Кашка-Тау»: см., например: *Клапрот Ю.* Описание поездок по Кавказу и в Грузии в 1807 и 1808 годах. Нальчик, 2008. С. 183). О существовании сванского населения и о сванском культурном влиянии на территории современной Балкарии в средние века см., например: *Лавров Л.И.* Расселение сванов на Северном Кавказе до XIX в. // *Лавров Л.И.* Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев, балкарцев. Нальчик, 2009 (переиздание статьи, опубликованной в: Вопросы этнографии Кавказа. Тбилиси, 1952); *Робакидзе А.И., Харадзе Р.Л.* К вопросу о сванско-балкарских культурных взаимоотношениях // О происхождении балкарцев и карачаевцев. Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов (22–26 июня 1959 г.). Нальчик, 1960.

67 *Кузнецов В.А.* Зодчество… С. 123–124.]

относиться к этой группе. Ее (и вообще известные нам храмы Верхнего Чегема) обычно относят к XIII–XV векам, однако, как справедливо считает Кузнецов, для окончательного заключения требуются дополнительные изыскания[68].

Из храмов Балкарии большой интерес представляет церковь Хустос на окраине села Верхний Чегем (недалеко от знаменитого некрополя Фардык). Этот памятник частично обследовался в 1959 г. Е. Алексеевой. В 1981 г. он изнутри был полностью расчищен М. Мужухоевым[69], который многие детали сооружения в отчете интерпретировал явно ошибочно. Так, находящийся в северо-восточном углу апсиды невысокий «столик»-жертвенник (высота его читается по отпечатку на штукатурке), исследователь назвал «каменной столпообразной вымосткой». При этом он высказал предположение, что такая же «вымостка» была и у юго-восточного угла и все это «имитировало вписанную в толщу стены апсиду». На самом деле, второй «вымостки» никогда не было: то, что к юго-восточному углу интерьера вообще ничего не примыкало, хорошо видно по сохранившимся фрагментам штукатурной обмазки. Мы не знаем, какое в храме Хустос было перекрытие: деревянное балочное, коробовый свод и конха, или сплошное ложносводчатое. Впрочем, небольшой уклон внутренней поверхности северной стены храма говорит в пользу последнего. Это, а также плановая структура постройки (в частности, присутствие алтарной преграды, которая, судя по значительной толщине, могла представлять из себя высокий простенок) дают основания осторожно предполагать, что Хустос является «родственником» церквей «дигорской» группы (Сатайи-Обау, Авд-дзуар, храм в Фараската). Несколько более развитая система литургических устройств по сравнению с дигорскими храмами, в сочетании с достаточно широким алтарем и низким дверным порогом (что свидетельствует о наличии тут относительно большого входного проема, отнюдь не лаза) дают основания для более ранней датировки памятника. Впрочем, в Фараската тоже имеется дверь, и этот же храм находит относительную параллель в одной церкви в Балкарии, ныне не сохранившейся, но известной по достоверному изображению. Имеются в виду парные кресты на фасаде, повторяющиеся в обоих памятниках[70].

[68 Там же. С. 125.

69 *Алексеева Е. П.* Археологические раскопки в районе села Верхний Чегем в 1959 г. // Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1961. С. 202–203; *Мужухоев М.Б.* Исследование средневековых памятников в Чечено-Ингушетии, Северной Осетии и Кабардино-Балкарии // АО. 1981 г. М., 1983. С. 126; ИА РАН. Научный архив. Р1/8388; 8388а: *Мужухоев М.Б.* Отчет о результатах полевых изысканий за 1981 год. *Л.* 16–19. Табл. 67–78. Если судить по описанию Алексеевой, то у храма была полукруглая апсида. В раскопанном Мужухоевым памятнике таковой нет: видимо Алексеева приняла за нее основание ограды. В монографии Пищулиной фотографии и план этой же постройки даны под названием «церковь Артла» (*Пищулина В.В.* Указ. соч. Рис. 4.14–4.14).

70 Более подробно о храме в Фараската см.: *Белецкий Д.В.* Материалы к изучению позднесредневекового зодчества Северного Кавказа // Историко-филологический архив. Владикавказ, 2011. Вып. 7. (в печати).]

Самые сохранные и сложные по архитектуре здания этого типа находятся на территории Ингушетии: как уже говорилось, подавляющее большинство их перекрыто ложными сводами и имеет ступенчатую кровлю. Многие из указанных сооружений внутри расчленены подпружными арками стрельчатой формы. В некоторых постройках очевидно влияние закавказского соседа: например, Делите имеет на фасадах изображения «голгофских» крестов, восходящих к крестам на фасадах грузинских архитектурных памятников (башен, храмов, колоколен) (см. ниже). При этом южный фасад Делите был «украшен» вделанными в кладку черепами животных (туров?) с рогами, выступавшими наружу и смотревшимися довольно странно рядом с христианским символом. Такие же черепа отмечены во многих ингушских храмах (Маги-Ерды, Мятер-Диела, Мятцил, Бархин и др.[71]), а также в осетинском храме-святилище «Мигдау» в Урсдонском ущелье (ответвление Алагирского[72]). Трудно сказать, какой смысл в это вкладывался: «сакральный» или декоративный. Возможно, что рога были исключительно украшением, пусть для современного зрителя эта эстетика — довольно странная. Тем не менее, следует учитывать, что по всему Кавказу черепам или рогам животных часто придавался «магический», апотропеический смысл. Очевидно, что у строителей этих храмов-святилищ был высокий уровень суеверия, что хорошо прослеживается в поздней этнографии горских народов. Возможно, своеобразной реминисценцией этого «варварского» мотива являются не имеющие, как кажется, аналогов «консоли» Рекома, Мады-Майрам и Чижита-Майрам в Цейском ущелье в Осетии[73].

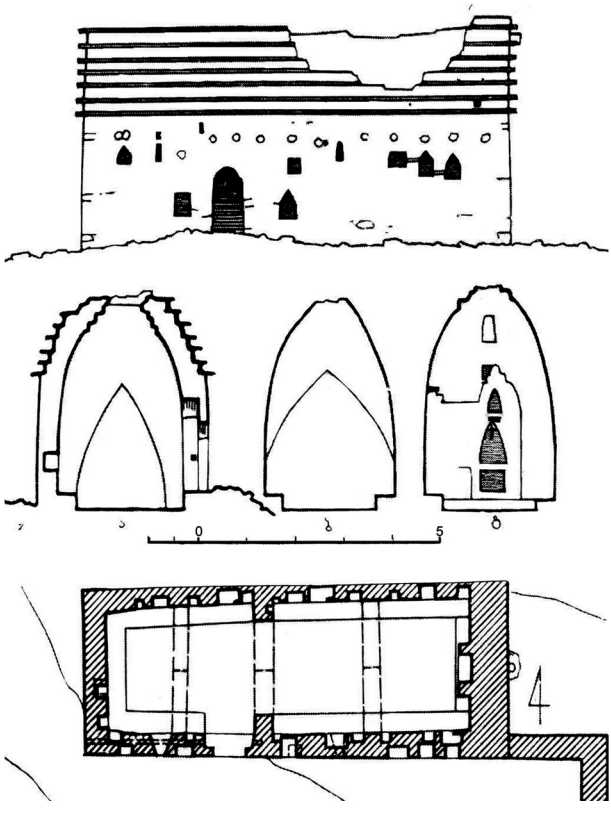
Датировка же ингушских храмов-святилищ не имеет четких реперов. Считается, что образцом для них был храм Тхаба-Ерды после его последней перестройки. Однако этот вывод носит умозрительный характер и основан на том, что Тхаба-Ерды был центральным и самым крупным святилищем Ассинского ущелья. Но мы не знаем времени его последней реконструкции. Допустимо лишь утверждать более или менее уверенно, что она была совершена не ранее XV века и не позже XVII[74]. Возможно, что при данной реконструкции была использована уже существовавшая и ставшая в Ингушетии привычной форма

[71 Древности горной Ингушетии / Автор-составитель Д.Ю. Чахкиев. Назрань, 2003. Т. I. С. 104–105, 127; *Мужухоев М.Б.* Средневековые культовые памятники Центрального Кавказа. Грозный, 1989. С. 32, 66.

72 *Белецкий Д.В.* Материалы к изучению позднесредневекового зодчества Северного Кавказа // Историко-филологический архив. Владикавказ, 2011. Вып. 7. (в печати). К этим памятникам можно добавить Гули-дзуар в Куртатинском ущелье, где при поздней перестройке в кладке восточного фасада был зажат рог оленя.

73 Об этих памятниках см., напр.: *Кузнецов В.А.* Реком, Нузал и Царазонта. Владикавказ, 1990. С. 159, 167, 168.

74 *Белецкий Д.В., Казарян А.Ю.* Тхаба-Ерды. Предварительные результаты нового исследования храма в Ингушетии // АН. Вып. 50. М., 2009. С. 91.]



[*Храм «Делите» у селения Карт. Ингушетия. Обмерный чертеж (по Л. Хуцишвили и А. Калдани)*]

сакрального сооружения с удлиненным пространством, расчлененным сильно выступающими пилястрами с подпружными арками на своего рода «травеи». Это явно восходит к системе перекрытий зальных и базиликальных христианских храмов (например, Зругского (IV.1.В)).

Из всех известных нам крупных позднесредневековых вайнахских храмов-святилищ пожалуй только один имеет выделяющую его из общего ряда характерную датирующую деталь. Речь идет об уже упоминавшемся и хорошо известном по публикациям храме Делите около селения Карт в Ассинском ущелье[75]. На торцовых фасадах он имеет изображения «голгофских» крестов,

[75 См., напр.: *Хуцишвили Л., Калдани А.* Христианский памятник в Ингушетии // Дзеглис мегобари. Тбилиси, 1980. № 54. С. 31–35 (на груз. яз., рус. резюме). *Делите* (или *Долте*) являлся одним из важнейших общеингушских святилищ, куда собирались «для решения вопросов, общих всему племени» (*Вертепов Г.А.* В горах Кавказа // Терский сборник. Владикавказ, 1903. Вып. 6. С. 115). *Ложные своды куполообразной* формы в каждом членении-«травее» этого памятника (в отличие от распространенных двускатных сводов у ингушских сооружений такого типа) являются наиболее близким аналогом перекрытиям наоса Тхаба-Ерды, «многослойного» памятника, имеющего полукруглую апсиду более раннего времени и рассмотренного нами в другом разделе (IV.1.В).]

какие очень часто изображались и на стенах ингушских и чеченских башен (а также, в более простом варианте, без горки-«голгофы», на осетинских и балкарских). Происхождение этих крестов, несмотря на высказывавшиеся различные версии, представляется достаточно ясным. Уже неоднократно отмечалось, что в христианской Грузии, в том числе и в Кахетии, непосредственно граничащей с областями проживания вайнахов, настолько много параллелей, что христианская основа этих символов представляется очевидной[76]. В Грузии подобные памятники получают распространение с XVI века, на Северном же Кавказе, видимо, несколько позже. Так что датировка чечено-ингушских, осетинских и балкарских башен с крестами, святилища Делите и ряда склепов с такими знаками XVII и XVIII веками представляется нам хорошо обоснованной[77].

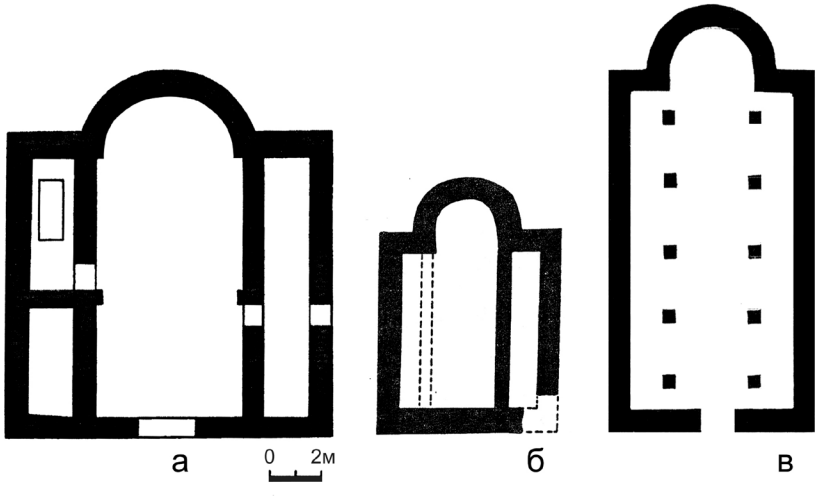
IV.2. Базилики

В Алании известны только три базилики, и все — в Западной: у всех них по три нефа и по одной апсиде, причем два из этих храмов находятся на Ильичевском городище (№ 3 и 6[78]).

[76 См., например: *Калинкин В.Н.* К вопросу о классификации и датировке сохранившихся боевых башен с пирамидальным ступенчатым покрытием в Чечено-Ингушетии // Поселения и жилища народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1984. С. 67; *Марковин В.И.* Некоторые особенности средневековой ингушской архитектуры // АН. Вып. 23. М., 1975. С. 126; *он же.* Памятники зодчества горной Чечни (по материалам исследований 1957–1965 гг.) // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980. С. 213; *он же.* Каменная летопись страны вайнахов. М., 1994. С. 24–25; *он же.* Заметки об ингушской архитектуре // КСИА. Археология и архитектура. Вып. 172. М., 1982. С. 36-37; *Марковин В.И., Мунчаев Р.М.* Северный Кавказ. Очерки древней и средневековой истории и культуры. М., 2003. С. 284; *Чахкиев Д.Ю.* О социальном и конфессиональном статусе владельцев вайнахских боевых башен с крестами-«голгофами» // Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период. Грозный, 1981. С. 52–57; *Кузнецов В.А.* Христианство на Северном Кавказе до XV в. Владикавказ, 2002. С. 117 (там же см. библиографию).

77 Д.Ю. Чахкиев датирует Делите XVII веком (Древности горной Ингушетии / Автор-составитель Д.Ю. Чахкиев. Назрань, 2003. Т. 1. С. 105). Эта датировка, видимо, основана на аргументации, приводимой в работе: *Барамченко Н.Н., Виноградов В.Б.* Христианизация как фактор социально-политической истории Чечено-Ингушетии в XVI–XVIII вв. // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984. С. 121–122. Сходство крестов на фасадах Делите с грузинскими примерами проявляется даже в частных деталях: так, например, в ингушском храме концы крестов завершаются такими же точно «перекрестиями», как и на многих закавказских аналогах.

78 Нумерация базилик дается в соответствии с нумерацией в иллюстрациях в статье: *Каминский В.Н., Каминская И.В.* Новые исследования христианских храмов малых форм в Западной Алании // Историко-археологический альманах. Армавир, 1996. Рис. 2–4, 3–1.]



[*Базилики: а – Ильичевское гор., ц. № 3; б – Ильичевское гор., ц. № 6 (по В.Н. и И.В. Каминским); в – Курджиново (по В.В. Пищулиной)*]

Первая, построенная на месте предыдущего маленького храмика, представляла собой базилику с изолированными нефами-приделами (называемую в грузинской терминологии «трехцерковной»)[79]. Однако тесные боковые нефы не предназначались здесь для богослужения: северный был разделен на две части, и с востока в нем находился склеп — в отличие от Квемо-Болниси, единственного грузинского памятника такого плана с выраженной снаружи апсидой. Наоборот, от других типологически близких к нему грузинских храмов без апсид в боковых нефах (например, Ванати, Гагра) он отличается выраженной снаружи апсидой. Таким образом, копирование грузинского плана здесь сомнительно, однако других убедительных аналогий изолированности нефов у нас нет — поэтому можно предложить компромиссную версию: храм № 4 был построен абхазским мастером по старому плану (типа Гагры), но с учетом форм новой абхазской архитектуры X–XI веков, т.е. с выраженной снаружи апсидой (наподобие Аба-Анта, не имеющего, к сожалению, точной датировки). Интересно, что базилики с изолированными нефами и тремя выступающими апсидами строились в X–XI веках в североабхазско-сочинском регионе (храмы в Абанта, Леснянский I и на горе Малый Ахун).

Вопрос о происхождении храма тесно связан с проблемой его датировки. Судя по находкам на его полу, он был построен до X–XI веков, однако само время его возведения остается предметом дискуссии. За VI–VII века высказываются сторонники моделей «кавказской» (в силу отсутствия обхода с запада и наличия выраженной снаружи апсиды, которая в грузинских базиликах есть лишь на раннем этапе) и «эллинистической» (ввиду некоторых аналогий). Однако такая ранняя датировка сильно разнится со временем постройки и бытования остальных храмов Ильичевского городища (X–XII вв.) и плохо объяснима исторически (тем более что базилика была построена на месте более древнего

[79 *Кузнецов В.А.* Христианство на Северном Кавказе до XV в. Владикавказ, 2002. С. 35–36.]

зального храмика). Вполне вероятно, что храм № 3 был либо епископским (как крупнейший на городище), либо княжеским (ввиду склепа в северном нефе), однако и первое, и, в меньшей мере, второе возможно лишь после начала X века. Таким образом, вполне вероятно, что через некоторое время после христианизации Алании в 914 году на Ильичевское городище прибыл абхазский мастер, который построил на месте первоначального маленького храмика базилику оригинального, но известного в Абхазии плана: с изолированными боковыми нефами без престолов, но с выраженной снаружи апсидой.

Однако в этой связи возникает другой вопрос: почему же на нее не похожа другая базилика Ильичевского городища — храм № 6[80]. Если он действительно был, как считают его первооткрыватели, базиликальным, то нефы в нем разделялись легкими опорами. Такой план небольшой, короткой, подквадратной в плане базилики с четырьмя колонками и без купола характерен для Трапезунда IX–X веков (Св. Анна и Накип Джами). По всей видимости, план храмов № 3 и 6 определялся не происхождением их мастеров, а их назначением: в первом случае – для погребения знатного лица, а во втором — для приходского богослужения. Их строитель был, вероятно, абхазом и легко оперировал формами как абхазской, так и малоазийской архитектуры. Неясно, кстати, почему на реконструкции Ильичевского городища, данной в книге Кузнецова, все храмы изображены с куполами[81].

Третья базилика — это храм № 1 в Курджиново (X в.)[82]. Согласно плану, приводимому В.В. Пищулиной[83], она была несколько иного типа: удлиненная, с пятью парами прямоугольных опор. По плану она близка к ранневизантийским базиликами Абхазии т.н. сирийского типа (вроде Цандрыпшской), и поэтому не исключено, что ее строители также прибыли из этой южнокавказской области. Однако здесь речь, опять же, может идти не только об использовании старых образцов: археологически Курджиновский храм датируется X веком, когда на северной периферии Абхазии продолжают строить базилики такого типа: это Леснянская II в районе Адлера (заметим, что закавказские базилики этого времени имеют совсем иной характер). Храм в Курджиново был вскоре разрушен: вполне возможно, в связи с событиями 932 года. Характерно, что на Ильичевском городище и в Курджиново были воздвигнуты большие, но бескупольные церкви — купол оказывается как бы привилегией аланского правите-

[80 *Каминская И.В.* Исследование Ильичевского городища на Урупе // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения 1971–2006 гг. М., 2008. С. 487.

81 Кузнецов В.А. Христианство на Северном Кавказе до XV века. Пятигорск, 2007. С. 53. Под иллюстрацией стоит подпись: «из личного фонда Жигайлова».

82 Каминская И.В., Каминский В.Н. Исследования Первомайского городища в долине реки Большой Лабы / Тезисы XIV «Крупновских чтений» // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения. М., 1971–2006. С. 383–384.

83 Пищулина В.В. Указ. соч. Рис. 5.2.б.]

ля и первосвятителя: епархиального центра (Нижний Архыз) и, по-видимому, каких-то родовых мест аланских правителей (Сенты и Шоана).

IV.3. Крестообразные храмы

Купольная архитектура приходит в Аланию с крестообразными храмами. Еще до 932 года, по всей вероятности, строится Средний храм в Нижнем Архызе в сложной форме croix libre с удлиненным западным рукавом и дополнительным юго-восточным компартиментом (мемориальным?). После возвращения алан к христианству в середине X столетия он достраивается с еще одним дополнительным компартиментом с северо-востока (протесисом?). Детали плана и конструкции храма находят аналогии в разных областях Византии и Кавказа: Каппадокии, Трапезунде, Армении, Тао и Кларджети. Его мастера, видимо, прибыли из Абхазии, однако они вынуждены были адаптироваться к местным условиям и пользовались в качестве образцов несколько архаичными моделями.

В 965 году строится Сентинский храм в более простой форме равноконечного croix libre, но не исключено, что более ранний храмик под Сентинским мавзолеем также был крестообразным. Простой греческий croix libre — самый легкий для строительства вариант, отменяющий необходимость возводить столпы и снижающий до минимума число подпружных арок, — такое решение хорошо укладывается в контекст аланского храмоздания середины X века. Греческая строительная надпись в Сентах, выполненная рукою апокрисиария Никифора Фоки, свидетельствует в пользу присылки мастеров по инициативе византийского императора, однако происходили они, судя по конструктивным решениям, скорее из Абхазии.

Средний Зеленчукский храм, кафедральный собор Алании, неизбежно вызвал местные подражания, ограничившиеся, впрочем, лишь ближайшими окрестностями Нижнего Архыза. Не исключено, что план в форме креста имел особое значение в новопросвещенной Алании.

Число таких храмов у различных авторов разнится. Так Пищулина в своей книге[84] насчитывает пять: Сенты, два на р. Большой Зеленчук, два на р. Кяфар. При этом у нее же[85] дано семь (!) планов: Сенты, на «Церковной поляне» в Архызе, три на р. Большой Зеленчук и два на р. Кяфар[86]. У Кузнецова[87] из приводимых Пищулиной отсутствует по одному храму на Кяфаре и на Большом Зеленчуке, однако есть еще план храма на Большом Зеленчуке, которого нет у Пищулиной,

[84 Там же. С. 290.

85 Там же. Рис. 7.2.

86 Видимо, один храм на Большом Зеленчуке изображен дважды, на вклейках *б* и *в*; храмы с удлиненным западным рукавом на Кяфаре и Большом Зеленчуке на вклейке *б* подозрительно похожи друг на друга, только у второго отсутствуют две пилястры; то же самое относится еще к одной подобной паре храмов, с идентичной неправильной формой апсиды.

87 *Кузнецов В.А.* Зодчество… Рис. 17.]

но который весьма похож на ее план храма на Кяфаре. Таким образом, Кузнецов пишет, кроме Сентов, еще о четырех церквах, допуская при этом, что храмы на «Церковной поляне», который рисовал Д.М. Струков, и в ущелье Зеленчука, который чертил Г.И. Куликовский, — одно и то же, т.е. их может быть только три (а с Сентами — четыре)[88]. Итак, подводя итог, можно констатировать следующее: кроме Сентов, в Алании точно известно еще три храма типа croix libre: на «Церковной поляне» в Архызе (со слегка удлиненным западным рукавом и двойными или тройными окнами), на р. Большой Зеленчук (с тройными окнами и притвором (?) с юга) и на р. Кяфар (с удлиненным притвором (?) с запада).

Все эти храмы известны нам по весьма неточным дореволюционным зарисовкам. По своему плану они близки к Сентинскому. Удлинение западного рукава у храма на Кяфаре, возможно, объясняется подражанием Среднему храму, однако достигнуто оно было, по всей видимости, за счет пристройки притвора одной ширины с рукавом; окна разнятся числом: тройками, парные (храм на «Церковной поляне» (впрочем, не исключено, что здесь мы имеем дело с нижними двумя из тройки окон наподобие Среднего Зеленчукского), одинарные (вероятно, храм на Кяфаре). В этих храмах нет никаких следов купола[89]. Датировка этих памятников затруднена, но, по всей вероятности, она должна укладываться в пределы X–XII столетий.

Как особый случай (в т.ч. и с географической точки зрения) несколько более позднего (золотоордынского) времени надо отметить храм № 1 в Верхнем Джулате (дошел в археологическом состоянии), наос которого имеет снаружи прямоугольные очертания, а внутри походит на компактно вписанный крест[90], что характерно для византийской архитектуры XII–XIII веков[91]. Скорее всего, храм был перекрыт куполом, хотя прямых указаний на него не имеется. Характерная особенность этой постройки, встречающаяся и в других верхнеджулатских церквах, — купольная усыпальница-«крипта» под апсидой (см. IV.1.A.b). Кроме того, к нему позднее добавлен придел и галерея (которую обычно называют «оградой»).

IV.4. Храмы типа компактно вписанного креста

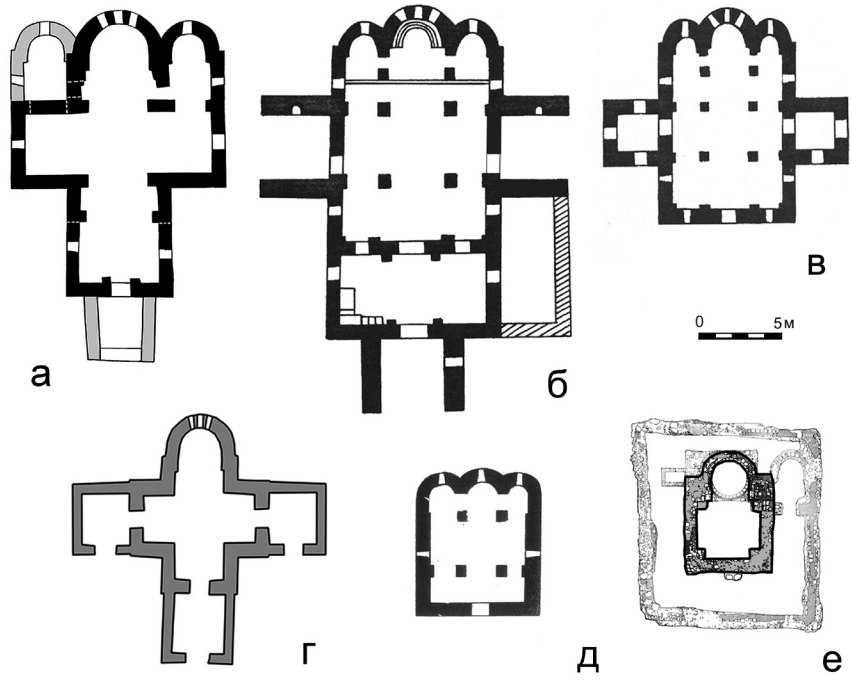
Как и в остальных типах, в данной разновидности крестовокупольных храмов встречаются более сложный и более упрощенный вариант, однако общее число зданий, как и базилик и крестообразных церквей, невелико — всего три:

[88 Там же. С. 84–90.

89 Правда, В.А. Кузнецов предположил, что у одного храма в ущелье р. Зеленчук был купол (*Кузнецов В.А.* Зодчество… С. 87).

90 *Крупнов Е.И.* Христианский храм XII в. на городище Верхний Джулат // Средневековые памятники Северной Осетии. М., 1963. С. 48–65 (МИА СССР. № 114); *Кузнецов В.А.* Эльхотовские… С. 132–135.

91 Ср. кафоликон монастыря Хора в Константинополе после перестройки.]



[*Крестовокупольные храмы Алании: а - Средний Зеленчукский храм; б - Северный Зеленчукский храм; в - Шоанинский храм, г - Сентинский храм; д - Южный Зеленчукский храм (реконструкция плана); е - Верхний Джулат, ц. № 1. (По Е.И. Крупнову, В.А. Кузнецову и обмерам «Спецпроектреставрации»)*]

Северный и Южный Зеленчукские и Шоанинский храмы. Ни у одного из них нет точной даты постройки, однако существуют некоторые реперы для их датировки. Так Северный храм возведен, по всей видимости, до 1012/3 года и, точно, до 1067 (см. I.5). Поскольку же в 950–960-х годах нам известны лишь крестообразные храмы, то время возникновения храмов типа компактно вписанного креста в Алании, скорее всего, попадает на последнюю треть X — самое начало XI века.

IV.4.А. Северный Зеленчукский храм. Данная постройка[92] представляет собой тот же тип средневизантийского храма, что и абхазские церкви в Лыхнах, Новом Афоне и Алахадзы (с отделенным от наоса нартексом). Это крестовокупольное здание, купол которого через паруса и трехступенчатые подпружные арки опирается на четыре столпа, а те, в свою очередь, связаны со стенами посредством малых арок, перекинутых от столпов на выступы стен

[92 Об этом храме см.: *Кузнецов В.А.* Зодчество… С. 28–48. Исследователь считает его кафедральным собором Аланской епархии (ср. II.4). См. также: *Перфильева Л.А.* К вопросу о византийском влиянии на культовую архитектуру Северо-западного Кавказа // Аланы, Западная Европа и Византия. Владикавказ, 1992. С. 180–201.]

[*Северный Зеленчукский храм. Вид с юга. Фото А.Ю. Казаряна. 2008 г.*]

вимы с востока и пристенные пилястры с трех остальных сторон. Восемь долей — все, кроме центральной купольной, перекрыты коробовыми сводами: рукава в направлении от центра, угловые — в продольном. С востока к этой девятидольной структуре примыкает трехчастная вима, соединенная проходами, и три апсиды, полукруглые снаружи и изнутри: в центральной расположен трехступенчатый синтрон.

С запада к основному объему храма примыкает уникальный для крестово-купольных храмов Алании нартекс. Он был двухярусным: на двух продольных арках, опирающихся на пилястры, и, соответственно, трех полуцилиндрических сводах покоились хоры, открывавшиеся в наос широким проемом в центральной части его западной стены, над входом[93]. Нартекс дошел до XX века в сильно разрушенном состоянии (храм не использовался монахами и до реставрации был руинирован), так что его первоначальную высоту установить невозможно: был ли он такой же высоты, что и наос, как в Лыхнах, или ниже, как он восстановлен сегодня. Характерно, что он построен не в перевязь с основным объемом храма, очевидно, ввиду бóльшего веса из-за каменных хор, как и в Среднем храме, — это еще один аргумент в пользу первой реконструкции (см.

[93 Относительно формы нартекса, входа на хоры и т.н. крещальни см. II.1.E, прим. 54; II.4.]

II.1.E)[94]. Наконец, снаружи к храму с трех сторон примыкают открытые притворы (см. ниже, а также II.2.B.c, прим. 149).

Экстерьер храма скуп и лишен декорации — лишь на барабане имеется зубчатый карниз, выполненный из плинфы (на Среднем храме там был «бегунец»). Судя по старым фотографиям, такой же карниз был и на апсидах[95]. Стены храма прорезают только многочисленные окна и двери. Южная и северная двери наоса имеют люнеты и смещены относительно оси симметрии рукава из-за высоких окон посередине торца рукава: эти окна могли быть устроены для наблюдения за богослужением со второго яруса притворов (см. II.2.B.d), но, в любом случае, такое смещение входов находит себе аналогию в Лыхненском храме.

Форма кровли, как уже говорилось (см. II.1.B), изначально могла с восточного и западного фасадов напоминать «не базиликальное, а трехлопастное завершение с возможным покрытием черепицей», и лишь потом, вероятно, была перестроена[96]. Фрагменты черепицы находили здесь при раскопках, хотя в 1960-х годах было зафиксировано покрытие храма лещадными плитами[97].

Внутри храма, напротив, присутствовала как архитектурная декорация (слепые арки), так и живописная (см. IV.5). Кроме того, интерьер украшали и литургические устройства: алтарная преграда, высокая ступень вимы с маленькими ступеньками по центру главного и южного нефа, скамьи вдоль стен.

Впрочем, именно в архитектурной декорации проступает первое различие с абхазскими аналогами: восточные угловые ячейки объединены в один компартимент с соответствующей боковой частью вимы, что и подчеркнуто слепыми арками на боковых стенах (подр. см. II.2.C).

Но намного значительнее другое отличие. Столпы в наосе здесь, в отличие от Абхазии, не крещатые в плане, а прямоугольные, подквадратные. Такая форма порождает не только визуальный эффект большей простоты, но

[94 **Не перевязаны со стеной основного объема и восточные пилястры нартекса** (Институт «Спецпроектреставрация». Ф. 43. *Д.* 3552. *Л.* 18), хотя шов сейчас скрыт слоем штукатурки. Можно было бы предположить, что нартекс пристроен позже, однако сходство строительной техники, наличие такого плана с нартексом в абхазской архитектуре и, главное, упомянутый проем из хор в наос, говорят в пользу одновременности постройки основного объема церкви и нартекса.

95 НСНРПМ. Ш-43. *Д.* 2231. *Л.* 7. Подобный карниз в абхазском храме в Лыхнах относят к XIV веку (*Рчеулешвили Л.* Купольная архитектура VIII–X веков в Абхазии. Тбилиси, 1988. С. 45).

96 НСНРПМ. Ш-43. *Д.* 2231. *Л.* 6.

97 Лещадное покрытие «представляло собой укладку бересты порядка семи слоев на выравнивающую стяжку по сводам, далее был уложен слой кожи и на кожу уложены внахлест большие плиты лещади» (ЦНРПМ. Ф 103. *Д.* 28. *Л.* 19; Институт «Спецпроектреставрация». Ф. 43. *Д.* 4660. *Л.* 16; *Кузнецов В.А.* Северный Зеленчукский храм X века // СА. 1964. № 4. С. 139-140).]

[*Северный Зеленчукский храм. Интерьер. Вид на северо-запад*]

[*Северный Зеленчукский храм. Центральная апсида*]

и иные конструктивные решения арок и сводов. Поскольку большие и малые подпружные арки должны находиться в храме такого типа на разной высоте, то последние, из-за отсутствия лопаток, просто «врубаются» в грани столпов. Столпы шире и больше этих подпружных арок, их состыковка некрасива и нелогична. Кроме того, теперь сами столпы, а не их лопатки вынуждены полностью принимать на себя вес всех арок, и, видимо, для большей стабильности их пришлось сделать шире и больше подпружных арок — в результате большие подпружные арки опускаются сверху на параллепипеды столпов. Причины такого огрубления надо искать, вероятно, опять же, в низкой квалификации строителей, как и в случае со Средним храмом.

Относительно вероятной монастырской функции Северного храма было уже сказано выше (II.4). Добавим к этому, что присутствие богатых погребений именно в южном нефе можно соотнести с наличием здесь дополнительной ступеньки для подъема на виму (как и в главном нефе), в то время как в северном нефе она отсутствует — такая конструкция позволяет предположить, что южная апсида имела престол, а северная служила протесисом[98].

[98 Впрочем, отсутствие здесь спуска из протесиса в наос ставит вопросы относительно пути следования клириков во время Великого входа.]

[*Северный Зеленчукский храм. Вид на подкупольное пространство и свод вимы*]

Итак, на наш взгляд, Северный Зеленчукский храм представляет собой несколько упрощенную копию абхазской крестовокупольной церкви типа Лыхны, Нового Афона или Алахадзы (Л.А. Перфильева видит обратное влияне[99], что нам представляется спорным, учитывая более высокий уровень абхазских построек). По размерам и ряду конструктивных признаков он стоит ближе всего к Лыхнам.

Остается вопрос о том, кем и когда был построен Северный храм. Напомним, что он был точно возведен до 1067 года, а, возможно, и до 1012/3 (см. I.5)[100]. Можно было бы предположить, что в данном случае вышеуказанный абхазский образец копировали мастера, построившие Средний храм, или их аланские ученики. Однако в архитектуре и строительной технике Среднего и Се-

[99 *Перфильева Л.А.* К вопросу о византийском влиянии на культовую архитектуру Северо-Западного Кавказа X–XI вв. // Аланы: Западная Европа и Византия. Владикавказ, 1992. С. 200.

100 Идея В.А. Кузнецова и С.Н. Малахова о строительстве Северного храма в конце 910-х — начале 920-х годов (см.: *Малахов С.Н.* О датировке христианских памятников Нижнего Архыза // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения 1971–2006. М.; Ставрополь, 2008. С. 757) является чисто умозрительной и основывается лишь на датировке крещения алан и предположении о кафедральном характере данной церкви.]

верного Зеленчукских храмов нет ничего общего, чего бы нельзя было найти и в абхазском зодчестве, сходство же ограничивается некоторым упрощением конструкций. Напротив, разница между двумя этими церквами существенна: в Северном храме пилястры размещаются не только на боковых стенах, но и на западной; хоры здесь находятся в нартексе, а не в наосе, хотя абхазская архитектура знала удлинение храма такого типа до шестистолпного (Лоо[101]); окна и двери размещены иначе. Таким образом, логично предполагать, что Северный Зеленчукский храм построили скорее (при помощи аланских строителей) абхазские мастера, ориентировавшиеся на классический для их родины в X веке тип церкви, через поколение или два после возведения Среднего храма. Вероятно, что при больших запросах заказчиков не нашлось строителей высокого класса — в Аланские горы приехала не самая лучшая артель.

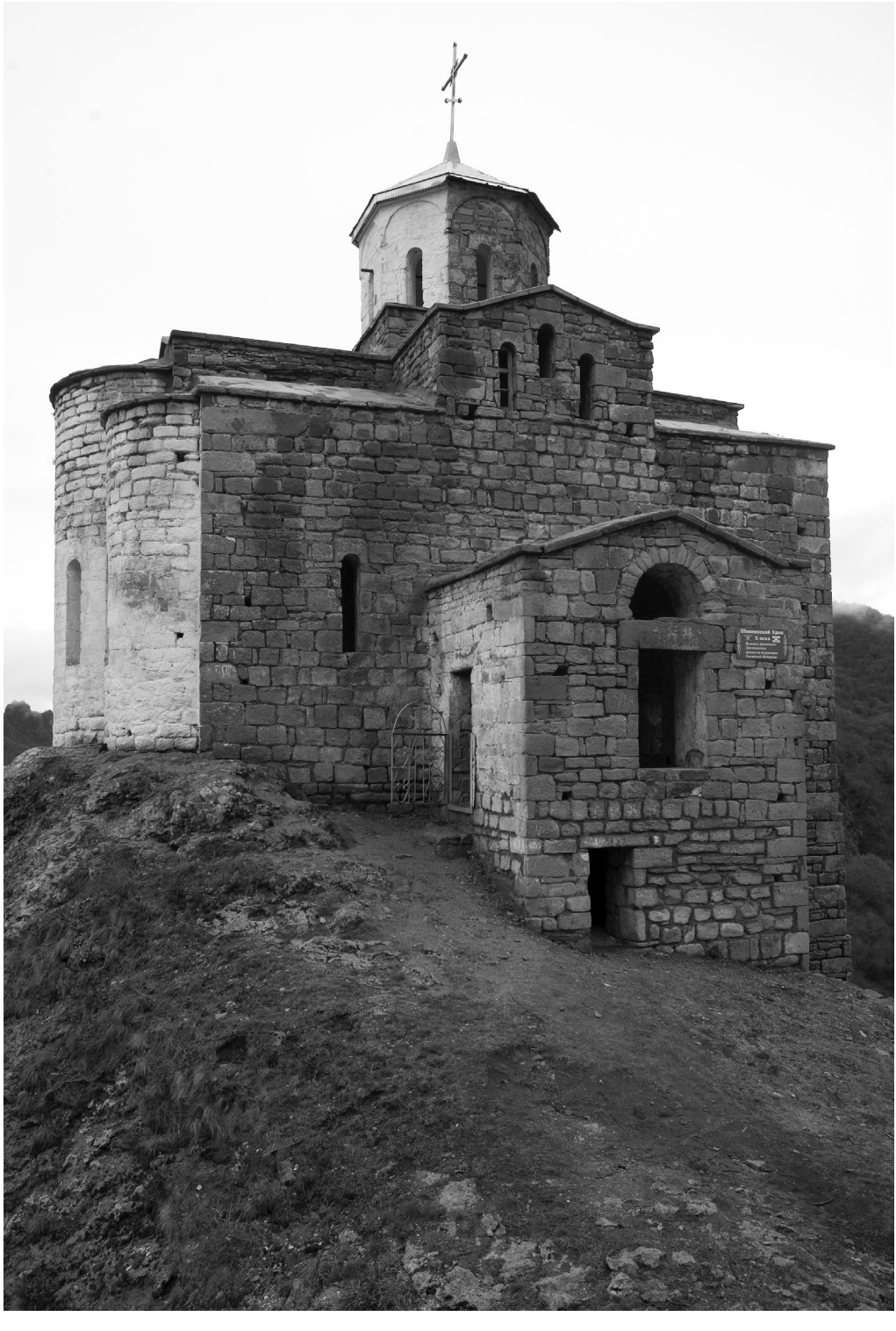
IV.4.B. Шоанинский храм. По своему местоположению Шоанинский храм отличается от Северного, расположенного у подножья горы и своим силуэтом вторящего ее очертаниям. Шоанинский храм в этом смысле похож больше на Сентинский: он расположен на вершине скалы и хорошо просматривается снизу, из долины Кубани. Однако если в Сентах церковь спокойно располагается на широкой ровной площадке, то в Шоане она втиснута между обрывами на гребне скалы, так что для ее возведения потребовались мощные субструкции под западной частью здания, а от западного притвора вообще пришлось отказаться[102].

В отношении же архитектуры Шоанинский храм крайне близок Северному. В принципе, основные черты его архитектуры могут быть выведены и из абхазского зодчества, тем более что он лишен нартекса, подобно церквам на Бзыби и Мсыгхуа. Однако же такой прием, как объединение восточных угловых ячеек и боковых частей вимы в единый компартимент с одной слепой аркой на боковой стене, характерен именно для Северного Зеленчукского храма. Он свидетельствует либо о копировании Северного храма, как авторитетного образца, либо о работе той же артели.

Сложнее дело обстоит с квадратными в плане опорами. Их можно считать и аналогичным упрощением, и подражанием Северному храму. Однако важнее то, что строительная техника мастеров в Шоане несравненно выше: все вертикали прямые, но, главное, и малые, и большие подпружные арки равны

[101 «Западная часть внутреннего пространства храма разделена… парой столбов, не соединенных стенками с внешними стенами, т.е. пространство нартекса слито с пространством храма» (*Овчинникова Б.Б.* Лооский храм Большого Сочи // Диалог культур и народов средневековой Европы. СПб., 2010. С. 397, 399). Эти опоры можно трактовать и как промежутки между широкими проемами в нартекс. Фактически же мы имеем здесь дело с превращением храма с нартексом, обычного для архитектуры Абхазии, в шестистолпный, хотя разница между этими типами построек небольшая.

102 Был ли за западной дверью балкон или лестница, или это вообще никуда не ведущий декоративный проем (как, например, в Касахской базилике в Армении, правда, более ранней — любезно указано А.Ю. Казаряном), остается неизвестным. Предполагаемые отверстия от балок балкона могут быть, на самом деле, пазами от строительных лесов.]



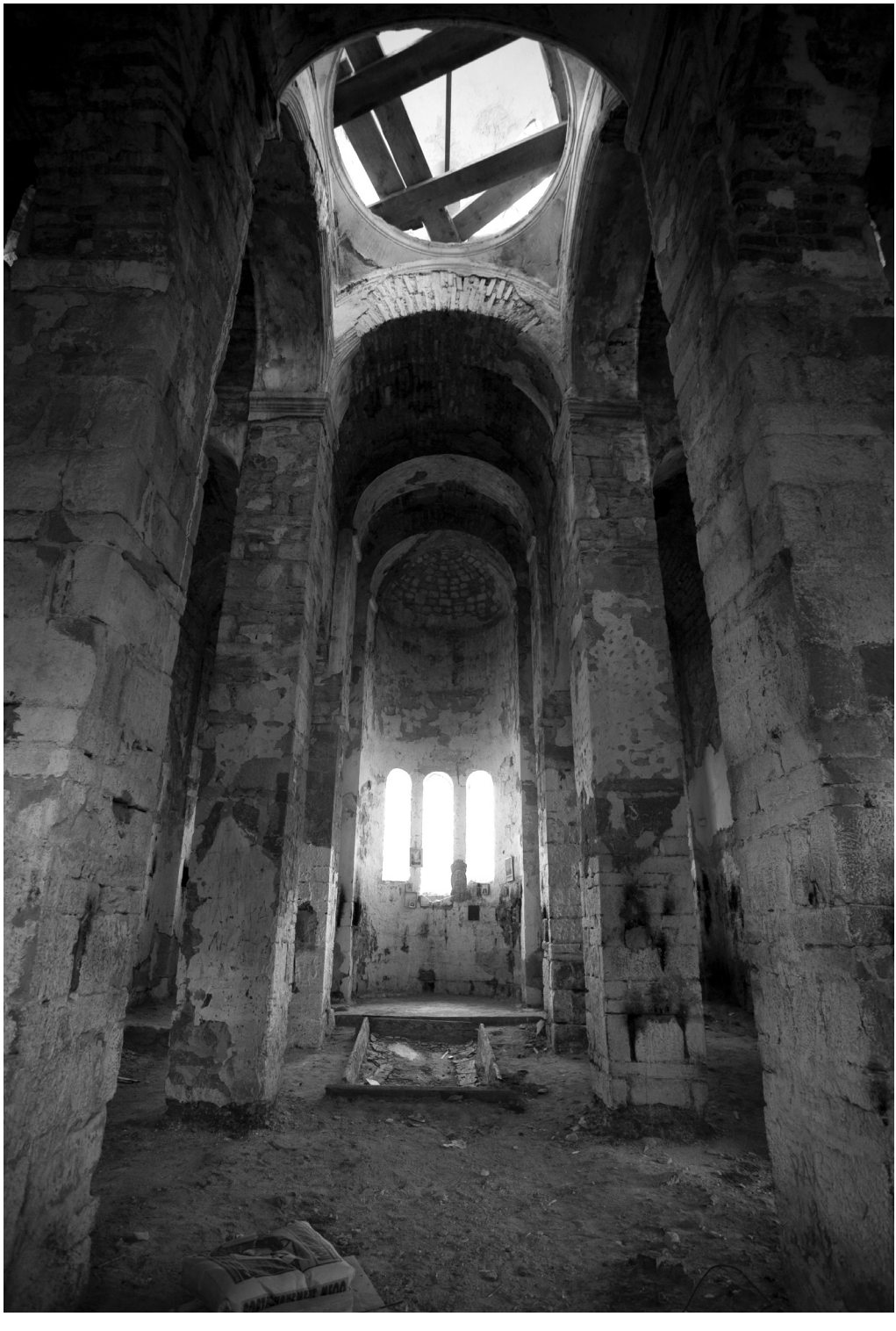
[*Шоанинский храм. Вид с северо-востока*]

[*Шоанинский храм. Вид с юго-запада*]

по ширине столпам и гармонично соединяются с ними (малые — посредством импостов). Такая гармония достигается в т.ч. и за счет меньшего размера здания. Таким образом, в Шоане работала другая строительная артель, нежели в Северном храме, однако причина возведения квадратных в плане столпов остается до конца не ясной[103].

Шоанинский храм отличается от Северного не только в интерьере, но и снаружи. В отличие от четко выделенных отдельных компартиментов последнего, в Шоане все здание представляет собой почти единый массив за счет повышения высоты угловых ячеек. Форма первоначального покрытия храма не совсем ясна. Каких-либо следов переделки из полукруглых «закомар» существующих ныне треугольных щипцов не видно. Вместе с тем, на квадратном пьедестале барабана с востока и с севера Г.М. Штендер отметил полукруглые выдры от первоначальной, возможно черепичной, кровли. Исследователь предположил, что в храме могло быть сочетание «округлой формы покрытия сводов, подходящего благодаря выдре вплотную к пьедесталу барабана, и двускатных (треугольных) щипцов»

[103 Вероятно, сходная ситуация была в храме в Лоо. Как уже говорилось выше (прим. 153 в гл. II), столпы здесь, видимо, были не крещатыми и несколько шире пристенных пилястр (*Овчинникова Б.Б.* Указ. соч. С. 397, 399).]



[*Шоанинский храм. Интерьер. Вид на центральную апсиду. Фото авторов. 2007 г.*]

[*Шоанинский храм. Северо-восточный подкупольный парус*]

[*Шоанинский храм. Центральное окно главной апсиды. На откосе видны тамги и отпечаток древнего заполнения. Фото авторов. 2007 г.*]

(см. II.1.B.)[104]. Весьма спорно и нынешнее многогранное покрытие барабана, сделанное в последние десятилетия. Для подобной реконструкции данных недостаточно (ср. покрытие в Лыхнах). Сам восьмигранный барабан с архивольтами абсолютно уникален для Алании, явно апеллируя к закавказским образцам.

Три треугольно расположенных окна внутри превратившегося почти во фронтон торца рукава становятся маленькими, их, как и другие окна, перекрывает не арка, а камень с выточенным в нем полукруглым завершением. Складывается впечатление, что строители Шоанинского храма подражали Северному в намного более камерных и, что самое главное, утративших тектоничность формах. Такое подражание стало бы понятней, если бы выяснилось, что Шоанинская церковь также была монастырской, однако, несмотря на наличие погребений вокруг и внутри самого храма[105], точная функция ее остается неизвестной[106]. Однако несомненно, что склон горы Шоана был плотно населен — исследователи XIX века отмечали там руины «города значительного»[107], да и сейчас при подъеме к храму встречаются отдельные следы древних построек[108].

Единственным основанием для датировки Шоанинского храма нам представляется тип его живописной декорации, сходный с первыми двумя этапами фресок в Сентинском храме (см. IV.5). Таким образом, предположительный terminus ante quem для церкви в Шоане — 2-я половина X — начало XI века.

IV.4.C. Южный храм. Южный Зеленчукский храм остается наименее изученным и, соответственно, наименее понятым из всех крестовокупольных церквей Алании. Отчасти причина этого кроется в том, что достаточно рано, в конце XIX

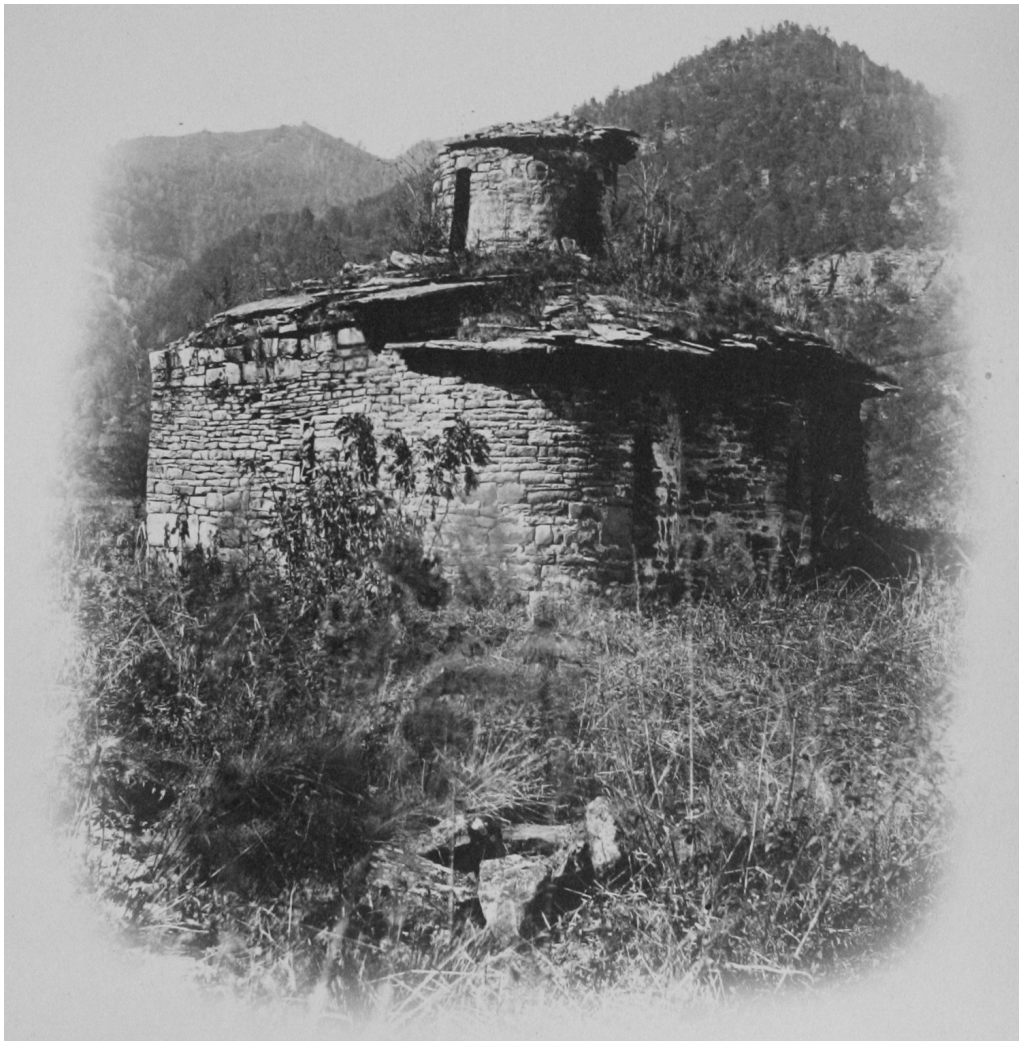
[104 НСНРПМ. Ш-43. *Д.* 2231. *Л.* 6, 19.

105 О погребениях внутри памятника писал Н.А. Нарышкин (Отчет гг. Нарышкиных… С. 354). Снаружи захоронения археологами, кажется, не отмечались, но в 2007 году грабители вскрыли в районе храма две могилы с погребальным инвентарем XI–XII веков.

106 А.Н. Дьячков-Тарасов пишет, что «вся названная местность была некогда под сильным религиозным и политическим влиянием Грузии» и что «царевич Вахушт дает на этот счет ясные указания, перечисляя епархии, подведомственные католикосу западно-грузинской церкви, он упоминает и Хумаринскую» (*Дьячков-Тарасов А.Н.* Сентинский храм и его фрески // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1899. Т. V. С. 3-4). Ниже Дьячков-Тарасов ссылается на «Географию Грузии» Вахушти, изданную по-французски М. Броссе. Но ни в этом переводе, ни в русском найти подобные сведения нам не удалось — видимо в работу Дьячкова-Тарасова закралась ошибка.

107 См.: Священные достопримечательности по рр. Теберде, Кубани и Большого Зеленчука. Из дневника преосвященного Владимира, епископа Ставропольского и Екатеринодарского, виденного Его Преосвященством при обозрении епархии в 1886 году // Ставропольские епархиальные ведомости за 1887 год. Отдел неофициальный. Ставрополь, 1888. С. 935.

108 См.: *Тихонов Н.А.* Керамика Шоанинского поселения. Вопросы датировки // Проблемы хронологии и периодизации памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Магас, 2010. С. 334–336.]



[*Южный Зеленчукский храм. Вид с юго-востока. Фото М. Астафьева. 1867 г. ИИМК РАН. Р. I. Д. 315. Л. 22*]

века, при превращении в церковь Александро-Афонского монастыря он был сильно переделан (в частности, в его северной стене пробит дверной проем, стены покрыты штукатуркой, а барабан обшит деревом) и с тех пор почти не изучался, так что об его экстерьере мы можем судить только по фотоснимкам позапрошлого столетия. Нам известно четыре старых плана Южного храма (Струкова, Астафьева и Синайского). Все они разнятся между собой: с внутренним заглублением боковых апсид в боковые стены (южное сохранилось до сих пор), без него и с пилястрами на боковых стенах у западных столпов и, наконец, вообще без того и другого[109].

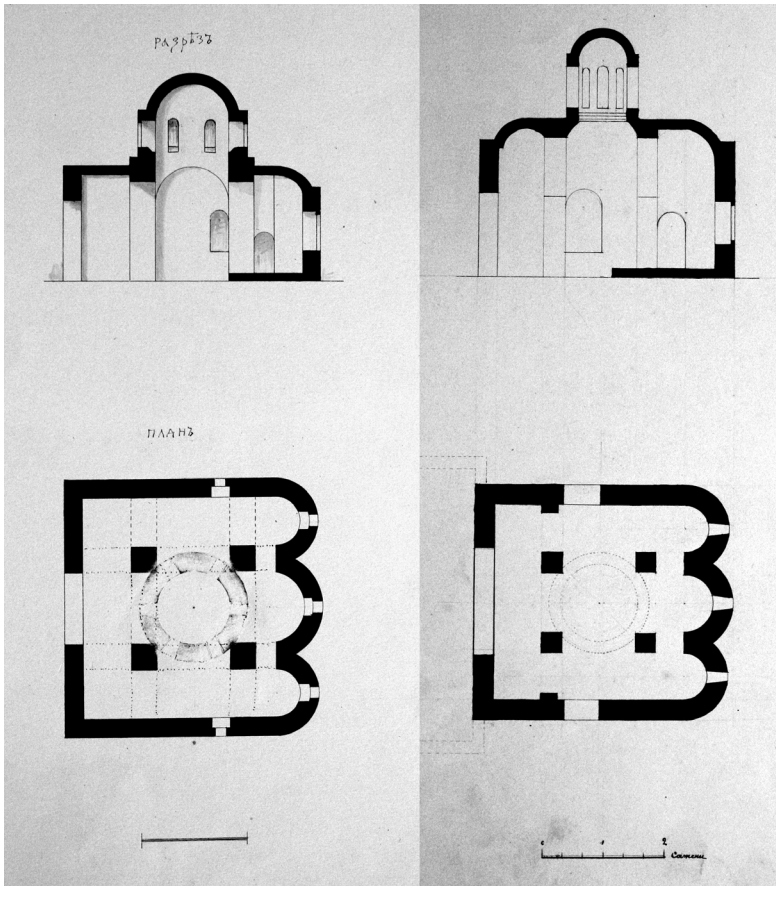
[109 ИИМК РАН. РА. Р. I. *Д.* 315. *Л.* 29; *Д.* 273. *Л.* 16; *Д.* 339. *Л.* 35; Древне-христианские… С. 14.]

[*Южный Зеленчукский храм. Вид с севера*]

Южный храм «облагородили» и приспособили для службы раньше всех, и, видимо, поэтому о его древних литургичесих устройствах нет никаких сведений, кроме указания епископа Владимира на солею («трибун»)[110].

Если же судить по фотографиям, сделанным до «ремонта», на которых храм предстает несколько разрушенным, но сохранившим своды и купол, то в его экстерьере в еще большей мере проявляется то упрощение форм, которое мы отмечали в Шоанинской церкви. Угловые компартименты повысились настолько, что рукава креста практически не возвышаются над ними. Есть вполне обоснованное предположение, что изначально храм имел уникальное кри-

[110 Священные… С. 939.]



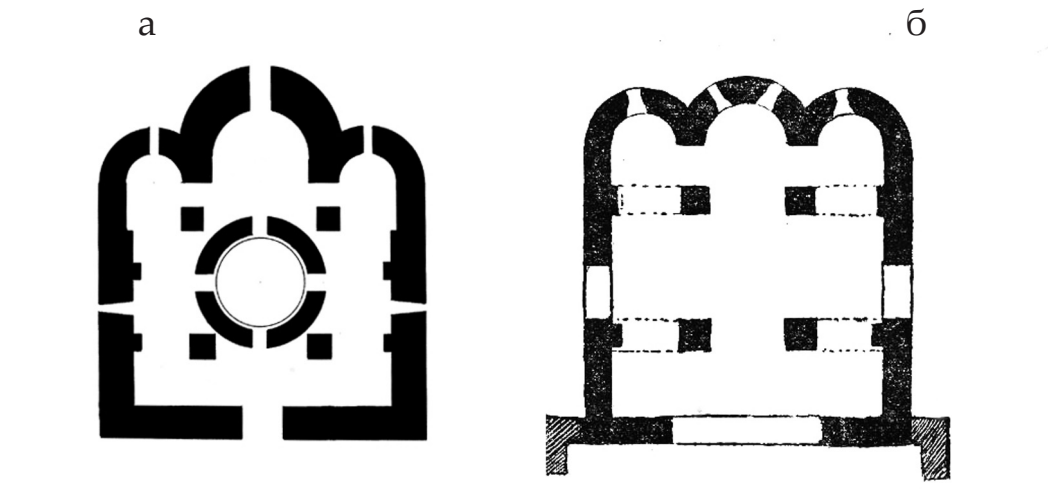
[*Южный Зеленчукский храм. Чертежи Д.М. Струкова. 1889 г. ИИМК РАН. Р. I. Д. 273. Л. 16. (№ 17); Р. I. Д. 339. Л. 35*]

волинейное покрытие, «единый полуцилиндр, охватывавший весь объем храма кроме апсид… следовательно, западный фасад целиком перекрывала одна полукруглая закомара, увенчанная карнизом…» [111] (см. II.1.В). Боковые апсиды также стали почти одинаковы по высоте с центральной и переходят в боковые стены храма без всякого разграничения. Такая утрата тектоники заставляет считать Южный храм подражанием храмам типа Северного, возведенным, по всей видимости, где-то в течении XI — начала XII веков.

Вопросы вызывает странный выступ-утолщение в восточной части северного фасада. Кузнецов считает его контрфорсом, сделанным монахами для укрепления стены, ослабленной устроенной в ней нишей[112]. По мнению же

[111 НСНРПМ. Ш-43. *Д.* 2231. *Л.* 6, 14. В храме были отмечены остатки каменной кровли из плит (Священные… С. 939).

112 Кузнецов В.А. Южный Зеленчукский храм // СА. 1971. № 1. С. 241; *он же.* Зодчество… С. 63.]



[*Южный Зеленчукский храм. Планы. а. М. Астафьева. 1867 г. ИИМК РАН. Р. I. Д. 315. Л. 29; б. по П. Синайскому. 1904 г.*]

Пищулиной, этот выступ является результатом «пристройки апсид к существующему прямоугольному объему святилища»[113]. Если следовать этой умозрительной и весьма спорной версии, в существующую ныне постройку храма включено более древнее здание, во всех отношениях уникальное, поскольку языческих аланских святилищ такого размера и сохранности, кажется, не известно. Однако на всех старых планах выступа на северной стене не имеется. Правда, анализ связующего раствора показал древность этого «контрфорса»[114]. Таким образом, его происхождение, как и многих других форм Южного храма, до более тщательных исследований остается под вопросом.

Неясным представляется и окружение храма: на рисунке Струкова его ось отклоняется от оси ориентировки соседних зданий и направления улиц — единственное, что с ним совпадает по ориентировке — ряд из построек к северо-западу от храма, к востоку планировка меняется. Это, вероятно, объясняется тем, что Южный храм был встроен в какой-то более ранний комплекс, скорее всего, в частную усадьбу, аналогов чему существует множество по всему христианскому миру. В пользу приватной функции этого памятника говорят и его скромные размеры.

Судя по старым фотографиям, в окнах апсид Южного храма использованы ложные арки. Эта конструкция, столь характерная для горского строительства более позднего времени и не известная в других аланских храмах, говорит, видимо, об

[113 *Пищулина В.В.* Пространственная организация христианских храмов Нижнее-Архызского городища // Христианское зодчество. Новые материалы и исследования. М., 2004. С. 221; *она же.* Христианское... С. 209.

114 Согласно результатам этого анализа, кладка храма едина и первоначальна (Институт «Спецпроектреставрация». Ф. 43. *Д.* 3906).]

[*Южный Зеленчукский храм. Вид на своды западного нефа*]

[*Южный Зеленчукский храм. Вид на купол*]

участии в возведении постройки местных каменщиков[115]. Необычна нигде более не встречающаяся в аланской (а также и в абхазской) архитектуре форма некоторых сводов храма, например ползучих четвертных над боковыми компартиментами.

Надо отметить и различие в кладке стен — в нижней части храма использованы блоки самых крупных размеров, совсем мелкие в средней части, и крупнее их — в завершении. Покрыт храм был, судя по всему, плоскими каменными плитами (которые, кажется, видны на старых фотографиях): о возможности существования здесь черепичной кровли данных нет.

В интерьере храма сразу бросается в глаза овальный в плане купол, вытянутый по оси запад–восток. Этому феномену можно, конечно, найти отдаленные параллели[116], однако проще объяснить его невысокой техникой мастеров, которая проявляется в т.ч. и в неравной ширине боковых нефов. Впрочем, даже она не может до конца объяснить такой странности купола. Поэтому возможно и другое, пусть и весьма гипотетическое объяснение: Южный храм закладывался в виде базилики с четырьмя опорами, подобно храму № 6 на Ильичевском городище (см. IV.2), а достроен был (после изменения заказа, перерыва в строительстве или разрушения первоначального здания) как крестовокупольный храм, что отчасти может объяснить и странную форму его кровли. Перестройки базилик в крестовокупольные храмы на Кавказе многочисленны[117], а на византийской почве мы имеем пример подобного изменения концепции и в ходе строительства[118]. Впрочем, как уже говорилось, это не более чем гипотеза.

Итак, храмы сложных форм (базиликальные, крестообразные, крестовокупольные) возникают только на небольшом участке Западной Алании, в верховьях Кубани и ее притоков, вокруг центров государственной и церковной власти. На остальной же территории Алании оказываются распространены храмы более простой формы — зальные, однако разные их варианты, доминирующие в различных ее частях, свидетельствуют о различных внешних влияниях на аланскую архитектуру: абхазско-византийском на западе и грузинском на востоке. Это отчасти соответствует существованию в составе Алании двух регионов с разной культурно-исторической судьбой. После гибели Аланского государства храмовая архитектура еще более упрощается, теряя свой ключевой элемент —

[115 Ложный свод, в принципе, был известен широко, но он почти не встречается в памятниках «высокой» архитектуры. Им, например, в XIV веке перекрыт нузальский храм, что дало основание некоторым исследователям считать его (и все остальные перекрытые подобной конструкцией сооружения на Северном Кавказе) изначально «языческим» (подр. см. IV.1.A).

116 См.: *Кузнецов В.А.* Зодчество… С. 66–67. Как примеры, Кузнецов называет храм св. Ирины, церковь Пантократора в Константинополе и Св. Василия в Овруче. В монастыре Пантократора овальные купола имеются у северного и среднего храма, и если у последнего такую форму можно объяснить тем, что он был встроен в заранее заданное узкое пространство, то в первом случае причина кроется в чем-то другом.

117 Двин, Талин, Цкаростави (см. II.2.A.b).

118 Кафоликон монастыря Вронтохий в Мистре (см. II.1.F).]

апсиду, и храмы постепенно превращаются в чисто родовые святилища и усыпальницы, не предназначенные, возможно, для евхаристического богослужения, но воспроизводящие некоторые элементы древнего церковного зодчества.

IV.5. Изобразительное искусство

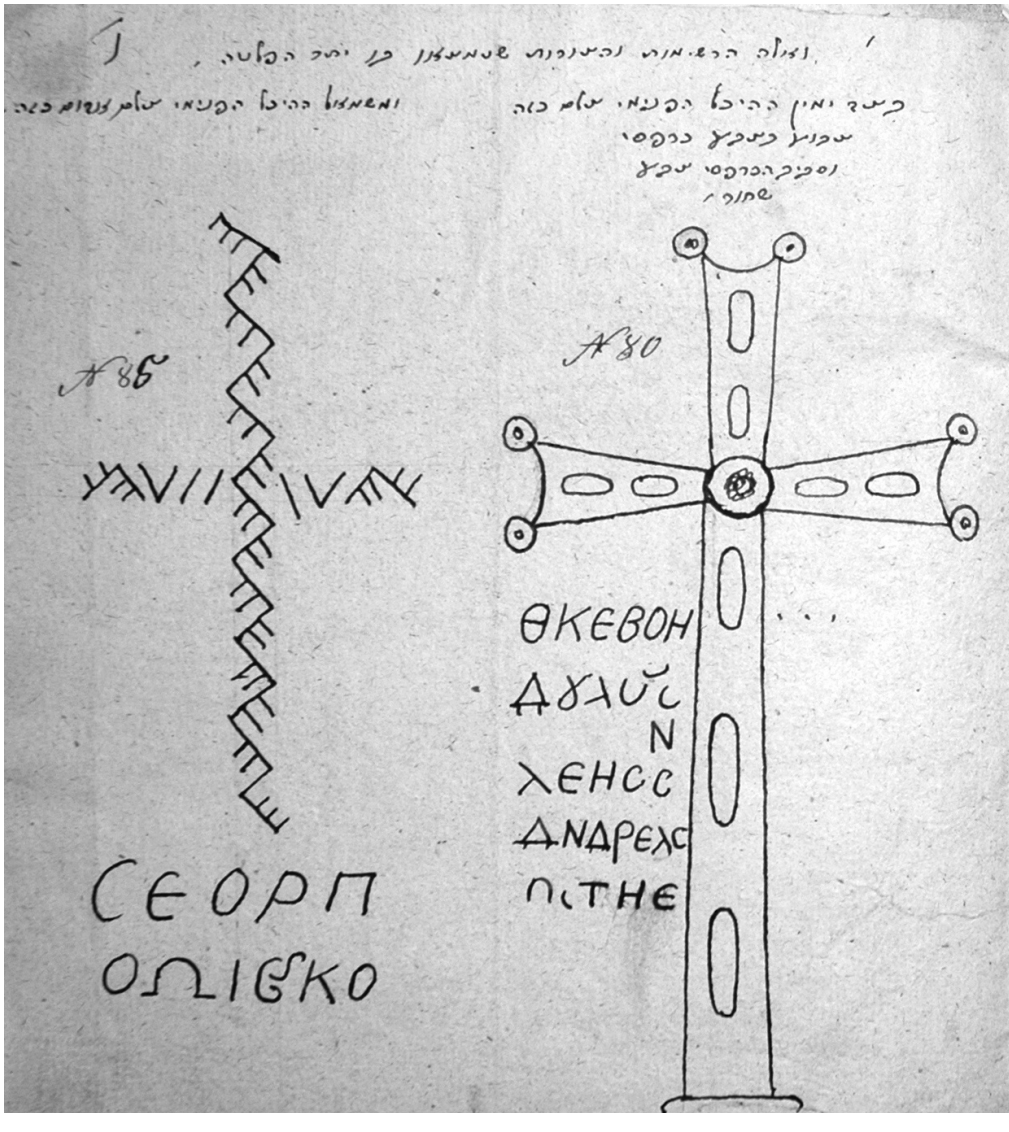
В отличие от архитектуры, изобразительное искусство христианской Алании нам известно весьма мало. Не сохранилось икон и иллюминованных рукописей; произведения мелкой пластики — преимущественно нефигуративные, низкого качества, и неизвестно, где были сделаны, а крупная пластика представлена лишь орнаментами. При этом некоторые найденные здесь высококачественные произведения — явно привозные, византийского происхождения[119].

До нас дошло несколько памятников аланской фре́сковой живописи, да и те в основном известны по зарисовкам XIX века[120]. Росписи сохранились в четырех крестовокупольных храмах: Среднем и Северном Зеленчукских, Сентинском и Шоанинском[121]. Созданы они были, судя по всему, не позднее начала XII столетия.

[119 См., напр.: ИИМК РАН. РА. Р. I. Д. 315. Л. 17; Отчет гг. Нарышкиных… Табл. VII; *Кузнецов В.А.* Нижний... Рис. 121-1.

120 Так называемый Архызский лик, постоянно публикуемый как уникальное произведение древнего аланского и византийского христианства, не имеет, на самом деле, никакого отношения к Средневековью. Это изображение, находящееся на открытом воздухе, в условиях горного климата не могло сохраняться столь длительный срок в почти не поврежденном состоянии. Со времени первого нашего знакомства с «ликом» в 2002 году, то есть менее чем за десять лет, краска (масляная?), в тех местах, где она наложена пастозно, заметно осыпалась. Ее фактура совершенно не характерна для средневековой техники, а анализ деталей этого изображения приводит к однозначному выводу, что его автор абсолютно не знаком с правилами церковной живописи. «Лик» представляет собой, по сути, маску без волос и ушей, и при отсутствии обязательных атрибутов образа Спасителя (например, подписи и крещатого нимба) не может считаться «сакральным» изображением. На наш взгляд, возраст его не превышает нескольких десятилетий, хотя существует и альтернативная версия (тоже сомнительная), что «лик» был написан в конце XIX века Д.М. Струковым.

121 Внутри Южного Архызского храма стены были полностью оштукатурены еще в XIX веке. Практически все из видевших храм до этого ремонта на остатки здесь росписи не указывали, а епископ Владимир вообще писал, что «на стенах … вовсе не сохранилось штукатурки» (Священные… С. 942). Однако в 1947 году житель близлежащего с. Ермоловка Т.К. Волков сообщил работавшим здесь реставраторам, что в 1888 году в Южном храме он «с трудом различил … лики Божьей матери и Спасителя, … лик Спасителя был чем-то покарябан нарочно. Были и другие иконы на стенах, но разобрать лики святых он не мог» (ЦНРПМ. Ф. 103. Д. 28. Л. 13). При исследовании образцов известкового раствора из этого памятника, производившемся в 1980-х годах, в южной апсиде был обнаружен «первоначальный штукатурный раствор под живопись» (Институт «Спецпроектреставрация». Ф. 43. Д. 3906). Поэтому вероятно, что какие-то фрагменты древней росписи в Южном храме под поздней штукатуркой все же сохранились.]



[*Кресты из Шоанинского храма. Рисунок А. Фирковича. 1848–1849 гг. РНБ им. Салтыкова-Щедрина. Ф. 946 (фонд Авр. Фирковича), оп.1. Д. 80. Л. 24*]

Самый ранний этап настенной декорации представляют первый (965 г.) и второй (кон. X — нач. XI в.) слои росписи Сентов: на белом фоне два cruces gemmatae на «голгофе» и сложной формы богато декорированные кресты соответственно (*илл.* на с. 213, 214). Вероятно, подобная «неполная» роспись была также в Среднем Зеленчукском храме (см. II.3.С.а). Кроме того, Кузнецовым была опубликована зарисовка креста на юго-западном пилоне Северного храма. Подлинное изображение ныне утрачено. Отсутствие же в публикации масштаба и

более подробного описания не позволяют сделать точных выводов о его функции. Однако возможно, что этот крест также относился к ранней, ограниченной декорации, предшествовавшей полной росписи памятника, остатки которой сохранились до сих пор (см. ниже)[122].

Подобной же декорацией из отдельных крестов и орнамента были покрыты апсиды Шоанинского храма. Роспись эта до недавнего времени была скрыта штукатуркой XIX века, будучи известной лишь по двум дореволюционным статьям Фирковича и Нарышкина.

Фиркович, описывая храм «на горе, называемой Цоне или Ционе, также Хумран», указывает, что в апсидах им были открыты «намалеванные масляною краскою» кресты и остатки греческих надписей. Они находились под слоем глины «толщиною в ½ вершка», которую исследователь «старательно очистил». В «средине» креста на правой стороне центральной апсиды, «окрашенного в середине желтою, а по краям черною краскою», Фиркович увидел терновый венец. «По правую и левую сторону боковых алтарей», как указывал тот же исследователь, находились кресты, «составленные из ломаных линий или зигзагов». В подобном «начертании» Фиркович усматривал глубокую символику: «главный стержень креста представляет лестницу, по обеим сторонам снабженную ступенями, как бы знаменующими восхождение и нисхождение, переклад также составлен из таких же линий, между которыми ясно можно видеть на правой раме римское число VII, а на левой IV; в каком смысле вставлены эти числа здесь, трудно разгадать» [123].

Зарисовки этих крестов и надписей, а также схема их расположения имеются в путевом дневнике исследователя[124]. Он отметил кресты двух типов. Первый — с расширяющимися ветвями, по концам которых — по две окружности. Еще одна окружность и в центре креста (видимо, ее Фиркович посчитал терновым венцом), и по сторонам — «камни» овальной формы. Другие кресты — это те самые «составленные из ломаных линий или зигзагов».

Спустя 18 лет Нарышкин, побывав в этом же храме, описал кресты «в алтаре церкви Шони», указав при этом, что более здесь «ни ликов, ни других изображений не оказалось»[125]. В материалах его экспедиции хранится рисунок трех крестов с расширяющимися ветвями, несомненно идентичных крестам в дневнике Фирковича[126].

Открывшиеся же при недавнем грубом ремонте памятника остатки древней живописи (см. Предисловие) представляют собой довольно простую роспись красной и желтой охрой, нанесенную по всем стенам на штукатурную

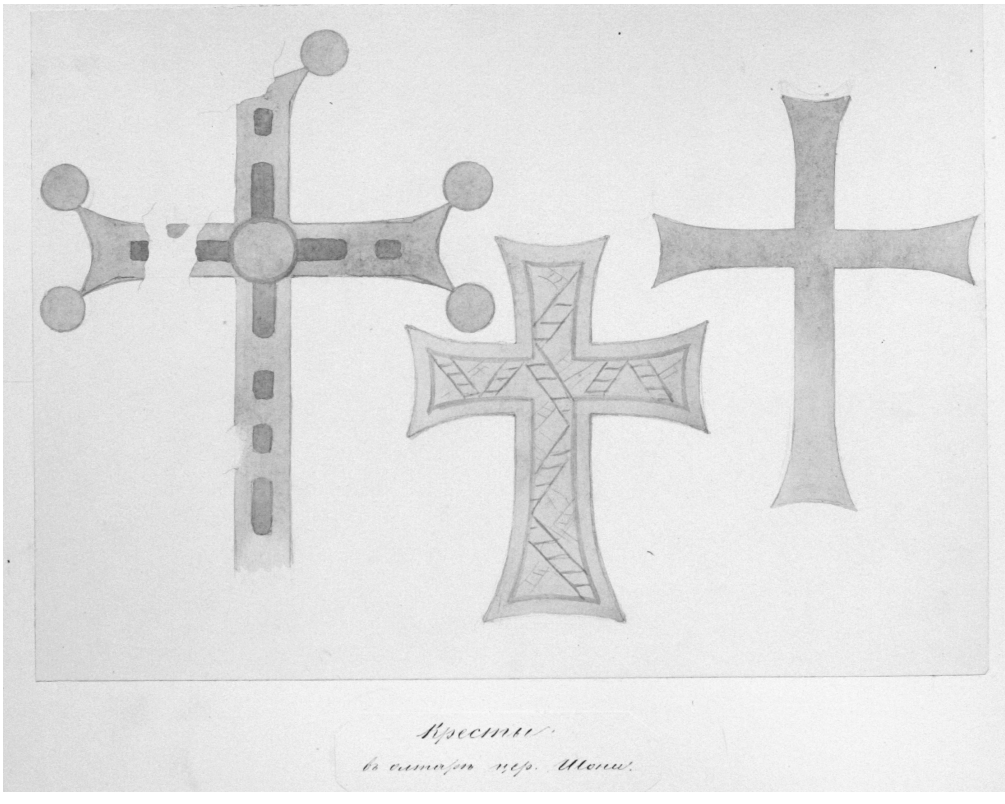
[122 *Кузнецов В.А.* Христианство на Северном Кавказе до XV в. Владикавказ, 2002. Рис. 9–4.

123 *Фиркович А.* Указ. соч. С. 387–388; см. также: Сборник греческих и латинских надписей Кавказа / Сост. И. Помяловский. СПб., 1881. С. 19–20.

124 РНБ. Ф. 946. *Д.* 80. *Л.* 5об.–6, 23об.–25.

125 Отчет гг. Нарышкиных... С. 353.

126 ИИМК РАН. РА. Р.I. *Д.* 315. *Л.* 10.]



[*«Кресты в олтаре цер. Шони». Рисунок Н.А. Нарышкина. 1867 г. ИИМК РАН. Р. I. Д. 315. Л. 10*]

обмазку. На южной стороне северной апсиды опознается один из отмеченных Фирковичем крестов «из ломаных линий», нарисованный красной краской (разумеется, не масляной), причем над его ветвями читается традиционная надпись под титлами «IC XC», а под ними — «NИ» (лигатура) и «КА». Ниже слабо просматривается изображение ступенчатой горки-«голгофы», исполненное желтой охрой (*илл.* на с. 8). По сторонам южной апсиды также сохранились два креста. Левый — аналогичен кресту в северной апсиде, крест справа — плохо сохранившийся, но с окружностями по краям расширяющихся ветвей — этот мотив нам хорошо знаком по росписи Сентов (III.2.B). Конечно, никакой символики, которую углядел Фиркович в зигзагообразном рисунке ветвей одного из типов крестов Шоаны, нет — это очень простой декоративный мотив[127]. Его,

[127 Сказывается эпоха, в которой жил А. Фиркович — при почти полном незнании византийских приемов и стиля исследователь находил параллели в современной ему церковной живописи, основанной на западных образцах, — отсюда терновый венец и римские цифры. Подобное «академичное» восприятие ощущается и в зарисовках Нарышкина и Струкова, в то время как подход Владимирова и Дьячкова-Тарасова при копировании сентинских фресок был уже гораздо более «научным».]

кстати, осторожно можно сравнивать с орнаментом, известным нам по резному декору памятников Армении, Грузии и Абхазии, относящихся примерно к той же эпохе[128].

На западной стене Шоанинского храма прослеживается циркульная графья, по которой сделан орнамент — прямой аналог мы знаем опять же в Сентах (второй этап, см. III.2.B) — но, в отличие от последнего, в Шоане декоративный пояс не проходил по всему периметру храма, лишь насколько ниже окон по всем стенам была проведена не очень широкая красная полоса и такой же полосой были обрамлены оконные проемы. Других следов росписи здесь не прослеживается, и, видимо, ее больше и не было[129].

[128 Это, например, декоративный пояс по сторонам окна апсиды и западных дверных проемов галереи в Тхаба-Ерды и завершение окон храма Еразгаворс в Ширакe (кон. X — XI в.; *Белецкий Д.В., Казарян А.Ю.* Указ. соч.), одна из деревянных капителей из Севанского монастыря (X в.?, хранится в собрании Эрмитажа), фрагменты облицовки (?) храма в Бзыбской крепости (*Рчеулешвили Л.Д.* Указ. соч. Табл. 8.1).

129 Обмазка Шоаны — с большим количеством рубленых растительных волокон, аналогична штукатурке в Среднем, Северном и Сентинском храмах. Но, в отличие от них, нанесена она на кладку довольно тонким слоем. На этой обмазке найдены три греческих граффити X–XI веков (инвокативные надписи), одно армянское и две надписи (еще не разобранные) арабскими буквами. Армянское граффити читается следующим образом: «Я раб Христа патриарх в год 15...». Соответственно, оно датируется XVI веком, хотя написано несколько архаичным для этого времени шрифтом (атрибуция Г. Саркисяна). В большом количестве на стенах Шоанинского храма процарапаны фамильные тамги. Описывая Средний Зеленчукский храм, П. Синайский указывал, что в нем на штукатурке «черкесы вырезывали свои гербы (тавро)» (*Синайский П.* Указ. соч. С. 10). Тамга отмечена нами также в Сентинском храме, возле северного входа, рядом с изображением св. Мины (по каталогу Х. Яхтанигова, это «неопознанная кавказская тамга»: *Яхтанигов Х.* Северокавказские тамги. Нальчик, 1993. С. 186: 18). Тамги на стенах аланских церквей появились, несомненно, в довольно позднее время. Эти родовые знаки (как, видимо, и арабские надписи) следует датировать XVIII — началом XIX века и связывать с эпохой, предшествовавшей активизации на северо-западном Кавказе ислама, т.е. со временем, когда почтительное отношение к древним храмам еще сохранялось, но часть населения уже исповедовала мусульманство (см. также: III.1.E, прим. 46). Ко второй половине XIX столетия уважение аборигенного населения к православным храмам уже полностью исчезло: например в 1880-х годах епископ Владимир писал, что в заброшенные Зеленчукские церкви местные пастухи «в непогоду загоняли свой скот и удобрением земледельческим унедобрили внутренность церквей не на один аршин толщиной» (Священные... С. 904). О декорации Шоаны см.: *Белецкий Д.В.* Росписи и граффити Шоанинского храма // Проблемы хронологии и периодизации памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Магас, 2010. С. 51–54; *он же.* Проблемы сохранения и исследований средневековых архитектурных памятников Кавказа. Дарьял, 2010, № 3. С. 200–204 и цветная вкладка. Фиксация изображений на штукатурке Шоанинского храма в 2009 г. проводилась совместно с художником-реставратором И.Г. Волконской. При дальнейшем, более подробном обследовании этого памятника не исключено открытие здесь новых надписей и изображений.]

Таким образом, наиболее близкая аналогия росписи Шоаны улавливается в Сентинском храме, в его декоре второго этапа. Схожа и форма крестов, и наличие вокруг них посвятительных и инвокативных надписей (ср., например, крест с надписью второго этапа у южного окна апсиды Сентов, см. III.2.B, III.3.B.b). Сходство подкрепляется еще и покрывавшей роспись Шоанинского храма глинистой обмазкой, напоминающей о глинистой штукатурке 2-й половины XI века в Сентах (см. III.2.D).

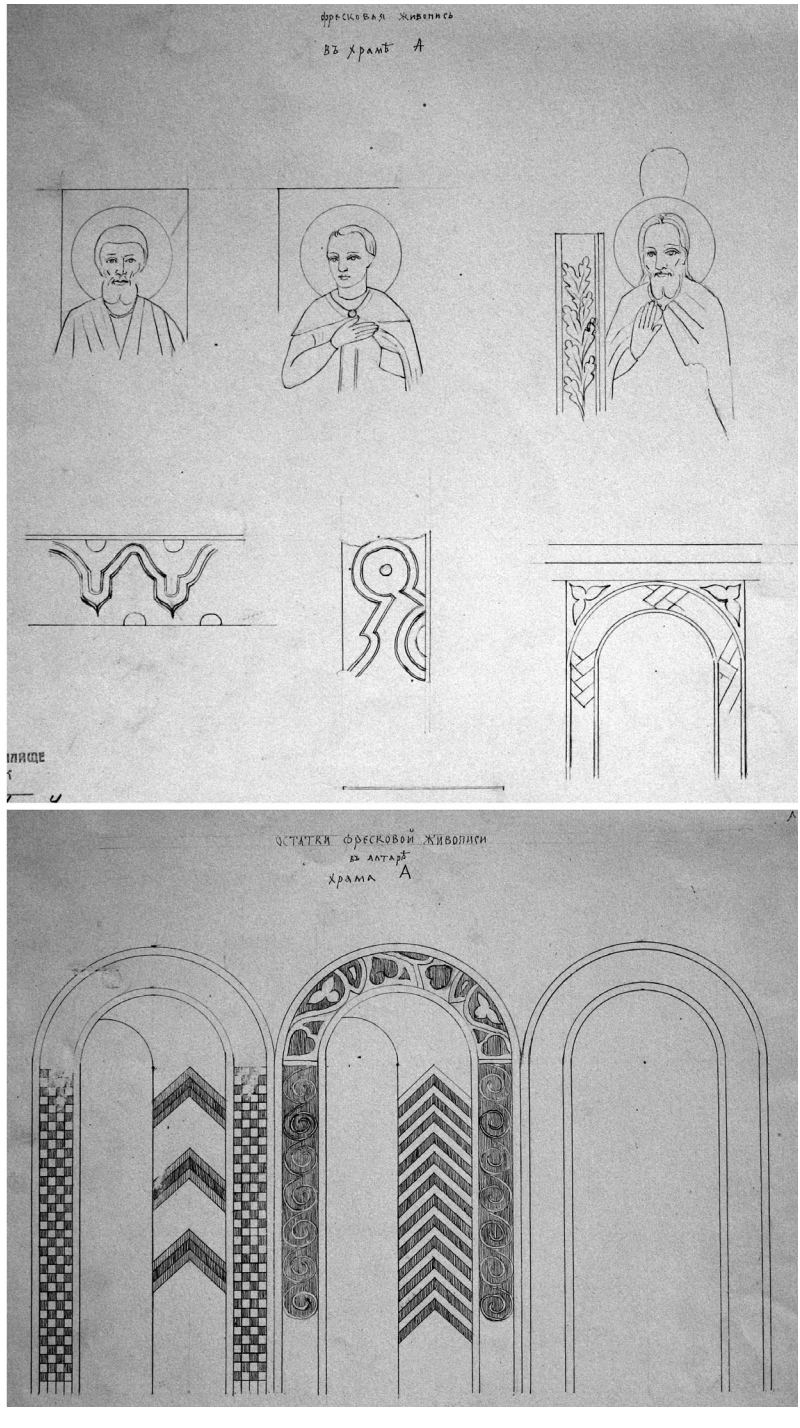
Типологически такая роспись близка к каппадокийской: отсутствие фигур здесь связано не с иконоборчеством, а с недостатком квалифицированных художников или с нехваткой средств у заказчика[130]. В Сентах накладывающиеся друг на друга этапы росписи одного типа показывают, что такого рода декорация существовала не только в самом начале аланского христианства, но и на протяжении некоторого времени.

Переход к этапу фигуративной декорации олицетворяет третий (ок. сер. XI века) слой росписи Сентов: отдельные фигуры Богородицы Знамение в конхе и свт. Николая на северо-восточной стене апсиды. Сентинская Богородица Знамение является, по всей видимости, древнейшим из известных образов подобной иконографии в монументальной живописи и одним из древнейших известных вообще[131]. Этот иконографический тип появляется к середине XI века: самые ранние примеры известны на императорских византийских монетах («номисма императриц Зои и Феодоры» 1042 г., монеты императоров Алексея Комнина (1081–1118) и Иоанна Комнина (118–1143)) и печатях (печать императрицы Евдокии Макремволитиссы, 1059–1067, и Романа IV, 1068–1071)[132]. В монументальной же живописи наиболее древние образцы относятся уже к рубежу XI и XII веков (например в конхе церкви Св. Николая около Сангри на о. Наксос и над входом в храм в Асину на Кипре) и их не очень много: более популярны они в последующее время (например, храм Богоматери в Студенице, Спас на Нередице). Скорее всего, образ Знамения возник в самом Константинополе, и восходит к почитаемому изображению «Великой Панагии» в монастыре при императорском дворце во Влахернах. Он тесно связан с Таинством Евхаристии, наиболее полно из всех богородичных изображений раскрывая идею Воплощения. Потому его очень часто изображали на литургических предметах. Этим же объясняется и размещение

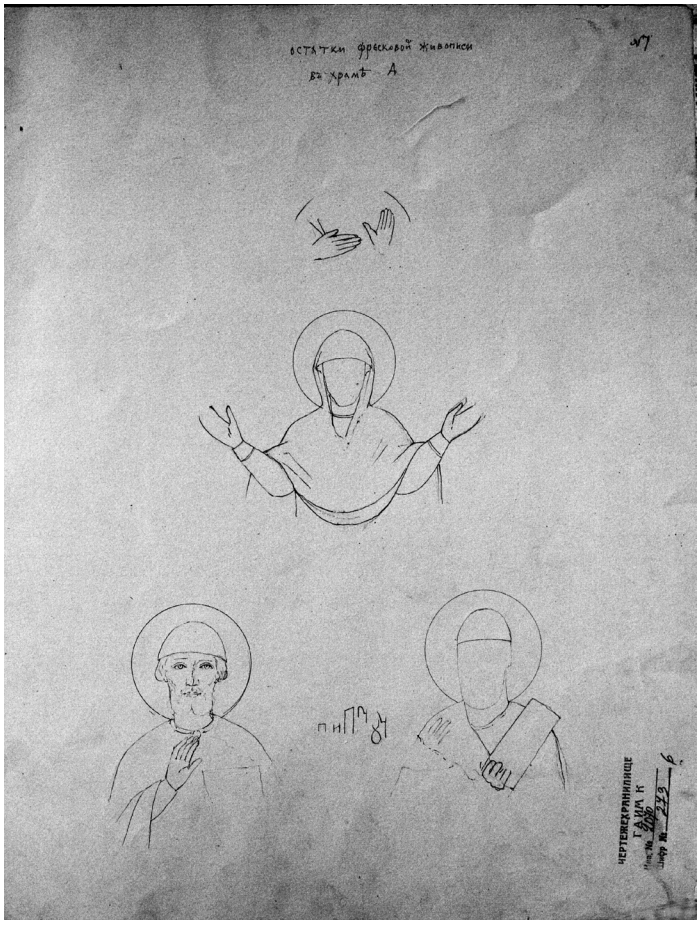
[130 Привлекая каппадокийские аналогии, можно предположительно реконструировать утраченную ныне нижнюю часть крестов второго этапа (ср., напр.: *Thierry N.M.* Nouvelles èglises rupestres de Cappadoce. Paris, 1963. P. 214. Fig. 50; *Jolivet-Lévy C.* L'arte della Cappadocia. Milano, 2001. Fig. 11). Декорацию апсиды церкви в Каппадокии с изображениями крестов и орнаментальными мотивами см., например, в: *Jolivet-Lévy C.* L'arte … P. 39.

131 Ср.: *Смирнова Э.С.* Новгородская икона «Богоматерь Знамение»: некоторые вопросы богородичной иконографии XII в. // Древнерусское искусство. Балканы. Русь. СПб., 1995. С. 289–300.

132 Там же. С. 292.]



[*«Фресковая живопись в храме А». Рисунок Д.М. Струкова. 1889 гг. ИИМК РАН. Р. I. Д. 273. Л. 4, 5*]



[*«Остатки фресковой живописи в храме А». Рисунок Д.М. Струкова. 1889 гг. ИИМК РАН. Р. I. Д. 273. Л. 6*]

фигуры Богородицы Знамение в главной апсиде алтаря, иногда как центральное изображение в конхе, иногда регистром ниже[133].

Относящееся к тому же, видимо, этапу росписи Сентов изображение св. Николая оформлено подобно иконе: в рамке и на красном фоне, как бы подчеркивая его обособленность. Живопись эта профессиональная, но невысокого качества — поэтому происхождение ее мастеров установить затруднительно. Вероятно, здесь отразилось сложение канона, которому в последствии подчинялись росписи апсид: в нижнем ряду располагался ряд Отцов церкви, а выше — образ Богородицы или Спасителя.

Надо отметить, что на трех первых этапах декорации Сентов прослеживается традиция украшать живописью в основном лишь стены апсиды (хотя орнаменты могли частично «выходить» и в наос), что хорошо известно до X–XI века в Закавказье (III.2.E) и Каппадокии, дающих много других аналогий для Алании.

[133 Например, о символике образа Богоматери Воплощение в конхе центральной апсиды храма Спаса на Нередице см.: *Пивоварова Н.В.* Фрески Спаса на Нередице. Иконографическая программа росписи. СПб., 2002. С. 38–39, 54.]

На территории же России фрески Сентинского и Шоанинского храмов — единственные сохранившийся примеры «ограниченной» средневековой росписи.

Следующий этап характеризуется изображениями отдельных фигур святых, покрывающими при этом всю поверхность стен. Такова, вероятно, была декорация Северного Зеленчукского храма. В настоящее время на дошедших до нас незначительных фрагментах древней штукатурки красочный слой сошел почти полностью. От подлинной живописи до нас дошли лишь сильно загрязненные остатки орнаментов на откосах окон в апсидах. Возможно, и в барабане под слоем высолов сохранились какие-то изображения, однако снизу их рассмотреть невозможно. В основном же о фресках, украшавших памятник, можно судить по рисункам и описанию Струкова[134], материалам Кузнецова[135] и отчетам обследовавших храм в 1980-х годах реставраторов[136]. Судя по материалам Струкова, среди изображений в Северном храме («храме А») были фигуры Богородицы Оранты, апостола (?), юного мученика, преподобных, святителя с Евангелием, пророка (?) со свитком. Тот же автор довольно точно зарисовал сохранившиеся до сих пор орнаменты на откосах апсидных окон (геометрические и довольно простые) (*илл.* на с. 313, 314). Синайский указывает на образ Богоматери Знамение «на колонне перед северной стеной среднего алтаря, лицом внутрь храма… сажени на две высоты над полом»[137], изображение Нерукотворного Образа «на противоположной стене той же колонны» и «на другой, южной колонне… изображение главы Иоанна Крестителя на блюде»[138]. Согласно сообщению Потемкина, побывавшего здесь в 1802 году, на стене храма находился также образ св. Николая Чудотворца с греческой надписью[139]. «Неясные следы иконы Богоматери и некоторых других» фресок в Северном храме в 1913 году видел А. Федоровский, писавший, что в Зеленчукском монастыре остатки «фресковой живописи, которые сохранились ко времени реставрации храмов, в настоящее время по тем или иным причинам уничтожены»[140]. Кроме [*Табл. 36–39*]

[134 ИИМК РАН. РА. Р. I. *Д.* 273. *Л.* 4–6; *Д.* 339. *Л.* 13–16; ф. 1. 1889 г. *Д.* 87. *Л.* 56–57об.

135 *Кузнецов В.А.* Северный… С. 143; *он же.* Зодчество… С. 35–39.

136 Институт «Спецпроектреставрация». Ф. 45. *Д.* 1492, 1671, 1831.

137 Фресковое изображение Богородицы Оранты на южном предалтарном столпе, симметричное образу Иоанна Предтечи на северном, сохранилось в Софии Киевской (*Попова О.С., Сарабьянов В.Д.* Живопись конца X — середины XI в. // История русского искусства. Т. 1. М., 2007. С. 323), программа внутренней декорации которой, по всей видимости, близка по времени росписям Северного и Среднего Зеленчукских храмов.

138 Древне-христианские храмы… С. 21.

139 *Кузнецов В.А.* Северный… С. 143.

140 *Федоровский А.* Археологические заметки о Кубанской области // Изв. ИАК. Вып. 47. СПб., 1913. С. 157.]

того, немецкий ученый Р. фон Эркерт отмечает в одном из Архызских храмов росписи на стенах, среди которых изображение священника в красном одеянии с широкими белыми полосами[141]. Впрочем, последнее изображение, судя по не очень ясному описанию, могло находиться и в Среднем храме, хотя это мало что меняет в наших знаниях об аланских росписях. На восточной грани северо-восточного столпа Северного храма существовали и были опубликованы Кузнецовым ныне утраченные остатки головы святого. Исследователь отметил, что фреска написана только коричнево-красной краской в графическом стиле. Судя по опубликованной фотографии, от изображения на тот момент сохранялись лишь остатки предварительного рисунка, и поэтому о живописи этой фигуры мы можем составить лишь общее представление[142].

Кузнецов также указал, что «в простенке между северными окнами барабана можно различить изображение человеческой фигуры, одетой в богатое византийское платье, орнаментированное внизу рядами правильных концентрических кругов с точками между линиями. На груди видна другая ткань с орнаментом в виде ромбиков; внутри каждого ромбика — кружок. На плечи накинут плащ, застегнутый ниже шеи круглой фибулой. Лицо, руки и иные аксессуары костюма не сохранились. Хорошо заметен контур шеи и начинающийся от левого плеча нимб. Орнаменты платья нанесены по темному фону белой краской. Цветовая гамма фрески характеризуется темно-серыми и коричнево-черными тонами, но необходимо заметить, что поверхность фрески не только сильно побита, но и закопчена дымом костров, которые разводились раньше в храме пастухами-горцами»[143]. Обследовавшие храм в 1980-х годах реставраторы этот фрагмент, находившийся, согласно их описанию, «на левом простенке северного окна», атрибуировали как изображение фигуры архангела в богатых лоратных одеждах, отметив также на откосах окон барабана стилизованный растительный орнамент (деревья). На фотографии в их отчете на одежде фронтальной фигуры просматривается орнамент в виде кругов[144] и наклонная линия на уровне груди — это может быть как лор, так и обрез плаща[145]. Поскольку упоминания крыльев ни в одном из известных нам описаний этой фрески нет, то вполне возможно, что ее атрибуция как ангела предполо-

[141 *Erckert R., von.* Des Kaukasus und seine Vöiker. Leipzig, 1887. S. 77.

142 *Кузнецов В.А.* Указ. соч. С. 142, рис. 8.

143 Там же. С. 143.

144 Подобный орнамент широко распространен в Средневековье, он имеется и на многих восточных тканях из аланских захоронений. Видимо, это элемент широко распространенной «престижной» моды указанной эпохи: рисунком из крупных концентрических кругов часто украшены одежды на византийских изображениях, в частности, на фресках Каппадокии.

145 Институт «Спецпроектреставрация». Ф. 45. *Д.* 1492. *Л.* 22; *Д.* 1831, фото 13.]

жительна: это может быть и изображение пророка (например, Даниила или Давида[146]).

О системе живописи Северного храма сказать что-либо сложно, но важно, что между окон барабана находились изображения ангелов или пророков. Кроме того, в одном случае на рисунке Струкова два преподобных изображены рядом, т.е. возможно, здесь присутствовала идея расположения святых по типам святости.

Так выглядит на рисунках Струкова и роспись Среднего Зеленчукского храма (илл. на с. 153–155). Здесь мы видим отдельные фигуры преподобных, святителей, мученика, пророка (?), царей, воинов и всадников. С одной стороны, в росписи наблюдается некий порядок: рядом стоят два воина, два царя, однако в других случаях рядом расположены преподобный и мученик (частично сохранившаяся центральная фреска на северной стене), святитель и преподобный (или апостол). Кроме того, масштаб симметрично расположенных изображений разнится: это хорошо видно по дошедшим до нас фрагментам центральных композиций северной и южной стен: разница между ними по высоте превышает 1 м (см. II.3.C.e, II.3.C.f). Однако в общем размещении фигур определенная система просматривается: на подпружных арках, видимо, были написаны пророки, на стенах западного рукава симметрично — святые всадники, в нижнем регистре центральной и, вероятно, южной апсид — святители. В центре северной стены, напротив свв. Константина и Елены, возможно, изображены патроны ктиторов (хотя это не более чем осторожное предположение). Единственная сюжетная композиция в росписи нашего памятника известна лишь по рисунку Струкова и вызывает сомнение в ее реальном существовании (см. II.3.C.j). Было ли здесь действительно написано Сретение, или нет, но очевидно, что декорация Среднего Зеленчукского храма принадлежит к тому типу, где множество фигур святых соединяется с небольшим количеством сцен, как, например, в Софии Киевской (сер. XI в.). [*Табл. 5–13*]

Слабая сохранность росписи и низкое качество копий Струкова не дает нам возможности судить о стиле фресок Северного и Среднего Зеленчукских храмов. Впрочем, очевидно, что столь сложные и обширные программы выполняли приглашенные и, судя по языку надписей (известны по зарисовкам), греческие мастера.

Наконец, в полной мере сложившаяся к XI веку иконографическая программа византийского крестовокупольного храма реализуется в четвертом слое росписи Сентов. Здесь фигуры святых оттеснены в нижний регистр наоса и размещены строго по типам святости: всадники на восточных, воины на торцовых стенах боковых рукавов, преподобные в западной части. В этот же регистр, на северной стене западного рукава, помещена, видимо, и ктиторская сцена. Выше располагаются Праздники и Страстной цикл. В апсиде внизу были изображены святители, а над ними, по всей видимости, фронтальные фигуры апостолов. При этом порядок расположения святителей соответствовал установившимся правилам — в центре были размещены фигуры наиболее [*Табл. 17–35*]

[146 Ср., например, изображения в Элмалы-килисе (*Jerphanion G. de*. Les églises rupestres de Cappadoce. Vol. I.1. Paris, 1925. Pl. 113.4; 115.1; 118.2).]

«важных» отцов Церкви: Иоанна Златоуста, Василия Великого, Григория Богослова и Николая Мирликийского.

Стилистически сентинские фрески имеют точки соприкосновения с росписью Атени в Грузии (кон. XI в.), но явно проще их и принадлежат кисти какого-то провинциального византийского или кавказского мастера. Отметим низкое качество обмазки, которой заделали выпады старой штукатурки и которую нанесли в тех местах, где была более ранняя живопись, а также весьма ограниченный набор исходных пигментов (см. III.2.D). Это говорит о стесненных условиях, в которых создавались росписи Сентов.

Надо думать, что как и сами аланские крестовокупольные храмы (которые, в общем-то, единичны и не представляют особой школы с четко прослеживаемой линией развития), так и росписи в них исполнялись приезжими мастерами. Вероятно, художники приглашались из тех мест, где была развита христианская живописная продукция, через порты Абхазии (вероятней всего), Зихии или Таманского полуострова[147]. Некоторые аналогии сентинским фрескам и росписям Среднего храма прослеживаются в Сванетии, Раче и Картли. Из грузинских провинций, соответственно, могут происходить и художники, расписавшие аланские храмы, но полное отсутствие в последних грузинской эпиграфики, при большом количестве греческих надписей (не только подписи к изображениям святых, но и сделанные краской строительная и инвокативные надписи, граффити и т.д.), а также некоторые аналогии в росписях Каппадокии (и вообще областей христианского Востока) указывают скорее на византийскую периферию, причем на ее восточные регионы, равно как на северную часть Абхазского царства, которая полностью перешла на грузинский язык лишь в XI веке. Мы, конечно, не имеем в виду здесь самые простые орнаментальные росписи, которые сохранились в Сентах и Шоане, — их могли созда-

[147 На территории Абхазии мы, по всей видимости, не имеем полноценных памятников монументальной живописи, современных аланским росписям. В единственной существующей сейчас монографии, посвященной памятникам средневековой живописи на территории Абхазии, все примеры, за исключением лишь жалких остатков фресок X–XI веков в апсидах Лыхне и Цкелкари, созданы не ранее XIV века (*Шервашидзе Л.А.* Средневековая монументальная живопись в Абхазии. Тбилиси, 1980). Ктиторские портреты в Бедиа, отнесенные Шервашидзе к концу X — началу XI века (Там же. С. 57), созданы, скорее всего, в XIV веке и единовременны остальным росписям этого храма. Вероятно, их ранняя датировка была связана со стремлением найти в постройке хоть какое-то свидетельство ее раннего происхождения. Есть сведения, что в конце XI — начале XII века был расписан собор в Мокви, причем в надписи об этом, когда-то существовавшей на стене храма, упоминался и византийский император (*Рчеулешвили Л.* Указ. соч. С. 47–48). В настоящее время в Моквском храме прослеживаются лишь фрагменты очень высококачественных фресок XIV и XVI столетий, обнаруженные в 1956 году и несколько позже укрепленные (Там же. С. 60). Эти росписи, кажется, еще не публиковались. К ним мы можем добавить незначительные остатки «Причащения апостолов» в апсиде церкви в находящемся поблизости от Мокви селении Джал (XIV в.) и фрагменты фресок в храме Симона Кананита (XVI в.?). На территории Зихии и Тамани никаких росписей не сохранилось вообще.]

вать и непрофессионалы. Но росписи двух последних этапов Сентов, фрески Среднего и Северного Зеленчукских храмов, несомненно, исполнялись профессиональными артелями. Однако эти работы, скорее всего, были единичными и не создали местной школы, как и после возведения нескольких известных купольных аланских храмов строительство подобных крупных сооружений в Алании более не продолжилось.

Все другие памятники настенной живописи на Северном Кавказе известны в его центральной и восточной части. Судя по всему, они принадлежат другой традиции, пришедшей из Грузии[148].

Имеются сведения, что росписи существовали в церквах горной Балкарии. Правда, мы можем лишь догадываться о времени постройки самих храмов и датировке украшавшей их живописи: как уже говорилось, все они разрушены (IV.1.С). В 1834 году И.В. Шаховской видел в Чегеме и Безенги каменные церкви (их он сравнивал с храмами Сванетии и предположительно относил к XII в.), «на стенах которых еще заметны были рисунки священного писания»[149]. Еще раньше, в 1743 году, кизлярский дворянин Алексей Тузов отмечает в Чегеме две опустевшие христианские церкви и остатки каменных часовен с иконным писанием на стенах (а также книги и священнические одежды)[150].

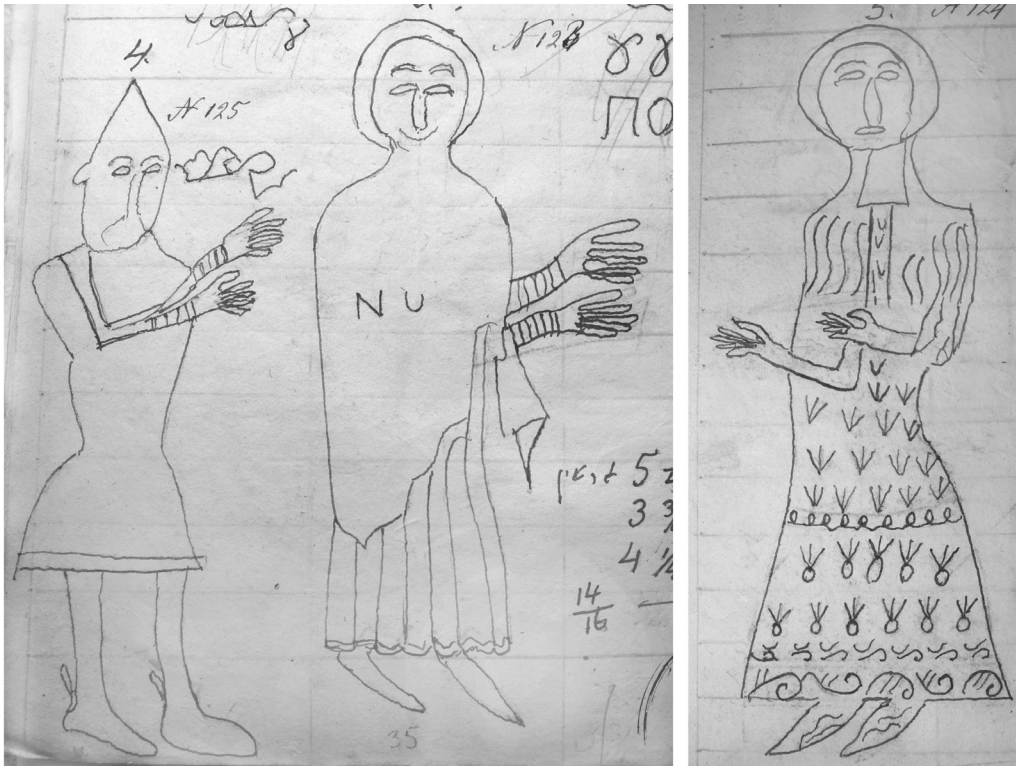
Об очень небольшой церкви в ауле Безенги, «на стенах которой изображены альфреско 11 угодников божьих и видны полуистертые грузинские надписи», писал Фиркович (см. IV.1.С)[151]. Причем «снаружи церкви, на северной стороне» исследователь отметил изображение св. Георгия на коне. Это находит прямые аналогии в Верхней Сванетии, где «традиция украшения фасадов церквей живописным декором параллельно с росписями интерье-

[148 Грузинское государство, с его развитой художественной культурой, могло себе позволить иметь многочисленные артели, причем и в отдаленных горных провинциях (например, «царский мастер» Тевдоре в Сванетии). Благодаря прямым контактам с византийскими художественными центрами, при несомненном участии приезжих мастеров, в Грузии создавались такие первоклассные ансамбли, как росписи Атени и Бочормы, Ишхани, Ошки, Гелати, Зарзмы, Убиси, Цаленджихи, Лыхны и др. Ориентируясь на эти «модные» комплексы, писались более провинциальные росписи (например, многочисленные росписи Верхней Сванетии, «Нузальской часовни» в Осетии, Дирби и Тирского монастыря в Картли, Земо-Крихи и Сори в Раче).

149 *Шаховской И.В.* Воспоминание о Кавказе // ВС. 1876. № 10. С. 456; или *Шаховской И.В.* Путешествие в Сванетию и Кабарду // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-западного Кавказа. Нальчик, 2001. Т. 1. С. 173.

150 Материалы по истории Осетии (XVIII век). Т. I // Изв. СОНИИ. Орджоникидзе, 1933–1934. Т. VI. С. 35; *Лавров Л.И.* Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. // *он же.* Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев, балкарцев. Нальчик, 2009. С. 408. (Переиздание статьи, опубликованной в: Кавказский этнографический сборник. М., 1969. Вып. 4).

151 *Фиркович А.* Указ. соч. С. 66.]

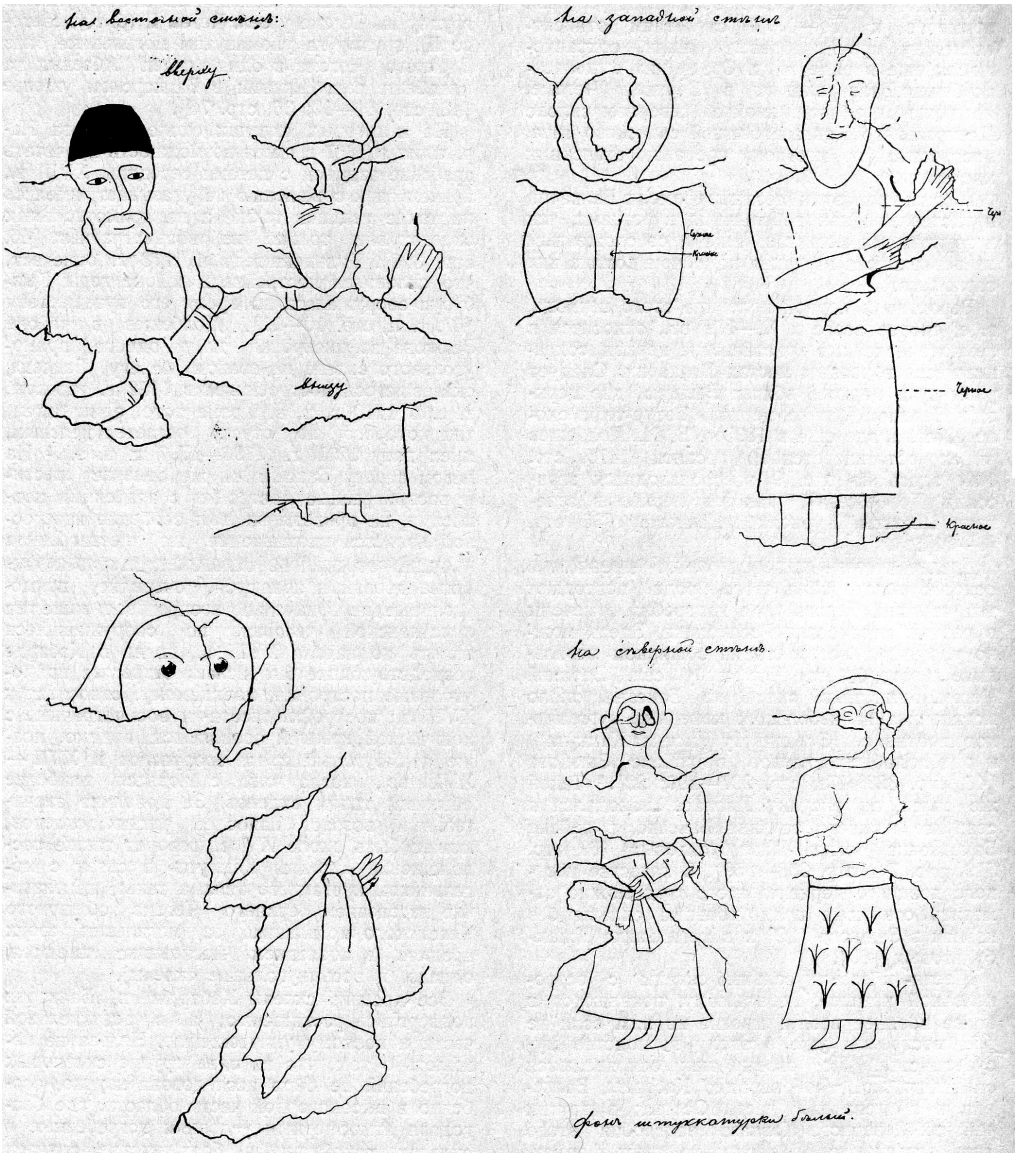


[*Фрески церкви в ауле Безенги. Рисунки А. Фирковича. РНБ. Ф. 946. Д. 80. Л. 34об., 36*]

ров» прослеживается с X до XVII века. Причем часто в сванских наружних росписях помещали именно конных святых[152]. В дневнике Фирковича есть зарисовки нескольких изображений из церкви в Безенги[153]. Кроме образа святого всадника на фасаде исследователем зафиксировано еще пять фигур в интерьере памятника. Одна из них, без всякого сомнения, это фронтальный Спаситель с крещатым нимбом. В двух других можно опознать (предположительно!) Богородицу и Иоанна Крестителя в позе моления. Кроме того, в указанном дневнике имеются изображения мужской фигуры в шлеме (если Фиркович правильно передал эту деталь) и фигуры в длинном орнаментированном платье. Видимо, это какие-то святые, один из которых — воин-мученик, хотя шлем не характерен для византийских изображений. Возможно, перед нами развернутый Деисус, весьма распространенный в христианской иконографии.

[152 См., напр.: *Аладашвили Н., Вольская А.* Фасадные росписи Верхней Сванетии (X-XVII вв.) // Ars Georgica. Тбилиси, 1987. Т. 9. С. 94–120.

153 РНБ. Ф. 946. Д. 80. Л. 34об.–36. Мы допускаем вероятность ошибок в наших интерпретациях материалов из еще не переведенного дневника Фирковича, за что заранее приносим читателю свои извинения.]



[*Фрески церкви в с. Тотур Хуламо-Безенгийского ущелья. Рисунок В.И. Долбежева. По А.А. Иессену (ИИМК РАН. Д. 1873/74)*]

В.И. Долбежевым в 1893 году были зарисованы остатки фресок церкви в селении Тотур в Хуламо-Безенгийском (Западно-Черекском) ущелье[154] (илл. на с. 321). Мы не беремся сейчас атрибутировать каждую из скопированных исследователем фигур, однако с большой долей вероятности можно предположить, что часть из них относилась к ктиторской композиции. Фреска из какого-то храма в Балкарии известна нам по альбому Д.А. Вырубова 1902 года. По всей видимости, и она изображает ктиторскую композицию[155]. Мы видим фигуры в трехчетвертном повороте, с молитвенным жестом рук, которые, кстати, чем-то напоминают ктиторов в «Нузальской часовне» (см. ниже). Основываясь на сходстве ряда изображений на копиях Фирковича, Долбежева и Вырубова, можно допустить, что все три исследователя зарисовали фрески одного храма; однако в данной работе мы не беремся это уточнять.

По рисункам этих исследователей судить о качестве балкарских росписей весьма сложно. Фиркович указывал, что они сделаны «весьма грубо»[156]. Это вполне соответствует представленным в его дневнике зарисовкам. Хотя Фиркович был старательным исследователем, он, как уже говорилось, абсолютно не имел навыков в рисовании (ср. III.2.D.f). Поэтому его довольно комичные «копии» можно воспринимать не более как простое свидетельство существования росписей. Вместе с тем, очень сходно выглядят зарисовки балкарских фресок в материалах Долбежева и Вырубова. Так что «варварский» характер этой живописи почти несомненен. Трудно говорить о ее колорите. Долбежев указывает, что в церкви с. Тотур роспись была выполнена черной и красной краской по белому фону. Вполне вероятно, что фрески Балкарии, аналогично декорации Нузала (см. ниже) и Сентов (и вообще многих памятников не только на Кавказе), в условиях крайнего дефицита материалов исполнялись самыми простыми и доступными пигментами. Датировка росписей в балкарских храмах неясна по вполне понятным причинам. Но следует отметить, что в грузинском монументальном искусстве трехчетвертной поворот криторских фигур начиная с XV века заменяется на фронтальный, и это, быть может, говорит о сравнительно раннем происхождении балкарских фресок[157].

[154 *Иессен А.А.* Археологические памятники Кабардино-Балкарии // Материалы по археологии Кабардино-Балкарии / МИА СССР. М.; *Л.*, 1941. № 3. С. 32. Рис. 9; *Кузнецов В.А.* Зодчество… С. 127. Рис. 23.2–5.

155 *Лавров Л.И.* Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. // *он же.* Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев, балкарцев. Нальчик, 2009. *Илл.* на с. 401; *Кузнецов В.А.* Зодчество… С. 127. Рис. 23.1.

156 *Фиркович А.* Указ. соч. С. 66.

157 В Грузии и Армении сохранилось достаточно много ктиторских изображений, и мы вполне уверенно можем судить о развитии этого жанра на Кавказе. Если не считать Сванетию и Рачу, то ближайший к Балкарии дошедший до нас храм с портретами членов семьи ктиторов находится в Нузале (см. ниже в основном тексте).]

Какая-то живописная декорация отмечена в XIX веке в «небольших часовнях в 12-ти верстах от Нальчика», (т.е. в предгорной зоне, в XVIII-XIX веках заселенной кабардинцами). О самих постройках, приписывавшихся грекам, известны, как уже говорилось, лишь общие сведения, в частности, что они «имели пирамидальную форму» (см. IV). Эти «часовни» были полностью разрушены еще в XIX столетии и о росписях, их украшавших (от которых уже тогда оставались «незначительные следы»), никаких подробных данных нет[158]. Как сами эти сооружения, так и живопись, их украшавшую, можно только ориентировочно относить к концу развитого и позднему Средневековью и лишь строить догадки, как они соотносились с другими аналогичными памятниками Кавказа.

Были расписаны и храмы Верхнего Джулата. Так, например, в 1743 году Алексей Тузов говорил о существовавшей в развалинах этого города церкви с «иконным писанием», которое «по стенам является»[159]. В объяснениях к кабардинской ландкарте, исполненной практически одновременно (1744 г.), сказано, что «в той же горе есть каменные часовня и церковь христианская, и на стенах видно иконное писание»[160]. И.А. Гильденштедт писал, что в Татартупе имелись развалины церкви, на стенах которой «были видны следы написанных красками фигур; на северной стороне после церковного дома [т.е. апсиды? — *Д.Б., А.В.*] отчетливо была видна окруженная кольцами [т.е. нимбом. — *Д.Б., А.В.*] голова, покоящаяся на черной подушке так, как обычно изображается усопшая Пресвятая Богородица; на другом конце этой стены была окруженная кольцами голова стоящей спиной персоны, держащей в руках и прижимающей к [своей] груди черную овцу так, как обычно изображают Иоанна. Эти фигуры были натуральной величины. В куполе была видна нижняя половина представленного в натуральную величину святого или священника, на котором можно было отчетливо различить черную обшитую галунами ризу»[161]. Остатки росписей были отмечены археологами в двух церквах Верхнего Джулата (еще в одной — предположительно)[162]. Уже говорилось, что эти храмы датируются XIII–XIV веками, когда там располагался золотоордынский город (см. IV.1.А.а). К XIV веку, видимо, относится и отмеченная здесь роспись. К сожалению, от фресок, кроме незначительных фрагментов, собранных археологами, ничего не осталось, и невозможно сделать их стилевой анализ. Но малая вероятность существования в Верх-

[158 Изв. ИАК. Прибавление к вып. 37. СПб., 1910. С. 144.

159 Материалы по истории Осетии (XVIII век). Т. I // Изв. СОНИИ. Т. VI. Орджоникидзе, 1933–1934. С. 34.

160 Кузнецов В.А. Эльхотовские… С. 131.

161 Гильденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. / Пер. Т.К. Шафрановской. СПб., 2002. С. 262.

162 Кузнецов В.А. Эльхотовские… С. 132, 140, 141.]

нем Джулате собственной художественной артели, находка черепицы с грузинской надписью (IV.1.А.а) и близость основных транскавказских дорог допускает большую вероятность происхождения мастеров (по крайней мере, части) из Грузии. Правда, отмеченная Гильденштедтом в храме в Татартупе фигура, «держащая в руках… черную овцу», действительно напоминает Иоанна Предтечу, но в «католической» иконографии. Если исследователь правильно распознал это изображение (что, впрочем, вряд ли уже можно проверить), то допустима принадлежность храма либо армянской, либо (что требует дополнительных аргументов, см. IV.1.А) латинской кафедре. Выше уже говорилось, что существование последней в золотоордынском городе, находившемся на месте Татартупа, предполагает Кузнецов (см. IV.1.А.а)[163]. Однако нам кажется более вероятной принадлежность указанной церкви армянской общине, поскольку о таковых в золотоордынских городах, в том числе в Сарай-Бату и Маджарах, есть прямые, в том числе и материальные, свидетельства[164]. В искусстве армян к XIV веку уже начало прослеживаться западное влияние, тем более что в это время они активно сотрудничали с генуэзцами, имевшими многочисленные фактории в Северном и Северо-восточном Причерноморье[165].

Известны росписи в храмах горной Осетии. Так, в 1855 году А.Л. Зиссерман, посещая Алагирское ущелье, «видел несколько развалин древних церквей… с сохранившеюся отчасти живописью на стенах»[166]. В 1853 году А. Головин, а в 1870 г. В. Пфаф писали о храме в ауле Гули (Куртатинское ущелье), расписаном «al fresco»[167]. Постройка эта существует и сейчас (уже упоминавшийся Гули-дзуар), представляя собой позднесредневековое, частично переделанное сооружение[168].

[163 Там же. С. 151–157; *он же.* Христианство на Северном Кавказе до XV в. Владикавказ, 2002. С. 137-148.

164 См., напр.: *Корхмазян Э.М.* Армянская миниатюра Крыма (XIV–XVII вв.). Ереван, 1978. С. 8; *Волков И.В.* Указ. соч. С. 213–214.

165 В уже упоминавшемся христианском храме в Маджарах (IV.1.А) также были отмечены росписи (Древние христианские памятники... С. 2–3). Но поскольку это сооружение не сохранилось, об украшавших его фресках мы не имеем никакого представления.

166 *Зиссерман А.Л.* Двадцать пять лет на Кавказе. (1842–1867). Часть первая (1842–1856). СПб., 1879. С. 340. Автор мог видеть как неизвестные нам памятники с росписью, так и упоминающиеся ниже сохранившиеся Зругский и Нузальский храмы.

167 *Головин А.* Топографические и статистические заметки об Осетии // Кавказский календарь на 1854 г. Тифлис, 1853. С. 444; *Пфаф В.* Путешествие по ущельям Северной Осетии // ССК. Т. I. Тифлис, 1871. С. 161. Последний в Гули не был, а писал с чьих-то слов, возможно того же Головина.

168 *Белецкий Д.В.* Материалы к изучению позднесредневекового зодчества Северного Кавказа // Историко-филологический архив. Владикавказ, 2011. Вып. 7. (в печати).]

Судя по грубой обмазке на древних частях его стен, сплошной фресковой живописи там никогда не было, можно лишь предположительно допустить существование здесь примитивной линейной росписи типа изображений в склепе в Махческе[169]. До нашего времени дошли фрески в Зругском и Нузальском храмах Алагирского ущелья. Плохо сохранившимся фрескам Зругской церкви была посвящена единственая работа пятидесятилетней давности, где они лишь ориентировочно датированы 2-й половиной XII века[170]. Несомненно, что декорация Зруга нуждается в более тщательном анализе. Живопись в Нузальском храме, судя по стилю, относится к XIV веку, может быть даже к его второй половине[171]. Есть обоснованное предположение, что расписаны также были церкви в Тли и Наре[172]. Без каких либо сомнений, мастера, исполнившие все эти росписи, принадлежали грузинской живописной традиции, что, разумеется, не исключает местного происхождения самих художников.

Расписаны были и храмы в Ингушетии. В Тхаба-Ерды сейчас остатков живописи не прослеживается, лишь на резных деталях первого периода (X — нач. XI века) есть следы декоративной раскраски охрой, а на одном фасадном блоке (у восточного угла южного фасада) имеются остатки росписи, имитирующей кладку. Л.П. Семенов и Е.И. Крупнов отмечали, что «при осмотре алтарных стен… в том месте, где они сходятся с полом, остатки облицовки красного цвета», что «позволяет думать, что некогда стены алтаря были украшены и фресковой живописью»[173]. В настоящее время в апсиде храма, относящейся к одному из ранних этапов перестройки (XII в.?), прослеживаются остатки трех слоев штукатурки. На самом из них верхнем видны следы красной охры. Они столь ничтожны, что с уверенностью говорить о существовании здесь полноценной живописной декорации нельзя. Об этих фрагментах, возможно, и писали упомянутые исследователи. В Алби-Ерды Семенов также отмечал «следы облицовки разновременного

[169 *Кокиев Г.* Склеповые сооружения Горной Осетии. (Историко-этнологический очерк). Владикавказ, 1928. С. 15–16. Рис. 23, 24; *Тменов В.Х.* Средневековые... С. 236, № 9. В настоящее время рисунки в этом склепе в значительной степени утрачены.

170 Вольская А.И. Фрагменты фресковой живописи грузинского храма «Хозита-Майрам» в Северной Осетии // Сообщения АН ГССР. Тбилиси, 1954. Т. XV. № 6. С. 393–398.

171 См., напр.: *Белецкий Д.В.* Заметки... С. 23–24.

172 Кузнецов В.А. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977. С. 169; *Долидзе В.О.* Архитектурный памятник Тли — новый документ культурных взаимоотношений Грузии с Двалетией // Сообщения АН ГССР. Т. XXI. № 6. Тбилиси, 1958. С. 770.

173 Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушии в 1925–27 гг. Владикавказ, 1928. С. 9; *Семенов Л.П.* Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925–1932 годах. Грозный, 1963. С. 13; *Крупнов Е.И.* Грузинский храм «Тхаба-Ерды» на Северном Кавказе // КСИИМК. Вып. XV. М., 1947. С. 120, 122.]

происхождения, различных цветов — белого, желтого и красного»[174]. А. Туаев сообщает, что в 1880 году он видел в этом храме портрет Марии, матери Иисуса — Н.Н. Бараниченко и В.Б. Виноградов считают, что это могла быть икона, но гораздо бóльшая вероятность, что речь идет о фреске[175]. В 1970 году в апсиде Алби-Ерды Г.Г. Гамбашидзе видел «остатки креста и затитлованной древнегрузинской надписи «+ᒐᒣ» («HSI»–«Христа») и правее от алтарного окна изображение святого с надписью «ᑭᑐ» («ÇA»–«святой»)[176]. О стилистике и качестве этой росписи мы ничего не знае: в настоящее время остались лишь слабые следы красочного слоя на фрагментах однослойной штукатурки на южной и западной стенах в интерьере памятника. Поэтому украшавшую храм живопись следует датировать довольно широким периодом активного грузинского влияния в этих местах, т.е. X–XIV веками (учитывая, что время сооружения самого здания церкви пока под вопросом). Надо думать, что она была аналогична фресковой декорации, остатки которой сохранились в Зруге и Нузале. Вряд ли можно сомневаться, откуда были приглашены художники, работавшие в храмах на территории современной Ингушетии.

[174 *Семенов Л.П.* Археологические и этнографические разыскания в Ингушии в 1925–27 гг. Владикавказ, 1928. С. 9; *Семенов Л.П.* Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925–1932 годах. Грозный, 1963. С. 13.

175 Бараниченко Н.Н., Виноградов В.Б. Христианизация как фактор социально-политической истории Чечено-Ингушетии в XVI–XVIII вв. // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984. С. 127.

176 Гамбашидзе Г.Г. К вопросу о культурно-исторических связях средневековой Грузии с народами Северного Кавказа (II международный симпозиум по грузинскому искусству). Тбилиси, 1977. С. 11. М.Б. Мужухоев, проводивший в храме раскопки, в статье 1998 г. писал, что в Алби-Ерды «следов стенной росписи нет» (*Мужухоев М.Б.* Изучение храма Алби-Ерды в горной Ингушетии // Новое в археологии и этнографии Ингушетии. Нальчик, 1998. С. 6). В настоящее время в апсиде поверхность древней штукатурки покрыта побелкой (при реставрации 1990-х годов?) и остатков росписи не видно.]

Вместо заключения

В завершение к нашей книге хочется еще раз вернуться к вопросам сохранения аланских (и вообще северокавказских) средневековых памятников. Хотя они стали привлекать внимание ученых и любителей истории уже давно, нахождение Кавказа в стороне от центра «империи» во многом обусловило то, что серьезные консервационные и реставрационные работы начали проводиться здесь только с 60-х годов XX столетия. Однако зачастую это делалось «разными людьми без общей авторской координации»[1]. Еще три десятилетия назад на это указал один из крупнейших специалистов по домонгольской архитектуре Г. Штендер, который, кроме того, отметил, что любые работы в древних аланских храмах должны осуществляться с «общей авторской координацией» и не быть «полигоном для испытания новых методов реставрационных работ и материалов»[2].

Со своей стороны можем добавить, что результатом подхода, о котором с тревогой писал Штендер, стали множественные и невосполнимые потери. Так, Северный Зеленчукский храм был «зареставрирован» и в своем нынешнем состоянии практически недоступен для нового натурного исследования, хотя некоторые реконструированные элементы в нем вызывают большие сомнения. Промазанные новым раствором швы между камней фасада Среднего храма сделали практически невозможным подробное изучение внешних стен, хотя вопрос о «многоэтапности» памятника и его первоначальном облике остается все еще открытым. По той же причине невозможно обследование фасадов и «Нузальской часовни» в Северной Осетии, хотя до сих пор идут споры о первоначальных формах этой постройки, в том числе о происхождении швов на алтарном фасаде[3]. Уже говорилось о недавней утрате фрагментов древних росписей в Среднем храме и в Шоане, причем нет гарантии, что не погибнут и оставшиеся. Подобные примеры можно продолжать до бесконечности.

Не приходится повторять, что указанные памятники уникальны в России, в том числе и как самые древние. Поэтому на первом месте должна стоять не их «реставрация» для показа туристам (который тоже, конечно, необходим), а консервационные меры для остановки продолжающегося разрушения. Информация, заложенная в древних северокавказских храмах, уникальна, она

[1 НСНРПМ. Ш-43. *Д.* 2231. *Л.* 7.

2 Там же. *Л.* 7–8.

3 Об этом см., напр.: *Белецкий Д.В.* Заметки о нузальской церкви // Историко-филологический архив, 2. Владикавказ, 2004. С. 30–31.]

указывает на культурные связи этого региона и вводит его в общий контекст средневековой истории. И чтобы не сожалетьть о новых утратах, любые работы на памятниках Северного Кавказа должны контролироваться высококлассными и опытными специалистами. Это упирается в вопрос финансирования, во многом зависящего и от властей тех республик, где находятся памятники. Однако дальше политических баталий за аланское наследие дело обычно, увы, не заходит.

Приложение

1. Отчет П. Струкова о поездке в Крым и Северный Кавказ

ИИМК РАН. РА. Ф. 1. 1889 г. Д. 87. Л. 56–57об.

Фрагмент, относящийся к Северному Зеленчукскому храму. К цв. табл. 37–40. (л. 56)…

11. Рисунок остатков фресковой живописи в главе около окон:
    а) на стенах преподобный с седыми волосами и небольшой раздвоенной бородой, в монашеской рясе, тип лика напоминает св. Савву Освященного.
    б) на своде арки молодой лик св. в плаще, накинутом поверх нижней одежды, со сложенными руками на груди, поворотом лика и формою контура <напоминает> св. муч. Лавра.
    в) на стене около жертвенника лик св. с небольшой бородой и темными волосами, напоминает лик св. Иакова.
12. Орнаменты около окон:
    а) алтаря.
    б) в главе.
13. В храме л. 9 остатки живописи на с-в стене: *(л. 56 об.)*
    а) следы изображения нижней части туловища с руками.
    б) под этим изображением Пресв. Богор. с распростертыми руками по подобию Стены Нерушимой в Киев. Софийском соб. На север. западной стороне лик вырублен как острием.
    в) св. с округленной бородой, возраста лет 40, в шапке, по плечам накинут плащ, в левой руке подобие щита.
    г) св. в шапке красноватого цвета, с большой бородой, лик соскоблен, в левой руке держит хартию вверх, около изображения сохранились буквы.
14. Остатки живописи:
    а) на северной стене два св. в шапках наподобие скуфей, напоминают грузинских св.
    б) св. в плаще, на голове шапка, ликом похож на грузинск. св.
    в) св. лик с длинноватою бородою, похож на пр. Иуду…

Фрагмент, относящийся к Среднему Зеленчукскому храму. К рис. 15, 105; цв. табл. 2–3, 6–14.

18. а) вид храма на л. 2 Б с восточной стороны.
    б) внутренность храма …
19. План и разрез храма л. 18. остатки фресковой живописи.
20. Остатки живописи по сторонам окон:

а) изображение без головы, в нижнем платье красноватого цвета с поясом, верхнее черное или коричневое в форме плаща, окаймленного желтой полоской, по бокам уцелели буквы.

б) св. изображен в нижнем платье красноватого цвета, похожем на одеяние князя, а на голове подобие монашеского клобука и верхняя черная одежда похожа на плащ или мантию, на одной стороне сохранились буквы.

21. а) на южной стене при входе остатки белой лошади и нога всадника, можно предполагать св. муч. Георгия, и под *(л. 57)* передними ногами малого размера черная лошадь, на ней всадник без бороды напоминает св. мученика Димитрия. Внизу полоса из орнамента.

б) на северной стене остатки лошади красного цвета и нога, около которой копье попирает животного, покрытого чешуей; подобное изображение видно на некоторых древних рукописях, где на лошади изображен архангел Михаил. Внизу полоса из орнамента.

22. а) на северной стене на устое свода изображение сохранилось только по пояс, а было, вероятно, во весь рост, св. не старых лет в шапке грузинских князей; в левой руке щит четырехугольный, налево сзади плеча щит круглый покрытый орнаментами грузинского стиля.

б) св. епископ в шапке, фелоне и омофоре, ликом напоминает древнее изображение св. Кирилла Александрийского и

в) св. в монашеской мантии, поверх нее епитрахиль, на голове клобук, лик похож на преп. Макария Египетского.

23. а) на северной стене над дверьми между окон двое св. напоминают по верхнему платью свв. Козму и Дамиана Алиских,

б) на арке храма ю. в. стороны по высоте изображения не мог отличить его, без бороды, напоминает женскую фигуру, а так как на голове квадрат похож на заповеди, употребляемые евреями, то можно признать за прор. Даниила.

24. а) на северной стене к левой стороне двери двое свв. Один епископ в шапке и омофоре, держит евангелие, а другой одеждой и контуром руки похож на мученика Адриана.

б) в отделении жертвенника на стене епископ в фелоне и саккосе, но голова уничтожена, а другой св. похож на воина *(л. 57 об.)* в плаще и в правой руке держит меч.

25. а) на южной стороне на устое свода два муч., у одного лицо молодое, на голове шлем, в руке щит круглый, у другого голова утрачена, по одежде трудно предположить какие именно свв., но судя по орнаментам на щитах и платье можно предположить характер грузинский, что зависело от национальности свв., или воображения мастера художника, трудно определить.

б) в диаконике изображения святителей, ликом похож на св. Николая.

в) на стене подобие муч. воина, но очень плохо сохранилось изображение этого мученика.

26. На южной стене над дверью:

а) на левой стороне царь с крестом в руке, по костюму Давид, царь Грузии;

б) на правой стороне двое св., один в низкой грузинской короне, другой в плаще, оба напоминают княжеское одеяние.

27. В алтаре:

а) между двух окон изображение св. в монашеском одеянии, ликом напоминает преп. Пахомия.

б) рядом с окном часть изображения епископа в фелоне и омофоре и

в) орнаменты в откосах окон.

28. Орнаменты:

а) в главе между окнами.

б) на своде арки северной стороны под главою.

в) на стене храма юго-западн. стороны.

2. Древне-христианские храмы и св. Александро-Афонский Зеленчукский монастырь в Зеленчукском ущелье Кавказского хребта Кубанской области Баталпашинского уезда. Одесса, 1904. С. 15–21.

В храме возобновленном [Южном Зеленчукском. — *Д.Б., А.В.*] никаких изображений не уцелело; в остальных же двух храмах сохранились, хотя и сильно поврежденные, остатки фресковой живописи. По рассказам старожилов, кубанских казаков, лет 30–40 тому назад внутренность обоих храмов была покрыта сплошною штукатуркою, по которой отчетливо были видны все изображения святых и с надписями, но не на русском языке. В настоящее время сохранилась самая незначительная часть штукатурки. Большая часть ее отвалилась от дождей, свободно проникающих в храмы через образовавшиеся на верху отверстия; вместе с штукатуркою погибла и большая часть церковной живописи. Кроме того, то и другое не мало повредили горцы, которые загоняли в храмы свои стада и разводили там костры*. От этого многие места живописи так закопчены, что совершенно невозможно определить изображенных на них ликов святых. Уцелели следующие остатки фресковой живописи.

В среднем храме, ближайшем к монастырю, на западной стене, сохранились благословляющие руки. На северной и южной стенах этой трапезы ясно видны следы двух больших картин, в которых легко различаются скачущие лошади в красных чепраках; изображения же всадников темны, заметны только ноги их. Но под копытами лошадей без труда можно рассмотреть изображения на северной стене змея, а на южной сарацина на коне, с круглым щитом в руке. Во всадниках без ошибки можно назвать на левой стороне св. великомученика Георгия, а на правой — св. Дмитрия Солунского.

Там же, на трапезе, в конце южной стены отчетливо заметно изображение двух молодых юношей, вероятно воинов-мучеников, в натуральный рост, которые одеты в платье красного цвета, на подобие подризников, испещеренных белыми маленькими крестиками; в левой руке оба держат по круглому щиту. Соответствующее этому изображение было и на северной стене, но оно не сохранилось. Над южными и северными дверями этого храма и на запад-

ной стене против диаконника и жертвенника, заметны два яруса групповых изображений, но, к сожалению, эти картины до такой степени закопчены, что на фигурах заметны только длинные одеяния и головные покровы формы короны или митры.

На арке, соединяющей северную стену средней части алтаря со стеною трапезы, сохранилось изображение святого с головою в ореоле. Святой лик чистый и молодой, без бороды и усов; на голове покров вроде женского, из-под него выступает на чело локон черных волос; платье длинное, правая рука опущена до пояса и пальцы ее раздвинуты как бы для благословения. Но в расположении пальцев нельзя видеть благословляющего перстосложения и скорее можно думать, что описываемая картина изображает какую-либо святую женщину, как, напр., св. великомученицу Варвару, с лавровой ветвию в руке, хотя изображение ветви не сохранилось. В середине этой же арки осталось изображение орнамента в виде двух кругов, в середине которых были изображены не то цветы, не то кресты. На восточной стене главного алтаря ясно видно изображение святителя в древней фелони и с благословляющей рукой. Рядом с ним, у самого окна, видно другое изображение святого мужа, в темном одеянии в роде мантии и с головным покровом, напоминающим древний монашеский клобук без камилавки. Поверх мантии надета епитрахиль, на которой нарисован крест, копье и череп. В оконных нишах заметны следы бывших изображений святых и остатки орнаментов.

В восточном храме (первом) сохранилось иконного письма еще меньше. На колонне перед северной стеной среднего алтаря, лицом внутрь храма, находится достаточно ясно сохранившаяся картина Богоматери с воздетыми руками, известная под именем «Знамения Божией Матери». Эта картина находится сажени на две высотою над полом. На противоположной стене той же колонны ясно видно изображение Нерукотвореннаго Образа Иисуса Христа. На другой, южной колонне сохранилось изображение главы Иоанна Крестителя на блюде.

Все лики святых, которые сохранились настолько, что их можно рассмотреть, изображены в стиле греческом. Выражения их строгие, задумчивые и проникновенно-серьезные.

Все живописныя изображения нарисованы художниками, которым неизвестны были законы художественной перспективы. Таковы видимые остатки древности в долине р. Б.-Зеленчука.

* Замечательно, что при очистке храмов от наслоений, несмотря на то, что всякая горсть мусора, земли и песку, навозу была внимательно осмотрена, никаких вещей не найдено.

Список использованных архивных материалов

НСНРПМ (Объединение «Росреставрация». Новгородская специальная научно-реставрационная производственная мастерская). Научный архив.

Ш-43. *Д.* 2231: Научно-методические рекомендации к натурным исследованиям и дальнейшему проектированию консервационно-реставрационных работ в архитектурном заповеднике «Нижний Архыз», на Сентинском и Шоанинском храмах. Научный руководитель Г. Штендер. Новгород, 1982.

ЦНРПМ (Центральные научно-реставрационные производственные мастерские; ранее: Центральные научно-реставрационные мастерские ГОССТРОЯ РСФСР; Центральные научно-реставрационные мастерские Академии строительства и архитектуры СССР). Научный архив.

Ф. 103. *Д.* 28: Отчет по предварительному обследованию памятников Зеленчукского монастыря в 1958 г. М., 1959–1960.

Ф. 103. *Д.* 50: В.А. Кузнецов. Отчет о работе Зеленчукского отряда Северокавказской экспедиции Института Археологии Академии наук СССР в 1960 году.

Ф. 103. *Д.* 37: Эскизный проект консервации и реконструкции Зругского храма XI века в Северной Осетии. Т. I. М., 1978.

Институт «Спецпроектреставрация» (Проектный институт по реставрации памятников истории и культуры «Спецпроектреставрация»; ранее: Российское республиканское специализированное научно-реставрационное объединение «Росреставрация»). Научный архив.

Ф. 41. *Д.* 180: Сынтинский храм (пос. Нижняя Теберда, Карачаево-Черкесской автономной области Ставропольского края). Т. I. Предварительные работы. М., 1976.

Ф. 41. *Д.* 376: Сынтинский храм (пос. Нижняя Теберда, Карачаево-Черкесской автономной области Ставропольского края). Эскизный проект реставрации. Т. V. М., 1977.

Ф. 43. *Д.* 2310: Памятник архитектуры Средний храм Нижнее-Архызского историко-архитектурного комплекса X-XII вв. Карачаево-Черкесская АО. Научное обоснование: шурфы. Т. II, кн. 2. М., 1982.

Ф. 43. *Д.* 2372: Средний храм Нижнеархызского историко-архитектурного комплекса X–XII вв. Карачаево-Черкесская АО. Проект реставрации. Научно-реставрационное обоснование и научные исследования. Т. 2, кн. 3, ч. 2. М., 1982.

Ф. 43. *Д.* 2613: Средний храм Нижнеархызского историко-архитектурного комплекса X–XII вв. Карачаево-Черкесская АО. Проект реставрации. Научно-реставрационное обоснование и научные исследования. Историческая записка. Т. 2, кн. 5. М., 1982.

Ф. 43. *Д.* 3204: Средний храм Нижнеархызского историко-архитектурного комплекса X-XII вв. Карачаево-Черкесская АО. Проект реставрации. Научно-реставрационное обоснование и научные исследования. Т. 2, кн. 3, ч. 3. М., 1983.

Ф. 43. *Д.* 3552: Историческая записка к проекту реставрации Северного храма. М., 1983.

Ф. 43. *Д.* 3906: Средний и Южный храмы Нижнеархызского комплекса X-XII вв. Карачаево-Черкесской АО. Проект реставрации. Научно-реставрационное обоснование и научные исследования. Т. 2. Кн. 3. Ч. 3. М., 1982.

Ф. 43. *Д.* 4660: Памятник архитектуры X-XII вв. Средний храм Нижне-Архызского историко-архитектурного комплекса Карачаево-Черкесской АО. Эскизный проект реставрации (на период X–XII вв). Научно-реставрационное обоснование и научные исследования. Т. 3. Кн. 1. М., 1985.
Ф. 43. *Д.* 5499: Средний Зеленчукский храм, памятник архитектуры VIII-XII вв. Научно-исследовательские работы по живописи. Отчет по обследованию состояния живописи. Т. 5. М., 1986.
Ф. 43, № 23516: Средний храм Нижнеархызского историко-архитектурного комплекса X-XII вв. Карачаево-Черкесская АО.
Ф. 43, № 23515, 23516: Средний храм Нижнеархызского историко-архитектурного комплекса X-XII вв. Карачаево-Черкесская АО. Северный фасад по состоянию на 1880 г.
Ф. 45. *Д.* 1492: Отчет по обследованию Северного, Среднего и Южного храмов Александро-Афонского Зеленчукского монастыря. М., 1980.
Ф. 45. *Д.* 1671: Отчет по противоаварийным работам, проведенным на сохранившихся фрагментах фресок в Северном Зеленчукском храме в 1980 году. М., 1981.
Ф. 45. *Д.* 1831: Отчет по обследованию и эксперементальным работам по живописи Северного Зеленчукского храма. М., 1981.
Ф. 313. *Д.* 1797: Северный храм Нижне-Архызского историко-архитектурного комплекса X–XII вв. Карачаево-Черкесская АО. Проект реставрации. Научно-реставрационное обоснование и научные исследования. Т. 2. Кн. 3. М., 1981.

Институт «Спецпроектреставрация». Северо-Кавказский филиал. г. Таганрог. (Объединение «Росреставрация». Проектный институт по реставрации памятников истории и культуры «Спецпроектреставация»).
Шифр: 140-2-84. Арх. № 330. Культовый комплекс «Дзивгис Дзуар». Проект реставрации. Предварительные работы, натурные исследования. Т. I. Таганрог, 1985.

ИИМК РАН (Институт истории материальной культуры Российской академии наук).
РА (Рукописный архив).
Р. I. *Д.* 201: копии и кальки И. Владимирова фресок Сентинского храма.
Р. I. *Д.* 273: рисунки П. Струкова.
Р. I. *Д.* 315: материалы Северокавказской экспедиции Н.А. Нарышкина летом 1867 г.
Р. I. *Д.* 323. *Л.* 2: чертеж Сентинского храма архитектора И. Бернадацци, 1829 г. Копия Алексеева.
Р. I. *Д.* 339: акварельные рисунки П. Струкова.
Ф. 1. 1889 г. *Д.* 87: отчет П. Струкова о поездке в Крым и Северный Кавказ.
Ф. 1. 1899 г. *Д.* 102: материалы экспедиции И. Владимирова по Терской и Кубанской области.

ФА (Фотоархив).
О. 285. *Л.* 79: вид Сентинского храма с юго-восточной стороны.
О. 556. *Л.* 12: вид Сентинского храма с северо-восточной стороны.

РНБ им. М.Е.Салтыкова-Щедрина.
Отдел рукописей.
Ф. 946 (фонд Авр. Фирковича). Оп. 1. *Д.* 80: дневник северокавказской экспедиции А. Фирковича. 1848–1849 гг.

Институт археологии Российской академии наук.
Научный архив.
Р1/4638: *Гамбашидзе Г.Г.* Полный отчет об археологических исследованиях, связанных с реставрационными работами в храме «Тхаба-Ерды» (Чечено-Ингушская АССР, осень 1970 года). Тбилиси, 1971.
Р1/8388; 8388а: *Мужухоев М.Б.* Отчет о результатах полевых изысканий за 1981 год. (Первый отряд археологической экспедиции ЧИИ ИСФ).

Библиография

Издания источников

Anna Comnène. Alexiade. Vol. 3 / Ed. B. Leib. Paris, 1945.

Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio / Ed. G. Moravcsik. 2nd edn. (Corpus fontium historiae Byzantinae 1 (= Dumbarton Oaks Texts 1)). Washington, D.C., 1967.

Constantinus Porphyrogenitus. De cerimoniis aulae Byzantinae libri duo. Vol. 1 / Ed. J.J. Reiske // Corpus scriptorum historiae Byzantinae, 10. Bonn, 1829.

Gesta **Berengarii Regis / Ed. E. Dümmler. Hal**le, 1871.

Leo Diaconus. Historia, III, 11; IV, 1.

Maximus the Confessor and his Companions / Ed. and transl. by P. Allen et B. Neil. Oxford, 2002

Minorsky V. Hudud al-Alam (The regions of the world), a Persian geography. Oxford, 1937.

Notitiae episcopatuum Ecclesiae Constantinopolitanae / Ed. par J. Darrouzès. Paris, 1981.

Scripta saeculi VII, vitam Maximi Confessoris illustrantia, una cum latina interpretatione Anastasii Bibliothecarii iuxta posita / Ed. P. Allen et B. Neil // Corpus christianorum. Series graeca, 39. Turnhout; Leuven, 1999.

Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae / Ed. H. Delehaye // AASS. Nov. Propylaea. Bruxelles, 1902.

Алеманъ А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003.

Вахушти, царевич. География Грузии. Введение, перевод и примечания М.Г.Джанашвили // Записки Кавказского отдела ИРГО. Кн. XXIV. Вып. 5. Тифлис, 1904.

Гильденштедт И. А. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. / Пер. Т.К. Шафрановской. СПб, 2002.

Греческие предания о св. ап. Андрее. Т. 1. Жития / Изд. А. Виноградов. СПб., 2005. С. 40-41 [Библиотека «Христианского Востока», 3].

История и восхваление венценосцев / Пер. К.С. Кекелидзе. Тбилиси, 1954.

Лев Диакон. Хронография III, 11; IV, 1.

Материалы по истории Осетии (XVIII век). Т. I // Изв. СОНИИ. Т. VI. Орджоникидзе, 1933–1934.

Михаил Пселл. Хронография, 6, 154.

Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана / Пер., пред. и комм. Г.В. Цулая. М., 1979.

Памятник эриставов / Перев. С.С. Какабадзе. Тбилиси, 1979.

Повесть временных лет. Т. 1 // Изд. В.П. Адрианова-Перец. М.-Л., 1950.

Распорядок царского двора / Изд. подг. К.И. Сургуладзе. Тбилиси, 1993 (на груз., рус. и англ. яз.).

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2. М.; Л., 1952.

Исследования

Altripp M. Die Prothesis und ihre Bildausstattung in Byzanz. Frankfurt am Main, 1998.

Andaloro M., Romano S. L'immagine nell'abside // Arte e iconografia a Roma: da Costantino a Cola di Rienzo. Milano, 2000.

Art and architecture in mediaeval Georgia. Louvain-la-Neuve, 1980.

Asutay N. Byzantinische Apsisnebenräume. Weimar, 1998.

Baddeley J.F. The rugged flanks of Caucasus.

Vol. II. London, 1940.
Ballance S. The Byzantine Churches in Trebizond // Anatolian Studies. 1960. Vol. 10.
Bendazzi W., Ricci R. Ravenna. Ravenna, 1988.
Βρανούση Ἐ. Λ. Βυζαντινὰ ἔγγραφα τῆς μονῆς Πάτμου. Τ. Α΄. Αὐτοκρατορικά. Ἀθήναι, 1980.
Brubaker L. On the margins of Bizantine Iconoclasm // XXe congrès international des études Byzantines. Pré-actes. Séances plénières. Paris, 2001.
Bryer A., Winfield D. The byzantine monuments and topography of the Pontos. Vol. 1 (Dumbarton Oaks Studies, 20). Washington, 1985.
Χατζιτρύφωνος Ε. Το περίστωο στην υστεροβυζαντινή εκκλησιαστική αρχιτεκτονική. Θεσσαλονίκη, 2004.
Cheynet J.-C. Sceaux de la collection Zacos. Paris, 2001.
Coptic Art. Wall painting / Text Nabil Selim Atalla. Vol I. Cairo, s.l.
Cuneo P. Architettura armena dal quarto al diciannovesimo secolo. Vol. I. Roma, 1988.
Der Nersessian S. Le décor des églises du Xe siècle (Actes du VIe Congrès international des études byzantins). Paris, 1950.
Erckert R., von. Des Kaukasus und seine Vöiker. Leipzig, 1887.
Feissel D. Chroniques d'épigraphie byzantine. 1987-2004. Paris, 2006.
Ficker G. Das Epiphanios-Kloster in Kerasus und der Mitropolit Alaniens // Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher, 3, 1922.
Garland L., Ripp S. Mary of «Alania»: woman and empress between two worlds // Byzantine women: varieties of experience 800-1200 / Ed. by L. Garland. London, 2006.
Gengiuri N. Saalbau mit Kuppel in der georgischen Architektur des Mittelalters // Byzantinoslavica, 54, 2006.
Golb N., Pritzak O. Khazarian Hebrew documents of the tenth century. Ithaca, London, 1982.
Guillou A. Recueil des inscriptions grecques médiévales d'Italie. Rome, 1996.
Hierarchia ecclesiae orientalis. Vol. 1 / A cura di G. Fedalto. Padova, 1991.
Illustrations from coptic manuscripts. Cairo, Egypt, 2000.
Jerphanion G. de. Les églises rupestres de Cappadoce. Vol. I.1. Paris, 1925.
Jolivet-Lévy C. L'arte della Cappadocia. Milano, 2001.
Khroushkova L. Les monuments chrétiens de la côte orientale de la Mer Noire. Abkhazie. IVe–XIVe siécles (Bibliothèque de l'antiquité tardive, 9). Turnhout, 2006.
Khroushkova L. Quelques notes sur l'organisation ecclésiastique de l'Abkhazie et ses relations artistiques avec Constantinople à l'époque paléologue // Byzantinische Forschungen, 29, 2007.
Lampe G.W.H. A Patristic Greek Lexicon. Oxford, 1961.
Laskaris N. Monuments funéraires paléochrétiens (et byzantins) de Grèce. Athènes, 2003.
Laurent V. Les regestes des actes du Patriarchat de Constantinople. Vol. 1. Fac. IV. Paris, 1971.
Mango C. Byzantinische Architektur. Stuttgart, 1975.
Martin-Hisard B. Constantinople et les archontes du monde caucasien dans le Livre des cérémonies, II, 48 (Travaux et memoires, 13, 2000).
Mongiello L. Chiese di Puglia. Il fenomeno delle chiese a cupola. Bari, 1988.
Μουτζόπουλος Ν.Κ. Εκκλησίες της Καστορίας. 9ος-11ος αιώνας. Θεσσαλονίκη, 1992.
Μουτζόπουλος Ν.Κ. Ἀνασκάφη τῆς βασιλικῆς τοῦ ἁγίου Ἀχιλλείου. Θεσσαλονίκη, 1972.
Μπούρας Χ. Βυζαντινή & Μεταβυζαντινή αρχιτεκτονική στην Ελλάδα. Αθήνα, 2001.
Nicolaus Mysticus. Epistulae / Ed. R.J.H. Jenkins and L.G. Westerink // Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Vol. 6. Washington (D.C.), 1973.
Nikoleishvili I. Georgische Ikonostas-reliefs der 10.–11. Jahrhunderts mit Darstellungen historischen Personlichkeiten (Skieri, Saorbisi, Sedaseni) // Georgia, 15, 1992.
Oxford Dictionary of Byzantium. Vol. 1, 2 / Ed.

by A. Kazhdan. New York; Oxford., 1991.
Plontke-Lüning A. Frühchristliche Architektur in Kaukasien. Wien, 2007.
Regesten der Kaiserurkunden Oströmisches Reiches von 563–1453. 2. Teil / Bearb. von F. Dölger. 2. Aufl. München, 1995.
Renhart E. Das syrische Bema: liturgisch-archäologische Untersuchungen (Grazer Theologische Studien, 20). Graz, 1995.
Romanesque. Architecture, sculpture, painting / Ed. by R. Toman. Köln, 1997.
Schechter S. An unknown Khazar document // The Jewish quarterly review, 3, 1912–1913.
Seibt W. Die byzantinische Bleisiegel in Österreich. 1. Teil. Kaiserhof. Bd. II, 1. Wien, 1978.
Seibt W. Metropoliten und Herrscher der Alanen auf byzantinischen Siegeln des 10.–12. Jahrhunderts // Сфрагистика и история культуры. СПб., 2004.
Seibt W., Jordanov I. Στρατηγὸς Σωτηρουπόλεως καὶ Ἀνακουπίας: Ein mittelbyzantinisches Kommando in Abkhasien (11. Jhdt.) // Studies in Byzantine Siggilography, 9, 2006.
Ševčenko I. The Early Period of the Sinai Monastery in the Light of Its Inscriptions // Dumbarton Oaks Papers, 20, 1966.
Sodini J.-P. Arthèologie des èglises et organisation spatiale de la liturgie // Les liturgies syriaques. Paris, 2006.
Theis L. Flankenräume im mittelbyzantinischen Kirchenbau. Wiesbaden, 2005.
Thierry N., M. Nouvelles èglises rupestres de Cappadoce. Paris, 1963.
Toumanoff C. Chronology of the kings of Abasgia and other problems // Le Muséon, 69, 1956.
Toynbee A. Constantine Porphyrogenitus and his world. London, 1973.
Traina G. Note classico-orientali // Acta orientalia Academiae scientiarum Hungaricae, 50, 1997.
Varalis Y. Prothesis and Diaconicon: Searching the Original Concept of the Subsidiary Spaces of the Byzantine Sanctuary // Hierotopy / Ed. by A. Lidov. Moscow, 2006.
Velmans T., Alapago Novello A. Arte della Georgia. Milano, 1996.
Velmans T., Alpago Novello A. Miroir de l'invisible. Peintures murales et architecture de la Géorgie (VIe–XVe s.). Paris, 1996.
Volbach W. F. Elfenbeinarbeiten der spätantike und frühen mittelalter. Mainz, 1976.
Walter C. The Byzantine Sanctuary — a Word List // Byzantinorossica, 1, 1995.
Weissbrod U. «Hier liegt der Knecht Gottes» (Mainzer Veröffentlichungen zur Byzantinistik. Bd. 5). Wiesbaden, 2003.
Zgusta L. Old ossetic inscription from the river Zelenčuk. Wien, 1987.
Zibawi M. Images de l'Égipte chrétienne. Iconologie copte. Milano; Paris, 2003.
Zibawi M. Orienti cristiani. Milano, 1995.
Zuckerman C. À propos du livre des cérémonies, II, 48. II. Le problème d'Azia/Asia, le pays des Ases // Travaux et mémoires, 13, 2000.
Zuckerman C. Byzantiums Pontic policy in the Notitiae episcopatuum (La Crimée entre Byzance et le Khaganat kazar / Éd. par C. Zuckerman). Paris, 2006.

Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. Т. I. М.; *Л.*, 1949.
Абуладзе И. Грузино-армянские литературные связи в IX–X вв. Исследование и тексты. Тбилиси, 1944.
Аладашвили Н., Вольская А. Фасадные росписи Верхней Сванети (X–XVII вв.) // Ars Georgica. Т. 9. Тбилиси, 1987.
Албегова З.Х. Еще раз к вопросу о локализации Асии «Кембриджского документа» // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Владикавказ, 2008.
Алексеева Е.П. Археологические памятники Карачаево-Черкессии. М., 1992.
Алексеева Е.П. Археологические раскопки в районе села Верхний Чегем в 1959 г. // Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1961.
Алексеева Е.П. Древняя и средневековая

история Карачаево-Черкесии. М., 1971.
Альбом древних христианских храмов, принадлежащих св. Александро-Афонскому монастырю, в Зеленчукском ущелье Кавказского хребта Кубанской области, Баталпашинского уезда. Одесса, 1891.
Артамонов М.И. История хазар. *Л.*, 1962.
Археология. Крым, Северо-восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М., 2003.
Бараниченко Н.Н., Виноградов В.Б. Христианизация как фактор социально-политической истории Чечено-Ингушетии в XVI–XVIII вв. // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984.
Бартольд В.В. Сочинения. Т. IV. М., 1966.
Батчаев В.М. Балкария в XV — начале XIX в. М., 2006.
Батчаев В.М. Из истории традиционной культуры балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1986.
Белецкий Д.В. Заметки о нузальской церкви // Историко-филологический архив, 2. Владикавказ, 2004.
Белецкий Д.В. Материалы к изучению позднесредневекового зодчества Северного Кавказа // Историко-филологический архив. Вып. 7. Владикавказ, 2011 (в печати).
Белецкий Д.В. Проблемы сохранения и исследований средневековых архитектурных памятников Кавказа. *Дарьял*, 2010. № 3.
Белецкий Д.В. Росписи и граффити Шоанинского храма // Проблемы хронологии и периодизации памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Магас, 2010.
Белецкий Д.В. Сатайи-Обау и северокавказские родовые храмы // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий (Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Кавказа). Тезисы докладов. Владикавказ, 2008.
Белецкий Д.В. Сатайи-Обау. К вопросу о датировке позднесредневековых «горских» построек // Международная конференция «Археология, этнология, фольклористика Кавказа». Сборник кратких содержаний докладов. Тбилиси, 2010. (В электронном виде см. сайт: fundofcaucasus.org).
Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю. Роспись Среднего Зеленчукского храма // XXIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Нальчик, 2006.
Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю. Средний Зеленчукский храм и его архитектура // АН. Вып. 50. М., 2009.
Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю. Фрески Сентинского храма и проблемы истории аланского христианства в X в. // РА. 2005. № 1.
Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю. Христианская архитектура Алании. Типология, география, хронология // Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII веков. Труды Государственного Эрмитажа. LIII. СПб., 2010.
Белецкий Д.В., Казарян А.Ю. Тхаба-Ерды. Предварительные результаты нового исследования храма в Ингушетии // АН. Вып. 50. М., 2008.
Белецкий Д.В., Мазур Л.Д. Резные блоки Тхаба-Ерды // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Магас, 2010.
Беридзе В.В. Архитектура Тао-Кларджети. Тбилиси, 1981.
Беридзе В. Место памятников Тао-Кларджети в истории грузинской архитектуры. Тбилиси, 1981.
Бесолов В.Б. Архитектура храма Сенты и многоаспектное сравнение его с памятниками христианского Восток и Византии (IV Международный симпозиум по грузинскому искусству). Тбилиси, 1983.
Бибиков М.В. Византийская «народноязычная» традиция о Руси (XVII чтения памяти В.Т. Пашуто). М., 2005.
Биджиев Х.Х. Исследования средневековых

поселений Карачаево-Черкесии и степного Предкавказья в 1985–1986 гг. // Вопросы археологии и средневековой истории Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1989.

Ванеев З.Н. Избранные работы по истории осетинского народа. Т. I. Цхинвали, 1989.

Василиненко Д.Э. Олимпиада 2014 г. и памятники археологии эпохи средневековья междуречья Псахо и Кудепсты (г. Сочи): исследование, консервация, реставрация с целью использования в культурном туризме // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Владикавказ, 2008.

Вертепов Г.А. В горах Кавказа // Терский сборник. Вып. 6. Владикавказ, 1903.

Виноградов А.Ю. Загородный крестообразный храм в Херсонесе и его надписи // Вопросы эпиграфики. Вып. 3. М., 2009.

Виноградов А.Ю. Зихия // ПЭ. Т. 20.

Виноградов А.Ю. Очерк истории аланского христианства в X–XII вв. // ΚΑΝΙΣΚΙΟΝ. Юбилейный сборник в честь 60-летия профессора Игоря Сергеевича Чичурова. М., 2006.

Виноградов А. Ю. Сентинский храм в дневнике Авраама Фирковича // Проблемы хронологии и периодизации памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Магас, 2010.

Вирсаладзе Т.Б. Фресковая роспись в церкви архангелов села Земо-Крихи // Ars Georgica. Т. 6. Тбилиси, 1963.

Владимиров И.А. Древний христианский храм близ аула Сенты в Кубанской области // ИАК. Вып. 4. СПб. 1904.

Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX века. М., 1974.

Волков И.В. Хачкар с городища Маджары // Историко-археологический альманах. Т. 2. Армавир; М., 1996.

Вольская А.И. Фрагменты фресковой живописи грузинского храма «Хозита-Майрам» в Северной Осетии // Сообщения АН ГССР. Т. XV. № 6. Тбилиси, 1954.

Воронов Ю.Н. Колхида на рубеже средневековья. Сухум, 1998.

Габриэлян Р.А. Армяно-аланские отношения (I–X вв.). Ереван, 1989.

Гаглойти Ю.С. Алано-Георгика. Владикавказ, 2007.

Гагошидзе Г. Купольная церковь Хожорни. Из истории грузино-армянских культурных взаимоотношений. Тбилиси, 2003. (на груз. яз.).

Гадиев У. Б. К вопросу о хронологии храма Тхаба-Ерды // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Магас, 2010.

Гамбашидзе Г.Г. К вопросу о культурно-исторических связях средневековой Грузии с народами Северного Кавказа (II международный симпозиум по грузинскому искусству). Тбилиси, 1977.

Гамбашидзе Г.Г. Три лапидарные надписи епископа Георгия (X в.) из христианского храма Ткобя-Ерда (Ингушетия) // Археология, этнология, фольклористика Кавказа. Тбилиси, 2004.

Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. М.; Иерусалим, 1997.

Головин А. Топографические и статистические заметки об Осетии // Кавказский календарь на 1854 г. Тифлис, 1853.

Григорян В. Раннесредневековые малые крестообразные купольные памятники Армении. Ереван, 1982. (на арм. яз. с рус. резюме).

Гутнов Ф.Х. Аристократия алан. Владикавказ, 1995.

Гутнов Ф.Х. Горский феодализм. Ч. I. Владикавказ, 2007.

Демаков А.А., Чумак И.Л. К вопросу об исторической интерпретации Верхнекубанской группы храмов X века // Методика исследования и интерпретации археологических

материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988.

Демус О. Мозаики византийских храмов. М., 2001.

Джанайты С. Х. Три слезы бога. Владикавказ, 2007.

Джанашвили М. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России // СМОМПК. Вып. XXII. Тифлис, 1897.

Дидебулидзе З.Ш. Культурные взаимоотношения народов Грузии и Центрального Предкавказья в X-XII веках. Тбилиси, 1983.

Догузов К.Г. Византийско-аланские отношения. Дисс. Тбилиси, 1987.

Долидзе В. О. Архитектурный памятник Тли — новый документ культурных взаимоотношений Грузии с Двалети // Сообщения АН ГССР. Т. XXI. № 6. Тбилиси, 1956.

Долидзе В.О. Хозита-Майрам — документ культурных связей Грузии с народами Северного Кавказа // Сообщения АН ГССР. Т. XV. № 2. Тбилиси, 1954.

Дополнительная заметка к статье А.Н. Дьячкова-Тарасова «Сентинский храм и его фрески» // Кубанский сборник. Т. V. Екатеринодар, 1899.

Древне-христианские храмы и св. Александро-Афонский Зеленчукский монастырь в Зеленчукском ущелье Кавказского хребта Кубанской области Баталпашинского уезда. Одесса, 1904.

Древние христианские памятники на Северном Кавказе // Терские ведомости. № 160. 21 июля 1903 г.

Древности горной Ингушетии / Автор-составитель Д.Ю. Чахкиев. Т. I. Назрань, 2003.

Дьячков-Тарасов А.Н. В горах Большого и Малого Карачая // СМОМПК. Вып. XXVIII. Тифлис, 1900.

Дьячков-Тарасов А.Н. Сентинский храм и его фрески // Кубанский сборник. Т. V. Екатеринодар, 1899.

Зайбт В. Византийские печати из Алании «μητροπολίτης Ἀλανίας» и «ἐξουσιοκράτωρ Ἀλανίας» // Новое в византийской сфрагистике. СПб., 2003.

Закарая П.Ф. Зодчество Тао-Кларджети. Тбилиси, 1992.

Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе. (1842–1867). Часть первая (1842–1856). СПб., 1879.

Иванов С.А. Византийское миссионерство. М., 2003.

Иессен А.А. Археологические памятники Кабардино-Балкарии // Материалы по археологии Кабардино-Балкарии / МИА СССР. № 3. М.; Л., 1941.

Изв. ИАК. Прибавление к вып. 37. СПб., 1910.

Из путевых заметок епископа Владимира о Северном Кавказе. 1886 // Русский архив. № 3.Отдел неофициальный. М., 1904.

История Ширвана и Дербенда X–XI веков. М., 1963.

Исторический атлас Осетии / Отв. ред. Р.С. Бзаров. Владикавказ, 2002.

Казарян А.Ю. Архитектура Армении IV–VI веков и особенности раннехристианской традиции в соседних странах // ВВ. Т. 60. М., 2001.

Казарян А.Ю. Кафедральный собор Сурб Эчмиадзин и восточнохристианское зодчество IV–VII веков. М., 2007.

Казарян А.Ю. Памятники христианской архитектуры Восточной Турции: новые данные // Вестник РГНФ. 2007. № 1 (46).

Казарян А. Реликвии в архитектуре средневековой Армении // Восточнохристианские реликвии / Под ред. А.М. Лидова. М., 2003.

Калинкин В.Н. К вопросу о классификации и датировке сохранившихся боевых башен с пирамидальным ступенчатым покрытием в Чечено-Ингушетии // Поселения и жилища народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1984.

Камболов Т.Т. Очерки истории осетинского языка. Владикавказ, 2006.

Каминский В.Н., Каминская И.В. Новые исследования христианских храмов малых форм в Западной Алании // Историко-археологический альманах. Т. 2. Армавир,

1996.
Каминская И. В. Исследование Ильичевского городища на Урупе // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения 1971–2006 гг. М., 2008.
Каминская И.В., Каминский В.Н. Исследования Первомайского городища в долине реки Большой Лабы / Тезисы XIV «Крупновских чтений» // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения. 1971–2006. М.
Карпов С.П. История Трапезундской империи. СПб., 2007.
Кация А.К. Памятники архитектуры в долине Цкуара // Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси, 1967.
Клапрот Ю. Описание поездок по Кавказу и в Грузии в 1807 и 1808 годах. Нальчик, 2008.
Кодзаев К.М. Верховная власть алан I-X вв. Владикавказ, 2008.
Кокиев Г. Склеповые сооружения Горной Осетии. (Историко-этнологический очерк). Владикавказ, 1928.
Коков Д.Н. Кабардинские географические названия (Краткий словарь). Нальчик, 1966.
Коковцев П.К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932.
Комеч А.И. Архитектура второй половины XI — начала XII века // История русского искусства. Т. 1. М., 2007.
Комеч А.И. Архитектура конца X — начал XI века // История русского искусства. Т. 1. М., 2008.
Комеч А.И. Древнерусское зодчество конца X — начала XII в. М., 1987.
Корхмазян Э.М. Армянская миниатюра Крыма (XIV–XVII вв.). Ереван, 1978.
Крупнов Е.И. Грузинский храм «Тхаба-Ерды» на Северном Кавказе // КСИИМК. Вып. XV. М., 1947.
Крупнов Е.И. Христианский храм XII в. на городище Верхний Джулат // Средневековые памятники Северной Осетии / МИА СССР. № 114. М., 1963.
Кудрявцев А.А. Дербент как раннехристианский центр Кавказа // XXIII (XXIV) Крупновские чтения. Тезисы докладов. М., 2004.
Кузнецов В.А. В верховьях Большого Зеленчука. М., 1977.
Кузнецов В.А. Дургулель Великий и Нижний Архыз // Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988. С. 74–91.
Кузнецов В.А. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977.
Кузнецов В.А. Нижний Архыз в X-XII веках. Ставрополь, 1993.
Кузнецов В.А. Путешествие в древний Иристон. Пятигорск, 2010.
Кузнецов В.А. Реком, Нузал и Царазонта. Владикавказ, 1990.
Кузнецов В.А. Северный Зеленчукский храм X века // СА. 1964. № 4.
Кузнецов В.А. Средний Зеленчукский храм // СА. 1968. № 3.
Кузнецов В.А. Христианство на Северном Кавказе до XV в. Владикавказ, 2002.
Кузнецов В.А. Христианство на Северном Кавказе до XV века. Пятигорск, 2007. (переработанное переиздание книги: Владикавказ, 2002).
Кузнецов В.А. Эльхотовские ворота в X–XV веках. Владикавказ, 2003.
Кузнецов В.А. Южный Зеленчукский храм // СА. 1971. № 1.
Кулаковский Ю.А. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899.
Кулаковский Ю.А. Избранные труды по истории аланов и Сарматии. СПб., 2000.
Лавров Л.И. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. // *Лавров Л.И.* Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев, балкарцев. Нальчик, 2009. (Переиздание статьи, опубликованной в: Кавказский этнографический сборник. М., 1969. Вып. 4).
Лавров Л.И. О происхождении народов Северо-Западного Кавказа // *Лавров Л.И.* Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев, балкарцев. Нальчик, 2009.

(Переиздание статьи, опубликованной в: Сборник статей по истории Кабарды. Вып. 3. Нальчик, 1954).

Лавров Л.И. Расселение сванов на Северном Кавказе до XIX в. // *Лавров Л.И.* Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев, балкарцев. Нальчик, 2009. (Переиздание статьи, опубликованной в: Вопросы этнографии Кавказа. Тбилиси, 1952).

Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896.

Лидов А.М. Церковь Богоматери Фаросской. Императорской храм-реликварий как константинопольский Гроб Господень // Византийский мир: искусство Константинополя и национальные традиции. М., 2005.

Магомедов М.Г. Новые раннесредневековые памятники в приморском Дагестане // Обряды и культы древнего и средневекового населения Дагестана. Сборник статей. Махачкала, 1986.

Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата. М. 1983.

Магомедов М.Г. Раннесредневековые церкви Верхнего Чирюрта // СА. 1979. № 3.

МАК. Вып. IV. М., 1894.

Малахов С.Н. Алано-византийские заметки (часть I) // Аланы: история и культура, 3. Владикавказ, 1995.

Малахов С.Н. Этимология топонима Сенты // Из истории народов Северного Кавказа. Вып. 6. Ставрополь, 2004.

Малахов С.Н. К вопросу о локализации епархиального центра в Алании в XII–XIV вв. // Аланы. Западная Европа и Византия / Отв. редактор В.Х. Тменов. Владикавказ, 1992.

Малахов С.Н. Малоизвестное свидетельство об аланах в Житии Феодора Эдесского // Аланы: Западная Европа и Византия / Отв. ред. В.Х. Тменов. Владикавказ, 1992.

Малахов С.Н. О датировке христианских памятников Нижнего Архыза // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения 1971–2006. М.; Ставрополь, 2008.

Малахов С.Н. Христианизация Алании в 912–925 гг. (по письмам Николая Мистика) // Мир православия, 3. Волгоград, 2000.

Малая архитектурная энциклопедия. СПб., 2010.

Марковин В.И. Заметки об ингушской архитектуре // КСИА. Археология и архитектура. Вып. 172. М., 1982.

Марковин В.И. Исследование Сентинского храма и некрополя у реки Теберды в Карачаево-Черкессии // Историко-археологический альманах. Т. 2. Армавир; М., 1996.

Марковин В.И. Каменная летопись страны вайнахов. М., 1994.

Марковин В.И. Некоторые особенности средневековой ингушской архитектуры // АН. Вып. 23. М., 1975.

Марковин В.И. Памятники зодчества горной Чечни (по материалам исследований 1957-1965 гг.) // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980.

Марковин В.И. Сентинский храм и его изучение // Вопросы средневековой археологии Северного Кавказа. Черкесск, 1988.

Марковин В.И. Сентинский храм X в. на реке Теберде // АН. Вып. 41. М., 1996.

Марковин В.И., Мунчаев Р.М. Северный Кавказ. Очерки древней и средневековой истории и культуры. М., 2003.

Матанцева Т.А. Византийские граффитти на колонне из Херсонеса // ВВ. Т. 52. М., 1991.

Материалы для истории просвещения в России / Сост. П. Кёппен. Т. V. СПб., 1825.

Меписашвили Р.С. Полупещерный памятник IX в. в сел. Биети // Ars Georgica. Т. 6. Тбилиси, 1963.

Меписашвили Р., Цинцадзе В. Архитектура нагорной части исторической провинции Грузии — Шида-Картли. Тбилиси, 1975.

Мизиев И.М. Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая (XIII–XVIII вв.). Нальчик, 1970.

Миллер В.Ф. Терская область. Археологические экскурсии // МАК. Вып. I. М., 1888.

Мовчан Г.Я. Древняя архитектура Аварии (Горный Дагестан). Диссертация на соискание ученой степени доктора архитектуры. Московский ордена Трудового красного знамени Архитектурный институт. Т. I. Ч. I. М., 1970.

Мужухоев М.Б. Изучение храма Алби-Ерды в горной Ингушетии // Новое в археологии и этнографии Ингушетии. Нальчик, 1998.

Мужухоев М.Б. Исследование средневековых памятников в Чечено-Ингушетии, Северной Осетии и Кабардино-Балкарии // АО. 1981 г. М., 1983.

Мужухоев М.Б. К вопросу об интерпретации некоторых культурных памятников Северной Осетии эпохи средневековья // Вопросы историко-культурных связей на Северном Кавказе. Орджоникидзе, 1985.

Мужухоев М.Б. Средневековые культовые памятники Центрального Кавказа. (К истории религиозных верований в X–XIX веках). Грозный, 1989.

Мужухоев М.Б. Таргимский храм // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980.

Мужухоев М.Б. Храм Алби-Ерды // СА. 1979. № 1.

Мцхета. Итоги археологических исследований. Т. VI. Тбилиси, 1982–1983 (на груз. языке).

Мшвениерадзе Д.М. Строительное искусство древней Грузии. Тбилиси, 1959.

Начальный этап археологического изучения Кабардино-Балкарии // Балкария. Страницы прошлого. Вып. III. Нальчик, 2006.

Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.

Овчинникова Б.Б. Лооский храм Большого Сочи // Диалог культур и народов средневековой Европы. СПб., 2010.

Ольховский В.С. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. М., 2005.

Орлова М.А. Наружные росписи средневековых храмов. М., 2002.

Отчет гг. Нарышкиных, совершивших путешествие на Кавказ (Сванетию) с археологической целью в 1867 г. // ИРАО. Т. VIII. СПб., 1877.

Оустерхаут Р. Византийские строители. Киев; М., 2005.

Павлов Д.М. Искусство и старина Карачая // СМОМПК. Вып. 45. Тифлис, 1926.

Памятники архитектуры в советской Армении / Сост. С. Мнацакян и Н. Степанян. *Л.*, 1971.

Перфильева Л.А. К вопросу о византийском влиянии на культовую архитектуру Северно-Западного Кавказа X-XI вв. // Аланы: Западная Европа и Византия / Отв. ред. В.Х. Тменов. Владикавказ, 1992.

Перфильева Л.А. Купольные храмы Западной Алании в контексте средневизантийской архитектурной традиции // Христианское зодчество. Новые материалы и исследования. М., 2004.

Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки народов России в древности и раннем Средневековье. М., 2004.

Пивоварова Н.В. Фрески Спаса на Нередице. Иконографическая программа росписи. СПб., 2002.

Пищулина В.В. Пространственная организация христианских храмов Нижнее-Архызского городища // Христианское зодчество. Новые материалы и исследования. М., 2004.

Пищулина В.В. Христианское храмовое зодчество Северного Кавказа периода средневековья. Ростов-на-Дону, 2006.

Плетнева С.А. Кочевники в Таматархе // РА. 2001. № 2.

Подъяпольский С.С., Бессонов Г.Б., Беляев Л.А., Коркин В.Д., Постникова Т.М., Табунщиков Ю.А. Реставрация памятников архитектуры. М., 2000.

Полевой Н.Я. О маршруте похода русских на Бердаа и русско-хазарских отношениях в 943 г. // ВВ. Т. 20. М., 1961.

Полосин В.В. Об арабском названии Кавказской Албании (Аррана) // Письмен-

ные памятники Востока / Историко-филологические исследования. Ежегодник. 1973. М., 1979.

Пономарев А.В. Антипасха // ПЭ. Т. 2.

Попова О.С., Сарабьянов В.Д. Живопись конца X — середины XI в. // История русского искусства. Т. 1. М., 2007.

Пряхин Д.В. Аналой // ПЭ. Т. 2.

Пфаф В. Путешествие по ущельям Северной Осетии // ССК. Т. I. Тифлис, 1871.

Равдоникас Т.Д. Очерки по истории одежды населения северо-западного Кавказа (V в. до н.э. — конец XVII в.). *Л.*, 1990.

Раев Б.А. Были ли аланы кочевниками? // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Владикавказ, 2008.

Рамишвили Р.М. Археологические памятники Иорского ущелья. Сиони. Тбилиси, 1970 (на груз. языке)

Раппопорт П.А. Русская архитектура X-XIII вв. // Свод археологических источников. Вып. EI-47. *Л.*, 1982.

Раппопорт П.А. Строительное производство Древней Руси X–XIII вв. СПб., 1994.

Робакидзе А И., Харадзе Р.Л. К вопросу о сванско-балкарских культурных взаимоотношениях // О происхождении балкарцев и карачаевцев. Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов (22-26 июня 1959 г.). Нальчик, 1960.

Росписи Атенского Сиона. Альбом / Текст Т. Вирсаладзе. Тбилиси, 1984.

Рчеулешвили Л. Купольная архитектура VIII–X веков в Абхазии. Тбилиси, 1988.

Рыбаков А.А. Вологодская икона. М., 1995.

Саканиа С.М. Хронологические параллели Лыхненского и Зеленчукского храмов // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Е.И. Крупнова. Тезисы докладов. М., 2004.

Сарабьянов В.Д., Смирнова Э.С. История древнерусской живописи. М., 2007.

Сборник греческих и латинских надписей Кавказа / Сост. И. Помяловский. СПб., 1881.

Священные достопримечательности по рр. Теберде, Кубани и Большого Зеленчука. Из дневника преосвященного Владимира, епископа Ставропольского и Екатеринодарского, виденного Его Преосвященством при обозрении епархии в 1886 году // Ставропольские епархиальные ведомости за 1887 год. Отдел неофициальный. Ставрополь, 1888.

Седов В.В. Килисе Джами: столичная архитектура Византии. М., 2008.

Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушии в 1925–27 гг. Владикавказ, 1928.

Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925–1932 годах. Грозный, 1963.

Семенов Л.П. К вопросу о культурных связях Грузии и народов Северного Кавказа // МИАСК. № 23. М.; *Л.*, 1951.

Силогава В. Древнейшее письменное сведение об Абхазском католикосе // Грузинское источниковедение. 2006. Т. 11. (на груз. яз.).

Синайский П. Зеленчукский монастырь и его древности // Ставропольские епархиальные ведомости за 1889 г. (XVII г. изд.). № 1. Ставрополь, 1889. Отдел неофициальный.

Скитский Б.В. Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 года // Изв. СОНИИ. Т. XI. Дзауджикау, 1947.

Скржинская Е.Ч. Греческая надпись из средневековой Алании // ВВ. Т. 21. М., 1962.

Смирнова Э.С. Новгородская икона «Богоматерь Знамение»: некоторые вопросы богородичной иконографии XII в. // ДРИ. Балканы. Русь. СПб., 1995.

Сысоев В.М. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении // СМОМПК. Вып. 43. Тифлис, 1913.

Сысоев В.М. Поездка на реки: Зеленчук, Кубань и Теберду летом 1895 года // МАК. Вып. VII. М., 1898.

Тепцов В. Я. По истокам Кубани и Терека //

СМОМПК. Вып. XIV. Тифлис, 1892.
Тихонов Н. А. Керамика Шоанинского поселения. Вопросы датировки // Проблемы хронологии и периодизации памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Магас, 2010.
Тменов В.Х. Средневековые историко-архитектурные памятники Северной Осетии. Орджоникидзе, 1984.
Тменов В.Х. Зодчество средневековой Осетии. Владикавказ, 1996.
Трапш М. М. Труды. Т. 4. Материалы по археологии средневековой Абхазии. Сухуми, 1975.
Уарзиатти В. С. Дзивгисы-дзуар // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1984.
Уварова П.С. Христианские памятники // МАК. Вып. IV. М. 1894.
Федоровский А. Археологические заметки о Кубанской области // Изв. ИАК. Вып. 47. СПб., 1913.
Фиркович А.С. Археологические разведки на Кавказе // ЗИАО. Т. IX. СПб, 1857. (переизд. в: Балкария. Страницы прошлого. Вып. III. Нальчик, 2006).
Хмельницкий С. Между Саманидами и монголами. Архитектура Средней Азии XI — начала XIII вв. Ч. II. Берлин; Рига, 1997.
Христианские древности за Кубанью // Журнал министерства внутренних дел. Ч. III. 1830. Кн. 4. СПб., 1830.
Хрушкова Л.Г. О начале христианского Херсонеса Таврического: крестовидная церковь на главном кладбище // Сугдейский сборник. Вып. 2. Киев-Судак, 2005.
Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья. М., 2002.
Хуцишвили Л., Калдани А. Христианский памятник в Ингушетии // Дзеглис мегобари. № 54. Тбилиси, 1980. (на груз. яз., русское резюме).
Цукерман К. Аланы и асы в раннем средневековье // КСИА. Вып. 218. М., 2005.
Цукерман К. Про дату навернення хозар до іудаїзму й хронологію князювання Олега та Игоря // Ruthenica, 2, 2003.
Чахкиев Д.Ю. О социальном и конфессиональном статусе владельцев вайнахских боевых башен с крестами-«голгофами» // Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период. Грозный, 1981.
Чеченов И.М. Древности Кабардино-Балкарии. (Материалы к археологической карте). Нальчик, 1969.
Чубинашвили Г.Н. Архитектура Кахетии. Тбилиси, 1959.
Чубинашвили Г.Н. Болнисский Сион // Известия института языка, истории и материальной культуры им. акад. Марра. Вып. IX. Тбилиси, 1940.
Чубинашвили Г.Н. Грузинское чеканное искусство с VIII по XVIII век. Тбилиси, 1957.
Чубинашвили Г.Н. Из истории средневекового искусства Грузии. М., 1990.
Чубинашвили Г.Н. Памятники типа Джвари. Тбилиси, 1948.
Чубинашвили Г.Н. Художественные ценности архитектурных композиций Кахетии // *Чубинашвили Г.Н.* Из истории средневекового искусства Грузии. М., 1990.
Чубинашвили Н.Г. Грузинская средневековая художественная резьба по дереву. Тбилиси, 1958.
Чубинашвили Н.Г. Зедазени, Киликисджвари, Гвиара // Ars Georgica. Т. 7. Тбилиси, 1971.
Чукова Т.А. Алтарь древнерусского храма конца X — первой трети XIII в. СПб., 2004.
Шаховской И.В. Воспоминание о Кавказе // ВС. 1876. № 10.
Шаховской И.В. Путешествие в Сванетию и Кабарду // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-западного Кавказа. Т. 1. Нальчик, 2001.
Шевякова Т.С. Монументальная живопись раннего средневековья Грузии. Тбилиси, 1983.
Шервашидзе Л.А. Неизвестный храм на горе Амбара Гудаутского района около сел.

Хуап // Научная сессия Абхазского института (итоги научно-исследовательских работ 1968 года). Тезисы докладов. Сухуми, 1969.
Шервашидзе Л.А. Резные камни церкви на холме Арасараху близ Цебельды // Известия абхазского института языка, литературы и истории. Т. IV. Тбилиси, 1975.
Шервашидзе Л.А. Средневековая монументальная живопись в Абхазии. Тбилиси, 1980.
Шервашидзе Л.А. Цкелкари (Ацкар) // Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси, 1967.
Шмерлинг Р. Малые формы в архитектуре средневековой Грузии. Тбилиси, 1962.
Шнирельман В. А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М., 2007.
Шортанов А.Т. Адыгская мифология. Нальчик, 1982.
Щедрина К.А. «Крест императора Константина Великого (к вопросу иконографии) // Ставрографический сборник. Кн. II. М., 2003.
Юргевич В. Эллинские надписи, найденные в Херсонисе // ЗООИД. Т. 11. Одесса, 1879.
Якобсон А.Л. Закономерности в развитии средневековой архитектуры IX–XV вв. *Л.*, 1987.
Якобсон А.Л. О дате Большого храма в Пицунде (Абхазия) // КСИА. Вып. 132. М., 1972.
Яхтанигов Х. Северокавказские тамги. Нальчик, 1993.

Список сокращений

LSJ — A greek-english lexicon / Comp. by H.G. Liddell and R. Scott. Oxford, 1996
ODB — Oxford dictionary of Byzantium / Ed. by A. Kazhdan. Oxford, 1991
PG — Patrologiae cursus completus, series graeca / Ed. J.-P. Migne
PLP — Prosopographishe Lexikon der Paläologenzeit. Wien, 1966–1996
RBK — Reallexikon zur byzantinischen Kunst. Stuttgart, 1966

АН — Архитектурное наследство
АН ГССР — Академия наук Грузинской Советской Социалистической республики
АО — Археологические открытия
БАН — Библиотека Российской Академии Наук, г. Санкт-Петербург
ВВ — Византийский временник
ВС — Военный сборник
ДРИ — Древнерусское искусство
ЗИАО — Записки Императорского Археологического общества
ЗООИД — Записки Императорского Одесского общества истории и древностей
Изв. ИАК — Известия Императорской Археологической комиссии
Изв. СОНИИ — Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института
ИРАО — Известия Императорского Русского Археологического общества
КСИА — Краткие сообщения института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии Наук СССР
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МИАСК — Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа
МИА СССР — Материалы и исследования по археологии СССР
ПЭ — Православная Энциклопедия
РА — Российская археология
РГНФ — Российский гуманитарный научный фонд
РГУ — Республиканское государственное учреждение
СА — Советская археология
СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.
ССК — Сборник сведений о Кавказе
СЭ — Советская этнография
ЧИИ ИСФ — Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, социологии и филологии

Сведения об авторах

Белецкий денис викторович

Родился 3 августа 1969 г. в Москве. В 1986–1992 г. обучался в Московском Архитектурном институте на кафедрах ЖОС и Реставрации и реконструкции. Научный сотрудник РГУ «Наследие Алании» (г. Владикавказ), участник Северокавказской археологической экспедиции ГИМ (с 1991 г., Дигорское ущелье, респ. Северная Осетия-Алания) и архитектурно-археологической экспедиции Археологического центра респ. Ингушетия в храме Тхаба-Ерды (с 2007 г., Ассинское ущелье, респ. Ингушетия), заслуженный деятель науки Республики Ингушетия.

Автор более 20 научных работ по средневековой архитектуре и искусству Северного Кавказа и Центральной России.

виноградов андрей юрьевич

Родился 21 февраля 1976 г. В 1998 г. закончил кафедру Древнего мира исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, а в 2001 г. стал кандидатом исторических наук. Доцент НИУ «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, преподает также в МГУ им. М.В. Ломоносова, РГГУ и Общецерковной магистратуре, аспирантуре и докторантуре им. святых Кирилла и Мефодия. Член Ассоциации по изучению христианской апокрифической литературы (AELAC). В 2005–2006 гг. — ведущий исторической передачи «Власть факта» на телеканале «Культура».

Автор 4 монографий и более 60 научных статей, а также более 70 статей в «Большой Российской энциклопедии» и «Православной энциклопедии».

Nizhniy Arkhyz and Senty: Earliest Churches of Russia. The Problems of Christian Art in Alania and Caucasus

The book is dedicated to the earliest churches that survived on the territory of Russia. Their construction was a result of the conversion of Alans – ancient people who had founded a powerful state at the Caucasus region and were the ancestors of modern Ossetians, the Karachays and Balkars.

Chapter I is focused on the history of Christianity in Alania. The Byzantine Empire – and Nicholas I Mysticus, the Patriarch of Constantinople, personally – were responsible for the conversions of Alans. In 914 Nicholas I ordained the first head of the Church of Alania – archbishop Peter who baptized the ruler of Alans with the assistance of George II, the King of Abkhazia. But in 932, after Alans had been defeated by Khazars, all priests were expelled from Alania. Alans returned to Christianity in 950 approximately; at this point the head of the local Church became a Metropolitan, and the ruler of the country acquired the unique title of an exusiocrator of Alania.

The construction of the existing churches in Western Alania (now – Karachay-Cherkessia) was linked to these events. Some churches had been built there already in the early 10th c., but large-scale construction began after 950. At that time the cathedral of the new diocese of Alania was completed according to a new plan – the Middle church of the archeological site Nizhniy Arkhyz in the valley of the Bolshoy Zelenchuk river. Its plan (croix semi-libre) is unique; the church was built by an architect from Abkhazia and followed the Byzantine churches of Asia Minor. Its architecture and frescoes are discussed in chapter II. About half a century later the cathedral was adorned with wall paintings of the saints. Some of the saints' figures survived, for example, those of St Constantine and St Helen carrying a four-meter cross. A number of other wall paintings, now lost, are only known through the poor quality copies of the late 19th c. painter D. Stroukov. The authors of the book used archival documents (by A. Firkovich, D. Stroukov, I. Vladimirov et al.) extensively in order to reconstruct the original look of the Alanian churches as well as the stages of their re-building.

The next chapter (III) is focused on the Senty church, situated in the valley of the Teberda river, close to the famous Dombay resort. Few years ago the authors of the book examined the walls of the church carefully and managed to find a unique inscription made by the builders. It says that the church dedicated to the Mother of God was consecrated on 1 April 965 by Metropolitan Theodore I, during the reign of the Byzantine emperor Nicephorus II Phokas and the exusiocrators David and Maria. Thus this church is the earliest building in Russia with the known date of construction; it is a century older than the next one – the Church of St Sophia in Novgorod. The Senty church had been painted several times: at first simple crosses had been painted between the windows of the apse, then – complex decorated crosses appeared in the apse, later – the images of the Our Lady Blachernitissa (the earliest known on frescoes) and

of St Nicholas, and finally, the full programme of frescoes – with apostles and holy hierarchs in the apse, martyrs, venerable monks and donators in the lower register of the naos, and with the scenes of the life of Christ in its upper register. The Senty church contains the earliest frescoes and the biggest number of Greek insciprtions known within the territory of Russia. In the final chapter (IV) the authors present a review of all known examples of Alanian churches; they are divided according to the type of building, and parallels from other Christian countries are pointed out. They are followed by a review of Alanian religious painting. The book is a first complete and interdisciplinar study of Alanian religious art to appear after a long period of neglect. It is based on the careful analysis of the churches, archival documents and the materials of restoration as well as on their comparison with the examples of art and architecture from all parts of Christian oikumena. The authors emphasize the uniqueness of Alanian art, and its international character, its links with Abkhazia, Byzantium, Southern Caucasus. The authors attempt to trace the lines of complex political and cultural interactions of the peoples of the Caucasus region during five centuries. The book is also an appeal to save the cultural heritage of Christian Alania: the unique frescoes of the Senty church are falling apart, and the church itself lacks doors and windows; the priceless frescoes of the Shoana church could also disappear.

Таблицы

1. Средний Зеленчукский храм. Вид с северо-востока.

2. Средний Зеленчукский храм. Акварель Д.М. Струкова. 1889 г. ИИМК РАН. РА. Р. I. Д. 339. Л. 7. (№ 8).

3. Средний Зеленчукский храм. Акварель Д.М. Струкова. 1889 г.
ИИМК РАН. РА. Р. I. Д. 339. Л. 20. (№ 18)

а)

б)

4. Средний Зеленчукский храм. а) Фрагмент фрески на южной стене южного рукава; б) Фрагмент одежды правой фигуры на фреске северной стены северного рукава

5. Роспись Среднего Зеленчукского храма. Акварель Д.М. Струкова. 1889 г. ИИМК РАН. РА. Р. I. Д. 339. Л. 22. (№ 20)

6. Роспись Среднего Зеленчукского храма. Акварель Д.М. Струкова. 1889 г. ИИМК РАН. РА. Р. I. Д. 339. Л. 23. (№ 21)

7. Роспись Среднего Зеленчукского храма. Акварель Д.М. Струкова. 1889 г. ИИМК РАН. РА. Р. I. Д. 339. Л. 24. (№ 22)

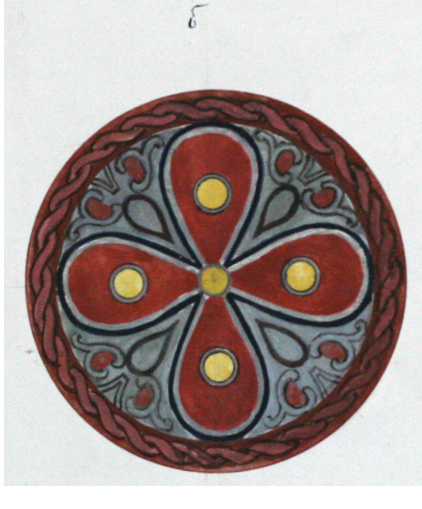
8. Роспись Среднего Зеленчукского храма. Акварель Д.М. Струкова. 1889 г. ИИМК РАН. РА. Р. I. Д. 339. Л. 25. (№ 23)

9. Роспись Среднего Зеленчукского храма. Акварель Д.М. Струкова. 1889 г. ИИМК РАН. РА. Р. I. Д. 339. Л. 26. (№ 24)

10. Роспись Среднего Зеленчукского храма. Акварель Д.М. Струкова. 1889 г. ИИМК РАН. РА. Р. I. Д. 339. Л. 27. (№ 25)

11. Роспись Среднего Зеленчукского храма. Акварель Д.М. Струкова. 1889 г. ИИМК РАН. РА. Р. I. Д. 339. Л. 28. (№ 26)

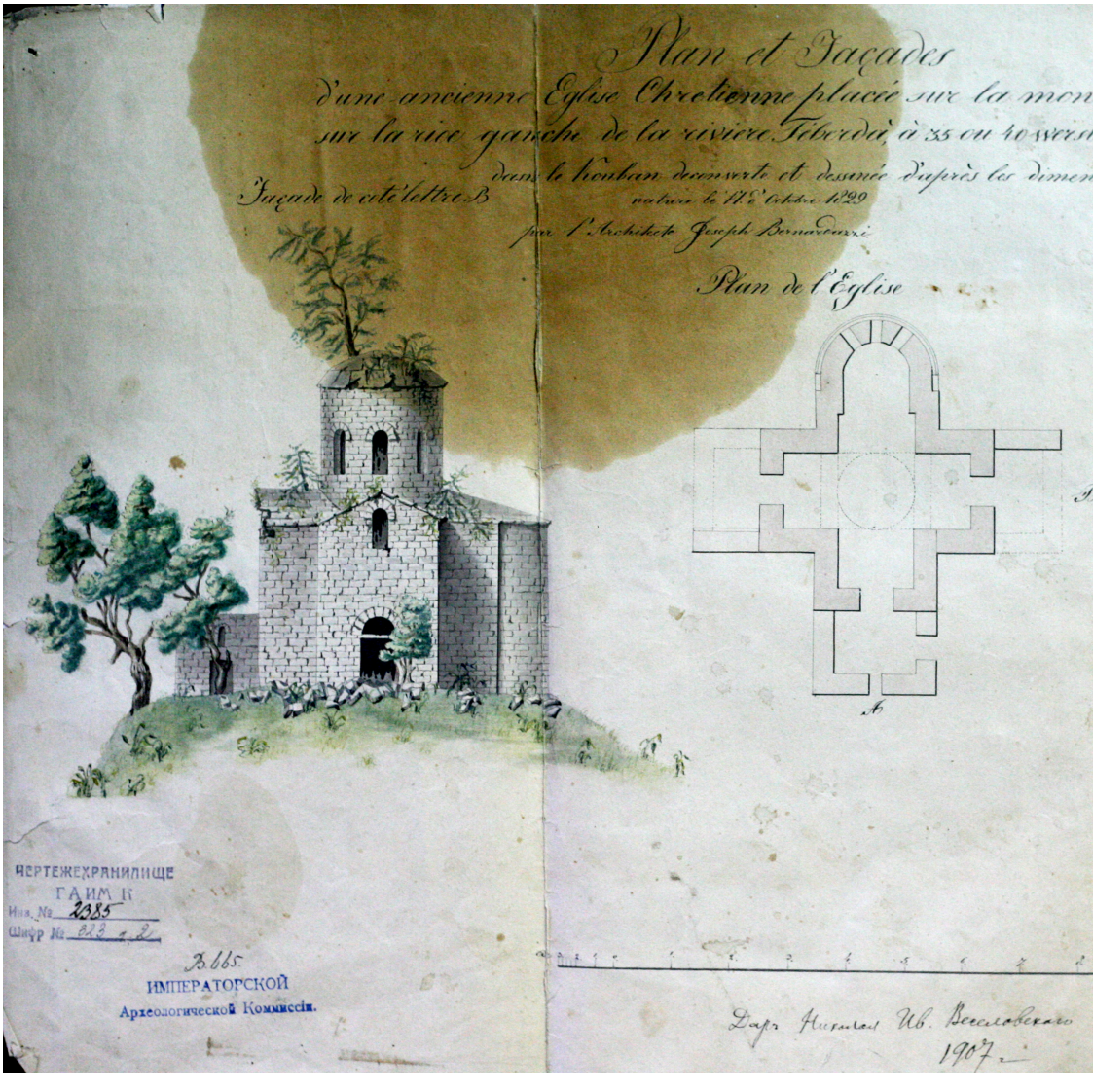
12. Роспись Среднего Зеленчукского храма.
Акварель Д.М. Струкова. 1889 г.
ИИМК РАН. РА. Р. I. Д. 339. Л. 29. (№ 27)



13. Роспись Среднего Зеленчукского храма. Акварель Д.М. Струкова. 1889 г. ИИМК РАН. РА. Р. I. Д. 339. Л. 30. (№ 28)

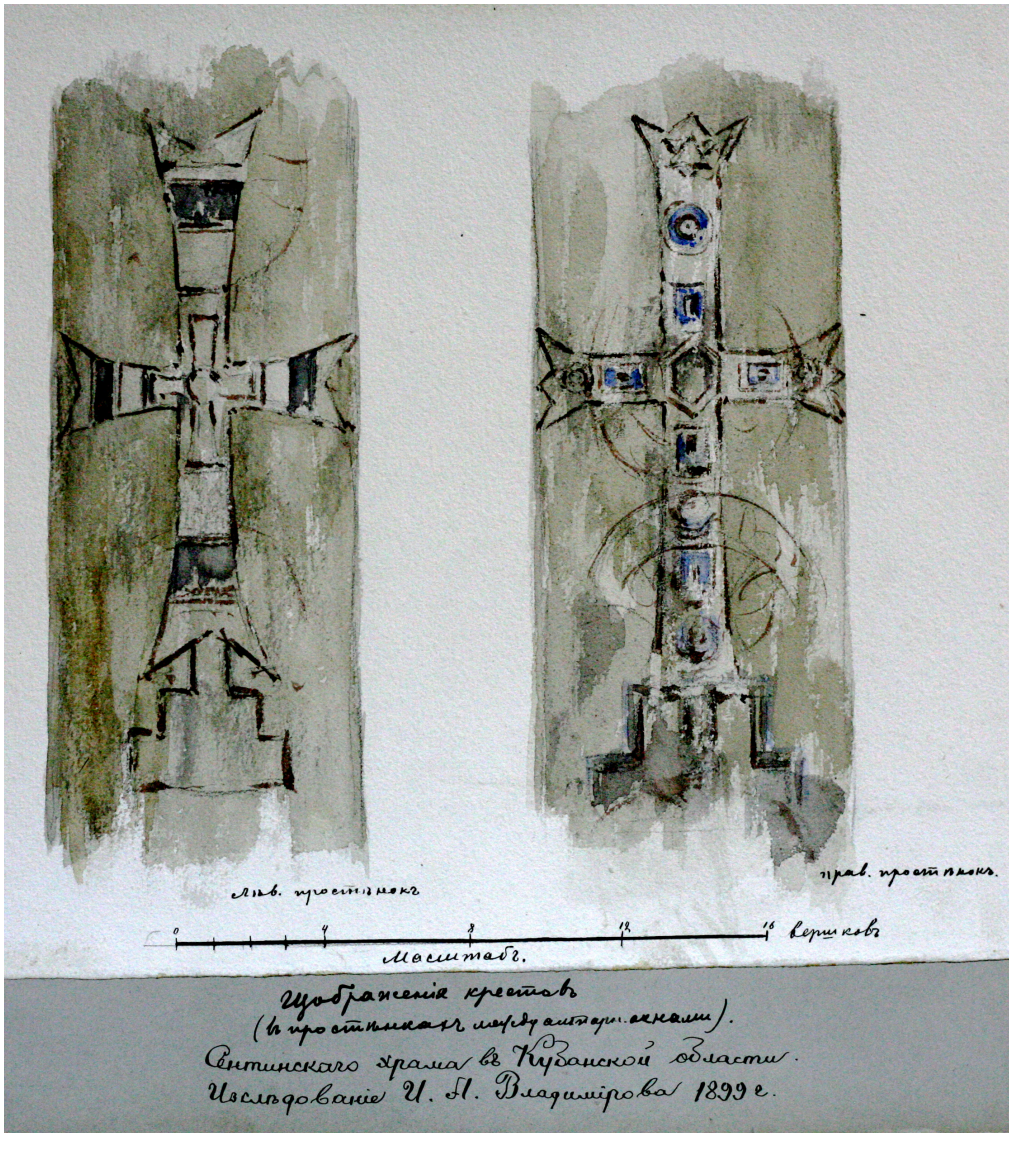
14. Сентинский храм.
Вид с юго-востока от реки Теберда

15. Сентинский храм.
Вид с северо-запада. Фото Д. В. Белецкого, А. Ю. Виноградова. 2007 г.



16. Сентинский храм. План; южный и западный фасады.
Чертеж архитектора Бернадацци. Копия Алексеева. 1829 г. ИИМК РАН. Р. I. Д. 323. Л. 2.

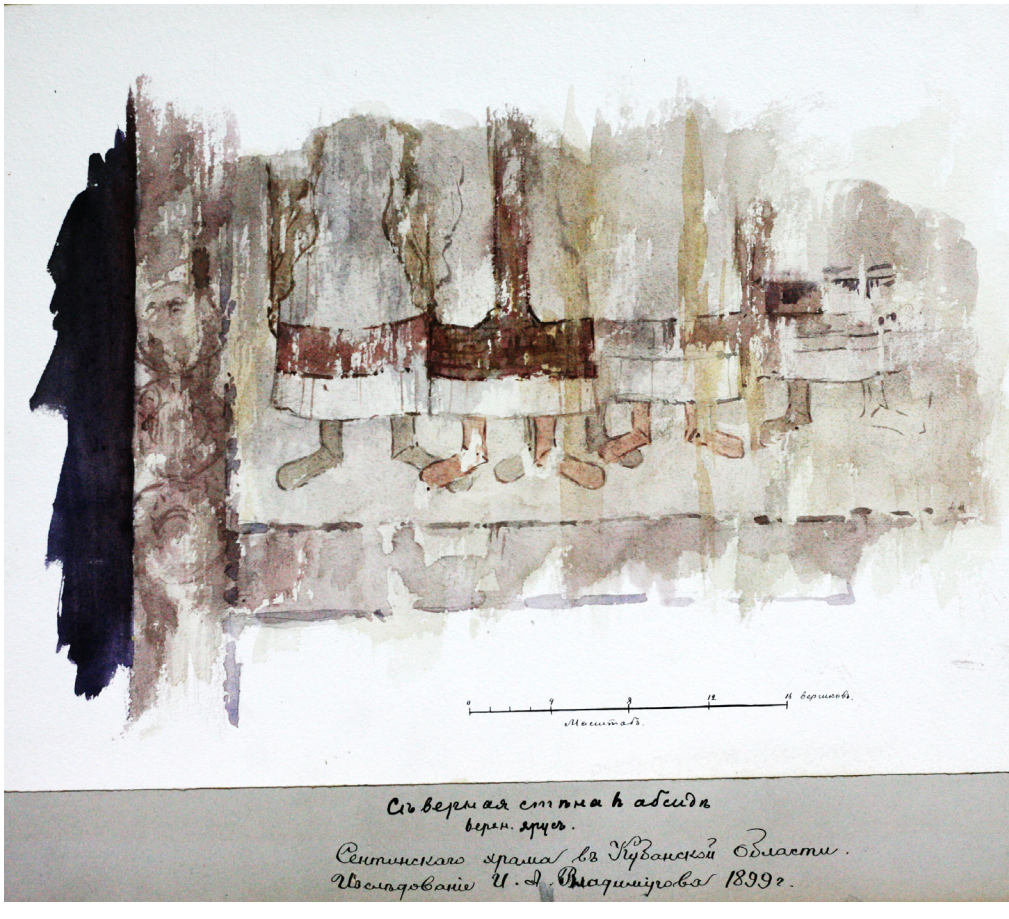
tagne Sainte
tes de son embouchure
sions prises de
Façade de devant lettre A



17. Сентинский храм. Копия фрески в простенке между окнами апсиды. Акварель И.А. Владимирова. 1899 г. ИИМК РАН. Р. I. Д. 201. Л. 10.

18. Сентинский храм. Изображение Богородицы над окнами апсиды. Акварель И.А. Владимирова. 1899 г. ИИМК РАН. Р. I. Д. 201. Л. 7.

19. Сентинский храм. Копия фрески в барабане. Акварель И.А. Владимирова. 1899 г. ИИМК РАН. Р. I. Д. 201. Л. 11.

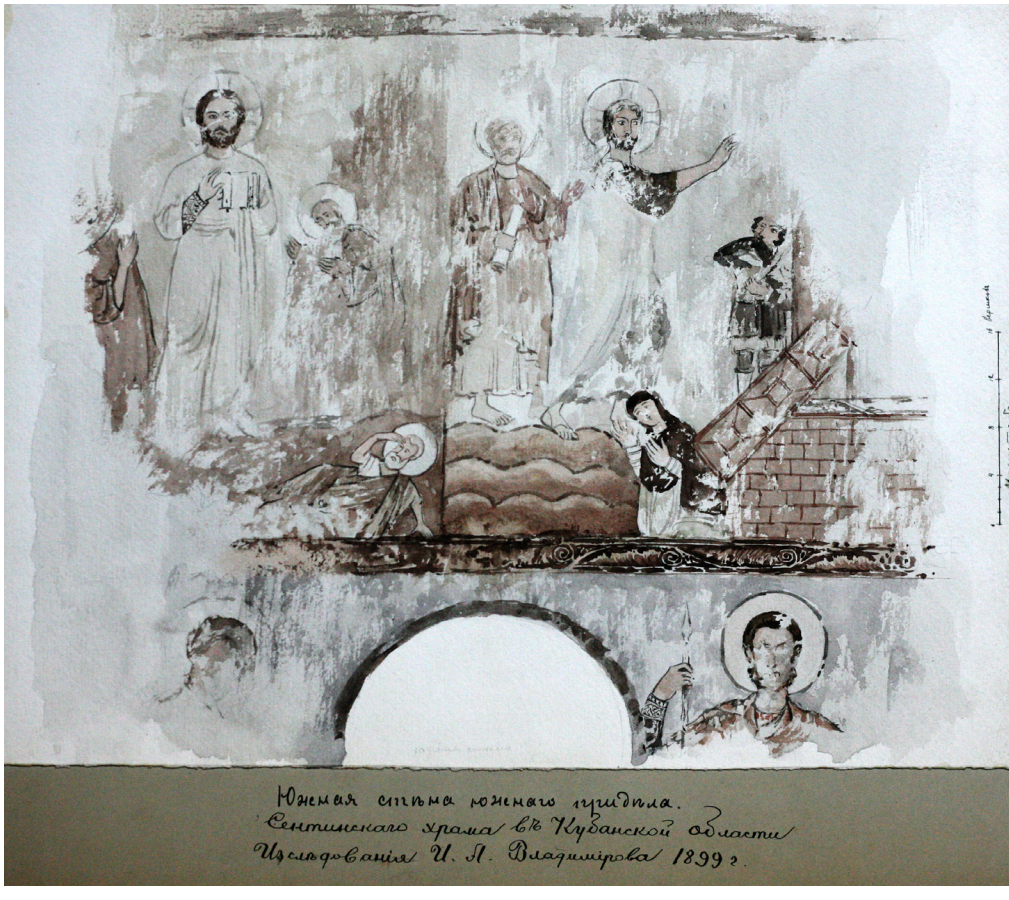


20. Сентинский храм. Копия фрески второго регистра северной стены апсиды. Акварель И.А. Владимирова. 1899 г. ИИМК РАН. Р. I. Д. 201. Л. 9

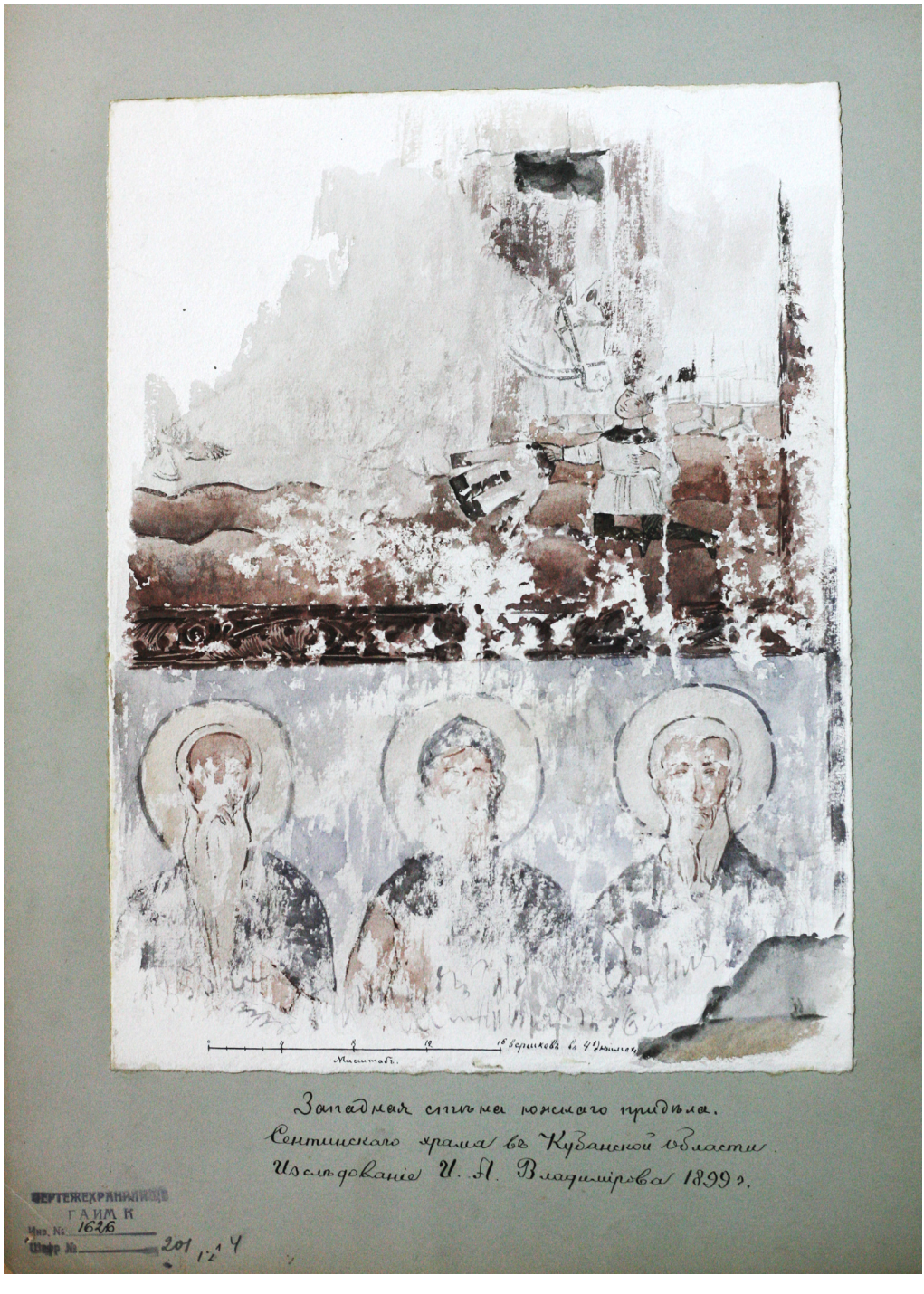
21. Сентинский храм. Копия фрески на южной стороне апсиды. Акварель И.А. Владимирова. 1899 г. ИИМК РАН. Р. I. Д. 201. Л. 6

22. Сентинский храм. Детали фресок южной стороны апсиды. Калька масляной краской И.А. Владимирова. 1899 г. ИИМК РАН. Р. I. Д. 201. Л. 14

23. Сентинский храм. Копия фрески на северной стороне апсиды. Акварель И.А. Владимирова. 1899 г. ИИМК РАН. Р. I. Д. 201. Л. 8



24. Сентинский храм. Копия фрески на южной стене южного рукава. Акварель И.А. Владимирова. 1899 г. ИИМК РАН. Р. I. Д. 201. Л. 5



25. Сентинский храм. Копия фрески на западной стене южного рукава. Акварель И.А. Владимирова. 1899 г. ИИМК РАН. Р. I. Д. 201. Л. 4

26. Сентинский храм. Копия фрески на южной стене западного рукава. Акварель И.А. Владимирова. 1899 г. ИИМК РАН. Р. I. Д. 201. Л. 3

27. Сентинский храм. Копия фрески на западной стене западного рукава. Акварель И.А. Владимирова. 1899 г. ИИМК РАН. Р. I. Д. 201. Л. 13

28. Сентинский храм. Копия фресок на северной стене западного рукава и южной стене восточного рукава. Акварель И.А. Владимирова. 1899 г. ИИМК РАН. Р. I. Д. 201. Л. 12

29. Сентинский храм. Св. Николай. Северная стена апсиды.
Деталь росписи III этапа

30. Сентинский храм. Южная стена апсиды

31. Сентинский храм. Св. Василий Великий. Южная стена апсиды. Деталь росписи IV этапа

32. Сентинский храм. Спаситель. Деталь композиции «Преображение». Южная стена южного рукава. IV этап

33. Сентинский храм. Спаситель. Деталь композиции «Воскрешение Лазаря». Южная стена южного рукава. IV этап

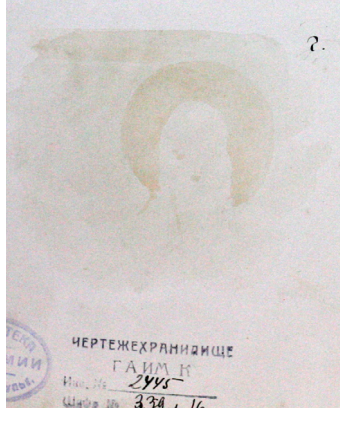
34. Сентинский храм. Фигура воина. Деталь композиции второго регистра. Южная стена западного рукава. IV этап

35. Сентинский храм. Фрагмент орнаментированной разгранки между регистрами росписи. Южная стена западного рукава. IV этап

36. Роспись Северного Зеленчукского храма. Акварель Д.М. Струкова. 1889 г. ИИМК РАН. РА. Р. I. Д. 339. Л. 13. (№ 11)

37. Роспись Северного Зеленчукского храма. Акварель Д.М. Струкова. 1889 г. ИИМК РАН. РА. Р. I. Д. 339. Л. 14. (№ 12)

38. Роспись Северного Зеленчукского храма. Акварель Д.М. Струкова. 1889 г. ИИМК РАН. РА. Р. I. Д. 339. Л. 15. (№ 13)



39. Роспись Северного Зеленчукского храма. Акварель Д.М. Струкова. 1889 г. ИИМК РАН. РА. Р. I. Д. 339. Л. 16. (№ 14)

Научное издание

Денис Викторович Белецкий,
Андрей Юрьевич Виноградов

Нижний Архыз и Сенты: древнейшие храмы России.
Проблемы христианского искусства Алании и Северо-западного Кавказа

Редактор *О.В. Белова*
Оформление *С. Г. Григоренко*

Издательство «Индрик»

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia
and CIS countries. This book as well as other INDRIK publications may be ordered by
e-mail: nina_dom@mtu-net.ru
or by tel./fax: +7 495 959-21-03

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5

ЛР № 070644, выдан 19 декабря 1997 г.
Формат 70×1001/16. Печать офсетная.
00,0 п. л. Тираж 800 экз. Заказ №